ТОЛКОВАНІЕ

ВТОРАГО

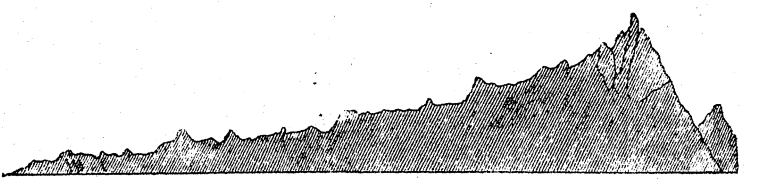
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

(Аѳонскаго Русскаго Пантелеймонова монастыря.)



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.
1894.

КАТАЛОГЪ КНИГЪ,

изданныхъ Аѳонскимъ Русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ.

Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ,—воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдовательномъ порядкѣ изложенная словами св. Евангелистовъ. Еп. Ѳеофана. Москва. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы, съ изложеніемъ ученія Церкви, прообразованій и пророчествъ, относящихся къ Ней, и чудесъ Ея, на основаніи Священнаго Писанія, свидѣтельствъ св. отцевъ и церковныхъ преданій. Съ 46 рисунками, представляющими святыя мѣста, событія изъ жизни Божіей Матери и прообразованія о Ней. Въ книгѣ этой изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ собрано многое, касающееся земной жизни Пресвятой Богородицы, въ такой полнотѣ, въ которой доселѣ не было подобнаго сочиненія. Въ ней, между прочимъ, въ первый разъ появляется *„Церковно-славянская и русская литература о Божіей Матери.“ Изданіе шестое, исправленное и дополненное.* Въ книгѣ болѣе 350 страницъ, большаго формата. Москва. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 рубля.

Избранныя слова св. отцевъ въ честь и славу Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ подобія чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Одигитріи (Путеводительницы). Изд. 3-е. Москва. 1885 г.; цѣна 50 к., съ пересылкой 70 к.

Бесѣды и нравоученія во славу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы. Заимствованы изъ книги „Руно орошенное,“ составленной св. Димитріемъ Ростовскимъ. Съ литограф. изображеніемъ сего святителя. Изд. 2-е. Москва. 1884 г.; цѣна 50 к., съ пересылкой 70 коп.

Слава Богоматери. I. Ученіе о благодатномъ совершенствѣ и добродѣтеляхъ Богоматери. II. О подражаніи добродѣтелямъ Богоматери, о благоговѣйномъ почитаніи и прославленіи Ея. По изъясненію Филарета митрополита Московскаго, въ проповѣдяхъ его. Собралъ Порфирій Кременецкій. Москва. 1888 г. Цѣна 40 коп., съ пересылкой 50 к. (Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ допущено къ употребленію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. См. Церковный Вѣстникъ 1886 г. № 8-й).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ первый* (667 стран.). Изданіе 2-е. Москва. 1883 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Антонія Великаго, Макарія Великаго, аввы Исаіи отшельника, Марка подвижника и аввы Евагрія).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ второй* (810 стран.). Изданіе 1-е. Москва. 1884 г. Цѣна 4 р., съ пересылкой 4 р. 60 к. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Іоанна Кассіана Римлянина, Исихія пресвитера Іерусалимскаго, Нила Синайскаго, Ефрема Сиріанина, Іоанна Лѣствичника, Варсануфія и Іоанна, аввы Дороѳея и Исаака Сиріанина).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ третій* (488 стр.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Діодоха, Іоанна Карпаѳскаго, аввы Зосимы, Максима исповѣдника, Ѳалассія, Ѳеодора, Ѳеогноста, Филоѳея Синайскаго, Иліи пресвитера, сказаніе объ аввѣ Филимонѣ).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ четвертый* (около 690 стран.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р. (Томъ сей составляетъ извлеченія изъ всѣхъ извѣстныхъ теперь, и въ печати и въ рукописяхъ, поученій Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Ѳеодора Студита. Книга эта, по словамъ преосвященнаго переводчика, для монастырскихъ братій неоцѣненная, но и для мірянъ найдется въ ней не мало полезнаго. См. предисловіе къ сему тому).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Переводъ епископа Ѳеофана. *Томъ пятый* (528 стр.). Изданіе 1-е. Москва. 1889 г. Цѣна 2 р. 75 к., съ пересылкой 3 р. 25 к. (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: св. Симеона новаго Богослова, старца Симеона благоговѣйнаго, Никиты Стиѳата, Ѳеолипта Митрополита Филадельфійскаго, Григорія Синаита, Никифора уединенника, Григорія Паламы, Каллиста Патріарха и сподвижника его Игнатія Ксанѳопуловъ, Каллиста Тиликуды, Симеона Архіеп. Солунскаго и друг.).

Каллистъ патріархъ и сподвижникъ его Игнатій, Ксанѳопулы. Наставленіе для безмолвствующихъ. Переводъ Еп. Ѳеофана. Москва. 1890 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 90 к.

Псалтирь, или Богомысленныя размышленія св. Ефрема Сиріанина. Съ изображеніемъ его. Изданіе 6-е. М. 1894 г.; ц. 50 к., съ пересылкой 70 к.

Писанія св. Антонія Великаго. Москва. 1883 г.; цѣна 60 к., съ перес. 80 к.

Писанія преподобнаго аввы Исаіи отшельника. Переводъ съ греческаго. Москва. 1883 г.; цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

Писанія преподобнаго отца Іоанна Кассіана Римлянина. Переводъ съ латин-

ТОЛКОВАНІЕ

ВТОРАГО

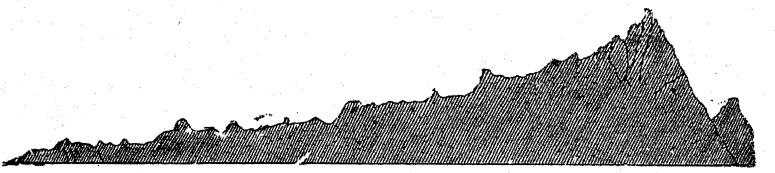
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1894.

Отъ Московскаго Духовно - Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. 12 апрѣля 1893 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

766
37

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Поводъ къ написанію.

Припомнимъ, что св. Павелъ, получивъ вѣсть отъ домашнихъ Хлоиныхъ о нѣкоторыхъ нестроеніяхъ въ церкви Коринѳской, послалъ туда св. Тимоѳея, чтобъ удостовѣриться, въ чемъ дѣло, и отчасти исправить, что можно. Но вслѣдъ за отбытіемъ изъ Ефеса св. Тимоѳея, туда прибыли послы отъ Коринѳской церкви съ посланіемъ отъ Коринѳянъ. На это посланіе и по поводу всего, что дѣлалось въ Коринѳѣ, св. Павелъ писалъ первое свое посланіе, препроводивъ его съ тѣми же послами къ Коринѳской церкви. Въ немъ писалъ онъ, между прочимъ, что послалъ къ нимъ Тимоѳея, наказывая, чтобы приняли и упокоили его, обѣщаясь и самъ быть у нихъ, какъ скоро устроитъ все въ Ефесѣ, гдѣ намѣревался пробыть до Пятидесятницы.

Такимъ образомъ изъ перваго посланія видимъ, что главное посредствующее лицо между Коринѳянами и св. Павломъ, отъ лица св. Павла, былъ св. Тимоѳей. Изъ втораго же посланія видимъ, что таковымъ лицемъ является уже св. Титъ. Его съ безпокойствомъ ждетъ изъ Коринѳа св. Павелъ въ Троадѣ, его прибытіемъ обрадованъ въ Македоніи, за хорошій пріемъ его благодаритъ Коринѳянъ и съ нимъ посылаетъ второе по-

сланіе; святый же Тимоѳей стоитъ вмѣстѣ съ св. Павломъ въ надписаніи посланія, какъ соучастникъ въ немъ, въ самомъ же посланіи о немъ уже не поминается. Что за перемѣна?!

Во введеніи къ первому посланію уже высказано предположеніе въ объясненіе этого. Повторимъ его. Дѣла св. Апостола въ Ефесѣ пошли не такъ, какъ онъ предполагалъ. Возмущеніе противъ него Димитрія сребрековача заставило его удалиться изъ Ефеса гораздо раньше, нежели какъ онъ писалъ въ Коринѳъ; а это измѣняло всѣ его планы. Св. Тимоѳей не могъ достигнуть Коринѳа раньше самого Павла; милостыня не могла быть собрана, какъ онъ желалъ; неожиданное появленіе въ Коринѳѣ его самого могло неблагопріятно подѣйствовать на многодогадливую ученость Коринѳянъ; къ тому же и явиться туда, не зная какъ принято первое посланіе, было бы не сообразно съ правиломъ осмотрительности св. Павла. По всѣмъ этимъ причинамъ св. Павелъ, оставляя Ефесъ, отправилъ въ Коринѳъ св. Тита съ извѣстіемъ о перемѣнѣ своего плана и о прибытіи своемъ къ нимъ гораздо прежде, чѣмъ думалъ, поручивъ ему между тѣмъ заняться устройствомъ собранія милостыни и особенно поподробнѣе вникнуть, какъ принято и какое дѣйствіе произвело первое посланіе. Послѣднее, можно сказать, было главнымъ пунктомъ, который былъ прикрываемъ распоряженіями по милостынесобиранію. Собравъ вѣрныя свѣдѣнія о слѣдствіяхъ перваго посланія, св. Титъ долженъ былъ поспѣшить на встрѣчу св. Павлу, который предполагалъ дожидать его въ Троадѣ.

Распорядившись такъ, св. Павелъ направилъ путь свой къ Троадѣ. Троада моремъ почти столько же отстоитъ отъ Ефеса, сколько и Коринѳъ. Но если св. Павелъ положилъ посѣтить нѣкоторыя на пути церкви,

то, прибывъ въ Троаду, онъ со всею вѣроятностію могъ надѣяться, если не найти св. Тита уже тамъ, то скоро дождаться его. Всячески у него было въ мысляхъ заняться въ Троадѣ благовѣстіемъ (2 Кор. 2, 12). Къ этому по прибытіи туда онъ и приступилъ; и дверь къ тому отверзлась ему о Господѣ; но какъ Тита все не было, то отъ сильнаго безпокойства, онъ не могъ продолжать дѣла благовѣстія; почему, простившись съ тамошними, поспѣшилъ къ Македонію, вѣроятно въ Филиппы (—2, 13). Здѣсь св. Павелъ или нашелъ уже, или скоро дождался Тита съ утѣшительными вѣстями изъ Коринѳа; почему, сказавъ о своемъ переходѣ въ Македонію, взываетъ: *Богу благодареніе, всегда побѣдители насъ творящему* (—2, 14)! Въ Македоніи св. Павелъ догналъ и св. Тимоѳея, который или по дѣламъ, или по болѣзни, или еще почему-либо замедлилъ тамъ, если нужны и на этотъ предметъ предположенія. Вотъ почему во второмъ посланіи о св. Титѣ только говорится какъ о дѣйствующемъ лицѣ со стороны св. Павла, а св. Тимоѳей стоитъ только въ надписаніи.

Второе посланіе къ Коринѳянамъ пишется вслѣдъ за прибытіемъ Тита, какъ это само собою видно изъ того, что пишетъ св. Павелъ въ семъ посланіи о пріемѣ, сдѣланномъ ему въ Коринѳѣ (7, 11—16); слѣдовательно пишется на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя принесъ св. Титъ, и сообразно съ ними. Отсюда содержаніе посланія даетъ возможность сдѣлать наведеніе о томъ, что принесъ св. Титъ изъ Коринѳа; а это наведеніе, если его предначертать, дастъ возможность и яснѣе представить содержаніе посланія, и понять, почему оно таково, а не инаково. Такъ и дѣлаютъ толковники; такъ надо сдѣлать и намъ.

Что же принесъ св. Титъ?—Онъ принесъ удостовѣреніе, что посланіе такое же оказало дѣйствіе на Ко-

ринѳское общество, какое оказываетъ сильный вѣтръ на собравшіяся гдѣ-либо дурныя испаренія. Общество встрепенулось и сильною возревновало ревностію тотчасъ же исправить всѣ указанныя неисправности (—7, 11), и полную изъявило готовность сдѣлать все возможное по собранію милостыни. Хотя въ посланіи поминается объ исправленіи только одного дѣла, именно объ отлученіи кровосмѣсника (—2, 5—8), и только стороною намекается объ отверженіи всего языческаго (—6, 14—17); но нѣтъ сомнѣнія, что у нихъ положено было исправить все по указанію св. Павла съ совершенною точностію. Въ этомъ должно удостовѣрять то самое, что св. Павелъ не поминаетъ болѣе ни о чемъ, считая то излишнимъ уже и докучливымъ. Получивъ такое извѣстіе, св. Павелъ былъ крайне утѣшенъ и обрадованъ (—7, 6. 7).

Но было св. Титомъ принесено нѣчто и такое, что хотя не тревожило успокоеннаго на счетъ всего тѣла церкви Коринѳской духа Апостольскаго, тѣмъ не менѣе однакожъ требовало его вниманія и попеченія. Тѣло церкви во всемъ представило себя чистымъ (—7, 11) и полнымъ истиннаго христіанскаго духа; но по окраинамъ его ходили нѣкоторыя рѣчи о лицѣ св. Павла и о дѣлахъ его не совсѣмъ хорошія; были, какъ кажется, и такія лица, которыя не совсѣмъ охотно и скоро отставали отъ неодобрительныхъ привычныхъ дѣлъ (—12, 20. 21). — Послѣднее—дѣло немощи; а у первыхъ видится враждебное расположеніе къ св. Павлу. Эти осуждали, напримѣръ, въ св. Павлѣ то, что онъ сначала хотѣлъ прямо къ нимъ прибыть, отъ нихъ пройти къ Македонянамъ, а отъ этихъ обратно къ нимъ, чтобъ отъ нихъ отправиться въ Іудею (— 1, 16), а потомъ перемѣнилъ планъ и идетъ къ нимъ уже чрезъ Македонію. Это, говорили, дѣлаетъ онъ *легкотою* или

совѣщаетъ нѣчто *по плоти* (— 1, 17). Когда св. Павелъ давалъ такое обѣщаніе — ни изъ Дѣяній, ни изъ перваго посланія не видно. Вѣроятно онъ объ этомъ передавалъ имъ прежде перваго посланія и прежде вѣстей отъ домашнихъ Хлоиныхъ съ кѣмъ нибудь изъ вѣрныхъ лицъ. Полученныя послѣ того свѣдѣнія о состояніи Коринѳской церкви заставили его перемѣнить это намѣреніе. Но тѣ, не зная этого, осуждали его и даже готовы были навесть нѣкую тѣнь нетвердости и на самую проповѣдь Евангельскую, и на домостроительство спасенія въ Господѣ (—1, 17—22). Но этимъ однимъ злыя рѣчи не ограничивались. Говорили еще: какой онъ строгій въ посланіи-то?! А когда здѣсь былъ, какъ себя держалъ смиренно и тихо? И это не все; слышалось также: да настоящій ли онъ Апостолъ-то? — Такія и подобныя имъ рѣчи ходили въ обществѣ христіанскомъ. Нѣтъ нужды доискиваться, отъ кого онѣ исходили, отъ вѣрующихъ ли заблуждавшихся, или отъ невѣровъ зложелательныхъ св. Павлу. Довольно знать, что онѣ слышимы были среди христіанъ, чтобы видѣть въ томъ побужденіе св. Павлу не оставить ихъ безъ вниманія и поспѣшить къ вѣрующимъ съ поясненіями дѣла, могшими предотвратить ихъ отъ заблужденія на счетъ его.

Тѣ и другія вѣсти побудили св. Павла писать новое посланіе къ Коринѳянамъ. Надлежало удостовѣрить ихъ, прежде своего туда прибытія, что онъ совершенно успокоился на ихъ счетъ и помирился съ ними духомъ, ради той ревности объ исправленіи всего, какую они показали вслѣдствіе его посланія. Надлежало дать вѣрнымъ достаточныя объясненія, при помощи которыхъ они сами могли бы отражать пущенныя въ среду ихъ пустыя рѣчи о св. Павлѣ; ибо если оставить ихъ такъ, онѣ могли набить въ умы христіанъ опасныя для дѣла

Евангелія предубѣжденія относительно его лица и образа дѣйствованія. Надлежало также побудить къ исправленію тѣхъ, которые медлили еще исправленіемъ, чтобы, пришедши къ нимъ, не имѣть нужды дѣйствовать по всей строгости Апостольской власти, какъ самъ говоритъ: *да не пришедъ безщадно сотворю по власти, юже Господь далъ ми есть* (—13, 10). И о милостынѣ тоже надлежало сказать слово-другое, чтобъ обставить сіе святое дѣло святыми побужденіями и дѣлами, указать предѣлы должнаго и доброхотнаго, а отчасти поддержать и возревнованіе о ней: *да не како*, говоритъ, *аще пріидутъ со мною Македоняне... постыдимся мы въ части сей* (—9, 4).

2.

Содержаніе посланія.

Все это и составляетъ содержаніе посланія. Есть въ немъ еще одинъ предметъ, будто не зависящій ни отъ какихъ обстоятельствъ, именно: рѣчь о высокомъ достоинствѣ христіанскаго откровенія при внѣшней непоказности проповѣдниковъ его и о томъ, какъ оно самымъ дѣломъ совершается и доходитъ до слуха желающихъ внимать ему. Къ обозрѣнію этого св. Павелъ восторгся извѣстіемъ о побѣдоносномъ дѣйствіи письменнаго слова его къ Коринѳянамъ. Ибо говоритъ объ этомъ вслѣдъ затѣмъ, какъ, выслушавъ св. Тита, воззвалъ: *благодареніе Богу всегда побѣдители насъ творящему, и воню разума Его являющу нами во всякомъ мѣстѣ* (—2, 14).

Эти предметы св. Павелъ излагаетъ въ посланіи въ такомъ порядкѣ. *Въ срединѣ* идетъ рѣчь о милостынѣ и занимаетъ двѣ главы — 8-ю и 9-ю. *Въ концѣ* помѣщено строгое слово въ развѣяніе злыхъ о св. Павлѣ

рѣчей и въ побужденіе неисправившихся еще исправиться. Говорили о немъ, что онъ на письмѣ строгъ, а когда самъ бываетъ, то тихъ и кротокъ; а другіе къ этому прибавляли: да настоящій ли онъ еще Апостолъ-то?—Можетъ быть такія рѣчи и были причиною, что у нѣкоторыхъ разслаблялась нравственная энергія, и они лѣниво исправлялись. Почему Апостолъ, имѣя въ виду особенно отрезвить послѣднихъ, пишетъ, что онъ и лицомъ къ лицу такой же строгій бываетъ, какъ на письмѣ, когда потребуетъ нужда (гл. 10); и затѣмъ, доказавъ, что онъ настоящій Апостолъ, ничѣмъ не меньшій, чѣмъ другіе, и слѣдовательно облеченъ полною Апостольскою властью (гл. 11. 12), заключаетъ: исправляйтесь заранѣе,—приду, не пощажду (12, 20—гл. 13). Это излагается въ 10—13 главахъ. *Въ началѣ* же св. Павелъ, послѣ благодаренія Богу за утѣшеніе, доставленное ему избавленіемъ отъ многихъ бѣдъ (1, 1—11), говоритъ, по какой причинѣ перемѣнилъ онъ планъ своего путешествія (1, 12—2, 11); затѣмъ, восторгшись къ созерцанію высоты христіанскаго откровенія и домостроительства, воодушевленною рѣчью излагаетъ весь ходъ сего дѣла (2, 12—гл. 7, 1) и заключаетъ выраженіемъ радости и утѣшенія, какія доставлены были ему пріемомъ Тита въ Коринѳѣ и всѣмъ, что онъ тамъ видѣлъ и о чемъ передалъ Апостолу (—7, 2—16). Это занимаетъ первыя семь главъ.

3.

Раздѣленіе.

Итакъ посланіе дѣлится на три части: *Первая* содержитъ изъявленіе благодаренія Богу, радости и утѣшенія, какія доставилъ св. Павлу добрый успѣхъ его

посланія, съ изложеніемъ по поводу этого высокаго достоинства христіанскаго откровенія и домостроительства и всего хода его (гл. 1—7). *Вторая* содержитъ наставленія о милостынѣ съ нѣкоторыми на счетъ ея распоряженіями (гл. 8 и 9). *Третья* содержитъ нужныя объясненія въ отраженіе распускаемыхъ о св. Апостолѣ злыхъ рѣчей и въ побужденіе неисправившихся еще исправиться (гл. 10—13). Короче можно ихъ обозначить такъ: *первая*—теоретическая, *вторая*—практическая, *третья*—защитительная. Если различать ихъ по тону, то сколько первая теплосердечна, столько послѣдняя строго-отрезвляюща, дыша неумолимостію власти. Того требовала отеческая забота св. Павла объ исправленіи неисправныхъ.

4.

Время и мѣсто.

По ходу дѣла видно, что сіе посланіе писано въ тотъ же годъ, въ какой и первое, т.-е. 58 или 59-й. Писано, вѣроятнѣе всего, въ Филиппахъ, и препровождено съ Титомъ въ сопутствіи ему еще двухъ братій (8, 16—24).

ТОЛКОВАНІЕ

ВТОРАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ

КОРИНѲЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1.

Надпись и привѣтствіе

1, 1—2.

Ст. 1. 2. *Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, волею Божіею, и Тимоѳей братъ, церкви Божіей сущей въ Коринѳѣ, со святыми всѣми сущими во всей Ахаіи: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.*

Надпись и привѣтствіе обычныя; но есть нѣкоторые въ нихъ термины, вызывающіе вопросы и требующіе поясненія.

Св. Павелъ имѣлъ нужду подтверждать свое Апостольское достоинство (послѣдняя часть); между тѣмъ имени своего и лица въ надписаніи не обставляетъ особенными какими-либо указаніями, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, въ посланіи къ Галатамъ, говоря: *ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ* (Гал. 1, 1). Изъ этого надобно заключить, что онъ не давалъ большаго вѣса разсѣваемымъ объ немъ злымъ рѣчамъ; почему и достоинства своего Апостольскаго доказывать особенно не усиливался съ самаго начала.

Въ первомъ посланіи онъ поставлялъ съ собою Сосѳена, здѣсь ставитъ св. Тимоѳея. Сосѳенъ вѣроятно съ св. Титомъ возвратился въ Коринѳъ и тамъ остал-

ся. Что св. Тимоѳей не будетъ въ Коринѳѣ, объ этомъ сказалъ имъ св. Титъ; но у нихъ могъ оставаться вопросъ, гдѣ же онъ. Поставивъ имя его при себѣ, Апостолъ давалъ имъ знать, что онъ при немъ. Это одно объясняло имъ все безъ особыхъ прибавленій о немъ. Св. Златоустъ указываетъ, какъ обычно, нравственную сторону сего сопоставленія, говоря: „поставляя вмѣстѣ съ собою Тимоѳея, симъ ему стяжеваетъ большее уваженіе, а въ себѣ показываетъ глубокое смиреніе. Ибо хотя Тимоѳей былъ ниже Апостола, но любовь все сочетаваетъ.“ Ѳеодоритъ же прибавляетъ: „но блаженнаго Тита не помѣстилъ Апостолъ наряду съ собою въ писаніяхъ, потому что назначалъ его быть служителемъ оныхъ, и съ нимъ переслалъ посланіе сіе.“

Коринѳское общество христіанское Апостолъ называетъ *Церковію*, давая разумѣть, что оно было вполнѣ организовано, во всѣхъ частяхъ, и имѣло все, чему слѣдуетъ быть въ церкви христіанской. Въ этомъ же онъ представилъ имъ „побужденіе къ единомыслію и единодушію“ (Ѳеод.), „желая собрать и совокупить ихъ во едино: ибо иначе не можетъ быть церкви тамъ, гдѣ составляющіе оную раздѣляются между собою и враждуютъ другъ на друга“ (св. Злат.).

Со святыми всѣми, сущими во всей Ахаіи. „Сими словами Апостолъ и предпочтеніе оказываетъ Коринѳянамъ, когда чрезъ посланіе, писанное къ нимъ, привѣтствуетъ всѣхъ прочихъ, и вмѣстѣ всю изъ того языка собранную церковь побуждаетъ къ миру и согласію. Наименованіемъ же святыхъ показываетъ, что нечистымъ не принадлежитъ сіе привѣтствіе“ (св. Злат.); — „не принадлежитъ оно никому, кто земенъ, оземлянѣлъ“ (Экум.). Но кого разумѣетъ св. Павелъ *подъ святыми сими*, частныя ли лица, или цѣлыя церкви?—Надо по-

лагать, цѣлыя церкви. Ибо извѣстно, что была церковь въ Кенхреяхъ (Римл. 16, 1); вѣроятно также, что и въ Аѳинахъ была церковь, а можетъ быть и въ другихъ какихъ мѣстахъ, недалеко и вдали. Ахаія обнимала и собственно Элладу и Пелопонезъ. А что Апостолъ сказалъ: *святымъ всѣмъ*, а не церквамъ, то это ему обычно. Ибо и къ Ефесеямъ, и къ Филиппійцамъ, и къ Колоссаямъ пиша, онъ говорилъ то же: *святымъ всѣмъ;* тогда какъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ были церкви вполнѣ устроенныя. Но было ли это окружное посланіе, назначенное и для всѣхъ тѣхъ церквей, которыя означилъ Апостолъ словомъ: *святымъ всѣмъ*, или посланіе назначалось только для Коринѳянъ, а объ тѣхъ помянулось только для привѣта, только въ побужденіе къ братскому всѣхъ единенію? Судя по тому, что въ посланіи содержатся особенности, относящіяся исключительно къ Коринѳянамъ, надо полагать, что это не было окружное посланіе. Но, какъ по тогдашней ревности къ слышанію и вѣдѣнію Апостольскаго слова, посланіе къ одной церкви, скоро становилось достояніемъ и другихъ церквей; то и посланіе къ Коринѳянамъ вѣроятно скоро разошлось по всѣмъ Ахайскимъ церквамъ. Предположивъ, что онѣ встрѣчали здѣсь вразумленія, которыя могли относиться и прямо къ нимъ, должны будемъ допустить въ нихъ и то вѣрованіе, что оно будто для нихъ и писано. Св. Златоустъ и полагаетъ, что его можно назвать общимъ для всѣхъ посланіемъ въ томъ предположеніи, что оно общія всѣхъ врачевало болѣзни.

Въ словахъ: *благодать вамъ и миръ,* можно подъ *благодатію* разумѣть всю цѣлость духовной жизни, а подъ *миромъ* всю цѣлость благосостоянія внѣшняго, т.-е. кромѣ мирнаго союза вѣрующихъ между собою, кромѣ мирнаго теченія дѣлъ ихъ, особенно мирныя соотно-

шенія ко внѣшнимъ, чтобъ не было гоненій, притѣсненій, лишеній, дабы при мирности внѣшней удобнѣе преуспѣвать и во внутренней Богоугодной жизни.

Отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. „Указываетъ имъ Владыку и Благодѣтеля“ (Ѳеод.). Это обычное во всѣхъ посланіяхъ слово. Но какъ Апостолъ не скучаетъ поминать его всякій разъ, не должно и намъ лѣниться освѣжить при семъ въ умѣ своемъ то благое помышленіе, что всякое благо нисходитъ къ намъ отъ Бога Отца чрезъ Господа Іисуса Христа, прибавляя: во Святомъ Духѣ,—отъ Пресвятыя Троицы,—Бога единаго и благожелательнаго и щедродательнаго безконечно.

2.

Начало посланія

1, 3—11.

Начинаетъ свое посланіе св. Павелъ изліяніемъ благодарныхъ чувствъ къ Богу за утѣшеніе въ скорбяхъ его и всѣхъ трудящихся въ благовѣстіи и избавленіе его отъ недавней смертной опасности, питая надежду, что Онъ и не престанетъ избавлять, при споспѣшествованіи тому, между прочимъ, и молитвы вѣрныхъ Коринѳянъ (1, 3—11). а) Возсылая Богу благодареніе за утѣшеніе въ скорби, Апостолъ удостовѣряетъ, что это Богъ дѣлаетъ для блага вѣрующихъ (3—7), и б) питая надежду на избавленіе впредь отъ бѣдъ, участниками въ доставленіи сего блага признаетъ и молитвы вѣрныхъ (8—11). Тамъ и здѣсь выражаетъ самый тѣсный союзъ трудящихся въ благовѣстіи съ вѣрующими въ него, подъ вліяніемъ ихъ благовѣстія.

а).

Ст. 3. 4. *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи,*

утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога.

Благословенъ Богъ! Какъ естественно было воззвать такъ св. Павлу послѣ того, какъ Богъ избавилъ его отъ *толикія смерти во Асіи* (1, 10), и какъ онъ, не имѣвшій покоя духу своему въ Троадѣ (2, 13), и въ Македоніи испытывавшій внѣуду брани, внутрьуду боязни, утѣшенъ былъ пришествіемъ Титовымъ (7, 5. 6)! Всецѣло преданъ будучи Богу, всякій случай съ собою онъ производилъ непосредственно отъ Бога, и Его благостынную десницу видѣлъ не въ утѣшеніяхъ только, но и въ скорбяхъ.

Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа употреблено въ такомъ же значеніи, какъ и Самъ Господь сказалъ по воскресеніи: *восхожду къ Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Ін. 20, 17), т.-е. по домостроительству спасенія нашего. „Въ словахъ сихъ ничего нѣтъ новаго. Одного и того же Христа, по Его человѣчеству, Онъ есть Богъ, а по Божеству Отецъ“ (Ѳеоф.).

Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи,—Богъ, Котораго существо въ томъ состоитъ, чтобъ изливать одни щедроты и утѣшенія: ибо Онъ *любы есть* (1 Ін. 4, 16). Такъ Онъ все устроилъ въ сущемъ и такъ все строитъ въ бывающемъ, что, не выходи только тварь изъ воли Его и Его предначертаній, она всегда будетъ пить одни утѣшенія изъ чаши щедротъ Божіихъ. Въ настоящемъ порядкѣ вещей и то, что приноситъ, повидимому, скорбь, есть несомнѣнно дѣло щедротъ Божіихъ и ведетъ къ утѣшенію. Апостолъ говоритъ какъ-бы сими словами: Отецъ и Богъ, „изливающій щедроты, источающій милость и съ отеческими щедротами поступающій съ нами“ (Ѳеод.).—Богодухновеннымъ пи-

сателямъ обычно именовать Бога не однимъ именемъ, а различно, заимствуя сіи наименованія отъ Его безконечныхъ совершенствъ, свойствъ и дѣйствій. „Такъ, св. Давидъ не вездѣ одинаково называетъ Бога, и не отъ однихъ и тѣхъ же свойствъ производитъ имена Его; но когда разсуждаетъ о войнѣ и о побѣдѣ, говоритъ: *возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя* (Пс. 17, 2); когда же воспоминаетъ о избавленіи отъ скорби и мрака, обдержавшаго душу его, говоритъ: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой* (26, 1). Иногда заимствуетъ наименованіе Его отъ человѣколюбія, иногда отъ правды Его, иногда отъ суда Его нелицепріятнаго, сообразно тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился.— Такъ и здѣсь св. Павелъ въ началѣ посланія своего называетъ Бога со стороны Его человѣколюбія: *Отецъ щедротъ, Богъ всякія утѣхи*. То-есть: великія являть щедроты и миловать преимущественно предъ всѣмъ свойственно и сродно Богу“ (св. Злат.).

Утѣшаяй насъ во всякой скорби нашей. „Апостолъ показываетъ, что Богъ всяческихъ подаетъ равномѣрныя искушеніямъ утѣшенія. Такъ и блаженный Давидъ сказалъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. 93, 19)“ (Ѳеод.). „Не сказалъ: не попускающій намъ впадать въ скорби, но: утѣшающій насъ въ скорби. Потому что сіе и силу Божію показываетъ, и терпѣніе скорбящихъ укрѣпляетъ. То же сказалъ и Пророкъ Давидъ: *въ скорби распространилъ мя еси* (Пс. 4, 2). Не сказалъ: Ты не попустилъ мнѣ впасть въ скорбь, или: Ты тотчасъ разсѣялъ скорбь; но сказалъ: въ продолженіе скорби Ты распространилъ меня, то-есть великую далъ прохладу и отдохновеніе, что самое сдѣлалъ Богъ и съ тремя отроками. Ибо Онъ не возбранилъ ввергнуть ихъ въ пещь, и, когда они были ввержены, не угасилъ

пламени; но, когда пылала пещь, подалъ имъ прохладу. И сіе Богъ обыкновенно дѣлаетъ во всѣхъ случаяхъ. Намекая на то, и Павелъ говоритъ: *утѣшаяй насъ во всякой скорби.* Но симъ онъ показываетъ еще нѣчто новое. Что же такое? То, что Богъ не однажды, не дважды, но всегда такъ поступаетъ. Ибо не такъ поступаетъ Богъ, чтобы нынѣ утѣшалъ, а въ другое время оставлялъ; но всегда и во всякое скорбное время подаетъ утѣшеніе. Посему и сказалъ Апостолъ: *утѣшаяй*, а не: утѣшивый; и: *во всякой скорби*, не въ той или другой, а во всякой" (св. Злат.).

Яко возмощи намъ утѣшати сущія во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога. — Яко возмощи Εἰς τὸ δύνασθαι, чтобы мы могли. Для того, говоритъ, Богъ утѣшаетъ насъ во всякой скорби, чтобъ и мы могли утѣшать другихъ. Мы—это или св. Павелъ съ св. Тимоѳееемъ, или вообще всѣ Апостолы. Богъ избралъ ихъ быть какъ органами слова Своего, такъ и орудіями утѣшенія скорбящихъ за сіе слово. Но какъ отъ Апостоловъ утѣшеніе могло переходить на другихъ скорбящихъ? Одни говорятъ: примѣромъ утѣшенія, даруемаго Апостоламъ, другіе скорбящіе воодушевлялись къ благодушному терпѣнію, и надежда подобнаго утѣшенія утѣшала ихъ въ скорбяхъ; другіе: по любви къ Апостоламъ другіе, смотря на ихъ скорби, и сами скорбѣли; но когда они получали утѣшеніе, соутѣшались вмѣстѣ съ ними и они. И скорбь Апостоловъ была ихъ скорбію и утѣшеніе Апостоловъ—ихъ утѣшеніемъ (Экум., Ѳеоф.). То и другое, хотя можетъ быть принимаемо, но не выражаетъ вполнѣ мысли Апостола. Тутъ утѣшеніе отъ Апостоловъ переходитъ на другихъ безъ вѣдома самихъ Апостоловъ; а въ словѣ св. Павла они представляются дѣятельно изливающими утѣшеніе въ сердца другихъ скорбящихъ. Будучи утѣ-

шаемы Богомъ, они становятся преизливающимся источникомъ утѣшенія для скорбящихъ; утѣшеніемъ, какимъ Богъ утѣшаетъ ихъ, они дѣлятся съ другими. Это же какимъ образомъ? Чрезъ слово. Сердце, полное утѣшенія и слову сообщаетъ утѣшительную силу, такъ что оно дышетъ однимъ утѣшеніемъ. Скорбѣвшій знаетъ, съ какой стороны приходятъ томящіе и убивающіе приливы скорби, и знаетъ также, какія помышленія воздвигаетъ въ душѣ утѣшающій Богъ, въ отраженіе сихъ приливовъ; почему всякую душу можетъ такъ настроить, что она и скорбящи присно будетъ радоваться. Этимъ даромъ преизобиловали Апостолы; и какъ будучи живы утѣшали всѣхъ скорбящихъ, такъ въ писаніяхъ своихъ оставили намъ наставленія, какими руководясь, всякій скорбный найдетъ себѣ утѣшеніе.

Ст. 5. *Зане якоже избыточествуютъ и страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше.*

Выставляетъ причину, почему не должно сомнѣваться, что они точно могутъ утѣшать находящихся во всякой скорби. Не сомнѣвайтесь, говоритъ, въ этомъ; ибо у насъ какъ скорби съ избыткомъ, такъ и утѣшенія съ избыткомъ; больше всѣхъ скорбимъ, больше всѣхъ и утѣшенія подаетъ намъ Богъ. У насъ его много въ запасѣ; скорби для насъ, а утѣшенія для васъ. Сказавъ, что страданія у насъ съ избыткомъ, Апостолъ не остановился на этомъ одномъ; „но дабы не привести въ уныніе учениковъ слишкомъ сильнымъ описаніемъ своихъ бѣдствій, показываетъ и великое богатство утѣшенія, и такимъ образомъ ободряетъ ихъ духъ; и не только симъ ободряетъ ихъ, но и тѣмъ, что поминаетъ о Христѣ, говоря о своихъ страданіяхъ, что они суть страданія Христовы, и такимъ образомъ прежде всякаго другаго утѣшенія извлекаетъ утѣшенія изъ са-

мыхъ скорбей. Ибо что можетъ быть пріятнѣе сего, быть общникомъ Христу, и ради Его терпѣть страданія? Что можетъ равняться съ симъ утѣшеніемъ?“ (св. Злат.).

Страданія назвалъ Апостолъ Христовыми, потому что они были за Христа, за слово Его и за дѣло проповѣди о спасеніи всѣхъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Еще болѣе можно сказать: страданія за Христа суть Христовы, потому что Онъ Себѣ ихъ присвояетъ, считаетъ ихъ Своими. Онъ однажды пострадалъ всеобъемлющимъ страданіемъ; страждущіе за Него вступаютъ въ спострадание Ему, въ чемъ, какъ нерѣдко увѣряетъ Апостолъ, и состоитъ таинство нашего спасенія. Причащеніе страданіямъ Христовымъ вводитъ въ причастіе и жизни Его, а въ этомъ все.

Поставивъ такъ близко страданія за Христа къ страданіямъ Христовымъ, Апостолъ въ этомъ общеніи со Христомъ чрезъ страданія указываетъ и источникъ утѣшенія. Страдая за Христа, вступаемъ въ общеніе страданій Христовыхъ; но какъ Христосъ теперь во блаженной славѣ, то естественно чрезъ Христа избыточествовать утѣшеніямъ, несмотря на скорбность, или въ самой скорбности, такъ что скорбность остается только совнѣ, внутри же царствуетъ одно утѣшеніе, и иначе сему быть нельзя. Это не помышленіями какими утѣшительными производится въ сердцѣ, а утѣшеніе, помимо всякихъ усилій ума и самоутѣшительныхъ соображеній, льется въ душу отъ лица Христа Господа и, водворяясь въ ней, преисполняетъ ее. *Христомъ*, говоритъ, *избыточествуетъ утѣшеніе наше*,—избыточествуетъ и надъ страданіями и поглощаетъ ихъ. Такъ понимаетъ св. Златоустъ: „Апостолъ прославляетъ человѣколюбіе Господа еще и тѣмъ, что говоритъ: мы гораздо болѣе утѣшаемся, нежели сколько скорбимъ.

Поелику не сказалъ, что утѣшеніе равно страданіямъ, но утѣшеніе, говоритъ, избыточествуетъ, такъ что время подвиговъ есть вмѣстѣ и время преизбытка утѣшенія. Оттого страждущіе за Христа никого не боятся и не трепещутъ, и среди самыхъ напастей бываютъ спокойнѣе и радостнѣе всѣхъ: ибо они тутъ же сподобляются безчисленныхъ утѣшеній отъ Самого Христа.“

Ст. 6. 7. *Аще ли же скорбимъ, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи, дѣйствующемся въ терпѣніи тѣхже страданій, яже и мы страждемъ: и упованіе наше извѣстно о васъ. Аще ли утѣшаемся, о вашемъ утѣшеніи и спасеніи: вѣдяще, зане якоже общницы есте страстемъ нашимъ, такожде и утѣшенію.*

Такимъ образомъ, говоритъ, выходитъ, что страждемъ ли мы, ради васъ страждемъ, утѣшаемся ли, ради васъ утѣшаемся. Это прямая мысль обоихъ текстовъ, и она сама собою понятна. Но св. Павелъ излагаетъ ее пространно, съ нѣкоторыми соприкосновенностями. Это— ради васъ, Апостолъ выражаетъ—*о вашемъ утѣшеніи и спасеніи*. Онъ говорилъ все объ утѣшеніи, и представляется, будто оно главное, а тутъ привнесено *спасеніе*. Какъ утѣшеніе Христа есть плодъ страданій Апостольскихъ, это прямо выходитъ изъ предыдущаго. Поколику страждемъ, говорилось впереди, потолику утѣшаемся; утѣшаемся же для того, чтобъ имѣли мы возможность утѣшать и другихъ скорбящихъ. Отсюда очевидно, что страдаютъ Апостолы, чтобъ самимъ исполниться утѣшенія и потомъ переливать его въ душу другихъ находящихся во всякой скорби, т.-е. и страдаютъ, и утѣшаются для утѣшенія другихъ. Но какъ тутъ *спасеніе?* Оно-то главное и есть. Ибо Апостолы страдали за проповѣдь Евангелія, а Евангеліе есть благовѣстіе о единственномъ для насъ образѣ спасенія, пріемля которое вѣрою, внемлющіе благовѣстію спа-

сались. Ревность о семъ спасеніи и воодушевляла Апостоловъ въ трудахъ проповѣди и въ перенесеніи всѣхъ скорбей. Она шла впереди; она привлекала и утѣшенія. Равно и вѣрующіе, пріемля благовѣстіе отъ Апостоловъ, вступали въ путь спасенія; но вмѣстѣ съ симъ вступленіемъ подвергались и скорбямъ, а скорбя по сей причинѣ, сподоблялись утѣшенія отъ Апостоловъ, скорбящихъ за Евангеліе и спасеніе ихъ, — такъ что такая неразрывная связь страданій и утѣшеній въ Апостолахъ и вѣрующихъ существуетъ ради содѣвающагося въ однихъ чрезъ другихъ спасенія. Только въ порядкѣ спасенія такъ бываетъ, что страданія сами изъ себя источаютъ и утѣшеніе. Это, какъ выше говорилось, потому, что вѣрующихъ и спасающихся страданія вводятъ въ сопричастіе страданіямъ Христовымъ, въ сочетаніе съ Самимъ Христомъ, изъ Коего, какъ въ блаженной славѣ состоящаго, тотчасъ же изливается и утѣшеніе. Главное, слѣдовательно, и въ Апостолахъ, и въ вѣрующихъ—содѣваніе спасенія. Утѣшеніе его содѣваетъ, и, отнимая разрушительное дѣйствіе у скорбей, не даетъ имъ препятствовать устроенію спасенія.

Блаженный Ѳеодоритъ пишетъ: „для васъ (мы Апостолы) подпадаемъ всякаго рода искушеніямъ (скорбямъ). Ибо, еслибы не захотѣли мы преподать вамъ спасительную проповѣдь, никто не причинилъ бы намъ страданій. Но поелику промышляемъ о вашемъ спасеніи, то отъ противниковъ пріемлемъ пораженіе къ намъ горестей, а отъ владыки Бога пользуемся утѣшеніемъ. А такимъ образомъ ради васъ имѣемъ то и другое. Пріобщитесь же съ нами того и другаго, какъ усвояющіе себѣ все наше.“

Это усвоеніе всего Апостольскаго было уже въ нихъ въ дѣйствіи. Вѣру приняли; по вѣрѣ начали содѣвать спасеніе; ради же того и другаго начали и страдать.

Посему Апостолъ и говоритъ: *страждемъ о вашемъ утѣшеніи и спасеніи, дѣйствующемся въ терпѣніи тѣхже страданій, яже и мы страждемъ.* Увѣровали, отстали отъ языческихъ боговъ, устранились отъ языческихъ обычаевъ, отчуждились отъ порядковъ языческой плотской жизни, стали странниками среди своихъ; и за это подвергались непріятностямъ, лишеніямъ, притѣсненіямъ. Они спасеніе содѣвали; но какъ нельзя было не раздражить тѣмъ другихъ, то это содѣваніе спасенія сопровождалось терпѣніемъ страданій. Апостолъ говоритъ: *тѣхже страданій*, въ смыслѣ: такихъ же страданій, т.-е. за то же дѣло, за какое и мы страждемъ, за содѣваніе спасенія. Онъ не увѣщаніе какое пишетъ, а излагаетъ дѣло, какъ оно есть. Мы страдаемъ, неся вамъ спасеніе благовѣстіемъ; вы страдаете, принявъ благовѣстіе. Это и есть свидѣтельство, что спасеніе содѣвается въ васъ. Если же спасеніе, то и утѣшеніе, ибо они неразлучны. Св. Златоустъ говоритъ: „не мы одни (Апостолы) виновники вашего спасенія, но и вы сами. Ибо какъ мы, проповѣдуя, терпимъ скорби, такъ и вы, принимая наше слово, то же самое терпите: мы, чтобы передать вамъ то, что сами получили; а вы, чтобы принять даемое и не потерять. Не тѣмъ только устрояется спасеніе ваше, что вы вѣруете, но и тѣмъ, что вы также страдаете и терпите, какъ и мы. Изъ сего видно, что дѣйствительная сила спасенія не въ томъ только состоитъ, чтобы не дѣлать зла, но и въ томъ, чтобы самимъ мужественно терпѣть зло“

Не излишне обратить вниманіе и на слово: *дѣйствующемся*. Совнѣ—страданія; подъ прикрытіемъ ихъ внутри дѣйствуется спасеніе. Кѣмъ и какъ? Какъ будто помимо и безъ вѣдома спасаемыхъ. Они только страждутъ и на то силы напрягаютъ, чтобы терпѣть; а тамъ—внутри — само собою дѣйствуется спасеніе. Но

хотя и само собою, все же безъ дѣйствующаго ему нельзя дѣйствоваться. Кто же сей? Благодать Божія, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Который какъ благоволилъ Самъ пострадать, такъ и спасеніе всѣхъ устрояетъ подъ гнетомъ страданій. Св. Златоустъ замѣчаетъ на сіе слово: „не сказалъ: дѣйствующемъ, но *дѣйствующемся*, показывая тѣмъ, что ихъ ревности много содѣйствовала благодать, дѣйствующая въ нихъ.“

И упованіе наше извѣстно о васъ. Страждете, сказалъ, какъ и мы, содѣвая свое спасеніе. Но хотя вы и безчисленныя терпите бѣдствія, однако мы надѣемся, что вы не отпадете даже и тогда, когда васъ будутъ гнать. Мы не только не имѣемъ подозрѣнія, чтобы вы смутились нашими страданіями, но и уповаемъ, что вы пребудете тверды и тогда, когда сами подвергнетесь опасностямъ“ (св. Злат.).

Утѣшаемся *о вашемъ утѣшеніи и спасеніи: вѣдяще, зане якоже общницы есте страстемъ, такожде и утѣшенію.*

Тамъ во свидѣтельство того, что Апостолы страждутъ за утѣшеніе и спасеніе вѣрующихъ, приводитъ онъ страданія сихъ послѣднихъ. Страданія сіи удостовѣряли, что спасеніе дѣйствуется; со спасеніемъ же неразлучно утѣшеніе. Но что спасеніе въ нихъ дѣйствовалось, это отъ Апостоловъ благовѣствующихъ и страждущихъ за благовѣстіе. Здѣсь и то, что утѣшаются ради ихъ же утѣшенія и спасенія, посредствуется страданіями ихъ. Мы страдаемъ за благовѣстіе, вы страдаете за принятіе благовѣстія. Скорбно было бы намъ видѣть, что вы страдаете будто по нашей винѣ. Но это не сокрушаетъ насъ. Почему? По несомнѣнному совпаденію въ насъ съ страданіями и утѣшеній. Ибо какъ въ насъ, такъ должно быть и въ васъ. Наши страданія источаютъ намъ утѣшеніе Христомъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ. Несомнѣнно

то же должно быть и въ васъ: ибо Христосъ Господь тотъ же и для васъ какъ и для насъ; потому что и вы Его дѣло дѣлаете какъ и мы. Вѣдая сіе, мы не смущаемся вашими страданіями, сопровождающими принятіе нашего благовѣстія, *вѣдяще*, что вы какъ *общницы есте страстемъ, такожде и утѣшенію.*

Но это бывало послѣ, впереди же вотъ что: Господь среди самыхъ страданій преисполнялъ Апостоловъ всякимъ утѣшеніемъ. Испытывая это и зная, что вѣрующіе тоже несомнѣнно подвергнутся страданіямъ, Апостолы напередъ сказывали имъ все—и то, что непремѣнно подвергнутся страданіямъ, и то, что въ самыхъ страданіяхъ получатъ утѣшеніе. Зная это, и вѣрующіе мужественно встрѣчали страданія, и перенося ихъ терпѣливо, утверждались во спасеніи и сподоблялись утѣшенія. Не предупреди ихъ о всемъ Апостолы, не вступили бы они въ борьбу, а слѣдовательно и на путь спасенія и утѣшенія. А какъ-бы Апостолы стали предупреждать, не испытывая сами утѣшеній въ страданіяхъ? И выходитъ, что Богъ посылалъ имъ утѣшеніе ради утѣшенія и спасенія вѣрующихъ. Ибо то уже былъ неизбѣжный путь: вѣровать, и по увѣрованіи страдать. Страданія отталкивали бы отъ вѣры, еслибы не источали утѣшенія. Они и источали, но чтобы повѣрить тому, нужны были опыты. Опыты сіи и являлъ Богъ въ лицѣ Апостоловъ, которые съ дерзновеніемъ потомъ и удостовѣряли всѣхъ: будете страдать, не смущайтесь; въ самыхъ страданіяхъ получите утѣшеніе. Такъ съ нами всегда бываетъ, такъ и съ вами будетъ: общники страстемъ нашимъ — общники и утѣшенія нашего.

Но можно слова: *утѣшаемся о вашемъ утѣшеніи,* и: *общники страстемъ—общники утѣшенію,* понимать такъ, что это бываетъ по сочувствію. Видятъ вѣрующіе Апо-

столовъ страждущими и себѣ страждутъ; видятъ утѣшенными и себѣ утѣшаются; и еще болѣе утверждаются въ дѣлѣ спасенія. Такъ св. Златоустъ: „Наше утѣшеніе обращается вамъ въ успокоеніе, даже и тогда, когда бы намъ не случилось утѣшать васъ словами. Если малую только получимъ отраду, то и сего довольно къ утѣшенію вашему. И хотя бы намъ однимъ случилось получить утѣшеніе, и это уже утѣшитъ васъ. Потому что какъ страданія наши вы принимаете, какъ свои собственныя, такъ и всякое утѣшеніе наше вы должны считать своимъ собственнымъ. Ибо какъ въ скорбяхъ нашихъ вы участвуете, почему же не будете участвовать въ радостяхъ? Нѣтъ; какъ тогда, какъ преслѣдуютъ насъ, вы скорбите, какъ-бы сами вы терпѣли гоненіе: такъ мы увѣрены, что и тогда, когда мы получаемъ утѣшеніе, вы принимаете оное такъ, какъ-бы вы сами имъ наслаждались.“

б).

Ст. 8. *Не бо хощемъ васъ, братіе, не вѣдѣти о скорби нашей бывшей намъ во Асіи, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надѣятися намъ и жити.*

Не хощемъ васъ не вѣдѣти—хотимъ, чтобъ вы знали. „О семъ мы возвѣщаемъ вамъ, говоритъ, дабы вы не были въ невѣдѣніи о случившемся съ нами. Ибо мы желаемъ, чтобы вы знали все, что съ нами происходитъ, и весьма о семъ заботимся. А это есть самое сильное доказательство любви его къ нимъ“ (св. Злат.).

О скорби нашей, бывшей намъ во Асіи. Какую скорбь разумѣетъ здѣсь Апостолъ? — Или ту скорбь, какую потерпѣлъ онъ отъ тѣхъ *многихъ сопротивныхъ*, о коихъ поминалъ въ первомъ посланіи (Кор. 16, 9) (св. Злат., Экум., Ѳеоф.), — или „имѣетъ въ виду возстаніе воз-

двигнутое сребрековачемъ Димитріемъ“ (Ѳеод.). Но почему не разумѣть здѣсь кромѣ того и той великой крайности, въ которой находился Апостолъ, борясь со звѣремъ въ Ефесѣ (1 Кор. 15, 32)? — Эти два мѣста взаимно себя объясняютъ, и все, что говоритъ теперь Апостолъ, становится совершенно понятнымъ, когда допустимъ, что онъ разумѣетъ ту скорбь, какую испыталъ, бывъ поставленъ въ необходимость стать лицемъ къ лицу со звѣремъ; понятно, какъ онъ по премногу и паче силы былъ отягощенъ въ эту пору, какъ не надѣялся живымъ остаться, и сложился въ мысляхъ, что ему больше ужъ и не жить (*осужденіе смерти имѣхомъ*), и какъ, когда Богъ избавилъ его отъ сей бѣды, то то же сдѣлалъ, что избавилъ отъ смерти. Потому полагаемъ, что лучше всего остановиться на семъ обстоятельствѣ, не уклоняясь въ аллегорическое толкованіе борьбы Апостола со звѣремъ, не прикрываясь тѣмъ, что ничего не говорится о томъ въ Дѣяніяхъ.

По премногу и паче силы отяготихомся, — „подобно кораблю, обремененному сверхъ силы какимъ-нибудь грузомъ и готовому утонуть. — Словами: *по премногу и паче силы*, съ перваго взгляда кажется будто одно и тоже выражается, но въ самомъ дѣлѣ это не одно и то же. Премного не значитъ уже—*паче силы*. Почему, чтобы кто не сказалъ: какъ ни чрезмѣрна была опасность, но она не велика была для тебя, Апостолъ присовокупилъ, что она и велика была, и превышала силы наши, и столько превышала, *яко не надѣятися намъ и жити*, т.-е. мы не чаяли уже и въ живыхъ быть. Каковое состояніе Давидъ называетъ *вратами ада, болѣзнями смертными и сѣнію смерти* (Пс. 87). То же самое и Апостолъ говоритъ, т.-е. что они подверглись было такой опасности, которая несомнѣнно угрожала

имъ смертію.“ Это слова св. Златоуста. Какъ они хорошо идутъ, когда вообразимъ св. Павла стоящимъ предъ звѣремъ!

Ст. 9. *Но сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога возставляющаго мертвыя.*

Сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, т.-е. сами въ себѣ, въ своихъ мысляхъ, положили, что не жить уже намъ болѣе, присудили себя къ смерти и рѣшились на то. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ осужденіе смерти? Значитъ приговоръ, опредѣленіе, ожиданіе смерти. Ибо такъ говорили дѣла, такой приговоръ произносили случившіяся обстоятельства, т.-е. что мы непремѣнно должны умереть. Впрочемъ не случилось сего на самомъ дѣлѣ, но остановилось только на нашемъ ожиданіи. Ибо хотя теченіе дѣлъ очевидно сіе показывало, но сила Божія не допустила приговору сему придти въ исполненіе, допустивъ оному поразить только наши мысли и наше ожиданіе. Почему и говоритъ: *сами въ себѣ*, а не на самомъ дѣлѣ осужденіе *смерти имѣхомъ*. — Для чего же Богъ попустилъ имъ подвергнуться такой опасности, что они потеряли надежду, и даже отчаялись въ жизни?—*Да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога.* Впрочемъ св. Павелъ сказалъ сіе не потому, чтобы самъ былъ расположенъ къ самонадѣянности. Нѣтъ; но онъ подъ видомъ повѣствованія о себѣ самомъ хотѣлъ только вразумить другихъ, а притомъ сказалъ такъ и по свойственному ему смиренію. Онъ никогда не оставляетъ своего обычая ставить себя на ряду съ худшими людьми, которыхъ нужно много учить и исправлять. Ибо если и для уцѣломудренія обыкновенныхъ людей довольно бываетъ одного или двухъ искушеній, какъ же тотъ, который подвигами цѣлой жизни стяжалъ особенное предъ всѣми

людьми смиренномудріе и столько претерпѣлъ, сколько никто другой, по истеченіи столькихъ лѣтъ и по достиженіи любомудрія достойнаго небесъ, могъ имѣть нужду въ столь тяжкомъ вразумленіи? Изъ сего явно, что здѣсь онъ только по смиренію и для приведенія къ тому же смиренію тѣхъ, кои много мечтаютъ о себѣ и гордятся собою, говоритъ: *да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя.* Здѣсь опять напоминаетъ имъ о воскресеніи, о которомъ столь много говорилъ въ первомъ посланіи, и настоящими обстоятельствами еще болѣе утверждаетъ истину онаго.“— И о бореніи со звѣремъ поминалъ Апостолъ въ первомъ посланіи въ числѣ доводовъ, убѣждающихъ вѣровать въ истину воскресенія. Тамъ коротко, здѣсь пространнѣе. Избавленіе отъ такой смертной крайности очень похоже на воскресеніе изъ мертвыхъ. Почему и Бога не окачествовалъ онъ при семъ другимъ наименованіемъ, какъ назвавъ Его возстановителемъ мертвыхъ. Потому же можетъ быть и тамъ, трактуя о воскресеніи, вспомнилъ объ избавленіи своемъ отъ челюстей звѣриныхъ, какъ бы вратъ смертныхъ.

Ст. 10. *Иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть, и избавляетъ: наньже и уповахомъ, яко и еще избавитъ.*

Мы, говоритъ, были въ такой крайности, что смерть наша была дѣло рѣшеное. Избавивъ насъ отъ такой крайности, Богъ избавилъ насъ отъ смерти; мы явились—яко отъ смерти живые, какъ похороненные возстали изъ гробовъ. „*Отъ толикія смерти избавилъ*, говоритъ. Не сказалъ: отъ толикихъ опасностей, какъ для того, чтобы показать симъ непреодолимую силу искушеній, такъ и для того, чтобы еще болѣе увѣрить въ истинѣ своего ученія, которое предлагалъ прежде. Поелику воскресеніе мертвыхъ есть еще дѣло будущее. то онъ показываетъ здѣсь, что оно и каждодневно бы-

ваетъ. Ибо когда Богъ человѣка отчаявшагося и къ смертнымъ вратамъ адовымъ приблизившагося исторгаетъ оттуда, то что другое дѣлаетъ Онъ, какъ не воскрешаетъ мертваго, изъимая изъ самыхъ устъ смерти впадшаго въ оныя? Посему-то при неожиданномъ освобожденіи какого-нибудь человѣка изъ отчаяннаго состоянія, у многихъ вошло въ обычай говорить: на семъ человѣкѣ мы видѣли воскресеніе мертвыхъ“ (св. Злат.). У насъ говорятъ: изъ мертвыхъ воскресъ.

И избавляетъ. То говорилъ о великой скорби, бывшей во Асіи; а это говоритъ о скорбяхъ, отъ которыхъ только-что избылъ, и тугѣ сердечной, испытанной въ Троадѣ, и о тѣхъ внѣшнихъ браняхъ и внутреннихъ болѣзняхъ, кои безпокоили его въ Македоніи. Скорби продолжаются; по слѣдамъ ихъ идетъ и избавляющая отъ нихъ милость Божія. Рука Божія, держащая меня и защищающая, никогда не отъемлется. Чувствую это и исповѣдую.

Наньже и уповахомъ, яко и еще избавитъ.—Уповахомъ— возуповахомъ, несомнѣнное имѣемъ упованіе, непоколебимо вѣруя, что всегда такъ будетъ, пока суждено намъ Богомъ жить и дѣйствовать во славу Его, насаждая на землѣ Евангельскую вѣру; такъ будетъ, что Богъ будетъ насъ избавлять отъ всякихъ крайностей. Мы будто обречены на страданія и скорби. Это мы знаемъ и ничего другаго не ожидаемъ впереди; но это насъ не смущаетъ и не останавливаетъ: ибо сколько несомнѣнны для насъ бѣды и скорби, столько же несомнѣнно и избавленіе отъ нихъ. Одно ожиданіе покрывается другимъ; и покой духа нашего пребываетъ твердымъ. Апостолъ говоритъ какъ-бы: „намъ непрестанно должно подвизаться въ продолженіи всей жизни; впереди еще много будетъ искушеній, и въ оныхъ опять

не будемъ оставлены, а получимъ помощь и споборство свыше“ (св. Злат.).

Ст. 11. *Споспѣшествующимъ и вамъ по насъ молитвою, да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о васъ.*

Споспѣшествующимъ относится не къ *избавитъ* только, но и къ *избавляетъ*, и *избавилъ есть*. Хочетъ сказать: ваша молитва всегда помощна и содѣйственна намъ, и была и есть и будетъ. „*Избавилъ ны есть*, говоритъ, отъ смертей оныхъ, по ходатайству всѣхъ васъ въ молитвахъ за насъ“ (св. Златоустъ, такъ и Фотій у Экуменія). Еслибъ это пособіе молитвенное къ будущему только избавленію отъ бѣдъ относилось, Апостолъ сказалъ бы: споспѣшествуйте и вы. Но онъ не проситъ, а говоритъ, какъ о дѣйствіи благочестивомъ, исполняющемся и безъ того, по заведенному порядку. И сама собою устроялась молитва объ отцѣ-просвѣтителѣ, и, надо полагать, заповѣдь была полагаема прямо по просвѣщеніи. Всюду всѣ общею молитвою и молились о своемъ отцѣ, родившемъ въ духовную жизнь. Такъ *молитва бѣ прилѣжна, бываемая отъ Церкве къ Богу* о Петрѣ (Дѣян. 12, 5). Такъ и о святомъ Павлѣ молились всѣ церкви, да благопоспѣшитъ ему Богъ во всемъ. Эта молитва содѣйствовала къ тому, что Богъ избавилъ, избавляетъ и будетъ избавлять его отъ всѣхъ бѣдъ. Это не условіе. безъ котораго помощи Божіей и состояться нельзя; но таковъ уже порядокъ въ духовномъ царствѣ, что такая молитва неотложно бываетъ въ немъ, хотя Богъ и Самъ по Себѣ все ниспосылаетъ, *яко Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи*. „Замѣть здѣсь, говоритъ св. Златоустъ, и то, что когда Богъ и по милости даруетъ что-нибудь, и здѣсь молитва много содѣйствуетъ. Такъ хотя въ началѣ посланія Павелъ приписалъ свое спасеніе щедротамъ Бо-

жіимъ; но здѣсь приписываетъ онъ его и молитвамъ вѣрныхъ.“

Споспѣшествующимъ συνυπουργουντων, *и вамъ*. Кто же другіе соучастники въ этомъ дѣлѣ? И самъ св. Павелъ, и всѣ другія церкви и вѣрующіе. Такъ Богу угодно было устроить царство Христово, чтобы нужда одного была общею всѣхъ нуждою, и избавленіе отъ нея было принимаемо какъ благо для всѣхъ. Богъ хочетъ чрезъ сіе всѣхъ держать въ союзѣ любви живомъ и сердечномъ. Нигдѣ сей союзъ не выражается такъ осязательно, какъ въ сочувствіи и единодушной вслѣдствіе того молитвѣ. Всѣ становятся тутъ какъ одна душа. Оттого и молитва такая сильна и скороуслышна. Св. Златоустъ говоритъ: „часто единодушная и согласная молитва многихъ преклоняетъ Бога. Посему и Пророку Іонѣ сказалъ Онъ: *Азъ же не пощажду ли града сего, въ немже живутъ множайшіи, неже двинадесять темъ человѣкъ* (Іон. 4, 11). Это послѣ того какъ они покаялись и возопили къ Богу въ молитвѣ. Также и молитва о Петрѣ что сдѣлала? Молитва сія была столь сильна, что и тогда какъ двери темницы были заперты, и узы связывали Апостола, и съ обѣихъ сторонъ около его спала стража, извела его изъ темницы и освободила отъ всѣхъ оныхъ опасностей.“

Да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о насъ. — *Дарованіе* χαρισμα, такой даръ, такое благо, котораго естественнымъ путемъ никакъ получить нельзя, а только отъ Бога, отъ щедротъ Божіихъ (Фотій у Экум.). *Дарованіе еже въ насъ* здѣсь значитъ спасеніе наше. Апостолъ говоритъ: „Спасеніе наше, т.-е. избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ, о коихъ поминалъ. Богъ восхотѣлъ даровать всѣмъ вамъ, дабы многіе благодарили Его потому, что и благодать получили многіе“ (св. Злат.). Онъ указываетъ на дѣло уже

совершившееся, но въ немъ указываетъ и законъ промыслительныхъ Божіихъ дѣйствій въ силу молитвы многихъ. Богъ слышитъ молитвы многихъ и даруетъ просимое, чтобы за данное по молитвѣ многихъ, многіе благодарили. Что же? Благодареніе ли нужно Богу? Нѣтъ; но для Него дорого и цѣнно предъ очами Его то, чѣмъ вызывается благодареніе. Благодареніе вызывается чувствомъ благобытія, а благобытіе есть цѣль Божіей щедродательности. Благодареніе есть свидѣтельство, что Божія щедродательность разливается на многихъ, многими пріемлется и водворяетъ среди ихъ благобытіе. Въ семъ—покой Божій. Но это чувство благобытія бываетъ цѣннѣе въ очахъ Божіихъ, когда его чувствуютъ не ради того, что каждый самъ получилъ отъ руки Божіей, а что получили другіе. Въ этомъ случаѣ благодареніе намащается благоуханіемъ любви безкорыстной и благодарящихъ поставляетъ въ подобонастроеніе съ дарующимъ. Вотъ какія начала скрыты въ словѣ Апостола! „И сіе сказалъ онъ какъ для того, чтобы побудить ихъ къ молитвѣ за другихъ, такъ и для того, чтобы пріучить ихъ всегда благодарить Бога и за избавленіе другихъ отъ бѣдствій, показывая вмѣстѣ, что и Богъ сего особенно желаетъ. Молящіе и благодарящіе за другихъ и въ томъ и другомъ случаѣ гораздо большую собираютъ пользу себѣ самимъ“ (св. Злат.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,—ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

1, 12—7, 16.

Сначала Апостолъ 1) объясняетъ, по какой причинѣ перемѣнилъ планъ своего путешествія, 1, 12—2, 11. Затѣмъ 2) бесѣдуетъ о высотѣ христіанскаго откровенія и всего домостроительства спасенія, излагая и

то, какъ оно водворяется на землѣ, 2, 12—7, 1. Наконецъ 3) выражаетъ радость и утѣшеніе, доставленныя ему прибытіемъ Тита и всѣмъ, что видѣлъ онъ въ Коринѳѣ, и что передалъ ему, 7, 2—16. Почему вошли сюда эти предметы, выяснится въ самомъ толкованіи.

1.

Причина перемѣны плана путешествія

1, 12—2, 11.

Ходили рѣчи въ Коринѳѣ: думалъ придти къ намъ, а теперь идетъ иначе. Что за перемѣнчивость? Это легкота. Такія пустыя рѣчи отнести бы слѣдовало къ третьей части, гдѣ Апостолъ занимается развѣяніемъ пусторѣчія на его счетъ. Но онъ выдѣлилъ эту рѣчь изъ суммы другихъ, и занялся ею прежде всего ради того, что по поводу ея иные наводили тѣнь и на неизмѣнность самаго благовѣстія, достоинство котораго для Апостола Павла было выше всего на землѣ. Почему онъ и ставитъ этотъ предметъ на первомъ мѣстѣ. Ходъ мыслей его здѣсь такой: а) я всегда и всюду дѣйствовалъ по чистой совѣсти; такъ дѣйствовалъ и у васъ; и вамъ должна быть хорошо извѣстна искренность моихъ рѣчей, 1, 12—14. б) Опираясь на этомъ, не слѣдовало вамъ дурно толковать и то, что я хотѣлъ такъ придти къ вамъ, а теперь иду иначе, будто это легкота, будто есть тутъ какое-то совѣщаніе по плоти, 15—17. в) Но это еще ничего, я боюсь, какъ-бы вы дальше не пошли и на основаніи этого не стали допускать помысловъ о нетвердости благовѣстія. О, нѣтъ; слово благовѣстія нашего тотчасъ сопровождалось и дѣломъ, — вы приняли помазаніе. Слѣдовательно слово наше было — да, 18—22. г) Изъ этого одного вы должны были заключить, что къ

перемѣнѣ плана моего была причина, стоющая вниманія. И я вамъ объявляю ее. Это было желаніе избѣжать скорбной необходимости, самому распоряжаться судомъ и расправою надъ опечалившимъ всѣхъ насъ, 1, 23—24. д) Вы хорошо сдѣлали, поступивъ съ нимъ, какъ я писалъ; но какъ онъ кается, то можно его опять принять въ общину, 2. 1—11. Это послѣднее слово приложено здѣсь затѣмъ только, чтобъ не возвращаться опять къ тому же предмету; а сказать объ немъ, что сказано, слѣдовало.

а)

Искренность Апостольская

Ст. 12—14.

Ст. 12. *Похваленіе бо наше сіе есть, свидѣтельство совѣсти нашея, яко въ простотѣ и чистотѣ Божіей, а не въ мудрости плоти, но благодатію Божіею жихомъ въ мірѣ, множае же у васъ.*

Впереди выразилъ св. Апостолъ надежду, что Богъ, какъ избавлялъ ихъ, такъ и всегда будетъ избавлять отъ всѣхъ бѣдъ. Но упованія такого нельзя питать тому, у кого нечиста совѣсть. Только чистота совѣсти даетъ такое дерзновеніе упованію, а безъ того оно замираетъ, какъ цвѣтокъ на морозѣ. Объ этомъ и говоритъ теперь Апостолъ; но это же самое послужило ему исходною точкою и для объясненія того, о чемъ намѣренъ былъ говорить далѣе.

Похваленіе бо наше, говоритъ, *сіе есть.* Похваленіе—то, что предъ симъ сказалъ: *наньже уповахомъ, яко и еще избавитъ* (ст. 10). Чтобъ похвалиться такъ, я имѣю основаніе въ свидѣтельствѣ совѣсти. Похваленіе здѣсь, слѣдовательно, тоже, что дерзновеніе. Ѳеодоритъ пи-

шетъ: „Дерзновеніе же намъ даетъ (на то, чтобъ надѣяться на избавленіе отъ опасностей) свидѣтельство совѣсти.“ Или похваленіе означаетъ внутреннее утѣшеніе. Богъ избавлялъ и избавитъ; но пока придетъ избавленіе, ибо для сего есть свой терминъ, насъ поддерживаетъ, намъ подаетъ мужественное и благодушное перенесеніе прискорбностей сознаніе, что мы страждемъ безвинно. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ открываетъ намъ еще другое, не только не маловажное, напротивъ очень важное средство къ утѣшенію, могущее ободрять душу и тогда, когда ее подавляютъ бѣдствія, показываетъ еще другую свою добродѣтель. Какую же? Ту, что мы, говоритъ, гдѣ ни жили, вездѣ поступали по чистой и искренней совѣсти. А это не мало служитъ къ успокоенію и утѣшенію нашему. Такъ говоритъ Апостолъ вѣрующимъ для того, чтобы и ихъ научить не упадать духомъ въ скорбяхъ, но радоваться, если только будутъ имѣть чистую совѣсть. *Похваленіе наше*, говоритъ, *свидѣтельство совѣсти*, т.-е. когда совѣсть наша не имѣетъ причины осуждать насъ, какъ преступниковъ, преслѣдуемыхъ за худыя дѣла. Ибо, говоритъ, хотя бы мы терпѣли безчисленныя бѣдствія, хотя бы намъ отвсюду угрожали нападенія и опасности; для нашего утѣшенія достаточно одного свидѣтельства чистой совѣсти, что мы терпимъ сіи бѣдствія не за какое-нибудь преступленіе, но за благоугожденіе Богу, за добродѣтель, за истинное любомудріе и за спасеніе многихъ. Итакъ первое утѣшеніе, о которомъ выше говорилъ Апостолъ, проистекало отъ Бога, а сіе, о которомъ теперь говоритъ, отъ нихъ самихъ и было плодомъ чистой ихъ жизни. И потому, что сіе послѣднее было плодомъ ихъ добродѣтели, называетъ оное и похвалою своею.“

Въ чемъ же именно похвала, и что свидѣтельство-

вала совѣсть? *Яко въ простотѣ и чистотѣ Божіей жихомъ. Жихомъ*, ἀνεστράφημεν, вращались среди другихъ, держали себя въ сношеніяхъ съ другими и дѣйствовали на нихъ и предъ ними. *Въ простотѣ*, ἁπλότητος, какая бываетъ у дѣтей, безхитростная, никакихъ замысловъ не скрывающая, открытая вся какъ есть. *Въ чистотѣ*, εἰλικρινεία, искренно, какъ на душѣ, такъ и вовнѣ, ни слово, ни дѣло, ни мина и ничто внѣшнее наше не разнится съ тѣмъ, что у насъ на сердцѣ. *Божіей*—или Богоподобной, или Богу угодной (Ѳеоф.), или отъ Бога подаемой и какъ предъ Богомъ являемой. Итакъ Апостолъ говоритъ здѣсь: „Ничего не дѣлали коварно, или лицемѣрно, или притворно, ни изъ ласкательства, или злонамѣренно, или для обмана и обольщенія, ни по другимъ подобнымъ побужденіямъ; но поступали всегда со всякой свободою, простотою, истиною въ чистотѣ и незлобіи сердца, искренно отъ души; поелику не имѣли ничего, что бы нужно было скрывать, ничего зазорнаго“ (св. Злат.).

Не въ мудрости плоти. Плоть здѣсь—жизнь, которую отцы называютъ внѣшнею; мудрость сей жизни состоитъ въ томъ, чтобы всячески ухитряться поддерживать добрыя отношенія къ другимъ и благосостояніе семейное, маскируя себя и тщательно прикрывая свои цѣли, которыя всѣ сосредоточиваются въ томъ, чтобы жить всегда въ собственное удовольствіе, преслѣдовать свои интересы и не ударять себя въ грязь лицемъ, никого и ничего не щадя, что встрѣчается какъ препятствіе на пути, прикрывая однакожъ и это благовидностію. Эта мудрость не имѣетъ въ виду ни добродѣтели, ни славы Божіей, а лишь удовлетвореніе эгоизма, который и рождаетъ ее, и питаетъ, и совершенствуетъ. Она и на словахъ хитра, а еще болѣе хитра въ веденіи дѣлъ своихъ. Еслибъ раскрыть всѣ ея хитро-

сплетенія хоть въ одномъ случаѣ, изумились бы и не повѣрили, что человѣкъ самъ можетъ такъ ухитряться. Оттого есть у насъ поговорка: лукавый его научилъ.— Поговорка эта недаромъ, — она выражаетъ истину. Могла ли показаться такая мудрость въ духѣ Апостоловъ, преисполненныхъ Духа Божія? Св. Павелъ и отрицаетъ это, говоря: *не въ мудрости плоти* мы всегда дѣйствовали, „т.-е. безъ коварства и лукавства, безъ изысканныхъ словъ и хитросплетенныхъ умствованій. Итакъ чѣмъ лжеапостолы надмевались, то именно Апостолъ Павелъ отвергаетъ и презираетъ, явно показывая симъ, что плотское мудрованіе недостойно похвалы, и что самъ онъ не только не ищетъ, но еще стыдится и отвращается онаго“ (св. Злат.).

Но благодатію Божіею жихомъ въ мірѣ, т.-е. такъ жили, какъ внушала намъ Божія благодать, какъ руководила насъ и какъ дѣйствовала въ насъ. Жизнь *во благодати*, ἐν χάριτι, противоположна предыдущей жизни по мудрости плотской. Св. отцы различаютъ три степени или класса жизни, въ которыхъ можетъ по временамъ вращаться одинъ и тотъ же человѣкъ. Одна—жизнь плотская, какъ указано предъ симъ: она называется жизнію нижеестественною и даже противоестественною; другая—жизнь добродѣтельная по требованіямъ совѣсти, возможная даже и внѣ благодати: она называется естественною; третья—жизнь благодатная, зачинающаяся, зрѣющая и разнообразно проявляющаяся дѣйствіемъ лишь благодати Божіей: она называется вышеестественною и возможна только въ истинномъ христіанствѣ, составляя его отличительную черту. Она совершенно противоположна жизни по мудрости плоти. Въ ней ничего не дѣлается для себя, а все во славу Божію и благо другихъ; ничего также не дѣлается по своимъ смышленіямъ, а все по внушенію благодати, и

что ни дѣлается, дѣлается не своими силами, а благодатію, которая собственныя силы человѣка беретъ только какъ орудія для проявленія своихъ дѣйствій. У кого она есть, тѣ сознаніемъ и сердцемъ живутъ въ Богѣ единомъ, Который, живя въ нихъ, чрезъ нихъ дѣйствуетъ и внѣ ихъ. Но гдѣ Богъ, тамъ уступаютъ предѣлы естества; оттого такая жизнь не бываетъ безъ чудодѣйствій. Особенно не могла она быть безъ того у Апостоловъ. Почему когда говоритъ св. Павелъ: *благодатію Божіею жихомъ*, то разумѣетъ не только высоту, чистоту и отрѣшенность нравственную, но и проявленіе силы Божіей чрезъ нихъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „Что такое *благодатію Божію?* Т.-е. премудростію и силою, данными намъ отъ Бога, доказывая оныя чудесами, и побѣдою, которую одержали мы надъ мудрецами, риторами, философами и царями, мы, люди грубые и ничего не заимствовавшіе отъ людской мудрости. И не напрасно Апостолы симъ утѣшались и хвалились, когда увѣрены были въ себѣ самихъ, что дѣйствовали не человѣческою силою, но благодатію Божіею совершали все, и не въ Коринѳѣ только, но и во всей вселенной. Ибо говоритъ: *въ мірѣ жихомъ, множае же у васъ*. Что тако *множае у васъ?* Т.-е. *благодатію Божіею жихомъ*. Ибо у васъ мы больше совершили, говоритъ, чудесъ и знаменій, большую соблюдали осторожность, и особенно заботились вести себя такъ, чтобы не заслужить отъ васъ укоризны. Ибо и сіе послѣднее относитъ Апостолъ къ благодати Божіей, ей же приписывая и собственныя дѣйствія. Ибо извѣстно, что въ Коринѳѣ онъ отказался отъ правъ своихъ относительно содержанія проповѣдниковъ слова Божія (1 Кор. гл. 9), и щадя слабость Коринѳянъ, проповѣдывалъ Евангеліе безъ всякаго со стороны ихъ возмездія.“ Выходитъ, по св. Златоусту, *множае же у*

васъ не къ *благодатію Божіею* только относится, но и къ *въ простотѣ и чистотѣ Божіей*, и къ *не въ мудрости плоти*. Какъ послѣднія черты онъ производитъ отъ благодати Божіей, то и сказалъ вообще, что *множае у васъ* благодатію Божіею отличалась и свѣтила наша жизнь.

Ст. 13. 14. *Не иная бо пишемъ вамъ, но яже чтете и разумѣете. Уповаю же, яко и до конца уразумѣете: якоже и разумѣсте насъ отъ части, яко похваленіе вамъ есмы, якоже и вы намъ, въ день Господа нашего Іисуса Христа.*

Пишемъ, — говоритъ не о прежнемъ писаніи, или о писаніи вообще, а объ этомъ самомъ, что теперь пишетъ. Не иное пишемъ, говоритъ, а иное въ мысляхъ держимъ, а то самое и въ мысляхъ имѣемъ, что выражаютъ написанныя слова. Какія понятія возбуждаютъ у васъ читаемыя слова, тѣ самыя и у насъ находятся. Слова *читать* и *разумѣть*, ἀναγινώσκειν и ἐπιγινώσκειν, по созвучію часто ставятся одно съ другимъ, хотя выразить нужно бываетъ одно что-либо. Такъ и здѣсь св. Павелъ хотѣлъ сказать: что пишемъ, вы это знаете сами, изъ нашего у васъ пребыванія, и читая писанное вы тотчасъ видите, что это такъ есть. Почему Экуменій и Ѳеофилактъ подъ ἀναγινώσκειν разумѣютъ не *читать*, а *припоминать*. Греческое слово даетъ на это право: ἀνάγνωσις—ἄνωθεν γνῶσις.—Будетъ: не другое что пишемъ, какъ то, что сами припоминаете, и то что знаете. Такъ и св. Златоустъ: „Самихъ Коринѳянъ приводитъ въ свидѣтели того, что имъ говоритъ. Пусть, говоритъ, никто не думаетъ, что слова мои суть самохвальство, неоправданное дѣлами. Ибо я передаю вамъ только то, что вы сами знаете и что я не лгу, въ томъ мнѣ свидѣтелями прежде другихъ должны быть вы. Ибо, читая посланія наши, вы видите, что въ нихъ

написано то же самое, что вамъ извѣстно о насъ на самомъ дѣлѣ, — и что наше свидѣтельство о себѣ въ посланіяхъ нашихъ не только не противорѣчитъ дѣламъ нашимъ, напротивъ то, что вы прежде знали о насъ, совершенно согласно съ тѣмъ, что читаете о насъ въ посланіяхъ.“

Слѣдующія за симъ слова: *уповаю же, яко и до конца уразумѣете*, лучше читать въ связи съ: *якоже и разумѣете насъ отъ части*. Изъ опытовъ нашего среди васъ пребыванія и дѣйствованія вы насъ поняли отчасти; надѣюсь, что и всегда такъ понимать будете. Онъ хочетъ сказать, что какъ доселѣ мы не подали вамъ никакого повода думать о насъ, будто мы лукавы и неискренни, такъ и впередъ не встрѣтите такихъ поводовъ; каковы мы были, таковы теперь, таковы и будемъ; и слово наше и образъ дѣйствованія нашего всегда одинаковъ былъ, есть и будетъ. Не свое передаемъ, не свое вводимъ, а Божіе; Богъ же неизмѣненъ есть и истина Его вѣчна. Кто свое проповѣдуетъ и вводитъ, тотъ можетъ нынѣ такъ говорить и дѣйствовать, а завтра иначе. Мы же — орудія Божіи: Богъ есть дѣйствуяй въ насъ.

Слова: *уразумѣсте отчасти* и *до конца уразумѣете*— можно понимать и какъ указаніе на степени познанія. Отчасти вы познали насъ и поняли; уповаю, что дойдете и до совершеннаго насъ познанія, поймете насъ вполнѣ. Знанію и пониманію человѣческому естественно расти.

Яко похваленіе вамъ есмы, якоже и вы намъ въ день Господа нашего Іисуса Христа. — Это не предметъ уразумѣнія, не указаніе на то, что именно Коринѳяне уразумѣли въ Апостолахъ отчасти, и что до конца уразумѣютъ,—но новое подтвержденіе искренности Апостольской. Онъ хочетъ сказать: что говоримъ вамъ и

пишемъ, чему васъ учимъ и что заводимъ у васъ,—все то такъ дѣлаемъ, какъ имѣющіе на судъ Божій предстать. И я удостовѣряю васъ, что въ день Господень, т.-е. въ послѣдній день суда, мы вамъ будемъ въ похвалу. Судія всеправедный и всевѣдущій похвалитъ васъ за то, что вы слѣдовали слову нашему и искренно повѣрили ему; — и вы намъ будете тогда въ похвалу, за эту вѣру вашу намъ нашъ Судія не покоритъ, но похвалитъ. Такъ несомнѣнно вѣрно слово наше, что хотя бы мы въ другихъ отношеніяхъ оказались на судѣ недостойными похвалы, но за то, что передали вамъ сіе слово и сдѣлали васъ вѣрными Ему, насъ похвалитъ Судія праведнѣйшій. „Смотри, взываетъ св. Златоустъ, какъ онъ возводитъ Коринѳянъ къ высшему и пріучаетъ ихъ къ любомудрію, когда устремляетъ мысли къ оному великому дню Господню. Тогда, говоритъ, и мы прославимся въ васъ, и вы въ насъ, когда откроется, что у васъ были такіе учители, которые ничему человѣческому не учили, и ведя жизнь непорочную, не подавали никакого повода къ соблазну; а у насъ были такіе ученики, которые поступали не такъ, какъ обыкновенные люди—не колебались, но съ готовностію все принимали, и ни въ чемъ не противомудрствовали. И нынѣ открыто сіе имѣющимъ умъ Христовъ, а тогда откроется всѣмъ. Итакъ хотя мы и скорбимъ нынѣ, но не малое имѣемъ утѣшеніе какъ отъ доброй совѣсти, такъ и отъ ожидаемаго тогда откровенія. Нынѣ одна совѣсть наша знаетъ, что мы во всемъ поступаемъ по благодати Божіей, какъ и вы это знаете, и еще узнаете; а тогда всѣ человѣки узнаютъ и наши, и ваши дѣла, и увидятъ, что мы прославлены другъ за друга.“

Мы вамъ, говоритъ, будемъ въ похвалу въ день Господень, а вы намъ. Но о себѣ сказалъ онъ, что какъ всегда былъ вѣренъ истинѣ Божіей, такъ и впредь не

престанетъ быть таковымъ. Потому, по соотвѣтствію рѣчи, наводитъ и Коринѳянъ на обѣщаніе и рѣшеніе— какъ доселѣ были вѣрны слову принятому, такъ и впредь пребыть ему вѣрными, и не въ той только мѣрѣ познанія его, въ какой сдѣлались причастниками его доселѣ, но и въ какой бы мѣрѣ ни познали его. И никакой не было трудности для Коринѳянъ понять, что это есть неизбѣжное условіе для того, чтобы не посрамиться на судѣ. Учители прославятся за то одно, что учили; а ученикамъ нельзя быть прославленными за одно слышаніе и принятіе ихъ ученія. Это послужитъ еще къ большему осужденію, если къ принятію ученія не присоединится и слѣдованіе ему искреннее и неуклонное до конца.

б).

Неосновательность толкованія въ худую сторону того, что Апостолъ перемѣнилъ свой планъ

Ст. 15—17.

Ст. 15. *И симъ упованіемъ хотѣхъ къ вамъ пріити прежде, да вторую благодать имате.*

Симъ упованіемъ, т.-е. тѣмъ, которое выразилъ выше, что Коринѳяне до конца будутъ понимать его человѣкомъ, искренно говорящимъ; но разумѣетъ здѣсь не то, что самъ уповаетъ отъ Коринѳянъ, а то, что Коринѳяне видѣли бы въ немъ до конца, какъ онъ уповаетъ, т.-е. рѣчь всегда искреннюю. *Симъ упованіемъ* будетъ: въ такомъ настроеніи, искренно, неложно, нелукаво. Когда хотѣлъ я прежде къ вамъ придти, то таково истинно было у меня желаніе; и когда извѣщалъ васъ о томъ, говорилъ сущую правду.

Но когда это?—Вѣрно св. Павелъ прежде чѣмъ пи-

салъ первое посланіе, гдѣ пишетъ, что идетъ къ нимъ чрезъ Македонію, извѣщалъ ихъ чрезъ вѣрныхъ лицъ, что придетъ изъ Ефеса прямо къ нимъ, отъ нихъ сходитъ въ Македонію, изъ Македоніи же опять къ нимъ возвратится, а отъ нихъ отправится во Іудею. Когда дошли до Апостола вѣсти о разнорѣчіяхъ среди Коринѳянъ и особенно о кровосмѣсникѣ, онъ перемѣнилъ этотъ планъ; напередъ послалъ туда св. Тимоѳея, а въ слѣдъ за нимъ готовился и самъ идти уже чрезъ Македонію. Въ первомъ посланіи онъ и писалъ объ этомъ. Услышавъ это, нѣкоторые стали говорить: вотъ онъ какой, нынѣ такъ, завтра иначе. Объ этихъ рѣчахъ передалъ ему св. Титъ по возвращеніи изъ Коринѳа, и объ нихъ-то начинаетъ теперь рѣчь св. Павелъ. Таково, говоритъ, было мое непремѣнное желаніе и намѣреніе, чтобы къ вамъ напередъ придти.

Да вторую благодать имате.—Благодатію называетъ посѣщеніе Коринѳянъ, и по причинѣ радости и утѣшенія, которыя тѣмъ доставлялись, и по причинѣ благъ духовныхъ, которыхъ чрезъ то сподоблялись они: ибо съ Апостолами всегда шла и обильная благодать и слова помазаннаго, и пріосѣненія вѣрующихъ наитіемъ облагодатствованія, или еще и явленія благодатныхъ исцѣленій, избавленія отъ бѣсовъ, и проявленія другихъ силъ. Но что значитъ: *да вторую благодать имате?*—По сказанному смыслу благодати,—чтобы втораго сподобились вы моего посѣщенія. А это какъ?—Прямѣе бы всего такъ положить: первую благодать имѣли вы въ первое мое у васъ пребываніе, а это посѣщеніе было бы второю благодатію. Но наши толковники не берутъ въ такомъ смыслѣ сего слова, а разумѣютъ такъ: первая благодать была бы, когда бы я прямо къ вамъ прибылъ, а второю была бы, когда я, посѣтивъ Македонію, опять къ вамъ бы возвратился. Ѳеодоритъ пи-

шетъ: „*Да имате вторую благодать*, т.-е. сугубую радость отъ того, что примете меня у себя два раза.“

Ст. 16. *И вами проити въ Македонію, и паки отъ Македоніи пріити къ вамъ, и вами проводитися во Іудею.*

Чтобы не видѣть противорѣчія въ сихъ словахъ св. Павла съ тѣмъ, что онъ писалъ въ первомъ посланіи, надо имѣть въ мысли, что таковъ планъ былъ, какъ сказано у Апостола, прежде перваго посланія; но потомъ онъ перемѣнилъ его и писалъ, что идетъ къ нимъ чрезъ Македонію. Эта перемѣна и подала нѣкоторымъ поводъ обвинять Апостола въ измѣнчивости. Можно только спросить, отъ чего не сказалъ св. Павелъ объ этомъ въ первомъ посланіи? Причину, почему перемѣненъ планъ, выставляетъ онъ ниже, именно—нежеланіе лично распоряжаться съ кровосмѣсникомъ; а объ этомъ писать, какъ всякій видитъ самъ, не приходилось. Ктому же когда онъ писалъ: *Македонію бо прохожду* (1 Кор. 16, 5),—какъ будто хотѣлъ сказать: знайте же, что обѣщенное отмѣнено, и отмѣнено не безъ причины.

Ст. 17. *Сіе же хотя, еда что убо легкотою дѣяхъ? Или яже совѣщаваю, по плоти совѣщаваю, да будетъ у мене еже ей, ей, и еже ни, ни?*

Мѣсто это не совсѣмъ будетъ понятно и связно съ предыдущимъ и послѣдующимъ, если не дополнять его мыслію, что Апостолъ говоритъ здѣсь уже о перемѣнѣ плана путешествія. Всѣ наши толковники такъ и дѣлаютъ. Вотъ за всѣхъ слова св. Златоуста. „Здѣсь Апостолъ уже прямо отклоняетъ отъ себя упрекъ въ неисполненіи своего обѣщанія придти къ Коринѳянамъ. Ибо смыслъ словъ его такой: я хотѣлъ придти къ вамъ. Почему же не пришелъ? Не по легкомыслію ли и непостоянству? (Ибо сіе значитъ слова: *еда что убо легкотою дѣяхъ?*) Нѣтъ. Почему же? Потому что *яже совѣ-*

щаваю, не *по плоти совѣщаваю*. Что же значитъ: не *по плоти совѣщаваю?* Не какъ плотской человѣкъ;—*да будетъ у мене, еже ей-ей, и еже ни-ни*. Но и это не ясно. Что же такое онъ говоритъ? Человѣкъ плотской, говоритъ, т.-е. прикованный только къ настоящему, въ настоящемъ всегда живущій, и не находящійся подъ вліяніемъ Духа Божія, можетъ ходить всюду и блуждать, гдѣ вздумаетъ; напротивъ, подчиненный Духу Божію и Имъ водимый и управляемый, не можетъ всегда быть господиномъ своей воли, завися отъ власти Духа. Съ нимъ бываетъ то же, что съ вѣрнымъ рабомъ, который знаетъ только исполнять приказанія господина своего, и не имѣетъ власти надъ собою, и не знаетъ отдыха даже на малое время;—онъ обѣщаетъ иногда что-либо своимъ товарищамъ, но послѣ не исполняетъ своего обѣщанія, когда оно окажется противнымъ волѣ господина его. Вотъ что значатъ слова Апостола: не *по плоти совѣщаваю*,—т.-е. я нахожусь подъ управленіемъ Духа Божія и не имѣю власти идти куда хочу: я подчиненъ власти и повелѣніямъ Духа Божія, и Его голосъ управляетъ и руководитъ мною. Потому я и не могъ придти къ вамъ; ибо это не угодно было Духу Божію. (Подобное часто говорится въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, Дѣян. 16, 6—9. Въ иное мѣсто намѣревались идти Апостолы, но совсѣмъ въ другое повелѣвалъ имъ идти Духъ Божій.) Итакъ, что я не пришелъ къ вамъ, несмотря на мое обѣщаніе, это зависѣло не отъ легкомыслія моего или непостоянства, но отъ Духа Божія, Коему я подчиненъ и долженъ повиноваться. Что же? скажетъ кто-либо. Развѣ Апостолъ не по внушенію Духа Божія обѣщался придти? Нѣтъ, не по внушенію Духа. Это обѣщаніе было дѣломъ любви его къ Коринѳянамъ.“

Мысль св. Златоуста та, что кто по плоти совѣ-

щаетъ, тотъ когда положитъ что сдѣлать, то ужъ чего бы то ни стоило, усиливается сдѣлать такъ, чтобы поставить на своемъ, чтобы было у него да-да, а нѣтъ-нѣтъ. Бл. Ѳеодоритъ такъ выражаетъ мысль Апостола: „Не порабощаюсь я, говоритъ, страсти, чтобы такъ или иначе, но исполнить свое желаніе. Кто слѣдуетъ пожеланіямъ плоти, тотъ увлекается собственными своими помыслами, хотя бы они крайне были нелѣпы; а кто цѣломудренно о чемъ-либо задумываетъ, тотъ хотя бы задуманное было и нѣчто доброе, какъ скоро примѣтитъ, что не приноситъ это пользы другимъ, не приводитъ намѣренія своего въ исполненіе. А что мы, какъ скоро усмотримъ что полезнымъ для васъ, съ усердіемъ, ни мало не колеблясь предлагаемъ вамъ это,—о семъ свидѣтельствуетъ проповѣдь; потому что неоднократно, предлагая вамъ это, не перемѣнили словъ своихъ.“ Послѣднія слова бл. Ѳеодорита служатъ переходомъ къ слѣдующимъ словамъ Апостола.

в).

Эта перемѣна никакой не кладетъ тѣни на неизмѣнность Евангельской истины

Ст. 18—22.

Ст. 18. *Вѣренъ же Богъ, яко слово наше еже къ вамъ не бысть ей и ни.*

Могли подумать, что если у него да не да, и нѣтъ не нѣтъ, то, выходитъ, объ одномъ и томъ же у него то да, то нѣтъ. А что если и Евангеліе его таково же?! Предотвращая это, онъ говоритъ: нѣтъ, не думайте такъ; Евангеліе мое неизмѣнно вѣрно, какъ вѣренъ Богъ. Такъ св. Златоустъ: „Здѣсь Апостолъ опровергаетъ возникающее возраженіе. Ибо могли ему сказать:

если ты прежде положилъ въ своемъ обѣщаніи придти къ намъ, а послѣ перемѣняешь прежде сказанное, если у тебя нѣтъ *ей–ей* и *ни–ни*, то горе намъ! не случалось ли того же и въ самой проповѣди? Чтобы сего не подумали и не смущались, онъ говоритъ: *вѣренъ Богъ, яко слово наше еже къ вамъ, не бысть ей и ни.* Въ проповѣди, говоритъ, сего быть не можетъ; но это бываетъ только въ преднамѣреваемыхъ путешествіяхъ. Въ проповѣди слова наши всегда вѣрны и неизмѣнны. Ибо *словомъ* здѣсь называетъ онъ проповѣдь. Далѣе представляетъ на сіе неоспоримое доказательство, дѣло проповѣди относя къ Богу. И слова его имѣютъ такой смыслъ: обѣщаніе пришествія было мое, т.-е. я отъ себя обѣщалъ оное; проповѣдь же не моя и не человѣческая, но Божія; а что отъ Бога, то недоступно для лжи и обмана. Посему и сказалъ: *вѣренъ Богъ*, т.-е. истиненъ. Итакъ, ничего не подозрѣвайте въ томъ, что происходитъ отъ Бога; ибо здѣсь ничего нѣтъ человѣческаго.“

Ст. 19. *Ибо Божій Сынъ Іисусъ Христосъ, Иже у васъ нами проповѣданный, мною и Силуаномъ и Тимоѳеемъ, не бысть ей и ни, но въ Немъ Самомъ ей бысть.*

Доказываетъ неизмѣнную вѣрность слова своего самымъ дѣломъ, самымъ производствомъ проповѣди. Когда, говоритъ, мы у васъ проповѣдали Христа Спасителя, было ли такъ, что мы говорили одно, а вышло другое? Нѣтъ; но что ни говорили мы, все то оправдалось дѣломъ въ васъ и на васъ самихъ. Мы говорили: вѣруйте въ Сына Божія распятаго и получите отпущеніе грѣховъ, чрезъ крещеніе пріимете новую жизнь, чрезъ возложеніе рукъ нашихъ (то же, что нынѣ мvропомазаніе) даровъ Св. Духа сподобитесь, и силою преисполнитесь къ преодолѣнію всякаго грѣха, всякой страсти и всякаго вражескаго насилія. Сбылось ли

такъ, какъ мы говорили?—Сбылось, и это вы знаете. Такъ не думайте и не говорите, что Христосъ, нами у васъ проповѣданный, былъ да и нѣтъ: ибо ясно видите, что въ Немъ все—да. Что ни говоримъ мы о Немъ, все то такъ и есть; и чего ни чаете вы отъ Него, приступая къ Нему, все то сполна и съ преизбыткомъ получаете. „Все проповѣданное нами о Христѣ, съ совершенною точностію оказалось и на дѣлѣ“ (Экум.).

Поставляя съ собою Силуана и Тимоѳея, съ которыми въ первый разъ насаждалъ вѣру въ Коринѳѣ, Апостолъ возводитъ Коринѳянъ къ воспоминанію того, что были они до принятія вѣры и что стали по принятіи оной. Онъ какъ-бы говоритъ: вспомните, что вы были до общенія со Христомъ Господомъ и что стали потомъ; но какими вы стали потомъ, мы вамъ это обѣщали прежде чѣмъ вы стали Христовыми. Христосъ Сынъ Божій, нами у васъ проповѣданный, стало-быть, былъ—да.

„Силуаномъ здѣсь названъ Сила, ибо онъ раздѣлялъ съ Павломъ узы въ Филиппахъ (Дѣян. 16, 25). Его оставивъ въ Беріи Македонской, Павелъ пошелъ въ Аѳины (Дѣян. 17, 14). Онъ-то вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ, прибывъ къ Павлу въ Коринѳъ, сталъ его сотрудникомъ въ проповѣди“ (Ѳеод.).

Ст. 20. *Елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей, и въ томъ аминь, Богу къ славѣ нами.*

Всѣ обѣтованія Божіи, говоритъ, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, исполняются съ совершенною точностію, — въ Немъ они *ей* и *аминь*. Обѣтованія Божіи изречены въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ Пророковъ. Они касались лица Христа Спасителя, времени, мѣста и прочихъ обстоятельствъ Его явленія, — особенно же относились къ дѣлу спасенія, которое имѣло быть Имъ совершено, т.-е. какъ Онъ пострадаетъ, грѣхъ ради

нашихъ, умретъ на крестѣ, воскреснетъ, вознесется на небо и сядетъ одесную Отца, — какъ Духа Божественнаго отъ Отца ниспослетъ на обновленіе духовной жизни въ родѣ человѣческомъ чрезъ вѣру и благодать, для приготовленія такимъ образомъ сыновъ вѣчнаго царствія. Всѣ эти обѣтованія, предъизображенныя въ пророчествахъ, совершенно исполнились и исполняются во Христѣ Іисусѣ Господѣ. Приступающіе вѣрою къ Господу, тотчасъ на себѣ и испытываютъ исполненіе всѣхъ обѣтованій, относящихся къ дѣлу спасенія: испытываютъ отпущеніе грѣховъ, въ чемъ свидѣтель имъ облегченная совѣсть; испытываютъ обновленіе, въ чемъ свидѣтель имъ сознаніе новой жизни, воспріемлемой въ купѣли; испытываютъ наитіе благодати Св. Духа, въ чемъ свидѣтель имъ ощущаемая ими нравственная сила на преодолѣніе всякой страсти и всякаго грѣха; испытываютъ всыновленіе, въ чемъ свидѣтель имъ внутреннее чувство сыновства Богу, Духомъ возгрѣваемое, вслѣдствіе коего вопіютъ: Авва, Отче. Другая часть обѣтованій вѣрующимъ относится къ будущей жизни,—это воскресеніе и вѣчное блаженство со Христомъ. Эти еще не исполнились, но что несомнѣнно исполнятся, въ этомъ удостовѣряютъ исполнившіяся уже обѣтованія, которыя всѣ Апостолъ совмѣщаетъ въ дарованіи Духа, называя сіе дарованіе обрученіемъ или задаткомъ наслѣдія. Изъ сего прямо слѣдуетъ, что всѣ обѣтованія Божіи во Христѣ Іисусѣ— *да и аминь.*

Богу къ славѣ нами. Какъ обѣтованія Божіи о Христѣ Іисусѣ исполняются? Чрезъ Апостоловъ. Ибо, чтобы сдѣлаться причастникомъ ихъ, надо вѣровать. Какъ же увѣровать безъ проповѣдующихъ? Ихъ и устроилъ Господь. Самъ возсѣлъ одесную Отца; вмѣсто же Себя Духа Утѣшителя ниспослалъ, и облекши силою Его

Апостоловъ, послалъ ихъ по всему лицу земли насадить вѣру и водворить въ людяхъ спасеніе. Умноженіе содѣвающихъ спасеніе есть слава Божія на землѣ — послѣдняя цѣль исполненія всѣхъ обѣтованій Божіихъ въ Господѣ. Для ней пришествіе Господне во плоти, для ней проповѣдь Апостольская, для ней вѣра, для ней и будущее блаженство, да всѣми устами и всѣми дѣлами славится единый Богъ,—и Апостолами, и вѣрующими, и дѣлами тѣхъ и другихъ.

Св. Златоустъ въ бесѣдѣ на сіе мѣсто останавливается вниманіемъ преимущественно на будущихъ обѣтованіяхъ. „Много, говоритъ онъ, обѣтованій содержитъ проповѣдь Евангельская, и о многихъ обѣтованіяхъ благовѣствовали и проповѣдывали Апостолы. Ибо они говорили и о воскресеніи, и о всыновленіи, и о безсмертіи, и о великихъ наградахъ въ будущей жизни и неизреченныхъ тамъ благахъ. Сіи-то обѣтованія Апостолъ называетъ непреложными. Если же непреложны обѣтованія Божіи, и нѣтъ сомнѣнія, что Богъ исполнитъ оныя, то тѣмъ болѣе вѣренъ Самъ Онъ и слово о Немъ твердо: и нельзя сказать, что иногда Онъ есть, иногда же нѣтъ Его; но всегда есть и одинъ и тотъ же. Что же значитъ: *въ томъ ей, и въ томъ аминь?* Симъ онъ показываетъ, что обѣтованія Божіи непремѣнно сбудутся, ибо исполненіе ихъ зависитъ отъ Бога, а не отъ человѣка. Итакъ нечего бояться. Ибо обѣщаетъ не человѣкъ, котораго можно подозрѣвать въ невѣрности, но Богъ, Который говоритъ и творитъ.“

Ст. 21. 22. *Извѣствуяй же насъ съ вами во Христа, и помазавый насъ, Богъ, Иже и запечатлѣ насъ, и даде обрученіе Духа въ сердца наша.*

Извѣствуяй, βεβαίων—утверждающій; но не просто утверждающій, а утверждающій въ убѣжденіи, сообщающій намъ непоколебимую увѣренность въ твердости

вѣры и обѣтованій о Христѣ Іисусѣ Господѣ.—*И помазавый*, т.-е. Духомъ Святымъ насъ исполнившій, силою Котораго сообщаются духу нашему совершенства, предъизображавшіяся въ древнихъ первосвященникахъ, Пророкахъ и царяхъ. Помазаніе сіе — не знакъ внѣшній, а внутреннее вселеніе означаемаго. Что обѣтованія Божіи неложны, въ этомъ удостовѣряетъ сіе помазаніе. Такъ устроилъ и такъ совершаетъ въ насъ Самъ Богъ.—*Насъ съ вами*, т.-е. и Апостоловъ и вѣрующихъ: ибо говорится о томъ, что одинаково дѣйствуется и въ тѣхъ и въ другихъ; и Апостолы въ семъ отношеніи не имѣютъ преимущества предъ вѣрующими, ибо сіе принадлежитъ къ общему строю вѣры и дѣла спасенія.

Слѣдующія слова: *Иже и запечатлѣ насъ*, объясняютъ помазаніе; а—*даде обрученіе Духа въ сердца* указываютъ основаніе для извѣствованія. *Запечатлѣ*—значитъ положилъ въ насъ печать дара Духа Святаго. Даръ Духа и есть печать Божія на насъ. Печать на воскѣ даетъ форму ему; печать въ духѣ нашемъ есть сформированіе его по дѣйствію воспринятаго Духа благодати. Этимъ означается и возрожденіе и облагодатствованіе. Апостолъ хочетъ сказать словомъ: *запечатлѣ*, что все это не имя и знакъ, но сила и жизнь.—*Даде обрученіе Духа въ сердца наша*. Запечатлѣніе Духомъ и есть дарованіе Духа въ сердца, или вселеніе Его во внутреннемъ нашемъ человѣкѣ. Это вселеніе есть обрученіе, т.-е. залогъ, задатокъ, въ удостовѣреніе, что и всѣ обѣтованія, не исполнившіяся еще, исполнятся несомнѣнно. Удостовѣреніе поселяется тѣмъ, что задатокъ данъ такой большой. Еслибы маленькій былъ задатокъ, умѣстно было бы еще сомнѣваться, какъ обычно и бываетъ въ житейскомъ быту; а когда такой большой, какъ дарованіе Духа, кто можетъ сомнѣваться, что и будущее все исполнится въ точности?

Св. Златоустъ говоритъ: „Изъ бывшаго (т.-е. сбывшагося) Апостолъ утверждаетъ истину будущаго. Ибо если Самъ Богъ утверждаетъ насъ во Христа, т.-е. не попускаетъ намъ колебаться въ вѣрѣ во Христа, и Самъ помазалъ насъ и даровалъ Духа въ сердца наши, то какъ не даруетъ намъ благъ, обѣтованныхъ въ будущей жизни? Какъ не дастъ намъ и сихъ благъ послѣ того, какъ даровалъ уже начало и основаніе, корень и источникъ оныхъ, т.-е. истинное познаніе о Немъ, и причастіе Св. Духа? Подлинно, если и настоящія блага, которыми пользуемся, уже даны ради тѣхъ, которыхъ ожидаемъ еще, то Даровавшій настоящія вѣрно даруетъ и ожидаемыя. И если сіи полученныя нами блага Онъ даровалъ намъ тогда, когда мы были еще врагами Его, то тѣмъ паче даруетъ намъ будущія, когда мы сдѣлались уже любезными Ему. Посему Апостолъ не просто сказалъ: *Духа*, но прибавилъ: *обрученіе*, т.-е. залогъ, дабы симъ болѣе насъ увѣрить и обнадежить въ полученіи всего обѣщаннаго Богомъ. Дѣйствительно, если-бы Богъ не хотѣлъ даровать намъ всего, что обѣщалъ, то не благоволилъ бы дать и залога, чтобы не погубить оный попусту и напрасно.“

Такимъ образомъ, говоритъ, что слово наше не было въ васъ ей и ни, и что напротивъ все, нами вамъ возвѣщенное, неизмѣнно вѣрно, въ этомъ осязательное удостовѣреніе имѣете вы въ томъ, что съ вами и въ васъ совершилось и вами получено. Не дерзайте потому наводить на это тѣнь сомнѣнія изъ-за того, что я перемѣнилъ планъ. Напротивъ, изъ вѣрности дѣла спасенія въ васъ совершившагося, вамъ слѣдовало бы заключить, что если я измѣнилъ свой планъ, то измѣнилъ не по какому-либо легкомыслію или измѣнчивости, а имѣя на то важныя причины. Я сейчасъ и скажу вамъ ихъ.

г).

Настоящая причина измѣненія плана путешествія

1, 23—2, 4.

Ст. 23. *Азъ же свидѣтеля Бога призываю на мою душу, яко щадя васъ ктому не пріидохъ въ Коринѳъ.*

Свидѣтеля Бога призываю на душу, — не наказанію Божію себя подвергая, говоритъ такъ, а просто Бога представляя свидѣтелемъ истины словъ своихъ. Онъ говоритъ какъ-бы: говорю какъ предъ Богомъ, видящимъ душу мою. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Божественный Апостолъ, желая увѣрить, что слова его истинны, призвалъ во свидѣтельство Видящаго наши помышленія.“

Богъ свидѣтель, говоритъ, что *щадя васъ не пріидохъ*,—не пошелъ т.-е. прямо въ Коринѳъ, какъ обѣщался. Дѣло шло такъ. Апостолъ наказывалъ, что намѣренъ прибыть въ Коринѳъ прямо изъ Ефеса, но прежде чѣмъ успѣлъ онъ это сдѣлать, пришли недобрыя вѣсти. Получивъ эти вѣсти, Апостолъ отложилъ намѣреніе идти прямо въ Коринѳъ, но писалъ посланіе, убѣждая Коринѳянъ все неисправное исправить самимъ прежде его прибытія, чтобы, когда онъ придетъ, и имъ радостно было встрѣтить его, какъ исправнымъ уже, и ему только радоваться, видя ихъ исправность. Еслибъ онъ прямо пошелъ въ Коринѳъ, то ему самому надлежало бы исправлять неисправное; а это какъ ни смягчай, не можетъ не быть горько и для исправляющаго и для исправляемыхъ. Это и разумѣетъ онъ, говоря: *щадя васъ*. Самоисправленіе же и легче, и имѣетъ свою пріятную сторону, въ ожиданіи одобренія отъ замѣтившаго неисправность и желавшаго исправленія Апостола. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ: *щадя васъ?*

Я слышалъ, говоритъ, что нѣкоторые изъ васъ блудодѣйствовали, потому и не хотѣлъ придти къ вамъ, чтобы не опечалить васъ. Ибо, находясь у васъ, я бы поставленъ былъ въ необходимость самъ разбирать и изслѣдовать сіе дѣло и многихъ наказать. Итакъ я за лучшее почелъ не быть у васъ, чтобы дать вамъ время раскаяться, нежели пришедши къ вамъ, наказывать васъ, и еще большую понести скорбь самому отъ васъ.“

Ст. 24. *Не яко обладаемъ вѣрою вашею, но яко споспѣшницы есмы вашей радости: вѣрою бо стоите.*

Сказалъ выше: *щадя васъ*, не пришелъ къ вамъ. Это— *щадя*, могло показаться инымъ слишкомъ властительскимъ тономъ, какъ будто онъ считалъ себя въ правѣ дѣлать съ ними и ихъ вѣрою что хочетъ. Могли подумать: „что же это? Для того ли мы увѣровали, чтобы принять на себя рабство, и чтобы наказывалъ ты насъ властительски?“ (Ѳеод.). Предотвращая это, Апостолъ пишетъ: это сказалъ я не потому, чтобы властвовалъ надъ вѣрою вашею; вѣра — дѣло свободы; хотите — вѣруйте, хотите — нѣтъ. „Нежелающаго вѣрить кто властенъ принудить къ вѣрѣ?“ (св. Злат.). Но когда вы вступили въ область вѣры, то должны быть во всемъ вѣрны вѣрѣ. И я блюститель сей вѣрности. По долгу моему не могу оставить безъ исправленія вашихъ неисправностей. Все, чему училъ я васъ, и что завелъ у васъ, не мое, а Божіе; ничѣмъ изъ того поступиться не могу. Коль скоро оказываетесь неисправными, я долженъ исправлять васъ, а это горько для васъ. Я же не хочу быть виновникомъ вашей скорбности, а хочу, чтобъ отъ меня лично всегда вамъ исходило одно радостное. Вотъ въ какомъ смыслѣ сказалъ я: *щадя васъ*.... не хотя васъ огорчить, а напротивъ всегда и всѣмъ споспѣшествовать вашей радости. Ибо когда вы исправитесь отъ одного заочнаго моего вразумленія, для васъ

не будетъ въ этомъ ничего скорбнаго; напротивъ, вы ощущать будете радость самоохотнаго исправленія; и когда послѣ сего приду къ вамъ, мнѣ будетъ радостно видѣть васъ исправными, и вамъ будетъ радостно встрѣтить меня и видѣть радующимся о васъ. Итакъ я пощадилъ васъ, чтобы быть споспѣшникомъ вашей радости. „Я не пришелъ къ вамъ, чтобы не ввергнуть васъ въ унынiе,—чтобы дать вамъ случай радоваться своему исправленію только отъ заочной моей угрозы. Мы все дѣлаемъ для вашей радости, о семъ только и заботимся“ (св. Злат.).

Вѣрою бо стоите. Мысль ясна; но въ какой связи она здѣсь стоитъ, не видно. Ѳеофилактъ пишетъ: „Что касается до вѣры, то вы въ ней стоите (ἑστήκατε—установились, тверды). Въ другихъ отношеніяхъ вы пошатнулись; и еслибы виновные въ томъ остались неисправившимися, я долженъ бы былъ на нихъ налегнуть, и тѣмъ опечалить ихъ (и васъ всѣхъ), и себя самого.“ Такъ и Экуменій. Св. Златоустъ не выражаетъ этого, но, держа ту же мысль, вводитъ въ намѣренія Апостола, почему онъ объ этомъ сказалъ: „Смотри, съ какою опять осторожностію говоритъ онъ; не сталъ снова упрекать ихъ, потому что очень довольно уже обличилъ ихъ въ первомъ посланіи, и они послѣ того показали уже нѣкоторую перемѣну въ жизни. Если же бы и послѣ сей перемѣны они услышали тѣ же упреки, какіе и прежде, то сіе могло бы погубить ихъ (ввергнуть въ унынiе или отчаяніе). Почему сіе посланіе и написано съ большею кротостію, нежели первое.“ Итакъ Апостолъ сказалъ это, чтобъ ободрить Коринѳянъ и поднять ихъ духъ, одобривъ ихъ въ этомъ главномъ отношеніи.

Но, можетъ быть, у Апостола здѣсь такая мысль. какъ бы онъ говоритъ: вѣдь вы вѣрующіе; вѣра давала

вамъ и довольно побужденій и довольно силы къ тому, чтобъ исправить всѣ неисправности къ собственному вашему удовольствію и къ моей радости. Вотъ почему я увѣренъ былъ, что буду споспѣшникомъ вашей радости, если предоставлю вамъ самимъ исправиться, помянувъ только о неисправностяхъ. Этимъ я точно оказалъ щадѣніе васъ; но почему это сдѣлалъ я, причиною тому моя увѣренность, что вы вѣрою стоите.

Гл. 2. Ст. 1. *Судихъ же въ себѣ сіе, не паки скорбію къ вамъ пріити.*

Не хотѣлъ я придти къ вамъ прежде, чѣмъ исправитесь, видя, что тѣмъ причиню скорбь и вамъ, и себѣ. Я и разсудилъ въ себѣ, или самъ съ собою, не идти къ вамъ прямо изъ Ефеса, а прежде написать вамъ, чтобъ вы все поисправили сами, и чтобы мнѣ, когда послѣ сего приду, придти къ вамъ не на скорбь ужъ, а на радость. Надежда же моя на то, что такъ будетъ, основывается на вашей вѣрѣ; ибо въ вѣрѣ вы тверды.

Ст. 2. *Аще бо азъ скорбь творю вамъ, то кто есть веселяяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене.*

Мѣсто это темновато, но, по связи съ теченіемъ рѣчи, нельзя не видѣть, что св. Павелъ оправдываетъ здѣсь образъ своего дѣйствованія успѣхомъ, относя и его въ похвалу Коринѳянамъ. Поелику надобно было исправлять, то это безъ скорби обойтись не могло. Дѣло благоразумія было сдѣлать это какъ можно съ меньшею скорбію, или со скорбію почти незамѣтною. Я это и сдѣлалъ: писалъ къ вамъ, укоряя и убѣждая исправиться. Конечно, это не могло не быть скорбнымъ не для тѣхъ только, кого касалось обличеніе, но и для всѣхъ васъ. Но эта скорбь къ чему повела? Къ исправленію, а исправленіе къ обвеселенію меня. Кто можетъ больше обвеселить меня, какъ не тотъ, кто въ такой силѣ принимаетъ скорбь отъ меня? Итакъ, если я скорбь

творю вамъ, и моимъ неприбытіемъ къ вамъ, и моимъ обличительнымъ посланіемъ, пусть творится скорбь: она врачевство; пріявшіе скорбь исправятся, исправившись обвеселятъ меня, мое же обвеселеніе отразится опять на васъ и будетъ у насъ общее веселье. Ѳеодоритъ пишетъ: „Ибо что меня столько веселитъ, какъ чувствительность обвиняемыхъ? Она показываетъ мнѣ пользу, произведенную обвиненіями.“

Чтобы видѣть связь этихъ словъ съ предыдущими, надобно поставить между ними дополнительную мысль: не судилъ я лично скорбь вамъ нанесть, а если ужъ нельзя было обойтись безъ сего, ограничился поверженіемъ васъ въ скорбь чрезъ посланіе. Въ слѣдующемъ стихѣ онъ и прямо выражаетъ сіе. Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „Не хотѣлъ я, говоритъ, придти къ вамъ, чтобы не огорчить васъ новыми упреками, негодованіемъ и отвращеніемъ. Правда, и мнѣ не обошлось безъ огорченія, когда я принужденъ былъ упрекать васъ и видѣть вашу скорбь отъ того: но сіе же самое вмѣстѣ доставило мнѣ и удовольствіе. Ибо это было признакомъ величайшей ко мнѣ любви вашей, когда я такъ много значилъ для васъ, что и одно негодованіе мое могло снѣдать васъ. Никто столько не радуетъ меня, сколько тотъ, кто снѣдается отъ словъ моихъ и скорбитъ, видя меня огорченнымъ. Правда, лучше бы было сказать такъ: если я и оскорбляю васъ, то кто же можетъ и обрадовать васъ? Но онъ не говоритъ сего, и, желая исправить Коринѳянъ, превращаетъ рѣчь сію и говоритъ: хотя я и заставляю васъ скорбѣть, впрочемъ, снѣдаясь скорбію отъ моихъ словъ, вы доставляете мнѣ великую радость.“

Ст. 3. *И писахъ вамъ сіе истое, да не пришедъ скорбь на скорбь пріиму, о нихже подобаше ми радоватися, надѣяся на вся вы, яко моя радость всѣхъ васъ есть.*

Этимъ полнѣе и точнѣе опредѣляется мысль предыдущаго темноватаго мѣста. „Для того пришествіе мое предварено посланіемъ, чтобы оно послужило для васъ уврачеваніемъ, а мнѣ уготовало радость, въ которой будете участвовать и вы, признавъ радость мою своею собственною“ (бл. Ѳеод.). Этотъ и есть смыслъ моего къ вамъ посланія. Затѣмъ писалъ, чтобъ вы исправились, и чтобы, пришедши къ вамъ прежде посланія и прежде вашего исправленія, не принять мнѣ скорбь на скорбь. Скорбь уже имѣлъ я ту, что у васъ были не малыя неисправности; да пришедши къ вамъ, прежде вашего исправленія, долженъ бы былъ принять новую скорбь, лично обличая неисправныхъ и исправляя ихъ. И эта послѣдняя скорбь увеличивалась бы тѣмъ, что тогда какъ надлежало бы мнѣ найти васъ на высшихъ степеняхъ совершенства и радоваться тому, я увидѣлъ бы васъ совсѣмъ неисправными. Это ужъ и третья скорбь, и притомъ самая чувствительная,—когда скорбь принимаешь по причинѣ тѣхъ, которые должны бы были доставлять радость. Вотъ по какой причинѣ, я не самъ пришелъ къ вамъ прямо изъ Ефеса, а напередъ послалъ посланіе, чтобъ, получивъ посланіе, вы исправились, и я пришедши послѣ сего только бы радовался у васъ. Я дѣйствовалъ такъ, *надѣяся*, въ полной увѣренности, что *моя радость всѣхъ васъ есть*, т.-е. что вы возревнуете доставить мнѣ радость исправленіемъ всѣхъ неисправностей, почитая радость мою общею всѣхъ радостію, желая увидѣть меня радующимся. чтобъ отъ видѣнія радости на лицѣ моемъ и самимъ вамъ обрадованными быть. Св. Златоустъ мысль Апостола выражаетъ такъ: „Я для того прежде написалъ вамъ, чтобы къ прискорбію моему не найти васъ неисправившимися. Я увѣренъ, что вы радуетесь, если видите меня радующимся, и сами исполнитесь печали,

когда увидите меня печальнымъ. Поступилъ же я такъ, имѣя въ виду не свою, но вашу пользу. Хотя отъ вашего огорченія я получаю не малое удовольствіе, когда вижу васъ столько о мнѣ заботящихся, что вы и сами скорбите, когда видите меня скорбящимъ, не смотря однако на такое расположеніе моего духа, поелику я имѣю въ виду вашу пользу, то и *когда писахъ вамъ сіе истое, да не скорбь пріиму*, и въ семъ опять искалъ я не своей, но вашей пользы. Ибо я знаю, что вы и сами будете скорбѣть, увидѣвъ меня скорбящимъ, равно какъ и возрадуетесь, когда увидите меня радующимся. Примѣчай, какъ у мѣста сказалъ Апостолъ и сіе: *о нижже подобаше ми радоватися.* Ибо сіе свидѣтельствуетъ искренность его и великую къ нимъ любовь. Такъ могъ сказать какой-нибудь отецъ къ дѣтямъ, для которыхъ онъ много сдѣлалъ добра и много потрудился. Итакъ, говоритъ, если я только пишу и нейду къ вамъ самъ, то нейду потому, что симъ устрояю что-нибудь лучшее о васъ, а не по ненависти къ вамъ и не потому, чтобы отвращался васъ, но потому, что очень люблю васъ.“

Ст. 4. *Отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имамъ изобильно къ вамъ.*

„Апостолъ чувствительно коснулся ихъ въ прежнемъ посланіи; посему объявляетъ, что написалъ это не просто съ намѣреніемъ огорчить ихъ, но имѣя въ виду уврачевать погрѣшившихъ, за которыхъ и терпѣлъ онъ великую болѣзнь (сердечную), и посланіе свое послалъ съ надеждою на нихъ, показывая тѣмъ, какое имѣетъ къ нимъ расположеніе“ (Ѳеод.). „Поелику Апостолъ сказалъ, что радуется, когда они скорбятъ (въ чувствахъ покаянія и исправленія); то, чтобы на сіе Коринѳяне не сказали ему: такъ ты заботишься о томъ только, чтобы тебѣ самому радоваться и показывать

всѣмъ, сколь великую ты имѣешь силу у насъ, — для сего онъ присовокупилъ: *отъ печали бо многія* и проч. Какая душа можетъ быть нѣжнѣе и чадолюбивѣе сей, которая такъ говоритъ? Апостолъ не только не менѣе, напротивъ еще гораздо болѣе скорбѣлъ о согрѣшившихъ, нежели сколько скорбѣли сами согрѣшившіе. Ибо не просто говоритъ: отъ печали, но *отъ многія печали;* не слезами только, но *многими слезами*, и отъ *туги сердца*, т.-е. я былъ задушаемъ и подавляемъ печалію, и немогши далѣе переносить давленія отъ этого облака печали, я рѣшился писать къ вамъ, — не для того впрочемъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы вы познали любовь, какую я въ избыткѣ имѣю къ вамъ. Надлежало бы сказать такъ: не для того, чтобы оскорбить васъ, но чтобы исправить, ибо для сего и писалъ, но Апостолъ не говоритъ такъ; напротивъ, чтобы сдѣлать рѣчь болѣе пріятною и крѣпче привязать къ себѣ Коринѳянъ, онъ вмѣсто напоминанія объ исправленіи, увѣряетъ ихъ въ любви своей, по которой все дѣлаетъ. И не просто говоритъ: имѣю къ вамъ любовь, но— *юже имамъ изобильно къ вамъ*, желая и симъ привлечь ихъ къ себѣ, показавъ, что онъ болѣе всѣхъ любитъ ихъ и къ нимъ расположенъ, какъ къ избраннымъ ученикамъ. Такимъ образомъ Апостолъ хотя и съ гнѣвомъ говорилъ, но сей гнѣвъ происходилъ отъ великой любви и скорби. Ибо и пиша посланіе, говоритъ, я скорбѣлъ и страдалъ не о томъ только, что вы согрѣшили, но и о томъ, что я поставленъ былъ въ необходимость огорчить васъ, и все это отъ любви, — подобно отцу, который будучи поставленъ въ необходимость отсѣкать и прижигать гнилые члены у любимаго сына, вдвойнѣ страждетъ, и отъ представленія болѣзни сына и отъ необходимости самому отсѣкать больные члены. Посему то, что вы почитаете признакомъ недоброжела-

тельства къ вамъ, служитъ признакомъ величайшей къ вамъ любви. Если же огорчить васъ я возбужденъ былъ любовію, то тѣмъ болѣе радоваться, видя вашу скорбь. Такъ Апостолъ защищаетъ себя. Онъ и часто такъ защищается, и не стыдится сего. Ибо если и Богъ это дѣлаетъ, когда говоритъ: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ* (Мих. 6, 3)? то тѣмъ болѣе могъ дѣлать сіе Павелъ“ (св. Злат.).

2.

Помилованіе покаявшаго кровосмѣшника

2, 5—11.

Ст. 5. *Аще ли кто оскорбилъ мене, не мене оскорби. но отъ части, да не отягчу всѣхъ васъ.*

„Отъ защищенія себя самого онъ переходитъ теперь къ защищенію впадшаго въ блудодѣяніе“ (св. Злат.).

Этотъ текстъ точно стоитъ на переходѣ отъ предыдущей мысли къ слѣдующему изъявленію помилованія покаявшемуся грѣшнику. Выше сказалъ, что если писалъ къ нимъ строго, то писалъ со скорбію и слезами, и писалъ такъ не съ тѣмъ, чтобъ опечалить ихъ, но чтобъ любовь изъявить. Въ чемъ любовь? Въ томъ, что произнося строгій приговоръ на согрѣшившаго, онъ ихъ защищалъ, съ нихъ снималъ пятно, ихъ очищалъ и обвеселялъ. Ибо, говоритъ, этотъ, совершившій такое неслыханное преступленіе, опечалилъ не меня одного, но отчасти и васъ, отчасти, говорю, чтобъ не сказать тяжелаго слова, но мысль моя та, что онъ опечалилъ и васъ не менѣе, чѣмъ меня (св. Злат.). Итакъ, произнося на него приговоръ, и притомъ чрезъ ваше или общественное рѣшеніе, я васъ удовлетворялъ, за васъ стоялъ, вашу скорбь хотѣлъ прогнать. — И познайте въ этомъ любовь мою.

Но въ этомъ самомъ представленіи дѣла, Апостолъ приготовлялъ Коринѳянъ и къ принятію слѣдующаго изреченія о помилованіи.

Ст. 6. *Довольно бо таковому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ.*

Узнавъ о паденіи, бывшемъ среди васъ, я скорбѣлъ о томъ и сокрушался. Когда я обличилъ сіе непотребство, возскорбѣли и вы о томъ не меньше меня. Потому единодушно произнесли прописанный мною приговоръ ему. И вотъ онъ отлученъ, и несетъ на себѣ тяготившую насъ скорбь. Намъ отрадно, ему тяжело. Онъ болитъ сердцемъ и сокрушается. — Что до меня, то, смотря на эту скорбь его покаянную, я утѣшаюсь: ибо это значитъ, что онъ живъ духовно. Радуетъ меня очевидное его желаніе быть въ общеніи съ нами, причастникомъ великихъ обѣтованій вѣрующихъ о Христѣ Іисусѣ. Но я желаю, чтобъ и вы, какъ скорбѣли вмѣстѣ со мною изъ-за него, такъ вошли и въ соучастіе радости моей изъ-за него же. Писалъ я строго, да познаете любовь мою, имѣя въ мысли явить сію любовь и къ согрѣшившему, если покается. Вотъ онъ кается; явимъ же къ нему любовь!—Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ начинаетъ говорить о семъ Коринѳянамъ тогда же, когда напередъ похвалилъ ихъ за то, что они однѣ имѣютъ съ нимъ радости и однѣ и тѣ же скорби, и сказавъ напередъ: *яко моя радость всѣхъ васъ есть*. Если же радость моя есть вмѣстѣ и ваша радость, то вамъ должно, говоритъ, и теперь вмѣстѣ со мною радоваться, также какъ и тогда вмѣстѣ со мною скорбѣли. Ибо какъ тогдашнею скорбію своею вы доставили мнѣ удовольствіе и радость, то же сдѣлаете и нынѣ вашею радостію, если только примете участіе въ моей радости.“

Всѣ грѣхи, совершенные до крещенія, омываются

крещеніемъ и прощаются даромъ. Грѣхи же по крещеніи требуютъ очистительнаго наказанія. Требовалось оно и для коринѳскаго грѣшника. Апостолъ говоритъ: что касается до очистительнаго наказанія, которое должно возлагать на кающагося, то въ отношеніи къ нашему покаяннику довольно этого, совершившагося уже, запрещенія *еже отъ многихъ*. т.-е. этого отлученія произнесеннаго собраніемъ вѣрующихъ, „потому что всѣ стали отвращаться отъ него, какъ повелѣлъ Апостолъ“ (Ѳеод.). Запрещеніе,—ἐπιτιμία,—обнимаетъ все, что было возложено на согрѣшившаго, не смотря на его покаяніе. Тутъ начало и основаніе нашихъ церковныхъ эпитимій и самаго образа ихъ употребленія, т.-е. произнесенія ихъ по всей строгости и потомъ сокращенія ихъ, смотря по чувствамъ сокрушенія кающагося лица.

Замѣчательно, что Апостолъ и здѣсь, какъ въ первомъ посланіи, не поминаетъ имени согрѣшившаго, ни имени грѣха его. Св. Златоустъ говоритъ о семъ: „не говоритъ: впадшему въ блудодѣяніе, но, опять также какъ и въ первомъ посланіи, *таковому*, хотя и по другой причинѣ. Тогда говорилъ такъ по отвращенію отъ содѣяннаго грѣха, а здѣсь по снисхожденію къ согрѣшившему. Посему же здѣсь не упоминаетъ онъ и о содѣянномъ грѣхѣ; ибо время уже было защитить виновнаго.“

Ст. 7. *Тѣмже сопротивное паче вы да даруете и утѣшите, да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый.*

„Апостолъ повелѣваетъ здѣсь не только разрѣшить положенное наказаніе, но и возвратить виновнаго въ прежнее его состояніе. Ибо если кто, наказавши виновнаго, просто отпускаетъ его безъ всякаго утѣшенія, тотъ никакой пользы не дѣлаетъ ему. Но смотри опять, какъ Апостолъ удерживаетъ и виновнаго, чтобы онъ,

получивъ прощеніе, не сдѣлался хуже. Ибо несмотря на то, что онъ исповѣдалъ свой грѣхъ и раскаялся въ немъ, Апостолъ даетъ виновному видѣть, что онъ получаетъ прощеніе не столько за раскаяніе, сколько по милости и снисхожденію; почему и говоритъ: *да дарусте и утѣшите.* Сіе видно и изъ послѣдующихъ словъ. Ибо не говоритъ: разрѣшаю простить виновнаго, потому что онъ достоинъ сего, или что онъ принесъ искреннее покаяніе,—но потому что онъ слабъ. Посему и присовокупилъ: *да не како многою скорбію пожретъ будетъ таковый.* Говоря сіе, Апостолъ свидѣтельствуетъ и о великомъ раскаяніи виновнаго, и не допускаетъ его дойти до отчаянія. Что же значитъ: *пожретъ будетъ?* Или то, что таковый можетъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ Іуда, или что онъ въ образѣ жизни можетъ сдѣлать хуже. Ибо хотя, говоритъ, онъ и не таковъ, чтобы не могъ болѣе переносить мученій продолжительнаго наказанія, но, потерявъ терпѣніе и надежду, легко можетъ посягнуть на свою жизнь, или предаться большему нечестію. Посему намъ должно быть осмотрительными, чтобы рана не сдѣлалась жесточае и опаснѣе и чтобы неумѣренностію въ наказаніи не погубить и того, что уже сдѣлали добраго. Говоря сіе, Апостолъ хотѣлъ, какъ я прежде замѣтилъ, и обуздать, и вразумить виновнаго, чтобы онъ, получивъ прощеніе, не сдѣлался еще нерадивѣе. Ибо, говоритъ, я принялъ таковаго въ прежнее мое расположеніе не потому, чтобы онъ совершенно очистился отъ скверны содѣяннаго грѣха, но убоявшись, чтобы не сдѣлалъ чего-нибудь хуже. Отселѣ мы научаемся, что мѣру покаянія надобно назначать не только по свойству грѣховъ, но и вмѣстѣ сообразуясь съ свойствомъ духа и состояніемъ самыхъ грѣшниковъ. Такъ тогда и поступилъ Апостолъ; ибо и его устрашила слабость

грѣшника. Потому и сказалъ: *да не пожертъ будетъ*, какъ бы звѣремъ какимъ, или волнами, или бурею."

Ст. 8. *Тѣмже молю вы, утвердите къ нему любовь.*

Утвердить,—χυρωσαι,—рѣшительное дать опредѣленіе, подписать утверждаемое. Можетъ быть Апостолъ разумѣетъ и то, чтобы общимъ приговоромъ возвратили ему любовь свою, или одно то хочетъ означить, чтобъ любовь сія была крѣпкая, полная, безвозвратная. Онъ говоритъ какъ-бы: „присоедините членъ къ тѣлу, пріобщите овцу къ стаду, покажите горячее къ нему расположеніе" (Ѳеод.). „Не повелѣваетъ уже, но проситъ Коринѳянъ, не какъ учитель, но какъ равный, и предоставивъ имъ возсѣдать на судейскомъ сѣдалищѣ, самъ сталъ на мѣстѣ защитника. Ибо какъ онъ достигъ уже чего хотѣлъ, то отъ радости не зналъ мѣры своему смиренію. О чемъ же ты просишь, скажи мнѣ? *Утвердите къ нему любовь*, т.-е. съ искреннею и крѣпкою любовію, а не просто и какъ случилось, примите его. Говоря сіе, Апостолъ опять усвояетъ Коринѳянамъ добродѣтель очень высокую. Тѣ самые, которые прежде показали такую любовь къ своему собрату, и такъ защищали его, что гордились симъ, послѣ такое возъимѣли къ нему отвращеніе, что Павлу великаго стоило труда заставить ихъ принять виновнаго въ прежнюю любовь. Вотъ похвальное качество въ ученикахъ, вотъ совершенство въ учителѣ: когда ученики такъ послушны, а учитель такихъ послушныхъ образуетъ учениковъ! Ибо никого не должно ни безразсудно любить, ни отвращаться безъ причины. Еслибъ и нынѣ такъ было, то согрѣшающіе не были бы такъ равнодушны и нечувствительны къ своимъ грѣхамъ" (св. Злат.).

Ст. 9. *На сіе бо и писахъ, да разумѣю искусство ваше, аще во всемъ послушливи есте.*

Писахъ,—ἔγραφα,—написалъ, что можно относить и

къ прежнему посланію, и къ предшествующимъ здѣсь словамъ. Прежде пиша о наказаніи виновнаго, Апостолъ имѣлъ уже въ виду помиловать его, если покается. Одно, говоритъ, сдѣлали; дѣлайте и другое. Этимъ покажете *искусство*—разумность въ послушаніи, что не по своимъ разсчетамъ и смышленіямъ оказываете послушаніе, а по самому послушанію, имѣя сію добродѣтель и дѣйствуя по ней независимо отъ всего. Въ этомъ прописалъ онъ имъ неотразимое побужденіе къ исполненію его желанія, поставивъ ихъ въ состояніе учениковъ, подвергшихся испытанію, которыхъ вся забота отвѣтить такъ, чтобы получить одобреніе испытующаго. Св. Златоустъ говоритъ: „да разумѣю, говоритъ, послушны ли вы, т.-е. не только въ отсѣченіи виновнаго отъ вѣрующихъ, но и въ присоединеніи къ нимъ. Видишь, какъ и здѣсь Апостолъ поставляетъ Коринѳянъ въ необходимость рѣшиться на сей подвигъ: ибо какъ тогда, когда виновный согрѣшилъ, Апостолъ представилъ имъ, сколь опасно для нихъ будетъ, если они не отсѣкутъ его, сказавъ, что *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. 5, 6), и многое другое; точно также и здѣсь представилъ имъ всю опасность непослушанія, и сказалъ почти слѣдующее: какъ прежде я долженъ былъ заботиться не о виновномъ только, но и о васъ, такъ и теперь не болѣе забочусь о немъ, сколько и о васъ, чтобы кто не почелъ васъ за людей упорныхъ, безчеловѣчныхъ и не во всемъ послушныхъ. Ибо удаленіе виновнаго изъ вашего общества могло показаться нѣкоторымъ и дѣломъ ненависти и жестокости, напротивъ, воспринятіе его въ любовь вашу особенно докажетъ искренность вашего послушанія, а вмѣстѣ и вашу готовность, и способность къ дѣламъ человѣколюбія. Ибо добрые и умные ученики повинуются своему учителю не только въ первомъ его тре-

бованіи, но и въ другомъ, хотя бы приказывалъ и противное что первому требованію. Посему Апостолъ и сказалъ: *во всемъ*, дабы показать, что Коринѳяне, въ случаѣ непослушанія, не столько его, сколько себя постыдятъ, заслуживъ славу непокорныхъ. Дѣлаетъ же сіе онъ для того, чтобы и симъ побудить ихъ къ послушанію, какъ показываютъ и сіи слова: *на сіе бо и писахъ вамъ*. Хотя и не для сего писалъ Апостолъ, ибо главная цѣль его была спасеніе согрѣшившаго, однако говоритъ: *для сего*, чтобы тѣмъ болѣе расположить Коринѳянъ въ пользу виновнаго. Впрочемъ самъ онъ и себѣ не вредитъ въ достиженіи главной цѣли, и Коринѳянамъ благопріятствуетъ. Сказавъ же: *во всемъ*, симъ напоминаетъ имъ о первомъ ихъ послушаніи и выставляетъ его здѣсь на видъ, съ намѣреніемъ похвалить ихъ (и похвалою за прежнее послушаніе расположить къ новому).“

Ст. 10. *Емуже аще что даруете, и азъ: ибо азъ аще что даровахъ, емуже даровахъ, васъ ради, о лицѣ Іисусѣ Христовѣ.*

Въ самую тѣсную связь поставляетъ себя съ Коринѳянами, такъ что гдѣ они, тамъ и онъ. И ихъ онъ пускаетъ впередъ, а себя представляетъ идущимъ въ слѣдъ за ними, свое имъ послушаніе оказываетъ, чтобъ и у нихъ отсѣчь всякую вину къ непослушанію. Онъ уже изрекъ помилованіе виновному прежде, когда тѣ еще и думать о томъ не думали; но изрекъ, имѣя въ виду ихъ пользу, ихъ благо, ихъ общее спасеніе; *даровахъ*, говоритъ, *васъ ради*. Не власть свою являя и упражняя, сдѣлалъ это, но заимствовалъ побужденіе къ такому дѣлу со стороны васъ, отъ васъ будто повелѣніе получивъ. „Видишь ли, говоритъ св. Златоустъ, какъ опять Апостолъ уничижаетъ себя предъ Коринѳянами, поставляя ихъ на первомъ мѣстѣ, а себя на второмъ; и

все сіе для того, чтобы смягчить ожесточенныя души и преклонить непреклонныя сердца. Но чтобы симъ не подать Коринѳянамъ повода думать, что все дѣло предоставлено ихъ власти, и чтобы они не стали упорствовать въ прощеніи виновнаго, Апостолъ, ограничивая власть ихъ, говоритъ, что и самъ онъ даровалъ прощеніе виновному: *ибо и азъ, аще что дароваxъ, дароваxъ васъ ради*, т.-е. и сіе самое сдѣлалъ я для васъ. И въ первый разъ, когда Апостолъ повелѣваетъ Коринѳянамъ отсѣчь виновнаго, онъ не далъ имъ власти простить его, сказавъ: *уже судихъ предати таковаго сатанѣ*, а потомъ допустилъ и ихъ къ участію въ семъ приговорѣ, когда сказалъ: *собравшимся вамъ предати таковаго* (1 Кор. 5, 3—5). Онъ поступилъ такъ, имѣя въ виду двѣ важныя вещи: чтобъ и приговоръ произнести, и (произнести) не безъ согласія Коринѳянъ, чтобъ не огорчить ихъ. Точно такъ поступаетъ онъ и здѣсь, ибо говоритъ: *азъ дароваxъ* прощеніе виновному, я, который въ первомъ посланіи осудилъ его. Потомъ чтобы Коринѳяне не оскорбились, какъ-бы презрѣнные отъ Апостола, онъ говоритъ: *васъ ради*. Что же это? Ужели онъ простилъ согрѣшившаго для людей? Нѣтъ; ибо для сего и просовокупилъ: *о лицѣ Іисусѣ Христовѣ*, т.-е. или по волѣ Божіей, или во славу Христа.—Ѳеодоритъ объ этомъ пишетъ такъ: „чтобы не подумалъ кто, будто бы Апостолъ изъ угожденія людямъ вознерадѣлъ о справедливости, онъ присовокупилъ: *о лицѣ Іисусѣ Христовѣ*, то-есть, дѣлаю это тогда, какъ видитъ сіе Христосъ и благоугождается сдѣланнымъ.“ Можно и такъ: въ порядкѣ спасенія, по началамъ спасенія. Ибо Христосъ Іисусъ есть Спаситель; и дѣйствующій во спасеніе истинное дѣйствуетъ о лицѣ Его. Или потому такъ сказалъ, что и онъ, какъ и всѣ Апостолы, какъ говорили, такъ и дѣйствовали всегда предъ

Богомъ во Христѣ, ни себя не имѣя въ виду, ни угожденіемъ людямъ не руководясь. Ниже св. Златоустъ говоритъ о семъ: „*О лицѣ Іисусѣ Христовѣ*,—или во славу Христа, или потому, что Самъ Христосъ повелѣлъ простить согрѣшившаго. Сіи послѣднія слова особенно убѣдительны были для Коринѳянъ. Ибо они убоялись уже отказать въ прощеніи, которое служило къ славѣ Христа и было Ему угодно.“

Ст. 11. *Да не обидими будемъ отъ сатаны: не не разумѣваемъ бо умышленій его.*

Да не обидими будемъ,—ἵνα μὴ πλεονεκτηθῶμεν,—да не будемъ облихоимствованы, да не послужитъ образъ дѣйствованія нашего ему въ пользу, да не извлечетъ онъ изъ него себѣ выгоды. Какъ? Если закрывши намъ глаза ревностію будто по правдѣ, сдѣлаетъ то, что мы допустимъ погибнуть брату. Сатана всюду вмѣшивается съ своими совѣтами. Онъ не всегда прямо худое внушаетъ, но нерѣдко и доброе, только цѣль у него всегда одна—наша погибель вѣчная. Въ настоящемъ случаѣ онъ могъ Коринѳянамъ внушать: какъ можно терпѣть такого? Вы языкъ святъ, люди обновленія; мѣсто ли ему быть среди васъ? Гоните его прочь. А ему другія рѣчи могъ говорить: пропалъ уже ты; нѣтъ тебѣ спасенія! Брось ихъ; видишь, какіе они? Ступай опять къ язычникамъ и живи себѣ какъ душѣ угодно. — Апостолъ и себя ставитъ въ число обижаемыхъ отъ сатаны. Конечно, и около ихъ онъ покушается поживиться; ибо безстыдству его нѣтъ мѣры, когда и къ Спасителю подступалъ. Но Апостолы, Духомъ Божіимъ просвѣщаемые, видѣли козни его, и тотчасъ разсѣкали всѣ узлы и хитросплетенія сихъ козней. Почему и говоритъ: *не неразумѣваемъ бо умышленій его*. Мы, говоритъ, ясно видимъ и понимаемъ, къ чему онъ что ведетъ, и какъ чѣмъ можетъ воспользоваться въ свою пользу.

Разумѣя же сіе, не можемъ допускать, чтобы онъ имѣлъ въ чемъ-либо успѣхъ. Въ этомъ окончательное убѣжденіе простить виновнаго. Ибо ясно даетъ видѣть, что если они не дѣлаютъ, какъ онъ имъ предлагаетъ, то вмѣсто Христа Господа, волю сатаны исполнятъ, и вмѣсто спасительнаго пагубный для себя сдѣлаютъ шагъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ поставляетъ на видъ Коринѳянамъ общій для всѣхъ вредъ въ случаѣ ихъ непослушанія; ибо говоритъ: *да не обидими будемъ отъ сатаны.* Здѣсь онъ очень кстати назвалъ сатану обидчикомъ и похитителемъ. Ибо онъ не свое уже беретъ, но наше похищаетъ. Ты же не о томъ только помышляй, что одинъ согрѣшившій могъ бы сдѣлаться добычею сего звѣря, но представляй и то, что угрожаетъ опасность всему стаду уменьшеніемъ числа его, и особенно теперь, когда сатана имѣетъ возможность возвратить потерянное имъ. *Не неразумѣваемъ бо умышленій его*, т.-е. сатана и путемъ благочестія можетъ привести къ погибели. Ибо онъ не только можетъ довести до блудодѣянія, но и съ противной стороны безмѣрною печалію во время покаянія можетъ ввергнуть въ погибель. Такимъ образомъ, если сатана вмѣстѣ со своею собственностію захватывая и нашу, когда и того, кого доводитъ до грѣха, погубляетъ, и того, кому мы предписываемъ спасительное покаяніе, у насъ похищаетъ, то какже назвать это, если не обидою и похищеніемъ? Ибо для него недовольно, что низлагаетъ насъ чрезъ грѣхъ; онъ и чрезъ покаяніе дѣлаетъ то же, если мы не будемъ осторожны и осмотрительны. Посему Апостолъ весьма справедливо назвалъ хищеніемъ и обидою тотъ случай, когда сатана побѣждаетъ насъ нашимъ же оружіемъ. Ибо ему свойственно овладѣвать нами чрезъ грѣхъ, а не чрезъ покаяніе, которое наше есть оружіе, а не его. Итакъ, если сатана и чрезъ

покаяніе можетъ овладѣть нами, то разсуди самъ, какое постыдное для насъ отсюда униженіе! Какъ онъ насмѣхается и издѣвается надъ нами, какъ надъ безсильными и немощными, побѣждая насъ нашимъ же оружіемъ! И подлинно, для него весьма смѣшно, и для насъ крайне постыдно, что онъ нашими врачевствами причиняетъ намъ раны. Посему-то Апостолъ и сказалъ: не неразумѣемъ бо умышленій его, т.-е. сколь хитрый, коварный, злокозненный, злодѣйственный умыселъ скрываетъ сатана и на самое благочестіе наше. Соображая все сіе и мы не должны презирать никогда и никого изъ согрѣшающихъ. Равно, и согрѣшая сами, не должны предаваться отчаянію, но опять не должны оставаться и въ безпечности; напротивъ сердечно да сокрушаемся о своихъ беззаконіяхъ, не на словахъ только раскаиваясь въ нихъ (но и дѣломъ показывая и болѣзнованіе о грѣхахъ, и исправленіе въ нихъ истинное).“

2).

О высотѣ христіанскаго откровенія, или Евангельской истины, съ изложеніемъ и того, какъ она водворяется на землѣ

2, 12—7, 1.

Кончивъ рѣчь о перемѣнѣ плана путешествія, Апостолъ хотѣлъ излагать, что было съ нимъ на семъ пути, т.-е. изъ Ефеса чрезъ Македонію, чтобы дойти до возвращенія Тита, и по поводу сего, и особенно по поводу того, что онъ сообщилъ, сдѣлать нужныя наставленія (гл. 8. 9) и вразумленія (гл. 10 — 13); но лишь дошелъ сказаніемъ своимъ до возвращенія въ Македонію (2, 12. 13), какъ, прежде чѣмъ успѣлъ сказать о приходѣ Тита, взятъ былъ Духомъ въ созерца-

ніе силы, славы, свѣтлости и чудныхъ дѣйствій Евангельской истины, и началъ излагать свои созерцанія текучею и воодушевленною рѣчью, пока не излилъ всего, что Духъ давалъ ему провѣщавать въ это время (2, 14—7, 1). Кончивъ это, опять начинаетъ прерванную рѣчь и сказываетъ, какъ обрадованъ былъ приходомъ Тита и всѣмъ, что онъ передалъ ему (7, 2—16). Здѣсь съ Апостоломъ было то же самое, что съ Пророками, когда взымалъ ихъ Духъ. *Взя мя Духъ*, говорили они. Взялъ Духъ и св. Павла и показалъ ему въ умѣ то, что онъ говоритъ о христіанскомъ откровеніи, или Евангельской истинѣ. Это всякій тотчасъ видитъ, читая посланіе: ибо рѣчь о томъ начинается неожиданно.

Стихи 12 и 13 будутъ такимъ образомъ введеніемъ въ бесѣду о Евангельской истинѣ, какъ подавшіе къ ней поводъ. По содержанію они стоятъ въ прямой связи съ тѣмъ, что пишется послѣ съ 7, 2, и д. и составляютъ съ тѣмъ одно.

Ст. 12. 13. *Пришедъ же въ Троаду во благовѣстіе Христово, и двери отверзенъ ми бывшей о Господѣ, не имѣхъ покоя духу моему, не обрѣтшу ми Тита брата моего, но отрекся имъ, изыдохъ въ Македонію.*

Въ Троаду Апостолъ направился изъ Ефеса, можетъ быть и сухимъ путемъ, и, посѣтивъ лежащія на пути церкви, имѣлъ въ мысли заняться проповѣдію Евангелія въ этомъ городѣ: ибо во второе путешествіе, когда онъ Духомъ Божіимъ веденъ былъ въ Македонію чрезъ этотъ городъ, не видно, чтобъ онъ въ немъ останавливался для проповѣди. Между тѣмъ, какъ видно, это былъ неминуемый переходный пунктъ изъ Асіи въ Македонію и обратно. Это расположило Апостола насадить здѣсь вѣру. Дверь для проповѣди была отверста: Апостола слушали охотно и вѣровали съ полною по-

корностію слову благодати. Если такимъ образомъ дверь была отверста, и отверста о Господѣ, то проповѣдь и въ одинъ день могла сдѣлать многое. Она дѣйствуетъ мгновенно, и одна и та же рѣчь, тысячами ушей бывъ принята, могла обратить тысячи. Потому когда Апостолъ говоритъ вслѣдъ за симъ, что не имѣя покоя, по причинѣ неприбытія Тита, долженъ былъ оставить ихъ, это не значитъ, что онъ бросилъ дѣло неконченнымъ, а только что не могъ долго быть у нихъ. Дѣло же благовѣстія и засѣменено, и зрѣло. Оно обычно и вездѣ само зрѣетъ подъ дѣйствіемъ благодати. Евангеліе не многословно, но содержитъ всеобъятную систему вѣдѣнія, которая потомъ сама собою можетъ развиваться въ умахъ и сердцахъ смиренно вѣрующихъ. Эту истину подтверждаетъ вся первоначальная проповѣдь Апостольская. Такъ было и въ Троадѣ; потому, когда на обратномъ пути изъ Эллады чрезъ Македонію прибылъ сюда Апостолъ, онъ нашелъ здѣсь вѣру въ полномъ цвѣтеніи, и въ сладостныхъ бесѣдахъ съ вѣрующими проводилъ цѣлыя ночи (Дѣян. 20, 7).

То, что св. Павелъ покоя не имѣлъ, и тѣни не представляетъ тѣхъ безпокойствъ, какія обычно испытываются нами по причинѣ какихъ-либо личныхъ опасностей и потерь. Онъ безпокоился за дѣло Божіе. Если Титу было наказано, выполнивъ все порученное въ Коринѳѣ, поспѣшить въ Троаду, и по разсчету времени ему слѣдовало бы быть уже тамъ, а его не было, то Апостолъ естественно могъ предполагать случайности, разорительныя для дѣла Церкви и Евангелія. Апостолъ только и жилъ для благостоянія Церкви и для успѣховъ Евангелія. Касаться этихъ предметовъ есть тоже, что касаться зѣницы ока его. Вотъ онъ и въ смущеніи, и покоя не имѣетъ. Его томила неизвѣстность происходившаго въ Коринѳѣ; Духъ же Божій не благово-

лилъ открыть ему то, или исполнить сердце его благонадежіемъ, оставивъ его естественному теченію человѣческихъ чувствъ подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Это и заставило его, не нашедши Тита въ Троадѣ, или скоро не дождавшись его, самому поспѣшать къ нему на встрѣчу. Почему, простившись съ Троадянами, *отрекся имъ*, отправился онъ въ Македонію: ибо туда лежалъ его дальнѣйшій путь, и чрезъ ту страну долженъ былъ возвращаться къ нему св. Титъ.

Этимъ сказаніе здѣсь кончается. Какія вѣсти принесъ св. Титъ, и какъ св. Павелъ ими былъ обрадованъ, объ этомъ онъ пишетъ ниже 7, 2 и д.; здѣсь же одно воспоминаніе о томъ восхитило духъ его; и онъ, не успѣвши и слова сказать ни о приходѣ, ни о вѣстяхъ св. Тита, взятъ былъ Духомъ въ созерцаніе силы и славы Евангельской истины, и, воззвавъ: *Богу благодареніе*, началъ излагать воодушевленною рѣчью свои созерцанія.

Эту рѣчь можно назвать бесѣдою объ одномъ и томъ же предметѣ, но безъ опредѣленнаго, обдуманнаго плана; представленія въ ней смѣняются одни другими, исчерпывая свой предметъ, но не держась того обычая, чтобъ одно выходило изъ другаго. Можно однакожъ указать въ ней три поворота и ими обозначить раздѣленіе ея: а) *сначала* излагаетъ Апостолъ свойства и дѣйствія Евангельской истины, или христіанскаго откровенія, 2, 14—4, 6; б) *потомъ* сказываетъ, что при всей высотѣ сего откровенія носители и разносители его по землѣ крайне уничиженны, суть сосуды скудельные, дѣйствуютъ однакожъ ревностно, воодушевляясь надеждою на будущее, 4, 7—5, 10; *наконецъ* в) излагаетъ, какъ идетъ самая проповѣдь, съ приложеніемъ сего и къ Коринѳянамъ, 5, 11—7, 1.

а).

О свойствахъ и дѣйствіяхъ христіанскаго откровенія, или Евангельской истины

2, 14—4, 6.

Слово благовѣстія: аа) самосвидѣтельствованно, расходится, какъ благоуханіе, 2, 14—3, 3; бб) оно не наше, а отъ Бога, и преславно, — преславнѣе ветхозавѣтнаго, 3, 4—11; вв) оно свѣтло и просвѣтительно, 3, 12—18; гг) оно дѣйствуетъ неотразимо, когда Богъ вѣка не ослѣпилъ у кого разума, только представь его совѣсти въ чистомъ видѣ безъ всякой примѣси, 4, 1—6. Во всѣхъ этихъ пунктахъ Апостолъ говоритъ о себѣ и вообще объ Апостолахъ, поколику они были органами благовѣстія, но то, что онъ говоритъ, очевидно, можетъ быть относимо только къ самому Евангелію, а не къ разносителямъ его.

аа).

Слово благовѣстія самосвидѣтельствованно

2, 14—3, 3.

Апостолъ говоритъ: мы,—разносители благовѣстія,—благоуханіе Христово, которое для однихъ—животъ, а для другихъ—смерть, 2, 14—16. Тутъ ничего отъ насъ не зависитъ, ибо мы ничего отъ себя не прибавляемъ къ благовѣстію; само оно такъ дѣйствуетъ, 2, 17. Оттого мы не приносимъ никуда рекомендательныхъ писемъ, и отъ тѣхъ, кого просвѣтимъ, не беремъ ихъ, чтобы съ ними представиться далѣе гдѣ; но само благовѣстіе насъ рекомендуетъ и сами обращенные замѣняютъ рекомендательныя письма. Смотрятъ, что сдѣлало наше благовѣстіе, и удостовѣряются въ его исти-

нѣ, 4, 1—3. Такія мысли сокрыты въ словахъ Апостола, хотя съ перваго раза онѣ и незамѣтны. Представляя ихъ, не думаемъ дѣлать насиліе слову, а желаемъ только, сколько силъ есть, войти въ духъ Апостольскаго свидѣтельства.

Ст. 14. *Богу же благодареніе всегда побѣдители насъ творящему о Христѣ Іисусѣ, и воню разума Его являющу нами во всякомъ мѣстѣ.*

Богу благодареніе! - Это воззвалъ онъ послѣ того, какъ представилъ въ умѣ, что сдѣлало его посланіе въ Коринѳѣ, какъ передалъ ему о томъ св. Титъ. Грѣшники раскаялись, неисправности всѣ исправлены, недоумѣнія разсѣялись и всѣми изъявлена полная готовность слѣдовать слову Апостола. Слово его оказалось вполнѣ побѣдоноснымъ, и онъ справедливо могъ сознавать себя въ положеніи побѣдителя, совершающаго тріумфальное шествіе послѣ какой-нибудь знаменитой побѣды. Потому и воззвалъ: *благодареніе Богу, побѣдители насъ творящему!—Побѣдители творящему,*—θριαμβεύοντι,—устрояющему для насъ тріумфъ, посаждающему насъ на тріумфальную колесницу. *Всегда* побѣдители творящему,—всегда такъ дѣлаетъ для насъ Господь, что, когда все будто возстаетъ противъ насъ и все сдѣланное нами будто разлагается, Онъ опять все возстановляетъ въ силѣ и возвращаетъ полную славу истинѣ своей. Вотъ и теперь въ Коринѳѣ все будто разстроилось,—въ Асіи я отягченъ былъ сверхъ силъ, въ Троадѣ покоя не имѣлъ, въ Македоніи не лучше было; а когда пришелъ Титъ и сказалъ, что было въ Коринѳѣ, не могу не видѣть и предъ всѣми не исповѣдать побѣдоносной силы Божіей, сопровождающей слово наше, устное ли то или письменное. Почему „за все прославляемъ Бога, Который премудро правя нами, водитъ насъ туда и сюда, дѣлая всѣмъ извѣстными,

и чрезъ насъ распространяя вѣдѣніе благочестія“ (Ѳеод.).

Апостолъ говоритъ, что ихъ, Апостоловъ, дѣлаетъ Богъ побѣдителями; собственно же побѣдоноснымъ является слово благовѣстія истины, и на нихъ слава побѣды падаетъ только, какъ на органы сего слова. Почему далѣе говоритъ, что Богъ побѣдителями творитъ ихъ о *Христѣ*, и именно чрезъ то, что они всюду являютъ *воню разума Его*, т.-е. распространяютъ всюду благоуханіе познанія о Богѣ и Христѣ Господѣ Спасителѣ,—называя сіе познаніе благоуханіемъ, по причинѣ сладостности его и по причинѣ охотнаго, съ радостію и удовольствіемъ, принятія его всѣми способными къ тому. „Указавъ на Дающаго побѣды, далѣе сказываетъ и причину сихъ побѣдъ, присовокупивъ: *о Христѣ*, т.-е. чрезъ Христа и проповѣдь о Немъ. *Вонею разума* называетъ онъ познаніе о Христѣ. Мы, говоритъ, подобны царской кадильницѣ, потому что всюду ходимъ нося съ собою небесное мyро, отъ котораго исходитъ духовное благоуханіе. Сіе сказалъ онъ, чтобы показать силу проповѣди“ (св. Злат.). Сія воня разума побѣдоносна. Какъ невѣста въ Пѣсни пѣсней, такъ души, внявшія слову благовѣстія о Христѣ Спасителѣ, могли взывать: *воня мyра Твоего паче всѣхъ ароматъ; въ слѣдъ Тебѣ въ воню мyра Твоего течемъ* (1, 2. 3). Текутъ въ слѣдъ Господа, какъ толпы народа за тріумфальною колесницею побѣдителей. Не это ли сходство подало Апостолу поводъ употребить и означенную метафору: *воня разума?*

Ст. 15. *Яко Христово благоуханіе есмы въ спасаемыхъ и въ погибающихъ.*

Мы, говоритъ, *благоуханіе Христово есмы.* Если какую матерію или одежду надушить какимъ ароматомъ, то куда ни внеси ихъ, онѣ всюду распространяютъ свой

ароматъ, и другаго запаха отъ нихъ уже неслышно никакого, хотя онѣ имѣютъ свой природный запахъ. Такъ Апостолы, преисполненные вѣдѣнія Христова, куда ни являлись, являлись ничего другаго невѣдающими, кромѣ Господа Іисуса Христа. Слово ихъ было только о Немъ, силы являли они только о имени Его, вѣрующихъ освящали именемъ Его, заповѣди давали отъ лица Его, Церкви созидали во славу Его, и все, что отъ нихъ ни исходило, все было о Христѣ, для Христа, отъ Христа. Такъ осязательно они были благоуханіе Христово! И это какъ для спасаемыхъ, такъ и для погибающихъ.

Спасаемые—это тѣ, которые вѣровали, освящались таинствами, возраждались къ новой благодатной жизни и начинали ходить въ семъ обновленіи жизни. *Погибающіе*—это тѣ, которые отвращались отъ слова благовѣстія и враждебно относились какъ къ нему, такъ и къ Благовѣствуемому, и къ благовѣстникамъ. Для тѣхъ и другихъ они были благоуханіе Христово. Тѣмъ и другимъ они ясно, убѣдительно и осязательно представляли, что инаго спасенія нѣтъ, какъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ; тѣ и другіе хорошо понимали, въ чемъ сила сего слова благовѣстія; но одни принимали его и спасались, а другіе отвращались отъ него и оставались въ своей погибели. Въ томъ, что есть спасаемые и погибающіе, ничего нѣтъ роковаго, хотя на опытѣ можно видѣть, какъ иные неудержимо стремятся въ пагубу, несмотря на всѣ заботы объ ихъ спасеніи, а другіе держатся твердо на спасительномъ пути, несмотря на окружающія ихъ неблагопріятности спасенія. Безъ Бога нѣтъ спасенія; и Онъ всѣмъ хочетъ спастися, только никого не неволя. Потому если есть погибающіе, то потому, что не хотятъ спасаться. Хотя то, почему иные не хотятъ, изъяснить мы не въ си-

лахъ; однакоже то несомнѣнно, что конечная того причина въ ихъ произволеніи.

Ст. 16. *Овѣмъ убо воня смертная въ смерть, овѣмъ же воня животная въ животъ. И къ симъ кто доволенъ?*

„Всѣмъ предлагаемъ мы благоуханіе Христово, но не всѣ ощущающіе оное пріобрѣтаютъ спасеніе. Ибо для болѣзненныхъ глазъ и свѣтъ опасенъ и враждебенъ; однакоже не солнце причиняетъ вредъ. Говорятъ, что птица грифъ бѣгаетъ отъ благоуханія мѵра, однакоже мѵро остается мѵромъ, хотя грифъ и бѣжитъ отъ него. Такъ и спасительная проповѣдь вѣрующимъ доставляетъ спасеніе, а невѣрующимъ причиняетъ погибель“ (Ѳеод.). Есть яства, которыя одинъ принимаетъ съ удовольствіемъ, а другой и запаха ихъ сносить не можетъ, и когда ощутитъ его, то испытываетъ сотрясеніе во всемъ своемъ тѣлѣ. Природа яствъ одна и та же; то, что они такъ противоположно дѣйствуютъ на тѣхъ и другихъ, зависитъ отъ случайныхъ настроеній ихъ организма. Христосъ Господь есть существенная жизнь для всѣхъ насъ; и благовѣстіе о Немъ по существу своему животворныя для всѣхъ содержитъ начала; между тѣмъ по случайнымъ нравственнымъ настроеніямъ для однихъ оно — жизнь, для другихъ — смерть. „Но спасается ли кто, или погибаетъ, — проповѣдь Евангельская всегда удерживаетъ свое достоинство. Какъ свѣтъ и тогда, какъ ослѣпляетъ слабыхъ зрѣніемъ, остается свѣтомъ, хотя ослѣпляетъ; или какъ медъ, хотя бы казался горькимъ для больныхъ, не перестаетъ быть сладкимъ по своей сущности, — точно также и благовѣстіе о Христѣ всегда имѣетъ свойственное ему благоуханіе, хотя невѣрующіе сему благовѣстію и погибаютъ; ибо губитъ ихъ не благовѣстіе, но собственное ихъ ожесточеніе. И погибелію нечестивыхъ еще болѣе обнаруживается благоуханіе пропо-

вѣди. Такимъ образомъ сила благовѣстія обнаруживается не только въ спасеніи добрыхъ, но и въ погибели нечестивыхъ; ибо и солнце потому особенно и ослѣпляетъ взоры слабыхъ, что свѣтитъ очень ясно. Также и Спаситель, хотя *лежитъ на паденіе и на востаніе многимъ* (Лк. 2, 34), однако не перестаетъ быть Спасителемъ и тогда, когда безчисленное множество людей падаетъ. Итакъ благовѣстіе всегда есть спасительное благоуханіе; но, обоняя благоуханіе сіе, одни спасаются, а другіе погибаютъ,—такъ, впрочемъ, что если кто погибаетъ, тотъ бываетъ самъ виною своей погибели“ (св. Злат.).

И къ симъ кто доволенъ? Говоря, что спасительное слово благовѣстія для однихъ есть воня въ смерть, а для другихъ воня въ животъ, Апостолъ естественно возбуждаетъ у всѣхъ вопросъ: какъ же это? Предполагая этотъ вопросъ какъ-бы уже предложеннымъ себѣ, онъ отвѣчаетъ на него: *къ симъ кто доволенъ?* Кто можетъ объяснить, какъ это бываетъ? Богъ одного добра желаетъ и одно добро подаетъ; Христосъ Господь есть нашъ Спаситель и животъ, и благовѣстіе о спасеніи въ Немъ есть слово животворное. Откуда быть пагубѣ? Развѣ только отъ насъ. Но и отъ насъ какъ? Развѣ только въ такомъ случаѣ, еслибы мы стали къ благовѣстію примѣшивать свои мудрованія и потому проповѣдывать его нечисто. Но этого, говоритъ, объ насъ сказать нельзя, какъ видно изъ слѣдующаго стиха. Такимъ образомъ, почему слово благовѣстія оказываетъ такія противоположныя дѣйствія, остается непостижимымъ. Кто доволенъ къ тому, чтобы понять это и объяснить?

Такое пониманіе сихъ словъ и ихъ связь съ послѣдующими представляется самымъ прямымъ, если имѣть во вниманіи двоякое дѣйствіе благовѣстія. А если такъ

смотрѣть на предыдущую рѣчь, что въ ней Апостолъ только стороною намекнулъ на то, что благовѣстіе бываетъ и вонею въ смерть, главною же цѣлію имѣлъ представить животворность и побѣдоносность слова благовѣстія; то въ словахъ: *и къ симъ кто доволенъ*, Апостолъ очевидно хотѣлъ отклонить отъ себя всякую честь участія въ сей побѣдоносности и все отнести къ Богу. Что слово благовѣстія идетъ по міру, какъ побѣдитель на торжественной колесницѣ, это не отъ насъ, этого изъ людей никто бы и не могъ совершить. Оно само такъ побѣдоносно силою Божіею въ ней сокрытою, или ей сопутствующею и ей вседѣйственность сообщающею. Такъ св. Златоустъ: „Поелику Апостолъ такъ много сказалъ великаго и необычайнаго, усвояя себѣ повсемѣстное торжество, то опять старается умѣрить сказанное, все относя къ Богу. Онъ говоритъ какъ-бы: все сіе Христово, и нѣтъ ничего нашего. Лжеапостолы хвалятся проповѣдію, какъ своею; напротивъ, истинный Апостолъ въ похвалу себѣ вмѣняетъ то, что ничего не называетъ своимъ. Почему и говоритъ: *и къ симъ кто доволенъ?* Откуда уже само собою слѣдовало: а если мы сами по себѣ не довольны къ сему, то все происходящее съ нами и чрезъ насъ есть дѣло благодати.“

Въ такомъ случаѣ слѣдующія слова будутъ уже имѣть такой смыслъ: все въ благовѣстіи есть дѣло Божіе, дѣло благодати; нашего тутъ ничего нѣтъ и не можетъ быть. Наша забота вся на то обращена, чтобы въ слово благовѣстія не примѣшивать ничего своего, а передавать его чистымъ, какъ получено, давая ему возможность безпрепятственно дѣйствовать всею полнотою свойственной ему силы.

Ст. 17. *Нѣсмы бо, якоже мнози, нечисто проповѣдающіи слово Божіе, но яко отъ чистоты, но яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ глаголемъ.*

Нечисто проповѣдающіи слово Божіе,—καπηλεύοντες,—корчемствующіи слово Божіе. Корчемники, чтобы больше имѣть дохода, подливаютъ въ вино воду, а чтобъ эта смѣсь не потеряла цвѣта и вкуса вина, подмѣшиваютъ туда и еще что-нибудь, и такимъ образомъ продаютъ будто настоящее вино, но оно уже не настоящее: и силы той не имѣетъ и на здоровье дѣйствуетъ вредно. Подобны имъ примѣшивающіе къ чистому слову благовѣстія свои мудрованія. Хотя бы такія мудрованія и не были ложны, а были прибавляемы въ видѣ объясненія дѣла по началамъ ума,—и тогда они, расширяя и разводя слово безъ нужды, ослабляютъ его и отнимаютъ у него силу и цѣлительность, какія свойственны ему въ его цѣлости безпримѣсной. Если же примѣшивается ложь, то все уже извращается, и слова благовѣстія становятся зловѣстіемъ. Апостолъ говоритъ: мы ничего такого не дѣлаемъ,—не только лжи, но и никакого своего мудрованія не прилагаемъ къ слову благовѣстія, передавая его въ его природной чистотѣ,—такъ, какъ приняли его отъ Бога, — какъ лица сознающія, что говоримъ предъ очами Самого Бога, говоримъ во Христѣ, Его силою, Его охраненіемъ, въ Его славу, или яко Его дѣло исполняющія. Св. Златоустъ говоритъ на это: „Хотя мы, говоритъ Апостолъ, возвѣщаемъ много великаго и необычайнаго, впрочемъ ничего не присвояемъ себѣ, напротивъ все относимъ ко Христу. Мы не хотимъ подражать лжеапостоламъ, которые много присвояютъ себѣ самимъ; ибо это значило бы поступать подобно корчемнику, когда онъ поддѣлываетъ вино, или продаетъ за деньги то, что надлежало бы давать даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, что Апостолъ здѣсь искусно осмѣиваетъ любостяжаніе лжеапостоловъ и намекаетъ на то, о чемъ я прежде говорилъ, т.-е. что они

проповѣдуютъ Божественное съ примѣсью своего собственнаго. Обличая тотъ же порокъ, и Исаія говоритъ: *кормчемницы твои мѣшаютъ вино съ водою* (1, 22). Хотя это сказано о винѣ, впрочемъ не погрѣшитъ, кто отнесетъ сіе и къ ученію. Не такъ, говоритъ, поступаемъ мы; но во что увѣровали сами, тоже предлагаемъ и другимъ, и преподаемъ ученіе чистое, безъ всякой примѣси. Почему и присовокупилъ еще: *но яко отъ чистоты, но яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ глаголемъ*, т.-е. не съ тѣмъ проповѣдуемъ, чтобъ обманывать васъ, какъ-бы свое дарствуя вамъ что-нибудь, или отъ себя что-нибудь привнося и примѣшивая,—*но яко отъ Бога*, т.-е. не говоримъ, будто мы отъ себя что-нибудь дарствуемъ вамъ, но утверждаемъ, что мы все получили отъ Бога; ибо выраженіе: *яко отъ Бога*, значитъ ничѣмъ не хвалиться, какъ своимъ, но все приписывать Богу. *Во Христѣ глаголемъ*, т.-е. все говоримъ не отъ нашей мудрости, но просвѣщаемые силою Христовою.“ И Ѳеодоритъ въ этомъ мѣстѣ указываетъ главную ту мысль, что Апостолы слово благовѣстіе передавали какъ оно есть, въ его природной чистотѣ: „Апостолъ даетъ знать, что самъ онъ предлагаетъ ученія, внушаемыя благодатію Божіею, а противники корчемствуютъ словомъ Божіимъ, обращая его въ баснь тѣмъ, что собственныя свои мысли примѣшиваютъ къ благодати, какъ дѣлаютъ мѣшающіе чистое вино съ водою.“

Приведемъ мнѣнія и другихъ нашихъ толковниковъ на нѣкоторыя реченія: *но яко отъ чистоты*,—ἐξ εἰλικρινείας,—отъ искренности, безъ лукавства,—„отъ чистаго и безхитростнаго сердца (съ дѣтскою простотою)“ (Ѳеоф.). *Но яко отъ Бога*,—„какъ отъ Бога приняли и Богомъ научены“ (Экум.),—такъ и говоримъ. *Предъ Богомъ*,—„сказалъ это Апостолъ, чтобы показать прямоту и благодерзновенность своего сердца. Наше серд-

це, говоритъ, въ этомъ дѣлѣ столько чисто, что мы дерзаемъ представлять его оку и суду Божію“ (Ѳеоф.). *Во Христѣ*,—„т.-е. говоримъ оглашаемые и научаемые Христомъ. Вотъ какую истинность и чистоту, по свидѣтельству Апостола, имѣетъ преданное намъ слово благовѣстія!“ (Экум.).

Такимъ образомъ, если дѣйственно и побѣдоносно наше слово благовѣстія, все то принадлежитъ самому благовѣстію и силѣ Божіей, ему сопутствующей, а не намъ. Мы только стараемся передавать его во всей чистотѣ и безпримѣсности отъ какихъ-либо мудрованій и собственныхъ своихъ соображеній.

Ст. 1. *Зачинаемъ ли паки насъ самѣхъ извѣщавати вамъ? Или требуемъ, якоже нѣцыи, извѣщавательныхъ посланій къ вамъ, или отъ васъ извѣстительныхъ?*

Апостолъ ведетъ рѣчь примѣнительно къ обычаю и употребленію рекомендательныхъ писемъ. Желая встрѣтить благосклонный пріемъ въ какомъ-либо мѣстѣ, иной беретъ рекомендательное письмо отъ извѣстнаго лица и съ нимъ является въ то мѣсто; затѣмъ, устроивъ тамъ свои дѣла,—торговыя, а иногда и учительскія,—беретъ и отъ жителей того мѣста одобрительное удостовѣреніе, чтобы найти подобный же пріемъ и въ другомъ мѣстѣ. Св. Апостолы никуда не являлись съ такими письмами, а съ однимъ словомъ благовѣстія и съ силою Духа Божія и Христовою, имъ сопутствовавшею. Это замѣняло для нихъ всякое рекомендательное письмо. Сила слова Евангельскаго и знаменія сопровождавшія его удостовѣряли всѣхъ, что они точно посланники Божіи. Изъ этого удостовѣренія рождалась вѣра, вѣрою принималось все благовѣстіе; за этимъ слѣдовало освященіе и обновленіе благодатію и сообщеніе особыхъ даровъ. Съ этого момента начинало властвовать не внѣшнее уже, но внутреннее удостовѣреніе въ небесномъ

достоинствѣ благовѣстія; и это не только для самихъ принявшихъ благовѣстіе и обновившихся въ силу его, но и для всѣхъ стороннихъ. Видѣли сторонніе обновленіе духовное въ какой-либо мѣстности, изумлялись, и сами приходили къ тому убѣжденію, что принятое ими благовѣстіе небесно, Божественно и достойно благовѣйнаго вниманія и вѣрованія. Такимъ образомъ обновленіе сіе въ одномъ мѣстѣ служило вмѣсто рекомендательнаго письма для Апостоловъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Такой ходъ успѣховъ благовѣстія и напоминаетъ теперь св. Павелъ Коринѳянамъ въ нѣсколькихъ выраженіяхъ. Сказалъ онъ выше, что они ничего не примѣшиваютъ къ слову благовѣстія своего, но передавая его въ его природной чистотѣ, оставляютъ его самодѣйствовать какъ ему свойственно. Теперь напоминаетъ имъ: вспомните, вѣдь мы къ вамъ пришли съ однимъ словомъ благовѣстія, и оно само сдѣлало изъ васъ то, что вы теперь. Его силой вы есте то, что есте. Вы это знаете; и вотъ вамъ самое близкое для васъ удостовѣреніе, что слово благовѣстія самодѣйственно и всепобѣдительно, какъ я говорилъ выше! Вотъ и для насъ рекомендательное письмо и предъ вами, и предъ всѣми другими.—Но выражаетъ это св. Павелъ фигурою поправленія, какъ-бы такъ говоря: но что же это мы?—Будто снова начинаемъ себя рекомендовать вамъ, какъ незнакомые, какъ будто въ первый разъ вступающіе съ вами въ сношеніе? — Никакой нѣтъ нужды намъ себя рекомендовать вамъ, или представлять, какъ есть обычай, рекомендательныя письма отъ другихъ къ вамъ и отъ васъ къ другимъ. Все подобное замѣняете вы сами,—вы сами рекомендація наша и предъ вами и предъ другими.—*Извѣщавати*, συνιστάνειν, представлять кого кому или рекомендовать.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ въ этомъ смыслѣ: „*Зачинаемъ ли—извѣщати?* Не намъ слѣдуетъ сказать это, а вамъ, которые въ точности знаете, касающееся до насъ (и до дѣла благовѣстія у васъ).“ Экуменій такимъ оборотомъ передаетъ рѣчь Апостола: „Не скажи кто, что все это мы излагаемъ, желая порекомендовать вамъ себя самихъ, или вамъ себя представить? Нѣтъ; развѣ намъ нужны, какъ инымъ нѣкіимъ, рекомендательныя письма къ вамъ, или отъ васъ? Нисколько; вы наше рекомендательное письмо.“

Ст. 2. *Посланіе бо наше вы есте, написанное въ сердцахъ нашихъ, знаемое и прочитаемое отъ всѣхъ человѣкъ.*

Вы—рекомендательное наше письмо, письмо открытое, которое всѣ люди знаютъ и читаютъ, — видятъ вѣру вашу и добрую по вѣрѣ жизнь, дознаютъ, или и прямо знаютъ, откуда у васъ такая перемѣна, и дознавъ, или зная, что все это произвело въ васъ благовѣстіе наше, начинаютъ благоговѣть предъ нимъ, искать случая услышать его, чтобы и самимъ вкусить плодовъ его. Такое чрезъ васъ всюду распространяемое настроеніе лучше всякаго рекомендательнаго для насъ письма. Какъ написано это посланіе, ниже объясняетъ Апостолъ въ 3-мъ стихѣ, говоря, что они посланіе Христово, Духомъ Святымъ написанное; а что здѣсь говоритъ: *написано въ сердцахъ нашихъ*, то этимъ Апостолъ хочетъ сказать лишь: всѣ васъ читаютъ какъ посланіе наше, но вы для насъ не чужды, какъ и мы для васъ,—мы носимъ васъ въ сердцахъ своихъ. Чтобы кто не сказалъ: вотъ мы для васъ рекомендательное письмо, а вы это письмо бросили открыто,—читай кто хочетъ, — Апостолъ говоритъ на это: пусть тамъ читаютъ васъ открыто, но мы дорожимъ вами не менѣе, какъ всякій другой дорожитъ рекомендательнымъ письмомъ. Тотъ свое письмо завертываетъ и сохранно кла-

детъ за-пазуху, а мы васъ носимъ въ сердцѣ своемъ. вы тамъ у насъ написаны. Гдѣ нужно, мы и сами его прочитываемъ другимъ, и отъ насъ люди знаютъ объ васъ не менѣе, какъ и чрезъ видѣніе васъ самихъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь Апостолъ выражаетъ не только свою любовь къ нимъ, но и свидѣтельствуетъ объ ихъ добродѣтельной жизни, т.-е. что они своими добродѣтелями могутъ доказать предъ всѣми достоинство своего учителя. Ибо сіе означаютъ слова его: *посланіе наше вы есте*. Что сдѣлали бы ваши письма, въ которыхъ стали бы вы одобрять и прославлять насъ, сіе исполняете вы своею жизнію по вѣрѣ, которую видятъ и о которой слышатъ всѣ. Ибо добродѣтели учениковъ служатъ наилучшимъ украшеніемъ для ихъ наставника и одобряютъ его лучше всякаго письма. *Написанное въ сердцахъ нашихъ*, потому что мы вездѣ обносимъ васъ съ собою и содержимъ въ сердцѣ нашемъ. Какъ-бы такъ онъ говорилъ: вы служите намъ одобреніемъ предъ другими, и мы всегда имѣемъ васъ въ сердцѣ своемъ, и предъ всѣми проповѣдуемъ о вашихъ добродѣтеляхъ. Потому не имѣемъ мы нужды въ одобрительныхъ отъ васъ письмахъ къ другимъ, вы служите одобреніемъ нашимъ. Если нужно будетъ намъ рекомендовать себя предъ другими, мы васъ выставимъ на среду, вмѣсто одобрительнаго письма. Сіе говорилъ онъ и въ первомъ посланіи: *печать бо моего апостольства вы есте* (9, 2).“

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „не имѣемъ нужды въ посланіяхъ,—о насъ свидѣтельствуютъ самыя дѣла и есть у насъ одушевленное посланіе, которое говоритъ вамъ и всѣмъ въ нашу пользу—это вѣра ваша, прославляемая вездѣ, и на сушѣ, и на морѣ,—потому что мы, избавивъ васъ отъ заблужденія, привели съ свѣту Боговѣдѣнія.“

Ст. 3. *Являеми, яко есте посланіе Христово служеное нами, написано не чернилом, но Духомъ Бога жива, не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердца плотяныхъ.*

Тамъ сказалъ только, что Коринѳяне суть посланіе ихъ, которое всѣ читаютъ то посредствомъ того, что видятъ ихъ, то посредствомъ того, что сами насадители вѣры въ нихъ говорятъ объ нихъ, нося ихъ всюду въ сердцѣ своемъ написаными. Теперь объясняетъ, какого рода они—посланіе, какъ такое посланіе написано и гдѣ. Это-то главное и есть въ рѣчи Апостола; ибо у него цѣль одна—сказать, сколь высоко и самоодобрительно слово благовѣстія, чрезъ которое Коринѳяне стали тѣмъ, что суть.

Являеми, предъ всѣми являетесь, всѣмъ узнающимъ васъ явно бываетъ, что вы *посланіе Христово*, посланіе Самимъ Христомъ писанное и о Христѣ, т.-е. посланіе, свидѣтельствующее о спасеніи во Христѣ, или писанное въ духѣ и по предмету домостроительства спасенія во Христѣ Іисусѣ. На васъ для всѣхъ видно, какъ начинается дѣло спасенія, какъ устанавливается, какъ спѣется, чѣмъ красится (дары Духа Св.), и чѣмъ увѣнчается; вы — живописанный законъ жизни о Христѣ Іисусѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „возводя ихъ къ высшему разумѣнію, называетъ ихъ посланіемъ Христовымъ, какъ имѣющихъ въ себѣ написанъ законъ Божій (о Христѣ Іисусѣ). Что Богъ благоволилъ открыть всѣмъ (чрезъ благовѣстіе наше), все сіе, говоритъ, написано въ сердцахъ вашихъ.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „и что я говорю: *наше?* Вы посланіе Самого Спасителя нашего, изреченія самой проповѣди Его.“ Экуменій и Ѳеофилактъ толкуютъ: вы посланіе Христово, „потому что законъ Его и заповѣди Его въ васъ пребываютъ и вами блюдутся.“

Служеное нами. Написалъ васъ Христосъ Духомъ Святымъ, „а мы только служители писменъ“ (Ѳеод.). „Мы приготовили васъ къ принятію писменъ сихъ. Какъ Моусей обдѣлалъ камни и скрижали, такъ мы приготовили души ваши“ (св. Злат.). „Такимъ образомъ мы посредствомъ проповѣди были служителями только вѣры вашей и вашего вѣдѣнія дѣла спасенія“ (Экум. и Ѳеоф.). Сама же вѣра и само вѣдѣніе и все прочее, чѣмъ содѣвается спасеніе, написано было въ сердцахъ вашихъ не нами. Помимо насъ, хотя при нашемъ служеніи вамъ словомъ и дѣйствіемъ, все то написалъ въ васъ Духъ Святый.

Написано не чернилом, но Духом Бога жива. Хочетъ сказать, что писаніе ихъ совершалось не внѣшно, а внутренно, не внѣшнимъ, а внутреннимъ способомъ. Обыкновенно пишутъ на бумагѣ чернилами. Желающій знать написанное читаетъ, понимаетъ и принимаетъ: такъ оно переходитъ къ нему внутрь—въ сознаніе, и тамъ умомъ понимается, сердцемъ ощущается и вступаетъ въ чинъ возбудителя желаній и дѣятельной энергіи. Съ вами, говоритъ, не такъ было: Духъ Божій прямо проникъ въ сердца ваши и тамъ живописалъ истины спасенія, преобразившія васъ и исшедшія потомъ въ дѣло. Вмѣстѣ съ словомъ благовѣстія,—духодвижнымъ и духоноснымъ,—Духъ Божій проходитъ ко внутреннему человѣку и возбуждаетъ его къ вниманію. Внемлющій, принимая чрезъ слова представленіе за представленіемъ, узрѣваетъ наконецъ, въ чемъ дѣло и что требуется. По узрѣніи этого, не безъ содѣйствія благодати, ему предлежитъ рѣшить, согласенъ или несогласенъ. Духъ благодати отстраняется при семъ: рѣшеніе принадлежитъ свободѣ. Но когда внутри изречется согласіе, то оно закрѣпляется въ существѣ души благодатію, причемъ и все слышанное изъ ума, гдѣ

оно собрано было вниманіемъ, переходитъ въ сердце и печатлѣется тамъ живосоставно. Это первое,—начальное писаніе. Въ немъ программа новой жизни, которой требованія отсюда же исходятъ, но не вдругъ сознаются и пріемлются. Христіанство—не теорія, а жизнь. Изрекающій согласіе принять его принимаетъ обязательство и жить по нему. Эти требованія жизни тотчасъ и входятъ въ сознаніе и пріемлются совѣстію въ законъ. Но при всемъ томъ, это новый процессъ внутренней духовной жизни. Духъ благодати помогаетъ ясно вообразить все требуемое и снова отступаетъ, чтобы свобода сама непринужденно изрекла согласіе на это. Когда изречется сіе согласіе, Духъ благодати все сознанное, какъ условіе христіанской жизни, печатлѣетъ тогда въ совѣсти и въ сердцѣ: и се живописанныя скрижали закона жизни о Христѣ Іисусѣ! Это второе писаніе. Третье писаніе продолжается непрерывно во всю жизнь. Ничто изъ этого не дѣлается безъ Божественныхъ таинствъ: первое писаніе завершается св. крещеніемъ; второе—св. мѵропомазаніемъ, а при Апостолахъ—возложеніемъ рукъ; третье—всю жизнь повторяющимися таинствами покаянія и причащенія.

Такимъ образомъ вѣруетъ кто, возрождается, вступаетъ въ новую жизнь и ведетъ сію жизнь,—все дѣйствіемъ Духа Божія. Если все сіе и есть именно писаніе Христово, то само собою очевидно, почему оно написаннымъ почитается не чернилами, а Духомъ Бога жива.

Не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердца плотяныхъ.

Отъ рекомендательныхъ писемъ перешелъ Апостолъ къ живому писанію, чрезъ благовѣстіе напечатлѣнному въ Коринѳянахъ, а это привело къ писанію Духомъ въ сердцахъ, въ отличіе отъ писанія хотя перстомъ же

Божіимъ, но внѣ, на скрижаляхъ каменныхъ. Такъ все это отдѣленіе о превосходствѣ новозавѣтнаго откровенія составляется у св. Павла, какъ вяжется цѣпь, звеномъ цѣпляясь за звено.

Моусей приготовилъ каменныя доски. Богъ же перстомъ Своимъ написалъ на нихъ заповѣди закона Своего. Это великій символъ, изображающій нравственный строй Ветхаго Завѣта. Скрижали—внѣ человѣка подзаконнаго. Читая ихъ, онъ понималъ, что требовалось, и поелику при законѣ лежалъ отвѣтъ кровію за неисполненіе, понуждался исполнять то. Но это шло отвнѣ, и на немъ лежало, какъ внѣшнее иго. Въ христіанствѣ, законъ жизни о Христѣ Іисусѣ пишется Духомъ Бога жива во внутреннемъ человѣкѣ, въ сердцѣ, самомъ исходищѣ жизни, и оттуда исходя и обнимая сознаніе и свободу, наполняетъ всѣ исходища жизни и является вовнѣ въ дѣлахъ, какъ естественное проявленіе того, что состоялось и созрѣло внутри. Вотъ великое и существенное различіе христіанскаго законописанія и законописанія ветхозавѣтнаго. Тамъ законъ читаемъ былъ на скрижаляхъ, входилъ въ сознаніе и ложился на совѣсть; здѣсь исходитъ изъ сердца вмѣстѣ съ сознаніемъ и совѣстію, и прямо возбуждаетъ и располагаетъ къ дѣламъ, кои охотно творятся, а не какъ тамъ, изъподъ ига.

На скрижалехъ сердца плотяныхъ, — Ѳеофилактъ и Экуменій переставляютъ такъ: на скрижаляхъ плотяныхъ, т.-е. на скрижаляхъ сердца, или въ сердцѣ. Сердце—скрижали Закона, когда оно все пропитано заповѣдями или одною волею Божіею, такъ что ни сочувствія, ни расположенія не являетъ ни къ чему, кромѣ заповѣдей, или кромѣ того, на чемъ есть печать воли Божіей. Тогда сердце сочетавается съ совѣстію неразрывно, объединяется съ нею, и совѣсть дѣлается

яснымъ и точнымъ опредѣлителемъ закона жизни о Христѣ Іисусѣ и вообще, и въ частностяхъ. Апостолъ представляетъ дѣло въ идеальномъ совершенствѣ, достижимомъ однакожъ. Чтобы сердце дошло до такого совершенства, много намъ надо трудовъ и подвиговъ. Это состояніе современно съ чистотою сердца. Почему Пророкъ и молился: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже и Духъ правъ обнови во утробѣ моей.* Духъ правъ обновляется вмѣстѣ съ чистотою сердца, или чрезъ чистоту сердца. Духъ же правый во утробѣ и есть Духомъ Бога жива написанное на скрижаляхъ сердца писаніе закона жизни о Христѣ Іисусѣ.—Эту цѣль имѣли въ виду всѣ святые Божіи, и мѣрою достиженія ея мѣряли степени восхожденія своего къ совершенству.

бб).

Слово благовѣстія не наше, а отъ Бога и преславно,—преславнѣе откровенія ветхозавѣтнаго

4—11.

Ст. 4. 5. *Надѣяніе же таково имамы Христомъ къ Богу; не яко довольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога.*

Хотя впереди Апостолъ все относилъ къ слову благовѣстія и благодати Духа живописавшаго на сердцахъ Коринѳянъ; не могъ однакожъ умолчать, что то и другое было и служило ко спасенію чрезъ нихъ. Они были ближайшія къ Коринѳянамъ орудія Божественнаго на нихъ воздѣйствія благодати. И Коринѳяне это знали изъ самаго дѣла. Изъ устъ ихъ шло побѣдительное слово благовѣстія; чрезъ крещеніе, или ими самими, или по ихъ руководству совершавшееся, подавалось

возрожденіе къ новой жизни; чрезъ возложеніе ихъ рукъ нисходили дары Св. Духа. Все это вѣдали Коринѳяне. Потому когда Апостолъ возвеличилъ такъ дѣло Божіе, въ нихъ и на нихъ явленное, могъ подать имъ поводъ подумать о немъ и другихъ содѣйствователяхъ ему болѣе, нежели сколько они суть. Почему и счелъ нужнымъ оговорить это и представить дѣло, какъ оно есть. Онъ говоритъ какъ-бы: точно и мы тутъ дѣйствуемъ и дѣйствуемъ съ полнымъ дерзновеніемъ, съ полною увѣренностію въ Богѣ чрезъ Христа Господа; и Онъ никогда не посрамляетъ нашего упованія, но всегда дѣйствуетъ чрезъ насъ по всей полнотѣ дѣйствій Божественныхъ, какимъ положилъ Онъ совершаться въ людяхъ по домостроительству спасенія. Но не подумайте объ насъ что-либо лишнее. Несмотря на все это, чрезъ насъ совершающееся, мы тутъ ничто. Не только придумать отъ себя что-либо къ лучшему на людей дѣйствію мы не можемъ, какъ отъ себя, но и того, какъ все дѣйствуется, не понимаемъ. Дѣйствія во спасеніе отъ насъ исходящія оказываются полными, и мы являемся будто гожими и способными къ совершенію ихъ, но сія гожесть и способность не отъ насъ — *довольство наше отъ Бога*. Онъ дѣйствуетъ чрезъ насъ о Христѣ Іисусѣ благодатію Св. Духа.

Надѣяніе—имамы,—πεποιθησιν,—увѣренность въ Богѣ имѣемъ, что Онъ не откажетъ воздѣйствовать чрезъ насъ въ томъ или другомъ случаѣ, какъ обѣтовалъ и положилъ, и имѣемъ сію увѣренность чрезъ Христа Господа, ибо дѣйствуемъ въ порядкѣ домостроительства спасенія, совершеннаго Господомъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „смѣло уповаемъ на Бога всяческихъ, потому что Христосъ дерзновеніе сіе далъ намъ; о себѣ же не думаемъ высоко, и не изъ собственныхъ своихъ помысловъ слагаемую предлагаемъ проповѣдь.“—Св. Зла-

тоустъ говоритъ: „опять все приписываетъ Богу, и виновникомъ всего называетъ Христа. Не сказалъ: *надѣяніе имамы таково*, по которому одно усвояемъ себѣ, а другое Богу; напротивъ *таково*, которымъ все возлагаемъ на Бога и Ему вмѣняемъ: ибо довольство наше отъ Бога.“ Вотъ Экуменіево слово: „*надѣяніе имамы*, дерзаемъ, говоритъ, совершенно возлагаемся на Бога, чрезъ Христа исполняясь воодушевленнымъ къ Нему дерзновеніемъ; сами же по себѣ мы нисколько недовольны достойно поработать въ семъ служеніи; даже въ умъ взять не можемъ величія дѣла, а не только понять что-либо въ немъ.“

Ст. 6. *Иже и удоволи насъ служители быти Нову Завѣту, не писмене, но Духу: писмя бо убиваетъ, а Духъ животворитъ.*

„Что значитъ: *удоволи насъ?* То, что Богъ сдѣлалъ насъ способными къ таковому служенію. Ибо великое дѣло—сообщить вселенной такія скрижали и писмена, которыя гораздо важнѣе первыхъ. Потому присовокупилъ: *не писмене, но Духу*. Вотъ различіе ветхихъ и новыхъ скрижалей! Моусей принесъ не Духъ, а писмена, а намъ ввѣрено преподаніе Духа“ (св. Злат.). „Самъ Богъ всяческихъ преподалъ намъ силу достаточную къ тому, чтобы служить благодати Духа. Ибо предлагаемъ не ветхія писмена Закона, но новый даръ Духа“ (Ѳеод.). „Богъ удовлилъ насъ, исполнилъ силою Своею, сдѣлалъ насъ служителями, пригодными къ такому великому и Божественному дѣлу, служителями *Новаго Завѣта, не писмене, но Духа*. И Законъ былъ духовенъ, но Духа не подавалъ, какъ подаетъ Новый. Намъ, говоритъ, ввѣрено преподаніе не писмени, какъ Моусею, но Духа. Апостолы не ученіе только о духовномъ и Божественномъ преподавали, но подавали Духа, возлагая руки на вѣрующихъ“ (Ѳеоф.).

Вотъ существо Новаго Завѣта—одуховленіе вѣрующихъ. Слово, исходившее изъ устъ Апостоловъ, было такое же, какъ и ветхозавѣтное; и еслибъ Апостольское служеніе одною проповѣдію ограничивалось, то Новый Завѣтъ не былъ бы выше Ветхаго, хотя бы понятія, сообщаемыя проповѣдію, были и выше ветхозавѣтныхъ. Не въ понятіяхъ сила Новаго Завѣта, а въ благодати Духа. Слово благовѣстія только приготовляло къ принятію Духа; но дѣло новозавѣтное совершалъ Духъ, пріемлемый чрезъ Божественныя таинства, коихъ первыми служителями были Апостолы. Духъ, вошедши въ сердце, не писалъ только Новый Завѣтъ, но совершалъ его, преобразуя внутренняго человѣка по духу Новаго Завѣта. Духъ все дѣлалъ: Онъ и вѣру воображалъ; Онъ и новую жизнь устроялъ; Онъ пути жизни направлялъ. И тутъ Апостолъ не новое что возвѣщаетъ, а указываетъ исполненіе того, что предвозвѣщено издревле Пророками. Пророкъ Іеремія предрекалъ: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ.., дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я* (31, 31. 33). Пророкъ Іезекіиль дополняетъ сіе пророчество: *И дамъ имъ сердце ново, и духъ новъ дамъ имъ, и исторгну сердце каменное отъ плоти ихъ, и дамъ имъ сердце плотяно, яко да въ заповѣдяхъ Моихъ ходятъ, и оправданія Моя сохранятъ и сотворятъ я: и будутъ Ми въ люди, и Азъ имъ буду въ Бога* (11, 19. 20). Предсказанія сіи исполнились, когда Господь излилъ Духа Своего Святаго на св. Апостоловъ, а потомъ ими чрезъ посредство Богоучрежденныхъ таинствъ и на всѣхъ вѣрующихъ. Вѣрующіе всѣ принимали Духа и становились новы въ самыхъ исходищахъ жизни. Такъ это и всегда бываетъ со всѣми, которые искренно вѣруютъ и нелицемѣрно

идутъ путемъ вѣры. Вотъ, говоритъ, какого завѣта быть служителями удоволилъ насъ Богъ,—*не писмене, но Духа!*

Писмя бо убиваетъ, а Духъ животворитъ. „Апостолъ о томъ и другомъ выразился, взирая на конецъ, потому что законъ наказывалъ преступающихъ, а благодать животворитъ вѣрующихъ“ (Ѳеод.). „Письмомъ здѣсь называетъ онъ законъ, угрожающій наказаніемъ преступникамъ закона, а Духомъ благодать, чрезъ таинство крещенія животворящую умершихъ грѣхами. — Прежде сказалъ онъ, что одинъ завѣтъ написанъ на скрижаляхъ каменныхъ, а другой на сердцахъ плотяныхъ. Но ему показалось, что такое различіе еще невелико; а потому присовокупилъ, что прежній Завѣтъ написанъ буквами и чернилами, а Новый—Духомъ. Но какъ и сіе различіе еще не вполнѣ могло возбудить его слушателей, то онъ указываетъ въ нихъ еще нѣчто такое, что сильно было окрылить ихъ, т.-е. то, что *писмя убиваетъ, а Духъ животворитъ.* Что же это значитъ? По ветхому закону грѣшникъ подвергается наказанію, а по новому онъ прибѣгаетъ къ крещенію и становится праведнымъ; а содѣлавшись правымъ, онъ оживаетъ, освободившись отъ смерти грѣха. Законъ, если поймаетъ убійцу, то осуждаетъ его на смерть; а если постигнетъ убійцу благодать, то она освящаетъ и оживляетъ его. Но что я говорю объ убійцѣ? Законъ и того схватилъ и побилъ камнями, который собиралъ дрова въ субботу (Числ. 15, 32 — 36). Вотъ что значитъ: *писмя убиваетъ!* Напротивъ благодать ловитъ безчисленныхъ человѣкоубійцъ и разбойниковъ и, омывши ихъ водами крещенія, разрѣшаетъ отъ прежнихъ золъ. Вотъ что значитъ: *Духъ животворитъ!* Законъ кого поймаетъ, того изъ живаго дѣлаетъ мертвымъ, а благодать преступника изъ мертваго (духовно) содѣлы-

ваетъ живымъ. Благодатію крещенія омываются грѣхи, заглаждаются прежнія неправды; человѣкъ оживаетъ, и всякая благодать напечатлѣвается въ его сердцѣ, какъ на скрижали“ (св. Злат.).

Къ настоящему времени и христіанство все заключено въ письмена. Духодвижное слово Апостольское составляетъ наше откровеніе новозавѣтное; духоносныя таинства обставлены благолѣпною обрядностію; руководительныя мановенія Духа исполняются въ отношеніяхъ пастырей и пасомыхъ. И все сіе опредѣлено уставомъ. Но уставъ—писмя, буква; исполненіе его—форма внѣшняя. Во всемъ этомъ можно и не быть духу жизни. Можно двигаться въ жизненныхъ формахъ безъ жизни. Можно знать на память и понимать весь Новый Законъ, и не имѣть Духа просвѣщающаго вѣрою живою; можно строго исполнять всѣ чины церковные и не имѣть Духа оживляющаго, или не имѣть жизни духовной; можно пребыть и въ полномъ подчиненіи пастырству, не встрѣчая руководства, истинно отъ Духа исходящаго. Истинно духовная жизнь движется во всѣхъ этихъ порядкахъ, но не необходимо ими предполагается. Всѣ живемъ по установившемуся чину; но одни одуховлены, а другіе нѣтъ. Изъ двухъ стоящихъ въ храмѣ и даже дѣйствующихъ, одинъ можетъ быть духоносенъ, а другой нѣтъ. Итакъ какъ же? И тутъ писмя убиваетъ? Писмя, буква, форма вездѣ одну цѣну имѣетъ; и когда нѣтъ при нихъ Духа, они ничто. Духъ же идѣже хощетъ дышетъ, и не вѣси, откуду и какъ приходитъ. Безъ вѣры и таинствъ не приходитъ; но и они могутъ быть исправляемы лишь по формѣ, безъ проявленія внутренней силы. Что все это такъ, повсюдные опыты удостовѣряютъ. Они у насъ предъ глазами. Но какъ и почему такъ дѣлается, тутъ мы ума приложить не можемъ. Великимъ секретомъ закрылъ Господь зарожденіе и

спѣяніе жизни отъ Духа. Такъ Его волѣ угодно; воля же Его свята, и праведна, и блага. Одно утѣшеніе: *ищите и обрящете.*

Ст. 7. 8. *Аще ли служеніе смерти писмены образовано въ каменехъ, бысть въ славу, яко не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на лице Моусеово, славы ради лица его престающія: како не мнюжае паче служеніе Духа будетъ въ славѣ?*

Уже довольно показалъ Апостолъ превосходство Новаго Завѣта предъ Ветхимъ, особенно тѣмъ, что тотъ, Ветхій, былъ начертанъ мертвыми буквами на камнѣ, а этотъ, Новый, живописуется животворящимъ Духомъ въ сердцѣ, отъ чего тотъ мертвящъ, а этотъ животворящъ. Теперь хочетъ представить преславность Новаго Завѣта, помрачающую славу Ветхаго, и для этого пользуется указаніемъ на славу, отражавшуюся на лицѣ Моусея, когда онъ сходилъ съ горы послѣ бесѣды съ Богомъ. У него здѣсь идетъ такое умозаключеніе: сколько превосходнѣе домостроительство спасенія, нами вамъ предложенное и вами принятое, предъ ветхозавѣтнымъ, это вы знаете по собственному опыту; вы приняли животворящаго Духа, новую жизнь вамъ даровавшаго, васъ освятившаго и знаменіе своего въ васъ пребыванія осязательно являющаго (въ чрезвычайныхъ дарахъ). Ничего такого ветхозавѣтное служеніе не давало. Но смотрите, какою славою сопровождалось его учрежденіе? Моусей, сходя съ горы съ начертаніемъ его, блисталъ славою. Заключайте же отсюда, что если то, столько низшее сравнительно съ нашимъ, служеніе такъ являлось славнымъ, то насколько славнѣе его наше служеніе? Цѣль такой рѣчи Апостола будто такая: я толкую вамъ о превосходствѣ новой благодати предъ ветхозавѣтнымъ служеніемъ; при этомъ можетъ иному придти на мысль: но какъ же Моусей

сіялъ славою; а здѣсь что видимъ? Спаситель въ уничиженіи, Апостолы всѣ непоказны и всѣхъ вѣрующихъ участь такая же неславная. Смотрите, не соблазнитесь такою мыслію; напротивъ изъ того самаго, что то ветхозавѣтное служеніе явилось такъ славнымъ, заключайте, что наше несравненно славнѣе. Ибо силу его вы уже извѣдали на себѣ и свидѣтельство его превосходства въ себѣ носите. Если то, что получаете отъ сего служенія, несравненно превосходнѣе того, что давало то служеніе, то не сомнѣвайтесь, что и слава нашего служенія блистательнѣе славы того служенія. Не смотрите на видимость; видимое временно, невидимое вѣчно. Видимо ли то, что имѣете вы отъ Духа благодати? Невидимо. А менѣе ли оно отъ того дѣйствительно? Нисколько не менѣе; ибо вамъ не стороннее что сказывается о семъ, а то, что вы сами ощущаете и въ себѣ испытываете. Такъ—если это несомнѣнно, хотя невидимо, не сомнѣвайтесь, что и слава нашего служенія дѣйствительно есть блистательнѣе славы служенія ветхозавѣтнаго, хотя блеска славы сей никто не видитъ.— Внушаетъ имъ Апостолъ эту истину посредствомъ умозаключенія: ибо на славу сію не могъ онъ указать такъ, чтобы и тѣлесныя очи видѣли ее, какъ славу Моусея видѣли Израильтяне, — не могъ сказать: на, вотъ смотрите — какая слава! И умными очами слава сія не созерцается, какъ свѣтъ какой, а только пріемлется въ несомнѣнности убѣжденія, что она есть. Эта несомнѣнность убѣжденія есть свѣтъ ея. Самая же слава—превосходство достоинства его, ясно сознаваемое. Все же сіе строилось на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что домостроительство спасенія давало Духа благодати, сообщало новую духовную жизнь и вѣнчалось особыми дарами. Это всѣми испытываемое оживленіе отъ Духа, эта духоносность и духодвижность, присущія всѣмъ,

давали умозаключенію Апостола точку опоры неколеблемую и силу способную отражать всѣ недоумѣнія.

Такое построеніе мыслей видитъ у Апостола св. Златоустъ, а за нимъ и всѣ наши. Онъ говоритъ: „Апостолъ сказалъ, что Моусеевы скрижали были каменныя и начертаны буквами или письменами, а новозавѣтныя скрижали плотяны и пишутся Духомъ; сказалъ также, что *письмя убиваетъ, а Духъ животворитъ*. Оставалось наконецъ присоединить къ сему сравненію нѣчто другое немаловажное, именно о славѣ лица Моусеева, какой славы никто не видѣлъ въ Новомъ Завѣтѣ тѣлесными очами. Потому первая и казалась великою славою, ибо поражала чувства и созерцаема была тѣлесными очами, хотя вмѣстѣ была и недоступна. А слава Новаго Завѣта есть духовная. Но постиженіе сего превосходства послѣдней недоступно было для немощныхъ; потому ветхозавѣтная слава болѣе восхищала и привлекала ихъ къ себѣ. Итакъ, поелику онъ допустилъ уже такое сравненіе (Новаго Завѣта съ Ветхимъ), то рѣшился показать и превосходство новозавѣтной славы. Поелику же это было очень трудно по причинѣ немощи слушателей, то смотри, что онъ дѣлаетъ и какой для достиженія сей цѣли употребляетъ способъ: сіе различіе и превосходство онъ показываетъ чрезъ умозаключенія, которыя извлекаетъ изъ вышесказаннаго имъ. Если ветхозавѣтное служеніе, говоритъ, было служеніе смерти, а новозавѣтное есть служеніе жизни, то безъ сомнѣнія и слава послѣдняго служенія больше славы перваго. Поелику онъ не могъ представить новозавѣтной славы очамъ тѣлеснымъ, то превосходство ея и показываетъ чрезъ умозаключенія.“

Умозаключеній сихъ строитъ Апостолъ три, исходною точкою для которыхъ служатъ, съ одной стороны, слава Моусеева лица, а съ другой — духовныя совер-

шенства новозавѣтнаго служенія. Производство умозаключенія вездѣ одно: то меньше, да такъ славно; какъ же не будетъ несравненно превосходнѣе это лучшее и большее? Ставитъ напередъ, чѣмъ то меньше, и чѣмъ это больше, и отсюда выводитъ очевидное заключеніе: если то меньшее—славно, то конечно это большее несравненно славнѣе. Въ сравненіе идутъ слѣдующія черты: то—служеніе смерти (мертвое), а это—служеніе Духа (живое и живоносное) (ст. 7. 8); то — служеніе осужденія, а это—служеніе правды (9. 10); то — престающее, а это—пребывающее (—11). Кто не видитъ, что если первое славно, то второе должно быть несравненно славнѣе?

Послѣ сего понятно содержаніе этихъ, 7—11, стиховъ. Надобно однакоже сдѣлать нужныя замѣчанія на нѣкоторыя реченія.

Что разумѣть здѣсь подъ служеніемъ? Не Моусеево посредство и Апостольство, а домостроительство спасенія подзаконное и благодатное, въ ихъ сравненіи одного съ другимъ. Такъ св. Златоустъ и всѣ наши. Ѳеодоритъ только то на то, то на другое указываетъ. И по ходу рѣчи лучше разумѣть послѣднее. Апостолъ въ этомъ отдѣленіи разсуждаетъ все о превосходствѣ Новаго Завѣта, и его выставляетъ на видъ, себя же всячески прячетъ и заслоняетъ. Предъ этимъ только сказалъ, что сами по себѣ они ничто. Умѣстно ли предполагать, что послѣ такого слова, онъ тотчасъ выставляетъ славу Апостольства?

Аще ли служеніе смерти писмены образовано въ каменехъ, бысть въ славу.—Образовано—εντετυπωμενη, напечатлѣно буквами на каменехъ—на двухъ скрижаляхъ каменныхъ. На этихъ скрижаляхъ написано было только десятословіе; подъ служеніемъ же смерти разумѣется все ветхозавѣтное учрежденіе. Апостолъ обнимаетъ все его

тѣмъ однимъ, что написано было на скрижаляхъ, ради того, что десятословіе составляло средоточіе всего ветхозавѣтнаго учрежденія, и ради того, что слава на лицѣ Моусея въ первый разъ показалась, когда онъ сносилъ скрижали, а можетъ быть и ради того, что писаніе буквами на камняхъ очень хорошо выражаетъ существенныя черты Ветхаго Завѣта. Слова: *бысть въ славѣ*, указываютъ на прославленіе *зрака плоти лица* Моусеева, когда сходилъ онъ съ горы. Это прославленіе было такъ велико, что Ааронъ и всѣ сыны Израилевы не могли выносить блистаніе его, и *убояшася приступити* къ Моусею (Исх. 34, 29. 30). Это и выражаетъ Апостолъ, когда говоритъ: *яко не мощи взирати сыновомъ Израилевымъ на лице Моусеово*. Самъ Моусей сначала и *не вѣдяше, яко прославися зракъ плоти лица его*, но когда узналъ, сталъ возлагать покровъ на лице свое (—33) для того, чтобъ безпрепятственно входить въ общеніе съ сынами Израиля по дѣлу устроенія всего Завѣта. Восходя же на гору, Моусей снималъ покровъ для бесѣды съ Богомъ. Это прославленіе лица было слѣдствіемъ видѣнія славы Божіей, ея отраженіемъ; почему по окончаніи всего дѣла устроенія завѣтныхъ порядковъ, вѣроятно, прекратилось. Почему Апостолъ и назвалъ славу сію престающею. Не могли, говоритъ, сыны Израилевы взирать на Моусея, — *славы ради лица его престающія*.

Но чего ради учрежденіе сіе названо *служеніемъ смерти?* „Апостолъ служеніе закона нарекъ служеніемъ смерти, потому что законъ наказывалъ (смертію) преступниковъ“ (Ѳеод.). „Подъ служеніемъ смерти Апостолъ разумѣетъ законъ, хотя законъ не былъ виновникомъ и породителемъ смерти. Виновникъ смерти— грѣхъ. Онъ велъ къ нарушенію закона; а законъ обнаруживалъ это и подвергалъ осужденію за грѣхъ. Онъ

яснѣе открывалъ зло, и только наказывалъ за зло, а не побуждалъ ко злу; и служилъ не для того, чтобы производить грѣхъ или смерть, но чтобы наказывать того, кто грѣшитъ. А такимъ образомъ онъ былъ вмѣстѣ и истребителемъ грѣха. Ибо когда показывалъ грѣхъ столько страшнымъ, то безъ сомнѣнія симъ заставлялъ и убѣгать его, или укрощалъ грѣхъ страхомъ наказанія“ (св. Злат.). Удерживалъ отъ дѣлъ грѣха законъ, а сила грѣха оставалась въ дѣйствіи и при немъ. Поелику сила грѣха есть мертвящая сила, раздражаема же она была закономъ, не дававшимъ между тѣмъ помощи къ противостоянію ему, то онъ держалъ подзаконныхъ въ мертвящей области грѣха. „Законъ не другое что былъ какъ письмена. А письмена никакой помощи, какъ напротивъ бываетъ въ крещеніи, не доставляли находящимся подъ закономъ; но скрижали и начертанія приносили смерть преступающимъ письмена“ (св. Злат.). Вотъ почему законъ есть служеніе смерти!

Или, можетъ быть, подзаконное учрежденіе названо служеніемъ смерти въ томъ смыслѣ, что было мертвое служеніе, т.-е. письменное, буквенное, уставное, служеніе внѣшнее безъ внутренней силы жизни. Законъ не давалъ Духа, а предписывалъ только дѣла. Дѣла дѣлались обычнымъ порядкомъ, а внутри не было духовной жизни; ибо она дается Духомъ, котораго не сообщалъ законъ. Въ Новомъ же Завѣтѣ напротивъ первое дѣло есть дарованіе Духа, который, возрождая къ новой жизни, живописалъ вмѣстѣ въ сердцѣ и законы сей жизни, подавая силу не внѣшно только подавлять, но истреблять грѣхъ. Почему противополагая новозавѣтное учрежденіе ветхозавѣтному, яко служенію смерти, онъ назвалъ его служеніемъ Духа, давая разумѣть, что служеніе Духа, по нему, тоже есть, что

служеніе жизни, т.-е. живое, изъ сердца исходящее, не внѣшними предписаніями опредѣляющееся, а извнутри исходящее, какъ потребность сердца. Но таковымъ служеніе сіе является только потому, что само есть плодъ благодати Св. Духа. Сознавая превосходство такого служенія, и всякій со Апостоломъ воззоветъ: *како не множае паче служеніе Духа будетъ въ славѣ?*

Ст. 9. *Аще бо служеніе осужденія, слава: много паче избыточествуетъ служеніе правды въ славѣ.*

Ветхозавѣтное учрежденіе было служеніемъ осужденія, потому что законъ только обличалъ грѣхъ и осуждалъ грѣшника, какъ грѣшника въ вѣдѣніи грѣшащаго, и оставлялъ на этомъ грѣшника; дальше не велъ его. Грѣшникъ не могъ не сознавать праведности осужденія, и желалъ бы избыть отъ него и больше ему не подвергаться, но не могъ, потому что законъ не давалъ на то силъ. Такимъ образомъ законъ подзаконныхъ всегда держалъ подъ осужденіемъ, не давая изъ него исхода. Напротивъ завѣтъ благодати хотя тоже открывается всестороннимъ осужденіемъ призываемыхъ къ нему, но говоритъ: *покайтеся и да крестится кійждо васъ во оставленіе грѣховъ и пріимете даръ Св. Духа* (Дѣян. 2, 38). Т.-е. въ немъ съ перваго шага дается отпущеніе грѣховъ, въ которыхъ осуждаетъ законъ, и сообщается новая жизнь, сильная неуклонно ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ, — обновляется духъ правый во утробѣ, сообщающій пріявшему его внутреннюю правоту или праведность. Почему онъ есть служеніе правды,—δικαιοσύνης,—праведности, святости и непорочности, не именемъ, а существенной. Итакъ, если служеніе осужденія—слава, т.-е. славно, то служеніе, дающее праведность и святость, не паче ли избыточествуетъ славою, хотя для чувственныхъ глазъ это и не видно, какъ тамъ видѣлось на лицѣ Моусея?

Ст. 10. *Ибо не прославися прославленное въ части сей, за превосходящую славу.*

Вставлена пояснительная мысль на предыдущее заключеніе. Какъ будто слышалось возраженіе: да какъ же это? Вѣдь то учрежденіе служенія такъ очевидно прославлено?! Апостолъ отвѣчаетъ: пусть прославлено, но вѣдай, что оно прославлено совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, чтобъ славнѣе того ничто уже не могло явиться, чтобы то была слава самая высшая, выше которой уже и ожидать нечего другой. Καὶ γὰρ οὐδὲ δεδόξασται,—ибо и непрославлено прославленное въ части сей, т.-е. въ устроеніи ветхозавѣтнаго служенія,—ἐνεκεν τῆς ὑπερβαλλούσης δόξης,—ради того, или въ томъ смыслѣ, что то была самая превосходная слава. То была слава совсѣмъ не послѣдней степени, а умѣренная, и была дана только для впечатлѣнія на чувственныхъ сыновъ Израиля, дана на время учрежденія закона, чтобъ на немъ они всегда видѣли отсвѣтъ небеснаго происхожденія. Когда же кончилось установленіе закона,—и слава та престала. Слѣдующій стихъ какъ разъ вяжется съ этою мыслію: *аще престающее славою...* Если теперь это престающее славно, то сколько славнѣе должно быть пребывающее!

Понимая такъ сіе мѣсто, мы остаемся вниманіемъ на Синайской горѣ, предъ Моисеемъ съ прославленнымъ лицемъ, и мѣряемъ славу его тамошнею же мѣркою, какую даетъ ей послѣдующее теченіе дѣлъ. Но можно славу ту поставить предъ лицемъ славы новозавѣтнаго учрежденія, и понять сіе мѣсто такъ: то прославленное и славою не кажется предъ Евангеліемъ, ради превосходства славы сего послѣдняго, „какъ свѣтъ свѣтильника, и сильный самъ по себѣ, непримѣтнымъ дѣлается среди полудня предъ свѣтомъ солнца“ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „Сперва Апостолъ показалъ,

что и служеніе оправданія въ славѣ, и не только въ славѣ, но и преизбыточествуетъ славою. Теперь показываетъ уже, какъ велико это превосходство, говоря: если сравню сію славу съ ветхозавѣтною, то слава Ветхаго Завѣта не будетъ даже славою.“ Ѳеофилактъ прибавляетъ: „и законъ былъ славенъ самъ по себѣ, въ своей мѣрѣ, но по причинѣ преизбытка славы Евангелія онъ является уже неславнымъ.“

Ст. 11. *Аще бо престающее, славою: много паче пребывающее, въ славѣ.*

Третье „умозаключеніе, другимъ образомъ показывающее превосходство Новаго Завѣта, заимствованное отъ времени. Ибо ветхозавѣтное служеніе получило конецъ, а сіе постоянно пребываетъ“ (св. Злат.). „Апостолъ назвалъ *престающимъ* законъ, какъ утратившій силу свою съ пришествіемъ Владыки Христа, а даръ благодати *пребывающимъ*, какъ даръ, который не будетъ имѣть конца. Посему, если законъ, говоритъ онъ, сподобился славы, то, конечно, во много кратъ большей славы сподобится даръ благодати“ (Ѳеод.). „Если имѣвшій престать законъ данъ при сопровожденіи такой славы, не тѣмъ ли паче въ славѣ будетъ всегда имѣющій быть Новый Завѣтъ?“ (Ѳеоф.).

Такими сопоставленіями и заключеніями Апостолъ выяснилъ, что новозавѣтное домостроительство спасенія преславнѣе ветхозавѣтнаго. Но какъ? Есть или будетъ? Мысль Апостола та, что оно есть преславнѣе, только слава сія не видимая, а умносозерцаемая, духовная. Она раскроется видимо во второе пришествіе Господне, но дотолѣ пребудетъ невидимою, хотя тѣмъ не менѣе дѣйствительною. Коринѳяне уже познавали ее въ дивныхъ дѣйствіяхъ Духа Святаго, но эти дѣйствія бывали, какъ блескъ преходящей молніи, и хотя оставляли увѣренность въ славности Евангельскаго

устроенія, безъ видимаго однакожъ постоянно явленія сей славы. Въ Церкви Божіей сія невидимая внутренняя слава постоянно присуща. Но осязательно является дѣйственность Духа только въ лицахъ, долгимъ трудомъ и потомъ очищающихъ себя отъ страстей. Слава, о коей говоритъ Апостолъ, не есть, ни въ какомъ случаѣ, внѣшняя, видимая, какъ напримѣръ, слава Церкви при Константинѣ Великомъ. Эти славности всегда случайны, приходятъ и отходятъ, и на нихъ останавливаться вниманіемъ не должно, и тѣмъ паче мѣрять ими достоинство царства благодати. Поистинѣ такъ надо судить, что будь эти внѣшнія славности или не будь, для дѣла Божія отъ этого—ни ущерба, ни прибыли. То важно, и тѣмъ дорожить надо, чтобъ въ Церкви всегда присуща была дѣйственность Духа, и всегда въ ней были ревнители, ревнующіе востекать въ такую мѣру. Оскудѣніе ихъ есть оскудѣніе духовной славы царства Христова, а прекращеніе—померклость славы. Гдѣ это есть, тамъ водворяется служеніе смерти и осужденія, при всей видимости служенія духа и правды.

вв).

Слово благовѣстія свѣтло и просвѣтительно

3, 12—18.

Прояснивъ большую преславность Евангельскаго домостроительства, сравнительно съ славою устроенія ветхозавѣтнаго, прознаменованнаго прославленіемъ лица Моусеева, Апостолъ долѣе останавливается вниманіемъ на семъ послѣднемъ обстоятельствѣ. Моусей съ прославленнымъ лицемъ, сокрытымъ подъ покровомъ, есть великій символъ, выражающій самымъ точнымъ

образомъ значеніе Ветхаго Завѣта. Какъ Моусеево лице славно было, но скрыто, такъ что другіе уже не видѣли сей славы, такъ Ветхій Завѣтъ славенъ, но слава его прикрыта. Слава его есть сокрытый во всѣхъ его чинахъ и постановленіяхъ Христосъ Господь; но слава сія прикрыта вещественностію, такъ что, если смотрѣть на одну внѣшность, то все ветхозавѣтное устроеніе не представляетъ ничего кромѣ стихійнаго служенія жертвами, куреніями, омовеніями. Въ существѣ же это все есть только тѣнь, тѣло же тѣни сей Христосъ Господь. Узрѣть сіе тѣло и слѣдовательно понять, что есть ветхозавѣтное устроеніе, можетъ только вѣрующій въ Господа. Онъ сквозь покровъ внѣшній проникаетъ внутрь и видитъ сокрытый тамъ свѣтъ. Таковы, говоритъ Апостолъ, мы вѣрующіе. Мы прямо видимъ Господа и славу Его, и сами все больше и больше просвѣщаемся тою же славою.

Ст. 12. *Имуще убо таково упованіе, многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ.*

Упованіе здѣсь близко къ значенію совершеннаго убѣжденія; упованіемъ же назвалъ убѣжденіе ради того, что оно обнимаетъ и настоящее, и будущее. Онъ говорилъ о преславности новозавѣтнаго домостроительства. Эта преславность уже есть, присуща и проповѣдающимъ о семъ завѣтѣ благодати, и вступающимъ въ него,—хотя она невидима для очей тѣлесныхъ, но лишь умно созерцается и сердцемъ ощущается. Присуща же такъ, что начавшись не престаетъ никогда, а въ будущемъ вѣкѣ явится во всемъ блескѣ и вовнѣ. Это все объемля равнымъ убѣжденіемъ, онъ назвалъ его упованіемъ, имѣя въ намѣреніи можетъ быть и то, чтобъ взоръ того, кто „желалъ бы видѣть сію славу собственными очами, обратить для сего къ будущему вѣку“ (св. Злат.). При такомъ убѣжденіи мы, говоритъ,

многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ.—Дѣйствуемъ,—χρωμεθα, употребляемъ дерзновеніе, пользуемся дерзновеніемъ. *Мы*, Апостолы, проповѣдники новой благодати, смѣло предлагаемъ всѣмъ благодать сію, будучи увѣрены, что предлагаемъ вещь воистину преславную, славнѣе которой и въ Божескихъ учрежденіяхъ нѣтъ, а не только въ человѣческихъ. „Знаемъ великость славы, и нимало не сомнѣваемся, но съ дерзновеніемъ показываемъ превосходство благодати (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: *имуще*, говоритъ, *таково упованіе. Таково*—какое же? То, что мы удостоились большаго, нежели Моусей, и не только мы, но и всѣ вѣрующіе. *Многимъ дерзновеніемъ дѣйствуемъ*. Предъ кѣмъ, скажи? Предъ Богомъ, или предъ учениками? Предъ вами, говоритъ, которымъ проповѣдуемъ мы, т.-е. мы вездѣ проповѣдуемъ съ свободою, ничего не скрывая, безъ всякаго притворства, ничего не опасаясь, но говоря ясно, и не боясь того, чтобы не поразить взоры ваши, подобно какъ Моусей поразилъ взоры Іудеевъ.“

Ст. 13. *И не якоже Моусей полагаше покрывало на лицѣ своемъ, за еже не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на конецъ престающаго.*

Повторимъ эту исторію словами св. Златоуста. „Прежде надобно разсказать самую исторію, ибо и самъ Апостолъ не выпускаетъ ея изъ виду. Что же говоритъ сія исторія? Когда Моусей, получивши въ другой разъ скрижали, сошелъ съ горы, то нѣкоторая слава, исходя отъ лица его, столько просіяла, что Іудеямъ нельзя было приблизиться къ нему и говорить съ нимъ, доколѣ онъ не наложилъ покрывала на лице свое. О семъ написано въ книгѣ Исхода, 34, 29—34. На сію исторію указывая, Апостолъ говоритъ: *не якоже Моусей полагаше покрывало на лице свое*... Слова его имѣютъ такой смыслъ: намъ не нужно покрывать себя

подобно Моусею. Ибо вы можете взирать на славу сію, хотя она гораздо болѣе и выше Моусеевой.“ Ѳеодоритъ о семъ пишетъ: „не имѣемъ нужды въ покрывалѣ, какъ Моусей, потому что бесѣдуемъ съ вѣрующими, а вѣрующіе пользуются лучемъ умнаго свѣта. Говоря сіе, Апостолъ даетъ видѣть, что Божественный Моусей, предвозвѣщая невѣріе Іудеевъ, наложилъ на лице свое покрывало, научая тѣмъ, что не въ состояніи они будутъ увидѣть конецъ закона, потому что конецъ закона Христосъ въ оправданіе всякому вѣрующему.—Сіе и сказалъ Апостолъ: *за еже не мощи взирати сыномъ Израилевымъ на конецъ престающаго*. Ибо престающимъ, то-есть теряющимъ свою силу, названъ законъ, а концемъ престающаго — проповѣданнаго подъ закономъ, то-есть Христа.“

Другіе наши толковники главные термины этого текста: прикрываніе лица Моусеемъ и конецъ престающаго, истолковываютъ такъ: Экуменій: „Для чего же это, какъ-бы спрашиваетъ кто Апостола, не прикровенно проповѣдуете вы и не затѣняете слова своего подобно покрову какому? Для чего? Во-первыхъ, по увѣренности въ чистотѣ проповѣди, а далѣе и потому, что вы можете видѣть красоту, сущую въ проповѣди. Ибо вы не слѣпотствуете подобно Іудеямъ. Сколько выше новозавѣтное устроеніе, столько превосходнѣе и научаемые ему. Тѣ не могли взирать на лице Моусея, слава котораго имѣла прекратиться. Желая показать кратковременность той славы въ сравненіи со имѣющею всегда пребывать славою Новаго Завѣта, говоритъ, что они не могли *взирать на конецъ престающаго*. Не могли взирать на славу ту Израильтяне, и Моусей прикрывалъ ее, и когда прикрывалъ, она прекращалась для Израильтянъ, невидима была болѣе ими, чѣмъ означалось, что она была престающая. Такъ она была

кратковременна, что лишь начиналась, тотчасъ и переставала (бывъ прикрыта).“ Ѳеофилактъ: „не имѣемъ нужды въ покровѣ; ибо вы можете видѣть славу Евангелія, т.-е. уразумѣвать таинства его, таинства Божіи; и намъ нѣтъ нужды прикрывать ихъ примрачностію, какъ покровомъ какимъ. Израильтяне, будучи грубы, не могли видѣть, что законъ имѣетъ конецъ, что онъ долженъ престать. Прикрытіе то означаетъ огрубѣніе ума и сердца.“

Сведемъ все высказанное во едино. Апостолъ хочетъ сказать, что время прикрытія миновало; теперь слѣдуетъ говорить открыто. Что законъ престанетъ, это лежало въ существѣ его и назначеніи его; но сказать этого прямо Израильтянамъ при первомъ его установленіи нельзя было; ибо не могши понять, почему такъ быть должно, они не могли бы вынести слова сего безъ вреда себѣ и закону. Между тѣмъ надобно же было это означить. Оно и означено символически въ прикрытіи лица Моисеева, означавшаго сокровенность нѣкоего дивнаго свѣта подъ стихійнымъ служеніемъ закона, съ указаніемъ и на то, что когда явится свѣтъ тотъ, престанетъ и законъ. Словомъ это не сказано, но представленъ вразумительный символъ, и способные послѣ могли прозирать значеніе его. Апостолъ даетъ разумѣть, что теперь свѣтъ тотъ явился, и намъ нечего прикрывать его. Покровы прежніе, стихійное служеніе, должны быть разорваны, и мы всѣмъ открыто указываемъ истинный свѣтъ.

Итакъ Моисей употребилъ такой символъ ради того, что сыны Израиля не могли вынесть прямаго слова о концѣ закона, или имѣющемъ быть прекращенія силы и обязательности его. Но ограничить мысль Апостола, при словѣ о концѣ закона, этимъ однимъ, было бы очень недостаточно. Ибо настоящій конецъ закона есть

Христосъ Господь. Кто говоритъ о концѣ закона, не можетъ не имѣть въ мысли и Христа Господа. Израильтяне не могли вмѣстить прямаго слова о концѣ закона ради того, что не могли уразумѣть, что есть Христосъ Господь, хотя Онъ былъ тѣло для тѣни закона. Еслибъ это они могли понять, нечего было бы скрывать и конца закона. А этого не могли они понять по грубости и плотяности ума ихъ. Итакъ не могли взирать Израильтяне на конецъ престающаго ради того, что не могли видѣть Христа Господа въ законѣ. Слѣдующія слова: *конецъ престающаго*, прямо наводятъ на мысль о Христѣ Господѣ, концѣ закона, какъ и указываетъ Ѳеодоритъ.

Ст. 14. *Но ослѣпишася помышленія ихъ: даже бо до сего дне тожде покрывало во чтеніи Ветхаго Завѣта пребываетъ не откровено, зане о Христѣ престаетъ.*

Символъ покрытаго свѣтоноснаго Моисеева лица означалъ, что подъ вещественностію стихійнаго ветхозавѣтнаго служенія сокрытъ умный свѣтъ. Но сокрытъ не съ тѣмъ, чтобъ онъ навсегда оставался сокрытымъ, или для всѣхъ былъ недоступнымъ. Нѣтъ; онъ прикрытъ на время, и способные прозрѣвали въ него и ясно понимали смыслъ сокрытаго, какъ видно изъ св. Пророка Исаіи и многихъ другихъ, или и всѣхъ Пророковъ и праведниковъ, которые всякій въ своей мѣрѣ познавалъ сокрытое подъ сѣнію закона и воспринималъ исходящій изъ-подъ сѣни сей свѣтъ. Для большинства же покровы закона оставались непроницаемыми, и это не только прежде пришествія Христова, но и тогда, какъ Онъ пришелъ уже и свѣтомъ Своимъ освѣтилъ значеніе ветхозавѣтнаго устроенія. Это и показываетъ здѣсь Апостолъ, возлагая вину не на законъ, а на ослѣпленіе держащихся его. Ослѣпились, говоритъ, помышленія ихъ и не видятъ они сокрытаго въ законѣ

свѣта. Для нихъ покровъ непроницаемый доселѣ лежитъ на законѣ, какъ лежалъ на лицѣ Моисея. И не прозрѣть имъ внутрь, пока не увѣруютъ во Христа Господа. Какъ только увѣруютъ, покровъ снимется, и они ясно увидятъ все, что было сокрыто въ законѣ. Св. Павелъ говоритъ это по своему опыту. Какъ все стало для него ясно въ законѣ, показываютъ его толкованія сѣновныхъ учрежденій закона, разсѣянныя въ его посланіяхъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, къ чему онъ направляетъ рѣчь свою. Что тогда однажды сдѣлано было Моисеемъ, то навсегда осталось на законѣ его. Впрочемъ сказанное относится не къ обвиненію закона, равно какъ и не къ обвиненію Моисея, что онъ тогда покрывалъ себя, но къ обличенію грубости Іудеевъ. Почему говоритъ: *ослѣпишася помышленія ихъ.* Но какая связь сего ослѣпленія съ тогдашнимъ покрываломъ, скажетъ кто-нибудь? Та, что оно предзнаменовало будущее. Ибо они не только тогда не видѣли закона, но и нынѣ не видятъ его, и они сами причиною сего; ибо ослѣпленіе зависитъ отъ нечувствительнаго и грубаго ихъ сердца. И только мы теперь видимъ законъ, а отъ нихъ сокрыты не только благодать, но и самый законъ. *До сего дне,* говоритъ, *покрывало въ чтеніи Ветхаго Завѣта пребываетъ не откровено.* Т.-е. Іудеи не знаютъ, что сіе покрывало уничтожилось, потому что не вѣруютъ во Христа. *Зане о Христѣ престаетъ.* Ибо если оно чрезъ Христа уничтожено, какъ и дѣйствительно Имъ уничтожено, о чемъ и самый законъ еще прежде предсказалъ, то не принявшіе Христа, Который отмѣнилъ законъ, откуда могутъ узнать, что сей законъ отмѣненъ? А не зная сего, очевидно, не знаютъ и силы самаго закона, говорящаго о семъ. Спросишь: гдѣ же сказалъ законъ, что онъ во Христѣ

имѣетъ конецъ? Послушай самого законодателя, который такъ говоритъ: *Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, якоже мене, Того послушайте по всему, елика аще речетъ вамъ: будетъ же всяка душа, яже аще не послушаетъ Пророка онаго, потребится отъ людей* (Втор. 17, 15. 18; Дѣян. 3, 22. 23). Видишь ли, какимъ образомъ законъ показалъ, что онъ во Христѣ имѣетъ конецъ? Ибо сей Пророкъ, т.-е. Христосъ Господь во плоти, Котораго Моисей велѣлъ слушать, отмѣнилъ и субботу, и обрѣзаніе, и всѣ ветхозавѣтные обряды. И Давидъ, предвозвѣщая тоже самое, сказалъ о Христѣ: *ты Іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 4), а не по чину Ааронову. Посему и Павелъ, толкуя сіе мѣсто, ясно сказалъ, что *прелагаему священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ* (Евр. 7, 12). Кромѣ сихъ, и многія другія свидѣтельства можно привести изъ Ветхаго Завѣта, которыя показываютъ, какимъ образомъ законъ долженъ получить конецъ во Христѣ. Теперь, когда ты оставляешь ветхій законъ, тогда хорошо разумѣешь законъ; если же продолжаешь держаться закона и не вѣруешь во Христа, то ты не знаешь и самаго закона.“

Ст. 15. 16. *Но даже до днесь, внегда чтется Моисей, покрывало на сердцѣ ихъ лежитъ; внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало.*

Туже мысль сказываетъ, ссылаясь только на повсюдный опытъ. Всѣ, говоритъ, это испытываютъ, что читая Моисея, т.-е. законъ, безъ вѣры въ Господа, ничего тамъ не видятъ; *покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ*, видѣть и можно бы, но очи сердца закрыты невѣріемъ, оттого видя не видятъ и читая не разумѣютъ. Коль же скоро увѣруютъ въ Господа и *обратятся къ Нему, взимается покрывало* съ сердца, открываются очи ихъ духовныя вѣрою, и они ясно начинаютъ видѣть все,

сокрытое въ законѣ. Это чудо духовное самъ св. Павелъ испыталъ и видѣлъ его на всѣхъ другихъ Іудеяхъ истинно-увѣровавшихъ. По вѣрѣ, тоже самое иначе видится, иначе читается, иначе разумѣется. Парѳеній Гуслицкій сказываетъ о себѣ, какъ онъ сто разъ читалъ одно мѣсто въ книгѣ о вѣрѣ и оно не давало ему никакой мысли; но когда сталъ склоняться къ вѣрѣ, то это мѣсто вдругъ, какъ молніею, просвѣтило очи его сердечныя, и онъ ясно увидѣлъ правоту Церкви и ложь раскола. Такъ бывало и съ Іудеями; пока не вѣрили, не видѣли Христа Господа въ законѣ, а когда начинали вѣровать, Онъ ясно ими тамъ узрѣвался во всемъ. Сердце, сжатое невѣріемъ, и умъ держало въ оцѣпенѣніи, и не давало ему расширить кругозора своего умнаго; когда же отходило невѣріе, кругозоръ ума расширялся, и все представлялось яснымъ. Подобное нѣчто и всѣми испытывается при чтеніи Божественнаго Писанія, хотя не отъ невѣрія, а отъ неприготовленности жизнію къ созерцанію большаго, нежели что представляетъ буква Писанія.

Св. Златоустъ говоритъ: „поелику Апостолъ сказалъ, что даже доселѣ *покрывало въ чтеніи закона пребываетъ не откровено;* то дабы кто не подумалъ, что сіи слова означаютъ темноту закона, онъ и прежде, хотя другими словами, старался показать несправедливость сего. Ибо когда сказалъ: *ослѣпишася помышленія ихъ*, то симъ ясно показалъ, что виноваты Іудеи сами. Тоже самое показываетъ и въ настоящемъ мѣстѣ, говоря: *покрывало лежитъ на сердцы ихъ*, т.-е. такъ бываетъ по причинѣ грубаго и плотскаго разумѣнія Іудеевъ, потому что они неспособны понимать Моисея, видѣть славу лица его. *Внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало.* Показываетъ и врачевство, или способъ исправленія. Хотя онъ не сказалъ прямо: когда

оставятъ законъ, но ясно указалъ на сіе, сказавъ: *внегда обратятся ко Господу*. Такимъ образомъ онъ до конца выдержалъ исторію. Ибо и Моисей, когда говорилъ съ Іудеями, покрывалъ лице свое; когда же обращался къ Господу, снималъ съ себя покрывало. А сіе прообразовало имѣющее быть послѣ, т.-е. когда мы обратимся къ Господу, тогда узримъ славу закона. Видишь ли, какъ онъ сильно влечетъ Іудея къ вѣрѣ? Онъ показываетъ, что приходящій къ благодати не только можетъ смотрѣть на Моисея, но и стать на одной степени съ симъ законодателемъ: ибо не только, говоритъ, ты будешь созерцать славу, которой тогда не видалъ, но и самъ пріобщишься не той же только славы, но и гораздо лучшей. Какимъ образомъ? Поелику ты, обратившись ко Господу и получивъ благодать, будешь наслаждаться такою славою, въ сравненіи съ которою слава Моисея такъ мала, что не есть и слава."

Ст. 17. *Господь же Духъ есть: а идѣже Духъ Господень, ту свобода.*

Мѣсто это трудновато, особенно въ словахъ: *Господь же Духъ есть*. Духъ здѣсь очевидно есть Духъ Святый; ибо значеніе его здѣсь должно быть тоже, что и въ слѣдующихъ словахъ: *идѣже Духъ Господень, ту свобода*, а тутъ явно говорится о Духѣ Святомъ. Слову *Господь* надо бы означать Господа Спасителя, Сына Божія воплотившагося: ибо предъ симъ сказано, что покрывало вземлется, когда обратятся ко Господу, а выше немного говорилось, что оно престаетъ о Христѣ. Стало-быть по теченію рѣчи Господь есть Христосъ Спаситель. Но когда поставимъ сіи термины въ положеніе: *Господь же Духъ есть*, то получимъ выраженіе несообразное, именно: Господь Спаситель, Сынъ Божій воплотившійся есть Духъ Святый. Говорить такъ противно догмату о Пресвятой Троицѣ: ни объ

одномъ лицѣ Пресвятой Троицы нельзя говорить, что оно есть другое лице, напр., Сынъ есть Духъ, Духъ есть Сынъ, Отецъ есть Сынъ или Духъ, и обратно. Хотя они равночестны, единосущны и сопрестольны, но каждое лице есть то самое лице, какое есть, а не другое. Потому настоитъ необходимость или слово *Господь* принять въ значеніи вообще Божества, или слово *Духъ* въ значеніи вообще духовности. То-есть, признать, что здѣсь говорится или о Господѣ, что Онъ есть Духъ, т.-е. естествомъ Духъ, или о Духѣ Святомъ, что Онъ есть Господь, т.-е. Богъ. И по контексту, и по грамматикѣ, то и другое можно. Что же принять? Принять лучше то, что ближе подходитъ къ теченію мыслей. Предъ симъ сказалъ Апостолъ, что покрывало съ сердецъ снимается, когда обращаются къ Господу. Естественъ вопросъ послѣ этого, какъ же это совершается? А отвѣтъ на это прямой—какой? Благодатію Св. Духа. Потому, если положимъ, что въ 17 стихѣ говорится о Святомъ Духѣ, то положимъ то, что совершенно сообразно съ теченіемъ мыслей. Апостолъ указываетъ здѣсь на способъ, какъ отверзаются очи сердечныя и снимается съ нихъ покрывало. Слѣдовательно, если примемъ, что въ словахъ: *Господь же Духъ есть*, говорится о Духѣ Святомъ, что Онъ есть Господь, то примемъ мысль совершенно согласную съ теченіемъ мыслей Апостола. При этомъ, можетъ быть, намъ и не удастся хорошо сладить рѣчь, но это не на укоръ принимаемой мысли.

Наши толковники всѣ такъ понимаютъ сіе выраженіе, что въ немъ говорится о Божествѣ Духа Святаго. Св. Златоустъ говоритъ: „Нѣкоторые говорятъ, что въ какомъ смыслѣ говорится въ Писаніи—*Духъ есть Богъ*, въ такомъ же смыслѣ сказано и здѣсь,—*Господь Духъ есть*. Но это несправедливо. Апостолъ не то вы-

ражаетъ, что Господь есть Духъ, а то, что Духъ есть Господь. А между симъ и онымъ соединеніемъ словъ большое различіе. О комъ Апостолъ говорилъ все, что говорилъ выше, напр., когда говорилъ: *писмя убиваетъ, а Духъ животворитъ,* и опять: *написано не черниломъ, но Духомъ Бога жива,*—о Сынѣ ли говорилъ сіе, или о Духѣ? Очевидно, что о Духѣ; ибо къ Нему отъ письмени возводитъ онъ Іудеевъ. Но дабы кто,—услышавъ о Духѣ и разсуждая самъ съ собою, что Моисей бесѣдовалъ съ Господомъ, а сей съ Духомъ,—не подумалъ отсюда, что Апостолъ (новозавѣтное домостроительство) ниже Моисея (ветхозавѣтнаго устроенія), то онъ, предупреждая таковую мысль, говоритъ: *Господь же Духъ есть,* т.-е. и Духъ есть Господь. А дабы ты зналъ, что онъ говоритъ объ Утѣшителѣ, присовокупилъ: *а идѣже Духъ Господень, ту свобода;* такъ что тебѣ нельзя уже сказать, что слова его значатъ тоже, что—идѣже Господь Господень.“

Тоже выражаетъ и бл. Ѳеодоритъ: „Въ словахъ: *Господь же Духъ есть,* Апостолъ показалъ равночестіе Бога и Духа; ибо Моисей обращалъ взоръ къ Богу, а мы обращаемъ его къ Духу. Но онъ не упомянулъ бы о Духѣ, намѣреваясь показать превосходство новаго предъ ветхимъ, еслибы зналъ, что Духъ Святый есть тварь; ибо, если Онъ тварь, по ученію Арія и Евномія, и мы приступаемъ къ Духу, а Моисей къ Богу и Отцу, то значитъ, что наше гораздо ниже ветхаго. Если же не ниже, а выше, и гораздо выше, то слѣдуетъ, что Духъ Святый не тварь, а равномощенъ и равночестенъ Отцу. Но, водясь безстыдствомъ, говорятъ еретики, что здѣсь Господь названъ Духомъ, а не Самъ Духъ Господомъ. Неразумія и безстыдства исполнено это; ибо Божественный Апостолъ произвелъ полное сравненіе письмени и Духа; говоритъ: *написано*

*не чернилом*ъ, *но Дух*омъ *Бога жива;* и еще: *не писмен*ѣ, *но Дух*у; и потомъ: *писмя убиваетъ, а Дух*ъ *животворитъ:* и еще: *како не паче служен*іе *Дух*а *будетъ въ слав*ѣ? Посему явно, что Божественный Апостолъ Всесвятаго Духа нарекъ Господомъ. О семъ свидѣтельствуетъ и послѣдующее; ибо говоритъ Апостолъ: *а идѣже Дух*ъ *Господень, ту свобода.* Еслибы Господа назвалъ Духомъ, то сказалъ бы: *а идѣже Господь* (Господь Господень). Но сказано не такъ; напротивъ того, Апостолъ наименовалъ здѣсь Самого Духа Господня, потому что Имъ преподается благодать Господня. И чтобы не почелъ кто Духа служебнымъ, по необходимости прибавилъ, что Духъ есть Господь."

Такъ и св. Дамаскинъ, и Экуменій съ Ѳеофилактомъ. На этой мысли и установимся. Доселѣ довелъ Апостолъ до раскрытія сокровеннаго въ законѣ. Когда, говоритъ, обратятся ко Господу, взимается покрывало съ сердца и узрѣвается сокрытое, т.-е. все домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Здѣсь говоритъ, какъ это совершается. Вѣрующіе въ Господа получаютъ благодать Святаго Духа, которая разрываетъ всѣ покровы и всѣ узы ихъ духа и сердца. Прямо это говорится въ словахъ: *идѣже Духъ Господень, ту свобода.* Но и слова: *Господь же Духъ есть,*—уже примѣнительно къ этому надобно понимать. Въ нихъ какъ будто кроется мысль: Господь, къ Коему обращаются вѣрою, Духа Святаго подаетъ, яко единосущный съ Нимъ и сопрестольный,—и Духъ Господень уже разрѣшаетъ всѣ узы. Или: Господь едино есть по существу съ Духомъ, единосущенъ съ Нимъ и нераздѣленъ; такъ что гдѣ Господь, тамъ и Духъ, или что Господь творитъ, то творитъ и Духъ, по единодѣйствованію лицъ Пресвятой Троицы. Или лучше сознаемся, что не умѣемъ сладить сей рѣчи.

Идѣже Духъ Господень, ту свобода,—свобода полная, всесторонняя. Умъ вяжетъ слѣпота, покрывало лежитъ на очахъ его; приходитъ Духъ Святый, коллуріемъ Своимъ помазываетъ очи ума, и онъ начинаетъ ясно видѣть (Апок. 3, 18) Бога, и себя, и то, какъ пребыть въ живомъ съ Нимъ союзѣ, и то, что есть все созданное, и какъ къ Нему относиться. Сердце вяжутъ пристрастія къ сластямъ и утѣхамъ земнымъ; приходитъ Духъ Святый, отрѣшаетъ его (обрѣзываетъ), и оно начинаетъ вышнихъ только искать, и только къ горнему стремиться. Дѣятельныя силы наши связаны страстями; приходитъ Духъ Святый, расторгаетъ эти узы, влагаетъ совершенно противоположныя начала для желаній, начинаній и дѣлъ, и немощный человѣкъ, яко левъ мощный, начинаетъ ходить новыми путями жизни, разломавъ всѣ формы жизни, какія держали его прежде какъ въ цѣпяхъ. Духъ Божій вводитъ духъ вѣрующаго въ область духовную, гдѣ не вяжетъ уже его никакой уставъ, никакое писмя. Тамъ онъ единымъ Духомъ Божіимъ водится, какъ сынъ и свободь. Все это совершается, когда кто вѣрою прилѣпляется къ Господу и пріемлетъ благодать Святаго Духа чрезъ таинства.

Св. Апостолъ говоритъ будто о свободѣ только въ отношеніи къ Ветхому Завѣту, т.-е. „въ противоположность прежнему рабству“ (св. Злат.), или игу подзаконному (Экум.). Но въ самомъ дѣлѣ его мысль обнимаетъ всѣ стороны свободы; ибо предъ этимъ только сказалъ о покрывалѣ на духовныхъ очахъ, что есть связа; выше же говорилъ о безжизненности служенія письменамъ, по причинѣ остающейся и при томъ мертвенности грѣха и страстей. Потому надо полагать, что возвѣщая о свободѣ чрезъ Духа, онъ имѣлъ въ мысли обрадовать всѣхъ полною свободою, хотя мысль его главнымъ образомъ прикрѣплялась къ свободѣ отъ

закона. Ѳеофилактъ пишетъ: „въ Законѣ было иго и рабство; въ законѣ же Духа Евангелія—свобода; такъ что сподобившіеся сего свободно и безпрепятственно взираютъ на славу Господню.“

Ст. 18. *Мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ тойже образъ преобразуемся отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа.*

Мы же вси,—не Апостолы только, но и всѣ вѣрующіе,—*откровеннымъ лицемъ*,—не тѣла, а духа, съ котораго сняты омрачавшіе его покровы, вязавшія его узы, тяготившее его долу иго,—который, получивъ оправданіе и воспріявъ новую жизнь съ готовностію на всѣ жертвы, дерзновеніе возымѣлъ возноситься къ Господу и прямо взирать на Него,—*славу Господню взирающе*,—или славу Божества, или славу Господа Спасителя, преславнаго и въ воплощеніи, и крестной смерти, а не только въ воскресеніи и вознесеніи, славу, яко Единороднаго отъ Отца, положившаго прочныя основы царства благодатнаго, нынѣ невидимо славнаго, но имѣющаго возсіять предивною славою и явно, по второмъ пришествіи Господа и возустроеніи всяческихъ,—*въ тойже образъ преобразуемся*,—въ тотъ-же образъ, который созерцаемъ, въ образъ Господа, по коему и возсозданы, въ семъ возсозданіи получивъ какъ-бы чертежъ, по которому должно до конца идти начавшееся возсозданіе,—такъ что оно не что иное есть, какъ преобразованіе наше, преложеніе насъ изъ одного образа въ другой,—*преобразуемся*,—одно отлагаемъ, другое принимаемъ, и естество наше, и всѣ силы естества остаются все тѣже и съ тѣми же неотложными законами, имъ естественными, но все принимаетъ другое направленіе, другой духъ, другой образъ, не по образу ветхаго, но по образу новаго Адама,—преобразуемся *отъ славы въ славу*,—ибо образецъ, по коему преобра-

зуемся, безпредѣленъ; потому преобразованіе по нему конца имѣть не можетъ, но должно идти все дальше и дальше, восходя отъ одной степени къ другой, отъ славы въ славу, вслѣдствіе чего и начатокъ славенъ, и каждая новая степень славна, а что впереди—еще славнѣе, такъ что неизбѣжно задняя забывать, яко помрачаемое преднимъ, и въ предняя простираться,—*якоже отъ Господня Духа,*—все же сіе совершается въ насъ, какъ благоволитъ Духъ Господень; жизнь сія преславная Имъ зараждается, подъ Его вліяніемъ и мановеніями спѣется, и все, что ни есть въ ней, отъ Него есть.

Славу Господню взирающе,—κατοπτριζόμενοι,—что означаетъ—„и ясно видяще,“ какъ въ увеличительное стекло, составленное по законамъ катоптрики, „и ясно отражая въ себѣ,“ сію славу и тутъ ее видя. Послѣдняя мысль видна у всѣхъ нашихъ толковниковъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „сіе свойственно пріобрѣтшимъ чистое сердце. Ибо какъ прозрачная вода отпечатлѣваетъ въ себѣ лица смотрящихся, и кругъ самаго солнца, и сводъ небесъ, такъ чистое сердце дѣлается какъ-бы нѣкоторымъ отпечатлѣніемъ и зеркаломъ Божіей славы. Такъ и Господь сказалъ: *блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ* (Мѳ. 5, 8).

Отъ славы въ славу,—Экуменій разумѣетъ такъ: „въ туже, говоритъ, свѣтозарность прелагаемся, по той причинѣ, что преобразованіе идетъ отъ славы Духа въ нашу славу; т.-е. мы такой достигаемъ славы, какой свойственно достигнуть осіяваемому Духомъ Утѣшителемъ, и образъ славы Его на себѣ отражающему.“ Ѳеофилактъ дополняетъ: „Преобразуемся отъ славы Духа въ славу нашу, и притомъ такую, какую свойственно имѣть осіяваемымъ отъ Духа-Господа, никому не подчиненнаго. Будучи Господомъ, Владычнія имѣетъ Онъ и осіянія. Ибо всѣ вѣрующіе исполняются

Духа Святаго чрезъ крещеніе, и блистаетъ свѣтомъ душа ихъ."

Св. Златоустъ говоритъ: „что значатъ слова: *славу Господню взирающе, въ тойже образъ преобразуемся?* Это было яснѣе для вѣрующихъ временъ Апостольскихъ, когда дѣйствовали дарованія чудесъ; впрочемъ, кто имѣетъ очи вѣры, тому и нынѣ нетрудно уразумѣть сіе. Какъ скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духомъ, дѣлается свѣтлѣе солнца; и мы не только бываемъ способны смотрѣть на славу Божію, но еще и сами получаемъ отъ нея нѣкоторое осіяніе. Какъ чистое серебро, лежащее противъ солнечныхъ лучей, и само испускаетъ лучи, не только отъ собственнаго естества, но и отъ блеска солнечнаго, такъ и душа, очищенная Духомъ Божіимъ и содѣлавшаяся блистательнѣе серебра, и въ себя принимаетъ лучъ отъ славы Духа, и отъ себя отражаетъ лучъ тойже славы. Посему и говоритъ Апостолъ: *взирающе славу Господню, въ тойже образъ преобразуемся отъ славы* Духа *въ славу* нашу, которой удостоиваемся,—въ славу такую, въ *какую надлежитъ отъ Господня Духа*. Какъ тѣла, имѣющія способность принимать и отражать свѣтъ, освѣщаясь тѣлами самосвѣтящими, и сами отражающіеся въ нихъ, свѣтъ разливаютъ на другія ближайшія къ нимъ тѣла; тоже бываетъ и съ вѣрными. И когда они достигаютъ сего, оставляютъ уже все земное и живутъ однимъ небеснымъ.—А мы что? Намъ остается только стенать; ибо удостоенные толикихъ благодѣяній Божіихъ, мы не понимаемъ даже того, что говорятъ намъ о нихъ. А это отъ того, что мы скоро погубляемъ въ себѣ все духовное, и привязываемся къ одному чувственному. Сія неизреченная и страшная слава остается въ насъ не болѣе, какъ на одинъ, или на два дня; а потомъ мы опять погашаемъ оную, обуреваясь житей-

скими дѣлами, и густотою страстныхъ облаковъ застѣняя ея сіяніе. Ибо житейскія дѣла суть бури, и еще жесточае самыхъ бурь."

гг).

Слово благовѣстія самодѣйственно

4, 1 — 6.

Бывъ избраны разносить слово благовѣстія, говоритъ Апостолъ, мы всю заботу обращаемъ на то, чтобы ничего къ нему не примѣшивать, а представлять его совѣсти каждаго въ его чистотѣ. Бывъ принято совѣстію, оно само уже производитъ свое дѣло; развиваетъ покаяніе и приводитъ ко Господу, о имени Коего дается отпущеніе грѣховъ. Такъ идетъ обращеніе язычниковъ. Іудеи обращаются чрезъ Законъ и Пророковъ, если не омрачаются умы ихъ суевѣріемъ, а язычники обращаются дѣйствіемъ совѣсти и страха Божія, лежащихъ въ духѣ человѣка, если сіи стихіи Божіи не заглушены дѣйствіемъ бога вѣка сего.—Вотъ тайна дѣйствія благовѣстія нашего, которому нынѣ возсіять благоволилъ Господь во тьмѣ вѣка сего, какъ первоначально повелѣлъ возсіять свѣту изъ тьмы.

4, 1. *Сего ради имуще служеніе сіе, якоже помиловани быхомъ, не стужаемъ си.*

Сего ради: по причинѣ такого преславнаго плода въ вѣрующихъ, производимаго благовѣстіемъ нашимъ, мы, *имуще служеніе сіе,* т.-е. служеніе благовѣстія, ввѣреннаго намъ по милости и человѣколюбію Божію, *не стужаемъ си,* не унываемъ, не тяготимся трудностію дѣла, не останавливаемся предъ препятствіями, все зависящее отъ насъ съ охотою дѣлаемъ, ради того, что отъ этого исходитъ такое благо для васъ и всѣхъ вѣрующихъ.

Цѣль Апостола—держать вниманіе на небесномъ происхожденіи благовѣстія, чтобъ имѣть основаніе въ концѣ сказать, что если разливается нынѣ такой свѣтъ вѣдѣнія, то это потому, что возсіялъ его Богъ, повелѣвшій первоначально возсіять вещественному свѣту. „Для сего онъ употребляетъ такой оборотъ рѣчи, которымъ показываетъ, что все зависитъ не отъ собственныхъ его совершенствъ, но отъ человѣколюбія Божія; почему и говоритъ: *имуще служеніе сіе*, то-есть мы ничего не привнесли своего, мы только служители у Бога и исполнители данныхъ отъ Него наставленій. Посему онъ и называетъ свое Апостольское дѣланіе не начальствованіемъ, или водительствомъ, а только служеніемъ. Но и этимъ еще не довольствуясь, говоритъ далѣе: *якоже помиловани бихомъ*, т.-е. и то самое, что мы поставлены служителями (благовѣстія), и сіе зависитъ только отъ милости и человѣколюбія Божія. *Не стужаемъ си*, т.-е. и то, что мы не унываемъ, и сіе надлежитъ приписать человѣколюбію Божію. Ибо слова: *якоже помиловани бихомъ*, должно относить какъ къ служенію, такъ и къ симъ словамъ: *не стужаемъ си*. Онъ говоритъ этимъ, что кто удостоился столь великихъ и многихъ благъ, и удостоился только по милости и человѣколюбію Божію, тотъ ничего не дѣлаетъ великаго, сколько бы ни трудился, какимъ бы ни подвергался опасностямъ, и какія бы ни терпѣлъ искушенія. Оттого мы не только не унываемъ, говоритъ, но еще радуемся и дерзаемъ“ (св. Злат.).

Ст. 2. *Но отрекохомся тайныхъ срама, не въ лукавствіи ходяще, ни льстяще словесе Божія, но явленіемъ истины представляюще себе ко всякой совѣсти человѣчестѣй, предъ Богомъ.*

Это главный пунктъ въ семъ отдѣленьицѣ. Мы толь-

ко, говоритъ, о томъ заботимся, чтобъ чистую истину представить совѣсти каждаго, чистую какъ предъ Богомъ, а она уже сама сдѣлаетъ свое дѣло, лишь бы только была воспринята. Чтобъ истина благовѣстія сохранилась чистою, мы избѣгаемъ всего худаго въ намѣреніяхъ своихъ, въ образѣ своихъ дѣйствій и въ самомъ представленіи истины.

Но отрекохомся тайныхъ срама. Мы отреклись отъ всего срамнаго не внѣшно только, но въ самыхъ сокровенностяхъ сердца отвергнули все срамное, — все срамное, какого бы рода оно ни было. Ни почета или славы, ни выгодъ какихъ, или того, чтобъ искать только пріятнаго себѣ, не имѣемъ мы въ виду. Одна любовь къ истинѣ, одна покорность волѣ Божіей руководитъ нами. Лжеучители внѣшно являются святыми, а внутри оставляютъ нетронутыми страсти, какими кто порабощенъ. Мы совсѣмъ не таковы, но блюдемъ сердце свое чистымъ отъ всякаго грѣха и всякой нечистоты, зная, что въ нечистой душѣ истина не удержится. Св. Златоустъ говоритъ: „лжеапостолы славились, какъ нелюбостяжательные, а между тѣмъ они брали дары, только тайно; почитались за святыхъ, а на самомъ дѣлѣ они имѣли множество пороковъ. Мы же, говоритъ, все сіе отвергнули, т.-е. то, что онъ называетъ *тайнымъ срама.*“ Экуменій продолжаетъ: „отреклись мы и втайнѣ дѣлать то, что въ явности приноситъ стыдъ. Намекаетъ на лжеапостоловъ, которые являлись въ образѣ благочестія, втайнѣ будучи не хорошими. А мы, говоритъ, и втайнѣ ничего срамнаго не допускаемъ. Такъ, *не стужаемъ си* въ скорбяхъ, какъ и вы видите; но не внѣшно только, а и внутри не допускаемъ никакого помысла, могущаго посрамить насъ въ семъ отношеніи; ни малодушія, ни колебанія, ни ропота, ни неблагодарности и никакой другой мысли не допускаемъ въ сокровенности, которая

могла бы посрамить наше: *не стужаемъ си.*“ Такимъ образомъ словами: *отрекохомся тайныхъ срама*, Апостолъ сказалъ: мы имѣемъ чистое и непорочное сердце, чуждое всего срамнаго, напротивъ полное истинно-святыхъ нравственно-религіозныхъ чувствъ.

Не въ лукавствіи ходяще,—μὴ ἐν πανουργίᾳ. Не такъ мы дѣйствуемъ, чтобъ одно было на словахъ и въ дѣлахъ, а другое на умѣ; не опутываемъ никого рѣчами, не завлекаемъ кажущимися добрыми планами, за которыми спрятана засада; дѣйствуемъ открыто, и что являютъ слова наши и дѣла, то суть они и на дѣлѣ. Нѣтъ ничего лукаваго въ образѣ нашего дѣйствованія. Св. Златоустъ говоритъ: „мы не такъ, говоритъ, возвѣщаемъ, что на словахъ обѣщаемъ многое, а на дѣлѣ показываемъ другое, какъ дѣлаютъ лжеапостолы, но мы таковы же и на дѣлѣ, какими показываемъ себя на словахъ; мы не имѣемъ ничего двусмысленнаго. Мы и въ самомъ дѣлѣ таковы, какими кажемся, и не имѣемъ ничего скрытнаго и лукаваго, какъ въ жизни нашей, такъ и въ самомъ проповѣданіи. Мы не дѣлаемъ такъ, какъ дѣлаютъ иные, прикрывая дѣла свои, чтобъ обманывать и завлекать.“ Отрицаетъ Апостолъ у себя всѣ хитрые пріемы для привлеченія учениковъ, а вмѣстѣ и всѣ мѣры благоразумія, какія могла бы измыслить ихъ собственная мудрость. Не ухитряемся, а дѣйствуемъ, какъ внушитъ Духъ Божій, всегда открыто и въ простотѣ сердца, ожидая плода не отъ своего умѣнія дѣйствовать, а отъ Божія благословенія и вседѣйствія.

Ни льстяще словесе Божія,—μὴ δολοῦντες. Это похоже на то, что выше сказалъ: *не корчемствуя слова*, не поддѣлывая (2, 17). Передаемъ слово, какъ оно есть: когда оно строго, не позволяемъ себѣ смягчать его произвольно, изъ человѣкоугодія; если въ немъ невмѣстимо что для мудрости человѣческой, не закры-

ваемъ того и не сокращаемъ, въ надеждѣ помирить его съ сею мудростію; просто ли оно, или крайне высоко, никогда не примѣшиваемъ къ нему своихъ соображеній, чтобъ иное приподнять, какъ кажущееся не высокимъ, а другое низвесть долу, какъ кажущееся недосягаемо высокимъ. Мы даже и этихъ повидимому невинныхъ пріемовъ не позволяемъ себѣ, боясь облукавить слово Божіе; а чтобы прибавить къ слову истины какую-либо ложь и притомъ сознательно, это намъ и на умъ не приходитъ. И надеждами льстивыми не обставляемъ слова благовѣстія нашего, не говоримъ: только увѣруй и счастіе потечетъ къ тебѣ рѣкою, а прямо открываемъ, что вѣрующихъ ждутъ скорби, нападки и всякаго рода лишенія. И вообще ничего не примѣшиваемъ къ слову благовѣстія, а предлагаемъ его, какъ оно есть, въ своей природной наготѣ и чистотѣ. Ѳеофилактъ пишетъ: „не только, говоритъ, жизнь наша проста, чиста, безлукавна, но и слово наше нелестно. Ибо мы ничего не примѣшиваемъ къ нему отъ внѣшней премудрости, не обставляемъ льстивыми рѣчами, не прилаживаемъ его къ временамъ и лицамъ, и не учимъ потому нынѣ такъ, завтра иначе.“

Но явленіемъ истины представляюще себе ко всякой совѣсти человѣчестый предъ Богомъ.

Это сходно съ тѣмъ, что выше говорилось о рекомендательныхъ письмахъ (3, 1). Не съ рекомендательными, говоритъ, письмами являемся мы среди людей въ разныхъ мѣстностяхъ, но съ одною истиною. Она одна представляетъ насъ всюду и насъ рекомендуетъ. Какимъ образомъ? Однимъ явленіемъ ея. Мы ее являемъ во всей чистотѣ, какъ она есть, и она сама удостовѣряетъ слышащихъ, что мы не лжецы, и что слово благовѣстія нашего есть непреложная истина. Это же какъ совершается?—Чрезъ совѣсть. Есть въ душѣ кажда-

го заступникъ за истину благовѣстія — духъ съ присущимъ ему страхомъ Божіимъ и совѣстію. Эти стихіи духовныя одного рода съ словомъ благовѣстія и тотчасъ спознаются съ нимъ, коль скоро не заглушены духомъ вѣка сего. Слово благовѣстія говоритъ, что мы безотвѣтно грѣшны предъ Богомъ, и совѣсть это сознаетъ; слово благовѣстія увѣряетъ, что всякаго грѣшника ждетъ нелицепріятный судъ и осужденіе, и страхъ Божій подтверждаетъ сію истину. Еслибъ слово благовѣстія на этомъ только останавливалось, то оно ввергало бы только всѣхъ въ отчаяніе, никого къ себѣ не привлекая, но оно идетъ далѣе, и стѣсненному совѣстію и страхомъ суда предлагаетъ благонадежный исходъ, говоря: Сынъ Божій приходилъ на землю, воплотился, пострадалъ на крестѣ и разодралъ на немъ рукописаніе грѣховъ всего міра; вѣруй въ Него, и получишь отпущеніе грѣховъ, и благодать Святаго Духа для новой безгрѣшной жизни, которую чистою сохранивъ до конца, по исходѣ отселѣ будешь воспринятъ небомъ для вѣчнаго неописаннаго блаженства. Какой духъ незаглушенный могъ противиться силѣ сего благовѣстія?! Вотъ почему слово благовѣстія во всякомъ мѣстѣ находило себѣ пріемъ; ибо вездѣ бывали лица, у которыхъ страхъ Божій и совѣсть, естественныя стихіи духа нашего, были живы. Они тотчасъ принимали благовѣстіе, какъ нѣчто родное, что всегда чаялось, но не было находимо, и теперь является такимъ радостнымъ гостемъ съ неба. Принимавшіе слово благовѣстія освящались таинствами, возраждались къ новой жизни, получали даръ благодати, и съ сей минуты имѣли уже свидѣтельство въ себѣ не для себя только, но и для всѣхъ окружающихъ. Это дѣйствовало на заглушенный духъ сихъ послѣднихъ, пробуждало его и руководило къ вѣрѣ. Обновленные, они въ свою оче-

редь единымъ присутствіемъ своимъ возбуждали другихъ и влекли къ вѣрѣ. Такъ въ непродолжительномъ времени всѣ, гожія къ вѣрѣ лица прилагались къ ней и составляли малое или большое общество вѣрныхъ Господу рабовъ. Св. Павелъ испытывалъ это во всякой мѣстности и въ приведенныхъ словахъ объ этомъ именно говоритъ, что они всюду представляли только себя совѣстямъ людей явленіемъ чистой истины, чистой какъ предъ Богомъ, и она обращала къ вѣрѣ; и имъ предлежало только направлять прилагавшихся къ вѣрѣ. Фотій у Экуменія говоритъ: „лжеапостолы не явленіемъ истины, а поддѣльною личиною истины представляли себя, и не предъ Богомъ, а въ угожденіе только тѣмъ, которыхъ обольщали.“ Конечно и обольщаемые ими потому обольщаемы были, что ими напередъ обладалъ лестчій духъ.

Ст. 3. *Аще ли же есть покровено благовѣствованіе наше, въ гибнущихъ есть покровено.*

Изложенныя предъ симъ мысли прямо ведутъ къ вопросу: отчего же не всѣ принимали слово благовѣстія? Оттого, что не у всѣхъ былъ въ движеніи духъ со страхомъ Божіимъ и совѣстію. У кого онъ былъ въ движеніи, тѣ тотчасъ принимали благовѣстіе; у кого не могло пробудить духа слово благовѣстія, у тѣхъ пробуждался онъ дѣйствіемъ дивнаго благодатнаго измѣненія, совершавшагося въ вѣровавшихъ; у кого же духъ былъ забитъ столько, что ни эти, ни другія чрезвычайности не пробуждали его,—тѣ оставались и коснѣли въ невѣріи. Слово благовѣстія для нихъ оставалось прикровеннымъ; ибо не было органа для принятія его. Духъ у нихъ, имъ естественный, былъ столько забитъ, что не было къ нему прохода возбудительному благовѣстію. Апостолъ называетъ ихъ гибнущими, не потому чтобъ они были обречены на гибель, но потому

что они образомъ жизни своей, какъ она сложилась доселѣ, поставили себя въ такое состояніе, что благовѣстіе невмѣстимо для нихъ, покровенно, ничего они въ немъ не могутъ понять, никакою стороною оно не льнетъ къ ихъ душѣ, и душа ничего въ немъ не находитъ, что бы могло интересовать ее. Оттого не принимаетъ его и, какъ спасенье возможно только подъ условіемъ сего пріятія, остается внѣ области спасаемыхъ, въ средѣ гибнущихъ. Вотъ кого разумѣетъ Апостолъ подъ гибнущими. Но нынѣ-завтра какъ-нибудь пробудится и у нихъ духъ, вонметъ благовѣстію, и они вступятъ въ общество спасаемыхъ. Св. Златоустъ говоритъ, что въ этихъ словахъ Апостолъ выражаетъ туже мысль, какую прежде выразилъ въ словахъ: *овѣмъ убо воня смертная въ смерть, овѣмъ же воня животная въ животъ* (—2, 16). Экуменій влагаетъ Апостолу такую рѣчь: „не наша вина, что для иныхъ покровенно благовѣстіе наше; причина тому ихъ собственная слѣпота и погибельность.“

Ст. 4. *Въ нихже богъ вѣка сего ослѣпи разумы невѣрныхъ, во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣствованія славы Христовы, Иже есть образъ Бога невидимаго.*

Богъ вѣка здѣсь тоже означаетъ, что въ другихъ мѣстахъ *князь міра* (Іоан. 12, 31; 14, 30), *міродержитель тмы вѣка сего* (Еф. 6, 12), *духъ дѣйствующій въ сынахъ противленія* (Еф. 2, 2). Богъ отъ вѣка сего, потому что живущіе по духу вѣка покорствуютъ ему, охотно внимаютъ внушеніямъ его и усердно дѣйствуютъ по началамъ его. Эта власть не природная ему, а случайная, основанная на оплошности людей, падкихъ на плотскую жизнь въ самоугодіи. Покорные ему не прямо ему покорствуютъ, а лишь самоугодію преданы, и самоугодіе ихъ отворяетъ ему дверь для входа въ ихъ души, куда вошедши, онъ бушуетъ, увлекая ихъ на

злыя и срамныя дѣла, смотря по степени самоугодливости каждаго. Самъ онъ рѣдко выступаетъ въ дѣло. Его личное дѣло было прельщеніе прародителей. искушеніе Христа Спасителя, и будетъ дѣйствованіе въ антихристѣ. Обычно же дѣйствуетъ онъ чрезъ полчище бѣсовъ, которые всюду шныряютъ и во все вмѣшиваются, нельзя ли гдѣ состроить что-либо худое. Иные изъ нихъ поселяются въ тѣлахъ людей, въ тѣхъ частяхъ, чрезъ которыя преимущественно дѣйствуетъ страсть, коей кто преданъ. Бѣсноваты не одни тѣ, въ которыхъ буйство бѣса видимо обнаруживается. Въ наибольшей части бѣсноватыхъ бѣсы смирно живутъ, лишь чрезъ внушенія заправляя ихъ страстными дѣлами и усиливая дѣятельность свою въ ту пору, когда кто задумаетъ покаяться и исправиться. У иныхъ живетъ по нѣскольку бѣсовъ; это у тѣхъ, которые работаютъ многимъ страстямъ. Вотъ чрезъ нихъ-то и властвуетъ богъ вѣка сего. Язычники поклонялись ему, превративъ страсти въ божество; теперь кланяются ему, преклоняясь предъ влеченіями страстей, имъ разжигаемыхъ и руководимыхъ.

Какъ ослѣпляетъ онъ разумы невѣрныхъ? Совсѣмъ заслоняя отъ нихъ Бога и порядокъ вещей Божественныхъ, и оковывая сознаніе ихъ однимъ видимымъ и осязаемымъ, какъ будто невидимаго и неосязаемаго ничего и не существовало. Бываетъ у нихъ и Богъ на языкѣ, но слово сіе проходитъ чрезъ уста безслѣдно; промелькаетъ и рѣчь о смерти, но такъ, какъ-бы это дѣло ихъ не касалось. Обычно же они сами для себя богъ, сами о себѣ промышляютъ, сами себя обезопашиваютъ, сами свою устрояютъ участь, во всемъ на себя однихъ полагаясь и на подручные имъ средства и способы опираясь. Цѣли ихъ не заходятъ за предѣлы настоящей жизни. Эту одну они загадываютъ превра-

тить въ жизнь райскую, и объ этомъ у нихъ вся забота, сюда всѣ планы направлены, на это обращаются всѣ предпріятія. Цѣль ихъ—жить въ довольствѣ, съ почетомъ и съ наибольшею мѣрою утѣшностей и сластей. Тутъ не берется въ разсчетъ совѣсть, и страхъ Божій не проходитъ въ эту тьму чувственную. Совѣсть истинная попрана; ея мѣсто заняло правило держать себя, какъ считается наилучшимъ, среди другихъ и судя по нимъ, имѣя въ виду—не ударить себя въ грязь лицомъ. Богъ имѣется, какъ стороннее нѣчто, и удовлетвореніе внѣшнимъ образомъ религіозныхъ обычаевъ считается вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы не бояться Его; будто ни Ему до нашей души, ни нашей душѣ до Него дѣла нѣтъ. Къ этому кругу принадлежатъ не одни воры, разбойники, блудники, пьяницы и другіе явные грѣшники. Эти и у нихъ бываютъ не на хорошемъ счету. Міролюбная жизнь обыкновенно течетъ степенно, съ видимымъ глянцемъ исправности, достодолжности и величавости. Духъ ея богопротивенъ; и онъ-то дѣлаетъ то, что очи сыновъ вѣка смежены для узрѣнія свѣта благовѣстія. Благовѣстіе одной области принадлежитъ, а они всѣмъ строемъ своимъ относятся къ другой. Ничего общаго у нихъ нѣтъ съ благовѣстіемъ; оно и невмѣстимо для нихъ.

Начало дѣйствію благовѣстія полагаетъ растревоженіе совѣсти, а сыны вѣка всегда самодовольны: не сознаютъ за собою никакой вины и не понимаютъ, что это за требованіе, когда говорятъ: *покайтеся, приближилось царствіе Божіе.* Завершаетъ дѣйствіе благовѣстія страхъ суда Божія, но сынъ вѣка говоритъ: принесена жертва (у насъ—свѣча поставлена, молебенъ отслуженъ), и что еще? Смерть и судъ—далеко; еще поживемъ. И никакъ не прививается къ нему мысль, что судъ обрушится на него всею тяжестію правды.

Воодушевляетъ слѣдовать благовѣстію обѣтованный рай—вѣчное блаженство; но сыны вѣка думаютъ, что уже имѣютъ рай, живя всегда въ собственное удовольствіе, и погрязая въ видимомъ и осязаемомъ, никакого не могутъ воспріять сочувствія къ раю невидимому и блаженству въ неосязаемомъ. Эти три момента, столь существенные въ настроеніи сыновъ вѣка и столь противоположные началамъ благовѣстія, и дѣлаютъ то, что благовѣстіе для нихъ покровенно, невнятно, невмѣстимо. Все въ немъ чуждо для нихъ; ничего въ немъ не могутъ они взять въ толкъ, какъ слѣдуетъ; никакого сочувствія не вырывается изъ груди ихъ къ вѣщаніямъ его: слыша не слышатъ, видя не видятъ; отолстѣ сердце людей сихъ. И вотъ настоящій смыслъ словъ—*богъ вѣка ослѣпи разумы невѣрныхъ:* духъ сыновъ вѣка, дѣйствующій въ нихъ подъ вліяніемъ бога вѣка,—сатаны,—сдѣлалъ ихъ неспособными внять благовѣстію, понять его благотворность и принять его. Они не говоря говорятъ благовѣстникамъ: проходи дальше; это насъ не касается.

Ослѣпи, говоритъ Апостолъ, *во еже не возсіяти имъ свѣту благовѣстія славы Христовы.* Свѣтъ благовѣстія, когда внемлется и пріемлется, возсіваетъ, какъ ярко свѣтящій свѣтильникъ, мгновенно возженный въ темномъ мѣстѣ. Для внявшаго оно все освѣщаетъ, и все для него дѣлаетъ понятнымъ: ясно видитъ онъ и безвыходную гибельность, въ какой находится; и пригодность способа къ выходу изъ него, предлагаемаго благовѣстіемъ; почему емлется за него всѣми силами естества своего. Когда же и дѣломъ вкуситъ цѣлительность его, тогда духовному свѣту, возсіявающему въ немъ, мѣры нѣтъ. Однимъ взоромъ обнимаетъ онъ и прошедшее, и настоящее, и будущее, и небо, и землю,—и все видитъ объемлемымъ единымъ Богомъ въ Господѣ Іисусѣ

Христѣ благодатію Духа Святаго. Исходный же пунктъ свѣта—лице Господа Іисуса Христа, Сына Божія воплотившагося, бѣдное естество наше въ Себѣ прославившаго и посадившаго одесную Бога и Отца. Благовѣстіе и все освѣщаетъ,—наипаче же осіяваетъ ликъ Христа Спасителя; ибо оно все на Немъ стоитъ. Почему есть *благовѣстіе славы Христовы.* Ничего этого не видятъ невѣрующіе; ибо смежили умныя очи свои невѣріемъ. Дверь таинъ Божіихъ и не отверзается для нихъ, и свѣтъ ихъ не осіяваетъ ихъ. Держитъ ихъ во тьмѣ богъ вѣка и не даетъ возсіять въ нихъ свѣту Божію. Дѣлаетъ это онъ не властительски, а злокозненно ухитряясь обольщать сыновъ вѣка. Въ прелести ходя, не замѣчаютъ омраченія своего и довольствуются мракомъ, по обману полагая, что онъ свѣтъ. Но какъ ни густъ мракъ ослѣпленія, тутъ ничего нѣтъ приневоливающаго. Сами хотятъ, и слѣпотствуютъ; захотятъ, и откроютъ очи; ибо свѣтъ Божій вокругъ есть. Богъ вѣка всячески хлопочетъ держать ихъ въ ослѣпленіи; но это дѣлаетъ онъ поднося имъ ослѣпляющіе элементы, которые они сами охотно принимаютъ и ослѣпляются. Непосредственной же власти богъ вѣка ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ не имѣетъ и насиловать никого не смѣетъ. Сами мы во всемъ виноваты.

Св. Златоустъ говоритъ: „что случилось съ Іудеями при Моисеѣ, тоже самое происходитъ и со всѣми невѣрными во времена Евангелія. Ради отолстѣнія сердца ихъ сокрытъ бываетъ для нихъ *свѣтъ благовѣстія славы Христовы,* т.-е. не видятъ они, что крестъ есть спасеніе и слава вселенной, что Распятый на немъ опять хочетъ придти съ великою славою,—и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченное явленіе ожидаемыхъ благъ, сокрытымъ остается для нихъ; сокрыто же за то, что сами прежде не захотѣли вѣрить сему.“

Иже есть образъ Бога невидимаго. „*Образомъ Бога* назвалъ Апостолъ Христа, какъ Бога отъ Бога, потому что Христосъ въ Себѣ показуетъ Отца, почему и говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9)“ (Ѳеод.). Богъ всегда пребудетъ невидимымъ и сокровеннымъ. Осязательнѣе явить Себя благоволилъ Онъ чрезъ воплощеніе Бога Сына. Въ очахъ Его, сквозь обоженное человѣчество, разумныя твари, Ангелы и святые, могутъ лицомъ къ лицу срѣтаться съ Божествомъ и какъ бы осязать Его. Внѣ сего Оно сокровенно и постигается только чрезъ воздѣйствіе Его по мѣрѣ пріемлемости тварей. Для невѣдающихъ Сына и Отецъ невѣдомъ и есть и пребудетъ навсегда. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы показать, что непознавшіе *славы Христовы* не знаютъ не только Христовой славы, но и славы *Отца*, Апостолъ прибавилъ: *иже есть образъ Бога невидимаго*. Но нельзя остановиться и на одномъ только Христѣ, потому что, какъ чрезъ Христа видишь ты Отца, такъ, не познавъ славы Христовой, не познаешь и славы Отца.“

Ст. 5. *Не себе бо проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа; себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса Господа ради.*

Объяснивъ, почему благовѣстіе остается прикровеннымъ въ гибнущихъ, въ невѣрующихъ, обращается опять къ указанію на тайну дѣйствія благовѣстія въ совѣсти способныхъ къ принятію его. Тайна сія въ томъ, что въ благовѣстіи нашемъ мы себя не выставляемъ,—ни въ образѣ слова, ни въ образѣ дѣйствованія, ни въ цѣляхъ (—ст. 2) насъ совсѣмъ не видно,—впереди стоитъ Христосъ Господь, Его ликъ предначертываемъ мы предъ совѣстями человѣковъ, и они уже сами узнаютъ въ Немъ Спасителя отъ пагубы, Цѣлителя немощей, Подателя всякой силы безсильнымъ. Потому прилѣпляются къ Нему вседушно. Вотъ тайна

дѣйствія благовѣстія! Сами же мы только орудія, только труженики, рабы ваши, служители вашему спасенію, Господа ради. Ѳеодоритъ пишетъ: „Тоже писалъ онъ и въ первомъ посланіи: *тако насъ да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей Таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1). А здѣсь сказалъ онъ о себѣ еще смиреннѣе; ибо назвалъ себя рабомъ не только Христу, но и всѣмъ вѣрующимъ, изъ любви ко Христу; ибо сіе значатъ слова: *Іисуса ради.*“ Св. Златоустъ съ другой нѣсколько стороны взглянулъ на рѣчь Апостола: „Поелику лжеучители сильно возставали на Апостоловъ и со всѣхъ сторонъ нападали на нихъ, то онъ и говоритъ: вооружаясь противъ насъ, вы возстаете не противъ насъ, но противъ Проповѣдуемаго нами; ибо мы не себя проповѣдуемъ. Мы рабы и служители даже тѣмъ, которые пріемлютъ сіе проповѣданіе; мы трудимся для другаго, т.-е. для Господа, и для Его славы все дѣлаемъ, такъ что враждующіе противъ насъ возстаютъ противъ Господа. Мы столько далеки отъ того, чтобъ искать себѣ какихъ выгодъ отъ проповѣди Евангелія, что не отказываемся быть и вашими рабами для Христа, когда Ему угодно было столько почтить васъ, когда Онъ столько возлюбилъ васъ и все для васъ сдѣлалъ. Посему и говоритъ: *себе же рабовъ вамъ Іисуса ради.* Видишь ли душу, ни мало не заботящуюся о славѣ? Онъ говоритъ: мы не только не присвояемъ себѣ того, что принадлежитъ Господу, но даже и вамъ служимъ для Него.“

Ст. 6. *Яко Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ, къ просвѣщенію разума славы Божія о лицѣ Іисусѣ Христовѣ.*

Въ заключеніе Апостолъ обращаетъ вниманіе всѣхъ на то, что теперь дѣется чрезъ благовѣстіе, распространяемое по лицу всея земли. На сердцахъ Іудеевъ,

говорилъ онъ, лежало покрывало, и они не видятъ свѣта, сокрытаго въ законѣ; всѣ язычники ходили во тьмѣ и никто не видѣлъ свѣта Божія. Но пришелъ Господь Іисусъ Христосъ, и возсіялъ міру свѣтъ разума. Просвѣтительная сила есть Духъ Святый, нисшедшій на Апостоловъ. Имъ просвѣщенные, Имъ руководимые и учимые, ходятъ они по міру и всѣмъ возвѣщаютъ свѣтъ истины. Духъ Божій, ихъ просвѣщающій, просвѣщаетъ и сердца вѣрующихъ, и они ясно начинаютъ видѣть свѣтъ разума славы Божіей. Такъ среди мрака, покрывавшаго весь міръ, возсіялъ нынѣ свѣтъ вѣдѣнія Божія. Теперь тоже самое совершается въ нравственномъ мірѣ, что было въ первый день творенія для міра вещественнаго, когда Богъ словомъ Своимъ повелѣлъ возсіять свѣту изъ тьмы. *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ.* Говоритъ теперь чрезъ насъ тотъ же Богъ ко всѣмъ: *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе.* И слово сіе возсіяваетъ свѣтъ въ сердцахъ вѣрующихъ. Пріемлющіе его ясно видѣть начинаютъ неописанную славу Бога безпредѣльнаго въ лицѣ Іисусъ Христовѣ. Лице Іисусъ Христово даетъ ясно разумѣть, что Богъ превеликій и предивный есть сердобольный Отецъ нашъ, Который не восхотѣлъ оставить насъ въ нашемъ паденіи, но благоволилъ дивный устроить для насъ образъ спасенія въ Единородномъ Сынѣ Своемъ, Который пришедши на землю воплотился, пострадалъ и умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небо и сѣдитъ одесную Бога и Отца, туда привлекая всѣхъ вѣрующихъ и избранныхъ во спасеніе, да идѣже Онъ, и они всѣ будутъ. Таковъ ликъ Іисуса Христа! Какія совершенства Божіи не отражаются въ семъ ликѣ? Тутъ и благость безпредѣльная и правда безконечная, тутъ и премудрость недомыслимая и всемогущество неизмѣримое, тутъ и промышленіе всепопечительное и вседержительство

всеобъемлющее. И Пресвятыя Троицы таинство свѣтоносно отображается въ семъ же ликѣ. Богъ Отецъ благоволилъ, Сынъ совершилъ, Духъ Святый совершенное въ Сынѣ довершаетъ въ вѣрующихъ. „Ибо мы чрезъ Христа познаемъ Бога Отца, также какъ чрезъ Духа приводимся къ Нему“ (св. Злат.). Вотъ какъ свѣтъ разума (познанія) славы Божіей о лицѣ Іисусъ-Христовѣ возсіялъ въ міръ чрезъ возсіяніе въ сердцахъ вѣрующихъ. „При сіяніи сего свѣта и мы видимъ не чувствамъ подлежащія вещи, но Самого Бога чрезъ Христа“ (св. Злат.).

Ѳеодоритъ пишетъ: „Кто древле словомъ въ бытіе привелъ естество свѣта, и изрекъ: да *будетъ свѣтъ*, Тотъ и нынѣ, не тѣмъ, но собственнымъ Своимъ свѣтомъ осіялъ наши умы, чтобы намъ чрезъ Самого Христа увидѣть славу Его. А сіе: *о лицѣ Іисусѣ Христовѣ* имѣетъ такой смыслъ: поелику естество Божіе невидимо, то дѣлается Оно, сколько возможно, видимымъ чрезъ воспринятое человѣчество, озаряемое Божественнымъ свѣтомъ и издающее молніеносное сіяніе.“ Экуменій продолжаетъ туже мысль: „Повелѣвшій въ началѣ возсіять изъ тьмы свѣту, возсіялъ и въ сердцахъ нашихъ. Возсіялъ, просвѣщая насъ и открывая намъ познанія славы Своей, и это *о лицѣ Іисусѣ Христовѣ*. Ибо чрезъ Сына только получено нами истинное познаніе объ Отцѣ, какъ Самъ Онъ говоритъ въ Евангеліи ко Отцу: *явихъ имя Твое человѣкомъ, и прославихъ Тя на земли* (Іоан. 17, 4—6). И чрезъ Христа Іисуса только явлено намъ, что Отецъ не хочетъ быть чтимъ болѣе куреніями и кровьми, но жертвами духовными, и что истинные Богочтецы должны кланяться Богу не иначе какъ въ Троицѣ единосущной и равномощной.“

б).

Сокровище благодати въ скудельныхъ сосудахъ

4, 7—5, 10.

Изложивъ, сколь великое сокровище есть новозавѣтное домостроительство спасенія, Апостолъ сказываетъ теперь, какъ непоказны и уничиженны внѣшно служители благовѣстія о немъ. При чемъ *сначала* аа) указываетъ промыслительныя цѣли такого порядка дѣлъ, кои суть слава Божія и благопріятствованіе вѣрѣ оглашаемыхъ благовѣстіемъ, 4, 7—12; *затѣмъ* бб) излагаетъ, что къ перенесенію трудовъ при такомъ порядкѣ служители благовѣстія воодушевляются несомнѣнностію спрославленія съ Господомъ въ будущемъ, 13—15. Но коснувшись этого предмета, онъ, по важности его, вв) разсудилъ долѣе остановиться на немъ вниманіемъ, и съ этою цѣлію раскрываетъ, α) сколь славно будущее, 16—18; β) сколь оно желательно, 5, 1—5, и γ) какъ къ нему приготовляться должно, 5—10. Эти послѣдніе пункты раскрываетъ Апостолъ хотя въ своемъ лицѣ, не безъ отношенія къ Апостольскому служенію, но въ въ чертахъ общихъ для всѣхъ христіанъ.

аа).

Цѣли уничиженнаго состоянія по внѣшности носителей благовѣстія

4, 7—12.

Ст. 7. *Имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ, да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ.*

Сокровищемъ называетъ Апостолъ то, о чемъ говорилъ предъ симъ, т.-е. слово благовѣстія съ полнотою благодати Св. Духа на устроеніе духовнаго царства Христова на землѣ, или св. Его Церкви. Это сокровище, столь великое, столь преславное, столь многодѣйственное, *имѣемъ* мы, говоритъ, или носимъ *въ скудельныхъ сосудахъ*, разумѣя подъ симъ тѣло немощное, съ подразумѣваніемъ и внѣшняго своего положенія, всегда уничиженнаго и стѣснительнаго, какъ изображаетъ вслѣдъ за симъ. Для чего же это такъ устроено? Развѣ не могъ Господь такъ сдѣлать, чтобъ Апостолы однимъ видомъ своимъ, или своею показностію уже вліяли на людей? Могъ, но не благоволилъ такъ сдѣлать, для того, говоритъ, чтобъ въ дѣйствованіи нашемъ ничего нашего не было видно, чтобъ ничто наше не бросалось въ глаза, а все было относимо къ силѣ Божіей. Смотря на насъ столь немощныхъ и уничиженныхъ, никто и подумать не можетъ, чтобъ, когда или слово сильнѣй отъ насъ исходитъ, или дѣло какое чрезвычайное нами совершается, это и подобное сему зависѣло отъ насъ, но все то прямо отнесетъ къ силѣ Божіей, чрезъ насъ, дѣйствующей. Сія сила ничѣмъ съ нашей стороны заслоняема не бываетъ; она видится во всей своей наготѣ и полнотѣ. Если же такъ, то всякій долженъ былъ заключать словами Господа: если сіи о персти Божіи все сіе творятъ, убо постиже на насъ царствіе Божіе; надо покориться слову ихъ и вѣровать, чтобъ не быть Богоборцами.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „сіе-то особенно и удивительно, и есть величайшее чудо силы Божіей, что скудельный сосудъ можетъ вмѣщать въ себѣ такой свѣтъ и хранить такое сокровище. *Да премножество* говоритъ, *силы Божія будетъ, а не отъ насъ.* Ибо и величіе даровъ, и слабость получившихъ оные,

показываютъ силу Божію, какъ въ томъ, что Богъ столь великія даровалъ блага, такъ особенно въ томъ, что даровалъ людямъ слабымъ. Подъ скудельнымъ сосудомъ онъ разумѣетъ слабость нашего естества и немощь нашей плоти, потому что плоть наша нисколько не крѣпче скудельнаго сосуда; она столь же удобосокрушима и также легко сокрушается и смертію, и болѣзнями, и воздушными перемѣнами, и другими безчисленными причинами. И сіе сказалъ онъ, какъ для того, чтобы постыдить высокомѣріе гордящихся собою, такъ и для того, чтобы всѣмъ показать, что въ дѣлахъ его служенія нѣтъ ничего человѣческаго. Ибо тогда особенно и бываетъ видна сила Божія, когда она чрезъ слабыя орудія совершаетъ великія дѣла; какъ сіе видно изъ сказаннаго Господомъ сему же Апостолу: *сила бо Моя въ немощехъ совершается* (—12, 9).—Такъ,ославъ только двѣнадцать человѣкъ, покорилъ Онъ вселенную, и притомъ тогда, когда сіи двѣнадцать сами были гонимы. Подивимся въ семъ силѣ Божіей, почудимся ей и поклонимся! Вопросимъ Іудеевъ, спросимъ Еллиновъ: кто убѣдилъ всю вселенную оставить отеческіе обычаи и перемѣнить образъ жизни? Не рыболовы ли, не скинотворцы ли, не мытари ли, не книжные и простые люди? Какже бы это могло совершиться, еслибы не дѣйствовала чрезъ нихъ сила Божія? Притомъ что говорили они, когда убѣждали? Креститесь во имя Распятаго. Какого? Того, Котораго они не знали и не видали. И однакожъ, несмотря на то, что говорили и проповѣдали сіе, пригвожденный ко кресту Христосъ привлекалъ къ Себѣ всѣхъ. Откуда же такая сила убѣдительности? Ни откуда болѣе, какъ отъ силы Божіей. Новость проповѣди была противна всѣмъ, а проповѣдники были изъ народа, всѣми презираемаго, бѣдные и неученые. Какимъ же образомъ они покорили вселенную? Не ясно

ли сіе показываетъ, что они имѣли Бога помощникомъ себѣ? Ибо не человѣческой силѣ свойственно производить такія дѣйствія, но силѣ Божіей всемощной.“

Ст. 8. 9. *Во всемъ скорбяще, но не стужающе си; нечаеми, но не отчаяваеми; гоними, но неоставляеми; низлагаеми, но не погибающе.*

Сказалъ выше, что великое Божіе сокровище носятъ они въ скудельныхъ сосудахъ, чтобы чрезъ то всѣми была исповѣдана сила Божія дѣйствующая въ нихъ. Теперь живописуетъ, какіе получаютъ они отвсюду удары, а между тѣмъ остаются цѣлы. При такихъ пораженіяхъ слѣдовало бы сокрушиться скудельнымъ сосудамъ, и сокровищу содержимому ими сгибнуть, а они остаются не сокрушенными и сокровище сохраннымъ. Не явная ли въ этомъ сила Божія? „Не только то, говоритъ, чудно, что мы хранимъ сіе сокровище въ скудельныхъ сосудахъ, но и то, что подвергаясь безчисленнымъ бѣдствіямъ и будучи отвсюду поражаемы, сберегаемъ оное и не теряемъ. Ибо и адамантовый сосудъ не могъ бы устоять противъ такихъ навѣтовъ. Но вотъ нынѣ и скудельный сосудъ остается невредимъ по благодати Божіей, и сокровище сохранно“ (св. Злат.). „Еслибы не приразилось къ намъ все это, не сдѣлалось бы явнымъ и величіе силы Божіей. Но поелику уподобляемся мы какъ-бы растеніямъ, которыя цвѣтутъ въ огнѣ, то симъ-то самымъ, что страдая сохраняемся невредимыми, проповѣдуемъ силу защищающаго насъ Бога“ (Ѳеод.).

Во всемъ скорбяще. *Во всемъ*, „во всякое время и всякомъ мѣстѣ, отъ всего и отъ всѣхъ“ (Ѳеоф.). „Отъ враговъ и отъ друзей, отъ непріятелей и отъ своихъ, отъ недостатка необходимыхъ потребностей и отъ другихъ вещей, въ коихъ нуждаемся“ (св. Злат.). *Скорбяще*, θλιβόμενοι. Не внѣшнія только лишенія и бѣды

терпимъ, но прискорбности, сердце поражающія. Намъ причиняютъ скорбь, уязвляютъ чувствительно душу, раны наносятъ сердцу; но мы не стужаемъ, οὐ στενοχωρούμενοι. Это не стѣсняетъ груди, не захватываетъ дыханія, не сжимаетъ сердца. Мы небезчувственны къ этимъ прискорбностямъ, но Богъ посылаетъ такую широту сердцу нашему, что они не тѣснятъ и не душатъ. „Не стужаемъ си, потому что Богъ расширяетъ сердца наши“ (Ѳеоф.). „Чтобы не стужать си въ прискорбностяхъ, это есть дѣло благодати Божіей“ (Экум.). Эту благодать Божію и Божію помощь сердцу должны были видѣть и исповѣдать всѣ сторонніе свидѣтели прискорбностей Апостольскихъ, когда по всѣмъ разсчетамъ слѣдовало бы имъ быть убитыми духомъ, а они и во взорѣ, и въ словахъ, и дѣйствіяхъ обнаруживаютъ полное благодушіе. Или можетъ быть οὐ στενοχωρούμενοι— не стѣсняемы есмы, относится не къ внутренней стѣсненности сердца, а къ внѣшней. Апостолъ хочетъ можетъ быть сказать: но это не стѣсняетъ круга нашей дѣятельности; не смотря ни на какія скорби мы дѣлаемъ свое дѣло, не стѣсняясь. Скорбь не отбиваетъ у насъ охоты дѣйствовать въ своемъ чинѣ, не помѣха намъ.

Нечаеми, ἀπορούμενοι, *но неотчаяваеми*, οὐκ ἐξαπορούμενοι. Απορια—пораженіе ума нечаянностію и необычайностію, такъ что онъ въ себя придти и сообразить ничего не можетъ. Εξαπορειν растеряться. Мы, говоритъ, бываемъ въ такихъ обстоятельствахъ, что ума не приложимъ, какъ быть, бываемъ въ безвыходномъ положеніи. Но не теряемъ присутствія духа, зная, что съ нами Богъ, и что противъ воли Его никто ничего съ нами сдѣлать не можетъ. И всегда бываетъ такъ, что Богъ устрояетъ намъ недомыслимый для насъ выходъ изъ крайностей. Не знать откуда и какъ приходитъ помощь и даетъ намъ свободу. „*Не отчаяваеми*, т.-е. не теряемъ на-

дежды. Ибо хотя часто мы скорбимъ, впрочемъ не такъ, чтобы потеряли уже надежду“ (св. Злат.). „Въ обстоятельствахъ безвыходныхъ находимъ для себя спасительные исходы“ (Ѳеод.). „Часто бываетъ, что ума не приложишь, какъ быть при нападкахъ отъ всѣхъ и стѣсненіяхъ отвсюду; но это поражаетъ насъ не настолько, чтобъ мы терялись, т.-е. падали духомъ, это не убиваетъ насъ“ (Экум.). „Впадая въ крайности и безвыходности, не отчаяваемся и не падаемъ подъ тяжестію ихъ, а стоимъ бодро, и Богъ устрояетъ нашъ исходъ и являетъ насъ побѣдителями“ (Ѳеоф.).

Гоними, но не оставляеми. Насъ гонятъ, но при всемъ томъ нельзя объ насъ говорить: это люди всѣми оставленные. Насъ не оставляетъ Богъ. „Богъ таковыя искушенія попускаетъ на насъ не для того, чтобы оставить насъ, но чтобы усовершить и возвысить“ (св. Злат.). „Гонятъ насъ люди, но не осталяетъ Богъ. Не для того это намъ отъ Него попущеніе, чтобъ насъ побѣдили, но чтобы дать намъ случай вступить въ борьбу и явиться побѣдителями силою Его“ (Экум.). „Попущаетъ сіе Богъ для упражненія насъ, чтобъ научить насъ побѣждать“ (Ѳеоф.). Можетъ быть *не оставляеми,* разумѣетъ Апостолъ, людьми же, т.-е. вѣрующими. Одни гонятъ, а другіе съ нами, на нашей сторонѣ. Часть Божія, въ массѣ человѣчества скрытая, всегда къ намъ прилѣпляется и составляетъ съ нами одно. Тутъ мы всегда находимъ пріютъ и пригрѣніе. Тѣ, которые гонятъ насъ, не могутъ хвалиться: ну, теперь прогнали; ибо мы неотлучно пребываемъ съ своими, и свои намъ съ нами.

Низлагаеми, но не погибающе. Бываетъ, что враги совсѣмъ повергаютъ насъ долу; торжествовать бы имъ побѣду, но мы оказываемся цѣлы и живы, не погибаемъ. Это очень напоминаетъ то обстоятельство, какъ побили

св. Павла камнями и выбросили за городъ, а онъ потомъ явился живымъ и здоровымъ (Дѣян. 14, 19). „Судя по величію искушеній, надо бы говорить: ну, погибли; но по благодати Божіей, мы все не гибнемъ. И въ смертныхъ крайностяхъ Богъ отверзаетъ намъ дверь спасенія“ (Экум.). „По тѣлу и внѣшнему положенію, бываетъ, что враги совсѣмъ низлагаютъ насъ; но всегда стоитъ твердо душа наша и наша ревность о дѣлѣ Божіемъ, Богъ же сохраняетъ и самое тѣло наше“ (Ѳеоф.).

Апостолъ изобразилъ возрастающую силу бѣдствій, беря примѣръ съ борющихся. Изъ борющихся слабѣйшій сначала получаетъ удары и раны, потомъ изнемогаетъ и не знаетъ, что дѣлать, далѣе предается бѣгству, наконецъ пораженъ и низверженъ. Мы, говоритъ, всегда являемся на какой-либо изъ сихъ степеней немощи предъ нападающими на насъ, но даже и до послѣдняго низложенія бывъ доведены, не бываемъ побѣждаемы. Кто не увидитъ въ семъ силы Божіей? Слѣдовало бы въ дребезги разбиться скудельному сосуду нашему, а онъ цѣлъ; и не только цѣлъ, но даже и не боится впередъ быть разбитымъ. Искушенія бываютъ сильны, но слѣдствія ихъ никогда не оправдываютъ. Св. Златоустъ говоритъ: „хотя постигаютъ насъ искушенія, но не постигаютъ слѣдствія сихъ искушеній; и это все происходитъ дѣйствіемъ силы и благодати Божіей. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ, что такія искушенія попускаетъ на насъ Богъ для того, чтобы и смирить насъ самихъ и предостеречь другихъ. Такъ, *да̀ непревозношуся*, говоритъ, *дадеся ми покостникъ плоти* (2 Кор. 12, 7), или: *да не надѣющеся будемъ на ся* (1, 9). А здѣсь говоритъ: *да премножество будетъ силы Божія, а не отъ насъ*. Видишь ли, какая польза отъ искушеній? Чрезъ нихъ становится очевиднѣе дѣйствіе

силы и благодати Божіей, ибо говоритъ: *довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Они однихъ привели къ смиренномудрію, а другихъ по крайней мѣрѣ заставили умѣрить свою гордость, и сдѣлали болѣе великодушными и снисходительными. Ибо *терпѣніе*, говоритъ, содѣлываетъ искусство, искусство же упованіе (Римл. 5, 4). Ибо тѣ, кои подвергались безчисленнымъ бѣдствіямъ и освобождались отъ нихъ только надеждою на Бога, симъ научались и во всякомъ другомъ случаѣ всего болѣе держаться сей надежды."

Ст. 10. *Всегда мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носяще, да и животъ Іисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится.*

Мертвость Господа—бѣды, скорби, страданія, смертныя опасности. Какъ Господь страдалъ, такъ страдаемъ и мы. *По вся дни умираю*, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. 15, 31). Но когда такъ очевидно слѣдовало бы намъ быть пораженными смертію, а мы все живы, то очевидно также, что мы каждодневно являемся какъ-бы изъ мертвыхъ живыми. Это совершенно сходно съ тѣмъ, какъ Господа распяли и положили въ гробъ, и еще запечатали, а Онъ воскресъ: смерть не могла удержать Его. Животъ Его поглотилъ смерть. Тотъ же животъ Іисусовъ и въ насъ теперь дѣйствуетъ, и мы есмы живые о Немъ проповѣдники. Мы являемъ собою, что Господь Іисусъ живъ и есть источникъ живота; ибо когда за дѣло Его подвергаемся безчисленнымъ смертямъ, все остаемся живы, и всякій разъ съ новыми силами исходимъ на служеніе во славу Его. Что другое это являетъ, какъ не то, что въ насъ дѣйствуетъ животъ Іисусовъ? Такъ св. Златоустъ: „Что значитъ *мертвость Господа Іисуса*, которую они носили? Ежедневно угрожающіе различные роды смерти, которые указывали вмѣстѣ и на воскресеніе. Если кто

не вѣритъ, говоритъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, таковый пусть увѣрится въ истинѣ воскресенія, видя насъ ежедневно умирающихъ и воскресающихъ. Когда Господь исторгаетъ насъ изъ опасностей смерти, то чрезъ это *животъ Іисусовъ является въ тѣлѣ нашемъ*. Такъ что то самое, что съ одной стороны показываетъ повидимому безсиліе Апостоловъ и оставленіе ихъ отъ Господа, то самое съ другой стороны ясно проповѣдуетъ Его воскресеніе. Ибо не такъ бы видима была сила Его, еслибы мы никогда ничего не страдали, нежели теперь, когда мы страдаемъ, но остаемся непобѣдимыми.“ Такъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ.

Нельзя не видѣть, что, по ходу рѣчи, явленіе живота Іисусова въ непрестанно будто умирающемъ тѣлѣ Апостоловъ есть тоже что: *да премножество силы Божіей будетъ, а не отъ насъ*. Только въ настоящемъ мѣстѣ онъ явленіе силы Божіей вообще сводитъ на явленіе ея примѣнительно къ слову благовѣстія. Ибо здѣсь всепобѣдительное начало есть удостовѣреніе, что Распятый живъ, и не живъ только, но и намъ даетъ силу жить, при всей разрушительности натисковъ на насъ совнѣ. Можно отсюда и далѣе провесть мысль Апостола, именно: мы собою являемъ, что Господь живъ, а это есть начало и источникъ вѣры, животворящей души ваши. Слѣдовательно какъ-бы духъ жизни о Христѣ Іисусѣ исходитъ изъ повсечасно умирающихъ тѣлъ нашихъ. Намѣренно такъ и устроилъ Богъ, чтобъ сокровище сокрытое въ скудельности нашей, слово благовѣстія и благодать, безпрепятственнѣе дѣлалось достояніемъ вашимъ, чтобъ вы вкушали силы ихъ, и чрезъ то пріобщались живота Іисусъ-Христова. Сосудъ слишкомъ крѣпкій и крѣпко закрытый мѣшалъ бы узнавать, что въ немъ, а хрупкій и непрестанно дающій будто

трещины и задѣлываемый неминуемо обнаруживаетъ, что въ немъ.

Ст. 11. *Присно бо мы, живіи, въ смерть предаемся Іисуса ради, да и животъ Іисусовъ явится въ мертвенѣй плоти нашей.*

Повторяетъ тоже самое, что сказалъ предъ симъ, чтобы пояснѣе вообразилась въ умѣ читающихъ выраженная имъ мысль; а это нужно было, чтобы точнѣе было понято, что говорится въ слѣдующемъ 12 стихѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „св. Павелъ, когда говоритъ что-нибудь неясно, то всегда присовокупляетъ объясненіе своихъ словъ. Это онъ сдѣлалъ и въ семъ мѣстѣ, поясняя неясно сказанное. Для того, говоритъ, *предаемся въ смерть Іисуса ради*, т.-е. носимъ мертвость Его, чтобы открылась въ насъ сила жизни Его, когда Онъ не попускаетъ смертной плоти нашей, столько страждущей, быть побѣжденною множествомъ золъ.“

Это прямая мысль. О будущемъ пріобщеніи живота Іисусова чрезъ воскресеніе, кажется, св. Апостолъ не помышлялъ при семъ. Вниманіе его пока все ограничивается настоящимъ дѣломъ проповѣди и явленіемъ чрезъ нее живоносной спасительности во Христѣ Іисусѣ. То, что Апостолъ говоритъ: *да явится животъ*, ἵνα φανερωθῇ, не на будущее указываетъ, а настоящее: да будетъ явленъ или являемъ животъ Іисусовъ теперь. Потому переносясь мыслію, по поводу сихъ словъ, къ будущему сооживленію съ Христомъ, св. Златоустъ говоритъ: „можно и иначе понимать слова.“ За нимъ и другіе наши толковники стали повторять: можно и такъ, давая разумѣть, что это возможная, но не прямая мысль. Св. Златоустъ говоритъ: „можно еще иначе понимать слова сіи. Какъ же? Такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *аще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ* (Римл. 6, 8). Ибо какъ мы

носимъ Его мертвость и рѣшаемся заживо умереть для Него нынѣ, такъ и Онъ благоизволитъ умершихъ насъ оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнію, идемъ на смерть, то и Онъ приведетъ насъ отъ смерти къ жизни.“ Тоже и Ѳеодоритъ: „такъ Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Римл. 8, 17). Посему-то самому съ любовію за Владыку встрѣчаемъ смертоносныя опасности, чтобы стать причастниками жизни Его, и жертвуя жизнію временною, воспріять за то нетлѣніе плоти.“

Можно и другую побочную мысль читать въ этихъ словахъ Апостола, именно ту, что спасительнаго живота Іисусъ-Христова нельзя иначе стать причастникомъ во всей его силѣ, какъ чрезъ спостраданіе Ему. Въ крещеніи спогребаемся Ему таинственно, а въ жизни потомъ прививаемся къ крестному живоносному древу страданій и смерти Его, чрезъ невольныя страданія, и произвольныя лишенія или разнаго рода подвиги самоотверженія и самоумерщвленія. Чрезъ сіи мертвенности или умиранія Господа Іисуса ради и сила живота Его является въ естествѣ нашемъ. Другаго пути нѣтъ; одинъ онъ — тѣсный и прискорбный. Утѣшная жизнь въ довольствѣ и утѣхахъ поставляетъ внѣ круга причастниковъ живота Христова.

Ст. 12. *Тѣмже смерть убо въ насъ дѣйствуетъ, а животъ въ васъ.*

Смерть въ насъ дѣйствуетъ, т.-е. скорби, бѣды, непрестанныя насмертности, чѣмъ всѣмъ является, что мы скудельные сосуды. *А животъ*, говоритъ, *въ васъ*, т.-е. сокровище въ насъ сокрытое,—слово благовѣстія и благодать,—чрезъ то самое, что мы по вся дни умираемъ, дѣлается вашимъ достояніемъ, и сообщаетъ вамъ жизнь, которая и дѣйствуетъ въ васъ. Удостовѣрясь изъ немощности и скудельности нашей,—изъ того, что

умираемъ и все живы есмы,—удостовѣряясь изъ этого, что въ насъ сила Божія дѣйствуетъ, вы вѣруете слову благовѣстія, вѣруя оживотворяетесь благодатію Св. Духа чрезъ таинства, и начинаете жить новою, никому другому невѣдомою жизнію о Христѣ Іисусѣ, жизнію, которая начавшись здѣсь, имѣетъ пребыть вѣчною, вводя васъ въ нескончаемое блаженство. Ѳеодоритъ пишетъ: „ради вашего спасенія подвергаемся мы опасностямъ, потому что съ опасностію для себя преподаемъ вамъ ученіе (дающее истинный животъ). И выходитъ, что поелику мы бѣдствуемъ, вы наслаждаетесь жизнію истинною.“ Тоже и Экуменій: „какъ-бы такъ говорилъ Апостолъ: мы умираемъ по причинѣ благовѣстія, дабы вы, увѣровавъ чрезъ него въ Христа, сподобились истинной жизни, которая есть вмѣстѣ и жизнь нетлѣнная и вѣчная.“ У него же Фотій говоритъ: „скорби, страданія и смертоносныя бѣды дѣйствуютъ въ насъ, а вѣра и благочестіе, въ коихъ истинная жизнь, въ васъ. Жизнь же есть вѣра съ благочестіемъ, потому что стяжеваютъ нетлѣнную, нескончаемую и вѣчно блаженную жизнь на небесахъ.“ Завершимъ рѣчь словами Ѳеофилакта: „мы въ опасностяхъ; вы же изъ сихъ опасностей собираете плодъ жизни, вѣруя въ проповѣдуемое нами Евангеліе, чрезъ которое вѣчною начинаете жить жизнію.“

бб).

Воодушевляетъ при этомъ Апостоловъ увѣренность въ будущемъ спрославленіи съ Господомъ Іисусомъ

ст. 13—15.

Раскрылъ Апостолъ, что они скудельные сосуды ради того, чтобъ яснѣе была сила Божія дѣйствующая въ

нихъ, и чрезъ то множилась вѣра призываемыхъ во спасеніе и обильнѣе дѣйствовалъ въ сихъ послѣднихъ животъ о Христѣ Іисусѣ. Могъ послышаться вопросъ: а вамъ же что? Въ васъ неужели будетъ все дѣйствовать одна только смерть? Нѣтъ, говоритъ, не одна смерть. Мы увѣрены, что воздвигшій Господа Іисуса и насъ воздвигнетъ въ славѣ. Эта вѣра воодушевляетъ насъ, и мы вѣруя такъ, не перестаемъ глаголать.

Ст. 13. *Имуще же тойже духъ вѣры, по писанному: вѣровахъ, тѣмже возглаголахъ, и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ.*

Сказалъ: *въ насъ смертъ дѣйствуетъ*. Теперь продолжаетъ какъ-бы: но это не мѣшаетъ намъ и не отнимаетъ у насъ ревности продолжать дѣло проповѣди Евангелія. Есть вѣра воодушевляющая насъ. И мы въ семъ случаѣ оказываемся въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ Пророкъ Давидъ, когда говорилъ: *вѣровахъ, тѣмже и глаголахъ* (Пс. 115, 1). Подобный же духъ вѣры исполняетъ и насъ; имѣя его, мы вѣруемъ, и вѣруя, глаголемъ. Глаголемъ, т.-е. продолжаемъ благовѣстіе Евангелія во спасеніе и животъ всѣхъ, хотя отвсюду окружены только смертями. Въ чемъ именно духъ вѣры, изъ примѣра св. Давида нельзя выводить. Апостолъ беретъ только одно обстоятельство, что св. Давидъ отъ напряженія вѣры не могъ удерживать языка, и говорилъ. Подобнымъ же образомъ (говоритъ) и нашимъ языкомъ движетъ неудержимая сила вѣры. Какой же смыслъ у Апостола имѣла вѣра? Судя по предшествующей рѣчи, это будетъ непоколебимая увѣренность, что мы исправляемъ дѣло Божіе во славу Божію и вѣчное благо всѣхъ людей. Послѣдующія же слова: *вѣдяще*, — что Богъ и насъ воздвигнетъ, и проч., — представляютъ то, чѣмъ восполняется и оживляется сія вѣра; ибо безъ сего она не имѣла бы будто окон-

чательнаго пункта, или была бы безъ конца. Но какъ это такой пунктъ, который можно назвать средоточіемъ вѣры, то очень вѣроятно, что Апостолъ, говоря о вѣрѣ, разумѣлъ именно этотъ предметъ вѣры. Св. Златоустъ говоритъ: „доказавъ, что бѣдствіе не есть признакъ безсилія и оставленія отъ Бога тѣхъ, кои терпятъ бѣдствія, Апостолъ переходитъ къ вѣрѣ, и къ ней все направляетъ. И для утвержденія сей вѣры опять указываетъ на воскресеніе Христово, говоря: *и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ.* Чему же вѣруемъ? *Яко воздвигій Іисуса и насъ воздвигнетъ.*“ Тоже и Ѳеофилактъ: „вѣруемъ, потому и глаголемъ, что какъ Іисусъ воскресъ, такъ и мы здѣсь будемъ избавляемы отъ всѣхъ опасностей смертныхъ, а тамъ совоскрешены со Іисусомъ.“

Ст. 14. *Вѣдяще, яко воздвигій Господа Іисуса, и насъ со Іисусомъ воздвигнетъ, и предпоставитъ съ вами.*

Своскресеніе Господу во славѣ есть самый воодушевительный и возбудительный въ христіанскомъ исповѣданіи предметъ. Сколько здѣсь утѣшенія терпящимъ за вѣру! Сколько подкрѣпы подвизающимся въ жизни по духу вѣры! А вотъ и Апостолы къ перенесенію трудовъ въ насажденіи вѣры на землѣ почерпали нравственную силу изъ той же истины. Бѣдное естество наше такъ прославлено въ воскресеніи Господа Іисуса—для Него ли? Нѣтъ, это образъ, основаніе и сила воскресенія всѣхъ вѣрующихъ къ славѣ о лицѣ Іисусъ-Христовѣ. Созерцая это, Апостолъ и прежде еще говорилъ: *не ктому себѣ живу.* И здѣсь тоже говоритъ: пусть смерти кругомъ; мы вѣруемъ, что намъ принадлежитъ животъ, котораго никакая смерть восхитить не можетъ. Мы стоимъ въ обладаніи симъ животомъ и, не боясь смертей, съ дерзновеніемъ ведемъ дѣло благовѣстія.

Вѣдяще. Поелику это вѣдѣніе здѣсь стоитъ, какъ истолкованіе вѣры, то его надо признать такимъ, которое обнимаетъ все сознаніе и,—какъ оно заправляло всею жизнію Апостоловъ,—такимъ, которое закрывало собою всѣ другіе предметы вѣдѣнія и всегда стояло впереди. *Яко воздвигій Господа Іисуса,*—Богъ Отецъ, совмѣстно, безъ сомнѣнія, со Св. Духомъ. Воскресъ воплотившійся Богъ Сынъ; но воскресеніе совершилось единодѣйствіемъ Пресвятыя Троицы. *И насъ со Іисусомъ воздвигнетъ. И насъ*—о себѣ говоритъ Апостолъ, объ Апостолахъ, т.-е. непрестанно умирающихъ въ дѣлѣ благовѣстія и преподанія всѣмъ благодати; конечно не имѣя той мысли, что ихъ только и воздвигнетъ, но что со всѣми и ихъ воздвигнетъ. Воскресеніе Христово положило основаніе общему всѣхъ людей воскресенію. Теперь уже необходимо воскреснутъ всѣ. Разность будетъ только въ томъ, для чего и въ какомъ видѣ кто воскреснетъ. Одни воскреснутъ во свѣтѣ и для славы; а другіе въ мрачности и для мукъ. И свѣтло воскресшіе не въ одной степени свѣтлости явятся. Какою свѣтлостію будутъ окружены Апостолы?! Это они предчувствовали. И вотъ источникъ воодушевленія, о коемъ у Апостола здѣсь рѣчь! *Воздвигнетъ со Іисусомъ, διὰ Ἰησοῦ,* чрезъ Іисуса. Сила воскресенія Христова отъ Него перейдетъ тогда на всѣхъ. Теперь она въ Немъ единомъ сосредоточена и въ другихъ дѣйствуетъ только духовно. Когда по вѣрѣ возраждаются въ купѣли крещенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ пріемлютъ сѣмя къ славному воскресенію. Даръ Духа Святаго закрѣпляетъ сію надежду существеннѣе. На семъ основаніи всякій крещенный можетъ исповѣдать нелестно: и меня воздвигнетъ къ славѣ, если сохраню благодать крещенія, или потерянную возвращу покаяніемъ. Эта общая всѣмъ вѣра въ Апостолахъ восходила на выс-

шую степень ради того, что они существеннѣе становились причастниками смерти Христовой, ибо говоритъ: *мы въ смерть предаемся присно Іисуса ради.* Какъ въ Господѣ смерть и воскресеніе нераздѣлимы были, такъ нераздѣлимымъ сознавали и Апостолы свое воскресеніе чрезъ Господа съ своимъ умираніемъ за Него.—*И предпоставитъ съ вами.* Предъ кѣмъ поставитъ? Если предъ собою и предъ престоломъ своимъ, это наведетъ мысль на судъ, имѣющій быть по воскресеніи. Но какъ у Апостола мысль—о воодушевляющей преславности будущаго, то ближе будетъ: представитъ въ блаженное царство, или туда, гдѣ Господь обѣтовалъ быть слугамъ Его.—*Съ вами,* прибавилъ, чтобъ напомнить Коринѳянамъ, что это и ихъ вѣры предметъ, и чтобъ устремивъ вниманіе на славу воскресенія Апостоловъ, они не выпускали изъ вида своего воскресенія съ ними и не забывали соотвѣтственныхъ сему упованію обязательствъ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „воздвигнетъ и насъ съ вами къ полученію нескончаемыхъ благъ. Этимъ онъ воодушевляетъ ихъ къ храненію вѣры и къ ревности о соотвѣтственной вѣрѣ доброй жизни.“

Ст. 15. *Вся бо васъ ради, да благодать умножившаяся, множайшими благодареніи избыточествитъ въ славу Божію.*

Показываетъ, что онъ ни мало не преувеличенно сказалъ: *воздвигнетъ насъ и предпоставитъ съ вами.* Говоря такъ, не слово лести къ вамъ простираю, но потому такъ говорю, что такъ должно быть: ибо все для васъ, *для васъ*—не Коринѳянъ только, но и всѣхъ вѣрующихъ,—*все,* все домостроительство во Христѣ Іисусѣ здѣсь, и всѣ блага неописанныя тамъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „*васъ ради,* т.-е. вѣрующихъ; ибо сказалъ не объ однихъ Коринѳянахъ, но о всѣхъ принявшихъ проповѣдь. Богъ, промышляя объ общемъ всѣхъ спа-

сеніи, совершилъ домостроительство Владыки Христа.“ Св. Златоустъ говоритъ: „для васъ Его воскресеніе и все прочее. Ибо не для одного только человѣка Онъ столько совершилъ, но для всѣхъ.“

Да благодать умножившаяся, т.-е. сдѣлавшаяся достояніемъ многихъ. Господь устроилъ спасеніе всѣхъ и учредилъ Апостольство, чтобы оно силою Духа Святаго по всей землѣ, во всѣхъ языкахъ и обществахъ положило основы общему всѣхъ людей спасенію. Это мы и дѣлаемъ. Слово благовѣстія распространяется; вмѣстѣ съ нимъ разливается благодать, возраждающая къ новой жизни, въ залогъ нескончаемаго блаженства въ вѣчности. Причастившіеся сей благодати вкушаютъ радость о Духѣ Святомъ, подвигающую уста на благодареніе. Чѣмъ больше причастниковъ благодати, тѣмъ болѣе устъ благодарныхъ. Множащаяся благодать множитъ благодареніе; избыточество благодаренія избыточествуетъ въ славу Божію. Слава Божія—послѣдняя цѣль всего домостроительства во Христѣ Іисусѣ. Ангелы выну славословятъ Бога; на тоже славословіе созданы и люди. Но ихъ пѣснь славословная порвалась на первыхъ порахъ. Надлежало возстановить ее. Чтобъ возстановить, Сынъ Божій воплотившись нисходилъ до послѣднихъ степеней уничиженія и потомъ возшелъ человѣчествомъ на послѣднія степени славы. Пріобщивъ его всевозможной славы, Онъ сдѣлалъ его вновь способнымъ воздавать возможно высшую славу Богу. Причащающіеся благъ во Христѣ Іисусѣ вкушаютъ и славы Божіей и славословятъ Бога. Славословіе—знакъ вкушенія радости жизни. Потому оно и стало цѣлію всего, что Богъ всѣхъ хочетъ облаженствовать. Богъ хочетъ, чтобы всѣ вкусили благъ духовныхъ, всѣ радовались, а ради этого и благодарили и славословили Его. Апостолъ говоритъ о вкушеніи благодати множайшими, и

о благодареніи множайшими, потому что не всѣ хотятъ того, чего хочетъ Богъ.

вв).

Созерцаніе будущей жизни.

Высказавъ ту истину, что Апостолы воодушевляются въ трудахъ благовѣстія, при безпрестанной насмертности, тѣмъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что имѣютъ воскреснуть Іисусъ-Христомъ въ славѣ, разсудилъ св. Павелъ долѣе подержать вниманіе наше на этомъ предметѣ, по причинѣ его крайней важности въ дѣлѣ устроенія спасенія. Въ нравственномъ отношеніи самая вліятельная, самая остепенительная, самая возбудительная истина есть истина о будущей жизни. Установившіеся въ созерданіи ея не согрѣшаютъ, въ трудахъ же добродѣланія и подвижничества мѣры почти не знаютъ. Апостолъ и положилъ подержать на ней побольше вниманіе. Онъ говоритъ въ своемъ лицѣ: мы, намъ, наше, можетъ быть потому болѣе, что самъ испытываетъ тѣ чувства, которыя изображаетъ; но разсужденія его по содержанію не-имѣютъ исключительнаго отношенія къ Апостольскому служенію, а суть разсужденія, идущія ко всѣмъ христіанамъ вообще. Онъ ихъ всѣхъ представляетъ въ своемъ лицѣ, когда говоритъ: мы, намъ, наше.

а).

Будущая жизнь преславна

4, 16—18.

Ст. 16. *Тѣмже не стужаемъ си: но аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни.*

Въ будущую жизнь перенесся Апостолъ мыслію по поводу своей непрестанной насмертности. Съ этого же и теперь начинаетъ рѣчь, и какъ по лѣствицѣ возводитъ насъ отъ тлѣнія внѣшняго человѣка къ обновленію внутренняго, отъ него къ мѣрѣ будущей славы, и возшедши такимъ образомъ къ невидимому и вѣчному, тамъ насъ оставляетъ, желая, чтобъ мы и не сходили оттуда посмотрѣть, яже суть въ дому нашемъ земномъ.

Тѣмже не стужаемъ си: не скучаемъ, не тяготимся, не изъявляемъ никакого недовольства. И въ началѣ главы тоже говорилъ онъ: *имуще служеніе сіе, не стужаемъ си.* Тамъ—послѣ того, какъ сказалъ, что въ домостроительствѣ Новаго Завѣта всѣ вводятся въ созерцаніе славы Божіей откровеннымъ лицемъ, чтобъ преобразовываться въ тотъ-же образъ отъ славы въ славу, съ такою мыслію: какъ съ охотою не послужить такому преславному дѣлу, не обращая вниманія на всѣ внѣшнія неудобства? Здѣсь тоже внушаетъ послѣ того, какъ выразилъ увѣренность въ спрославленіи съ Господомъ по воскресеніи. Имѣя въ виду такую славную участь въ будущемъ, мы, говоритъ, *не стужаемъ си,* не смотря на окружающія насъ скорби, бѣды, смертныя опасности. „Не печалимся, не предаёмся малодушію, но переносимъ все мужественно“ (Ѳеод.), „зная силу Божію, которая и нынѣ насъ избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и въ будущемъ воздвигнетъ въ славѣ“ (Ѳеоф.), „и видя, какъ все дѣлаемое и претерпѣваемое нами обращается въ умноженіе славы и благодаренія Богу“ (Экум.).

Но и это все претерпѣваемое нами не остается безъ отношенія къ будущей жизни. Будущая жизнь будетъ соотвѣтствовать духовному преспѣянію здѣсь. Внѣшнія же скорби усовершаютъ духъ. Пусть тлѣетъ внѣшній человѣкъ! Отъ этого или при этомъ внутренній обновляется по вся дни. *Внѣшній человѣкъ*—тѣло съ потреб-

нымъ для него и съ участію его; *внутренній*—духъ и душа (Ѳеоф., Экум.). Внутренній человѣкъ тоже что *потаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. 3, 4), духъ самосознательный и свободный, съ его отправленіями—страхомъ Божіимъ, совѣстію и неудовлетворенностію ничѣмъ тварнымъ. Таковъ онъ въ естественномъ порядкѣ. Подъ дѣйствіемъ же благодати онъ благоговѣйно предстоитъ Богу, съ любовію созерцая Его въ безмятежіи, ходитъ неуклонно въ заповѣдяхъ Божіихъ, имѣя законъ Бога своего въ сердцѣ своемъ, и за то преисполняется радостію о Дусѣ Святѣ, вкушаетъ, сколько благъ Господь и теряетъ вкусъ ко всему, что не Господне. Всѣ эти проявленія духа подъ дѣйствіемъ благодати начинаются съ первой минуты рожденія въ новую жизнь; но растутъ они и крѣпнутъ постепенно, болѣе отъ благодатныхъ воздѣйствій, но немало и отъ внѣшнихъ состояній человѣка. Благосостояніе внѣшнее много можетъ мѣшать совершенствованію его; скорби же внѣшнія много помогаютъ тому, держа духъ въ отрѣшеніи отъ всего и давая ему возможность всею полнотою своею принимать благодатныя вліянія и обращать всѣ усилія свои на самовозрастаніе, не развлекаясь ничѣмъ стороннимъ. Это и разумѣетъ Апостолъ, когда говоритъ, что когда внѣшній человѣкъ тлѣетъ, внутренній обновляется по вся дни. Св. Златоустъ говоритъ: „Какимъ образомъ *тлѣетъ* внѣшній человѣкъ? Когда терпитъ бичеванія, гоненія и другія безчисленныя бѣдствія.. А *внутренній* какъ *обновляется?* Вѣрою, надеждою, ревностію. Чѣмъ болѣе страждетъ тѣло, тѣмъ болѣе душа имѣетъ благихъ надеждъ, и тѣмъ болѣе просвѣтляется, какъ золото много искушенное дѣйствіемъ огня.

Само собою разумѣется, что означенное тлѣніе внѣшняго человѣка обновляетъ внутренняго не безусловно,

а подъ условіемъ благодати, вѣры и жизни по вѣрѣ. Ибо обновленіе не отъ него собственно исходитъ, а имъ способствуется, имѣя свой особый источникъ. Тлѣніе внѣшняго человѣка или невольно случается, или произвольно устрояется; но значеніе его и дѣйствіе одно: способствуетъ обновленію внутренняго, питая въ душѣ страхъ Божій, просвѣтляя совѣсть, и отрѣшая отъ всего тварнаго, отъ всякаго земнаго пристрастія. Тлѣніе внѣшняго человѣка, кромѣ бѣдъ и скорбей, совершается еще умаленіемъ пищи и питія, сна и отдыха, удаленіемъ отъ развлеченія чувствъ чрезъ уединеніе, пресѣченіе заботъ, и вообще истощаніе тѣла и довольство самою крайнею мѣрою нужнаго, съ устраненіемъ себя отъ многомятежія. Такой порядокъ жизни уже предполагаетъ зарожденіе внутренняго человѣка; предполагаетъ, но не прямо указываетъ на него: ибо и это все можно дѣлать внѣшно. Настоящій внутренній человѣкъ есть благодатію рожденный и ею воспитываемый и обновляемый. Когда это есть, то тлѣніе внѣшняго человѣка необходимо требуется; и только въ этомъ случаѣ тлѣніе сіе способствуетъ обновленію внутренняго. А безъ сего чрезъ тлѣніе внѣшняго человѣка никогда не обновляется настоящимъ образомъ внутренній человѣкъ.

Ст. 17. *Еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ.*

Еже нынѣ,—τὸ παραυτίκα,—нынѣшнее, мгновенное. *Легкое печали*—легкія прискорбности. Какъ ни велико, говоритъ, то, что мы терпимъ, такъ что насъ справедливо надо назвать насмертниками; при всемъ томъ это суть только прискорбности, легкія и скоропреходящія, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія будущей славы. Что сія жизнь предъ вѣчностію, и стоитъ

ли брать ее въ счетъ, еслибы и всю ее безпрерывно пришлось пострадать? Печали бываютъ и очень чувствительныя; но какъ онѣ всѣ преходятъ, а минувшая печаль уже не тяжела, то онѣ всѣ въ собственномъ смыслѣ легки. Печаль конца неимѣющая, хотя бы она и невелика была, не можетъ не казаться подавляющею. *По преумноженію въ преспѣяніе,*—κατ' ὑπερβολὴν εἰς ὑπερβολήν,—по преизбытку въ преизбытокъ,—хочетъ сказать: мѣры нѣтъ въ какомъ преизбыткѣ, „въ величайшемъ преизбыткѣ“ (св. Злат.); „будущая слава имѣетъ величіе преизобильно преизобильное“ (Ѳеоф.). *Тяготу вѣчныя славы,*—αἰώνιον βάρος,—вѣчную тяготу славы. Въ противоположность скоропреходящимъ легкимъ прискорбностямъ ставится вѣчная тяжелая слава,—слава представительная, полновѣсная. „Легкому и удобоносному противопоставляетъ Апостолъ тяжелое, т.-е. многоцѣнное“ (Ѳеод.). *Содѣловаетъ намъ,*—приготовляетъ намъ; терпимъ здѣсь, а тамъ слагается уже, что слѣдуетъ за претерпѣваемое здѣсь. Идутъ современно: здѣсь легкая прискорбность, тамъ залогъ полной славы. „Смотри, какъ онъ отнимаетъ силу у скорбей настоящей жизни; когда настоящее противополагаетъ будущему, временное—вѣчному, легкое—полновѣсному, скорбь—славѣ. Все дѣло полагаетъ онъ въ надеждѣ“ (св. Злат.). Прискорбности внѣшнія вѣрою и благодатію поставляютъ страждущаго въ тѣсное общеніе со страданіями и смертію Христовою. Оттого онѣ бываютъ проводниками и жизни Христовой, обновляющей внутренняго человѣка. Но тоже общеніе въ страданіяхъ и смерти Христа Господа, прославленнаго уже, служитъ основаніемъ прославленія и страждущихъ Его ради. Отсюда слѣдуетъ, что скорби, обновляющія внутренняго человѣка, служатъ вмѣстѣ залогомъ вѣчнаго прославленія. Посему Апостолъ поставляетъ обновленіе внутреннее

съ прославленіемъ будущимъ въ нѣкоторой причинной связи: *еже бо*.—Они сходятся путемъ скорбей въ одномъ источникѣ, прославленномъ Господѣ Спасителѣ, обновляющемъ духовно общающихся съ Его страданіями и смертію силою вѣры и благодати, и готовящемъ имъ славу, какою Самъ облеченъ, возсѣдя одесную Отца, яко побѣдитель смерти и ада.

Ст. 18. *Не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна.*

Условіе выставляетъ Апостолъ, при которомъ тлѣніе внѣшняго человѣка обновляетъ внутренняго, и легкое печали тяготу вѣчной славы содѣлываетъ намъ. Подъ тѣмъ условіемъ, говоритъ, если мы не смотримъ на видимое, а на невидимое, или при такомъ строѣ нравственномъ, въ коемъ не смотрятъ на видимое, а на одно невидимое. Это само собою видно. Смотри на солнце и свѣтоносностію его исполнишься (внутренній обновится). Также подымись повыше, и все на землѣ сущее покажется мелочнымъ и ничтожнымъ.—Св. Златоустъ говоритъ: „показываетъ способъ, какъ легкою дѣлается тяжесть скорби. Какъ же? *Не смотряющимъ намъ*, говоритъ, *видимыхъ, но невидимыхъ*. Если будемъ отвращать взоръ свой отъ видимаго, то настоящее будетъ для насъ легко, а будущее велико.“—Туже связь видитъ въ этихъ текстахъ и Экуменій: „Поелику назвалъ скорбь легкою, хоть она бываетъ тяжела, то объясняетъ теперь, какимъ образомъ бываетъ легкою нынѣшняя скорбь. Если, говоритъ, не будемъ смотрѣть на видимое, а на невидимое. Ибо противопоставь только тамошнее здѣшнему и увидишь, какъ все здѣшнее покажется легкимъ. Ибо это все временно, а то вѣчно.“

Не смотряющимъ,—μὴ σκοπουντων. На ристалищахъ,—σκοπὸς,—мѣта, до которой надлежало прежде всѣхъ достигнуть, чтобы получить награду. Бѣгущіе на ко-

няхъ, или на ногахъ, взоръ свой весь вперяютъ въ эту мѣту, ни на что стороннее не обращая вниманія, будь тутъ золотыя горы. Апостолъ выражаетъ, что обновляемымъ духовно, ждущимъ вѣчной славы надлежитъ не только въ цѣли не имѣть ничего видимаго, но и во вниманіи того не держать, быть такъ къ нему, какъ-бы его не было; цѣль же, куда взоръ ихъ, минуя все, долженъ быть вперенъ, есть исключительно невидимое. Оно одно предметъ ихъ желаній, стремленій и надеждъ. Пока человѣкъ живетъ тѣломъ и душею оплотенѣлою, до тѣхъ поръ невидимое кажется ему чѣмъ-то призрачнымъ, неопредѣленнымъ, будто не сущимъ. Когда приходитъ благодать и пробуждаетъ духъ, то въ числѣ первыхъ требованій къ воспріятію новой жизни есть отреченіе отъ видимости, отъ опоръ, надеждъ и утѣхъ, видимыми вещами и лицами подаемыхъ, и обращеніе къ невидимому, чтобъ тамъ положить надежды свои, и предметы своихъ исканій и надеждъ. Этимъ требуется жертва кровная; но она необходима. Сознавшій это дѣлаетъ себѣ переломъ, какъ это ни больно, и приноситъ требуемую жертву. Она отворяетъ дверь входа благодати, образующей новаго человѣка. Родившись подъ такимъ отчужденіемъ отъ видимаго, внутренній новый человѣкъ, если онъ развивается правильно, уже не возвращается сюда, а живетъ тамъ весь въ невидимомъ. Оно одно становится для него истинно сущимъ; видимое же призрачнымъ и исчезающимъ, какъ оно и есть на дѣлѣ. Почему въ словахъ Апостола: *не смотряющимъ намъ видимыхъ*, можно видѣть такой смыслъ: ужъ это такой порядокъ или законъ жизни о Христѣ Іисусѣ, что мы не смотримъ на видимое, а на одно невидимое.—Что это невидимое?—Богъ, въ Троицѣ поклоняемый, и все то, что даетъ Онъ вкусить приближающимся къ Нему. Это немногосложно, но много-

объятно, — и одно насыщаетъ; тогда какъ видимаго много, но оно не насыщаетъ, а только раздражаетъ вкусъ. Что это видимое?—Все, что считаетъ благомъ человѣкъ, этой жизни преданный: довольство, сласти, почетъ, преобладаніе, властвованіе, широта предпріятій и успѣшность въ нихъ, и подобное.

Видимая бо временна, невидимая же вѣчна. Не касается другихъ чертъ видимаго и невидимаго, потому что эти нагляднѣе. Пристращенному къ видимымъ вещамъ, что ни говори объ этомъ съ невыгодной стороны, все не совсѣмъ внятно будетъ; а что все это временно, это осязательно видно; ибо предъ его глазами течетъ, какъ рѣка, и постоять не можетъ. Отрѣшившійся отъ видимаго и сочетавшійся съ невидимымъ, хотя и могъ бы понять многія другія черты сего невидимаго, кромѣ вѣчности,—но какъ онъ уже и вкушаетъ ихъ и въ этомъ вкушеніи видитъ блаженство отрѣшенной отъ всего жизни, то для него утѣшительнѣе всего слышать, что невидимое, сладость котораго онъ началъ вкушать, вѣчно, и что слѣдовательно начатому имъ сладостному благобытію конца не будетъ. Такъ Апостолъ, простымъ словомъ, однимъ далъ сильное вразумленіе, а другимъ крайне утѣшительное ободреніе. Св. Златоустъ говоритъ: „Не сказалъ, что однѣ скорби временны, но — все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость;—чтобы и въ радости мы не разслабѣвали, и скорбями не тяготились. Посему же говоря и о будущемъ, онъ не сказалъ: царствіе вѣчно, но *невидимая вѣчна,* хотя бы то было царство, хотя бы мученіе—чтобы мы сего послѣдняго страшились, а къ оному стремились.—Итакъ, поелику видимое временно, а невидимое вѣчно, то къ невидимому и будемъ простирать наши взоры. Если временное предпочтемъ вѣчному, то чѣмъ извинимъ себя? Положимъ, что и вре-

менное пріятно, но оно непродолжительно, а мученія за оное не будутъ имѣть ни конца, ни пощады. Какой отвѣтъ дадутъ тѣ, кои бывъ удостоены Духа Божія и вкусивши уже отъ толикаго дара Божія, послѣ обратили взоры свои долу и ниспали къ земному?“

β).

Почему особенно желательна будущая жизнь?

5, 1—5.

Потому что тамъ мы облечемся въ тѣло небесное, чистое, легкое, свѣтлое. Это тѣло настоящее грузно, тяготитъ, требуя много о себѣ заботы, а само воздаетъ противленіемъ духовнымъ стремленіямъ нашимъ къ небесному. Вотъ мы и желаемъ сбросить это грубое тѣло, чтобъ облечься въ то духовное. Это воздыханіе въ насъ отъ Бога давшаго намъ обрученіе Духа, Который предъизображаетъ намъ будущее свѣтлое состояніе и удостовѣряетъ Самимъ Собою въ его дѣйствительности. Отсюда и воздыханія.

5, 1. *Вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ.*

Вѣмы бо. Настоящій періодъ бытія нашего есть переходный, и устроенъ вслѣдствіе паденія. Надлежало бы это намъ сознавать и ощущать. Но прижившись, мы обыкновенно миримся съ пребываніемъ на землѣ и съ жизнію въ тѣлѣ. Чаяніе другой жизни является у насъ въ самомъ неопредѣленномъ и шаткомъ видѣ. Благодать Божія, раждая въ новую жизнь, оживляетъ и чаяніе будущей жизни, представляя ее въ опредѣленныхъ очертаніяхъ. Это и выражаетъ Апостолъ, говоря:

вѣмы бо. У него это было ясное знаніе. Мы вѣдаемъ объ этомъ со словъ его; но обязаны знать также, какъ и онъ зналъ, потому что сподобились тойже благодати Духа Святаго. Имѣютъ такое знаніе чистые сердцемъ, въ коихъ благодать Духа является въ дѣйственности.

Аще земная наша храмина тѣла разорится.—Аще,— не въ такомъ смыслѣ говоритъ: въ случаѣ если разорится, а въ такомъ: когда разорится, выражая, что это есть желанная и несомнѣнная минута освобожденія отъ этой земной ноши, тяготящей насъ и къ землѣ приковывающей. *Земная храмина тѣла,* — *οἰκία τοῦ σκήνους,*—земное наше жилище скинійное, или скиноподобное. „Апостолъ говоритъ такъ о нашемъ тѣлѣ. Назвавъ его скинійнымъ, онъ указалъ на удоборазрушаемость его и кратковременность здѣшней жизни“ (св. Злат.). Тѣло это или такое есть домъ души, но земный только, временный, на время поставляемый, подобно скиніи или палаткѣ, которая самымъ видомъ своимъ даетъ разумѣть, что теперь она стоитъ здѣсь, а чрезъ нѣсколько дней, и даже часовъ ея не будетъ здѣсь. Тѣло это переходное жилище. Когда оно разорится, *созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворену вѣчну, на небесѣхъ.*

Созданіе отъ Бога, οἰκοδομὴν ἐκ θεοῦ, — зданіе отъ Бога устрояемое, Богозданный домъ. Разумѣетъ Апостолъ не обители вѣчныя, а будущее наше тѣло, называя его вслѣдъ за симъ *храминою нерукотворенною.* Назвать его нерукотвореннымъ подало поводъ, можетъ быть, сравненіе со скиніею; мысль же у него та, что настоящее тѣло устрояется естественнымъ путемъ рожденія; вслѣдствіе котораго оно и есть обременительное во многихъ отношеніяхъ жилище, этою самою тяготою своею возбуждающее желаніе освободиться отъ

него, чтобъ воспріять новое; будущее же тѣло будетъ жилище, зиждительною силою Божіею устрояемое, потому свободное отъ всего, отъ чего такъ тяжелымъ бываетъ настоящее тѣло. Вслѣдствіе сего храмина та—будущее тѣло—будетъ *вѣчно*; ибо будетъ составлено не изъ грубыхъ стихій, самымъ образомъ сочетанія своего предрекающихъ разрушеніе и разложеніе, а изъ элементовъ нетлѣнныхъ или изъ одной стихіи небесной. Съ такимъ тѣломъ уже нельзя жить на землѣ; приличное ему мѣсто есть небо: или землю надо будетъ превратить въ небо.—Словомъ: *на небесѣхъ* Апостолъ означилъ, гдѣ будетъ наше пребываніе съ будущимъ тѣломъ. Но само тѣло воспріимется на землѣ: ибо это есть воскресшее тѣло, а воскресеніе послѣдуетъ на землѣ. Въ другомъ мѣстѣ Апостолъ говоритъ, что достойные пребывать съ Господомъ по воскресеніи воспарятъ въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и не возвратятся уже оттуда на землю, а всегда съ Господомъ пребудутъ (1 Сол. 4, 17).

Апостолъ говоритъ, что когда разорится земная храмина тѣла, имѣемъ на небесахъ храмину Богозданную, вѣчную. Имѣемъ будто тотчасъ по совлеченіи этого бреннаго тѣла путемъ смерти; тогда какъ, по Божію устроенію, между тѣмъ и другимъ положенъ промежутокъ, который можетъ прекратиться каждое мгновеніе, но длится еще, и опредѣленнаго ему предѣла никто назначить не можетъ. Ждетъ Господь, пока всѣ могущіе спастись познаютъ Его и внидутъ въ стадо Его. Зачѣмъ же такъ сказалъ Апостолъ? Чтобъ изъ словъ его не дѣлать побочныхъ, несостоятельныхъ наведеній, надо имѣть въ мысли, что во вниманіи Апостола были только два момента—жизнь въ этомъ тѣлѣ тяжелая и обременительная, и жизнь въ будущемъ преславномъ тѣлѣ свѣтлая, небесная, желанная, которая несомнѣн-

но будетъ получена. Онъ хотѣлъ только сказать: сбросимъ это тѣло временное и получимъ то вѣчное, небесное. Что будетъ между этими моментами, того онъ не касается, это не входило въ его разсужденіе въ настоящемъ случаѣ.

Ст. 2. 3. *Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе; аще точію и облекшеся, не нази обрящемся.*

Вотъ причина, почему мы воздыхаемъ! Та, что желаемъ облещися въ небесное наше жилище, въ тѣло нетлѣнное и нерукотворенное. Знаемъ навѣрное, что оно есть, и что оно несравненно лучше настоящаго тѣла, или что оно-то и есть настоящее тѣло, какое надлежитъ намъ имѣть; потому и вожделѣваемъ его.— *Желающе*, ἐπιποθοῦντες, имѣя сильное, неудержимое желаніе. Почему и *воздыхаемъ* στενάζομεν,—воздыхаемъ со стенаніемъ. Силѣ желанія отвѣтствуетъ и воздыханіе. Св. Златоустъ говоритъ: „скажи мнѣ, въ какое жилище (желаемъ облещися)? Въ нетлѣнное тѣло. Отъ чего же нынѣ воздыхаемъ? Отъ того, что оное тѣло гораздо лучше. *Небеснымъ же*, τὸ ἐξ οὐρανοῦ, называетъ оное по причинѣ его нетлѣнія, а не потому, что будто оно съ неба низойдетъ на насъ; съ неба оно получитъ только животворную благодать (нетлѣнія), его оживляющую.“ „Не сказалъ: ἐνδύσασθαι—облещися, но ἐπενδύσασθαι—переоблещися, переодѣться, потому что не въ иное облечемся тѣло, но сіе тлѣнное облечется въ нетлѣніе“ (Ѳеод.). О какомъ воздыханіи говоритъ здѣсь Апостолъ?—О томъ, которое обще всѣмъ благочестивымъ христіанамъ, не въ угожденіи плоти живущимъ, а достойно имени своего идущимъ вслѣдъ Господа со крестомъ самоотверженія. Что будетъ другая жизнь, всѣ знаютъ; но желаніе ея не у всѣхъ, ибо не у всѣхъ полно самоотверженіе. Труды самоотверженія даютъ

дерзновеніе желать той жизни, а свидѣтельство совѣсти поддерживаетъ его удостовѣреніемъ, что срѣтятъ тамъ милость Божію. Всѣ такіе и желаютъ разрѣшиться и со Христомъ быти. Усиливается сіе желаніе до вожделѣнія со стенаніемъ отъ восчувствованной и постоянно чувствуемой тяготы тѣла, и особенно того, что часто имъ пользуется врагъ къ прельщенію и увлеченію на недолжное, или къ постановленію въ нежелаемое состояніе разслабленія, сонливости, утомленія, неподвижности. Или не то ли воздыханіе разумѣетъ св. Павелъ, которое слышится во всѣхъ людяхъ, о томъ, что мы изгнанники на землѣ, отечество же наше не здѣсь. Оттого у всѣхъ есть нѣкая туга, какъ-бы тоска по родинѣ. Внѣ христіанства эта тоска остается неопредѣленною, а въ христіанахъ получаетъ точный и опредѣленный смыслъ.

Аще точію и облекшеся не нази обрящемся. Если *не нази* разумѣть въ отношеніи къ тѣлу, т.-е. *не безъ тѣла обрящемся,* то въ этомъ стихѣ не будетъ никакой мысли. Ибо какой смыслъ сказать: если только и облекшись въ новое тѣло не безъ тѣла обрящемся? Еслибъ вмѣсто *облекшеся,* ενδυσάμενοι, стояло *совлекшеся,* εκδυσαμενοι, тогда была бы мысль такая: желаемъ облещись въ новое тѣло, а этого совлещись, т.-е. желаемъ совлещись его, но не такъ, чтобы совлекшись, оставаться безъ тѣла нагими. Такая мысль была и у св. Златоуста, вѣроятно по встрѣченному имъ чтенію — ἐκδυσαμενοι. Онъ говоритъ: „т.-е. хотя и сложимъ съ себя сіе тѣло, впрочемъ не безъ тѣла тамъ явимся, но съ симъ же тѣломъ, которое сдѣлается тогда нетлѣннымъ.“ Но чтеніе—εκδυσαμενοι, не оправдывается, и всѣми принято читать ἐνδυσαμενοι. Читая же: *облекшеся,* нельзя давать сему тексту другаго смысла, какъ тотъ, который даютъ ему наши толковники, т.-е. *не нази* отъ добрыхъ дѣлъ

и славы. Ибо подъ этимъ только условіемъ вожделѣнно облаченіе въ новое нетлѣнное тѣло, а безъ этого оно не только не благо, но есть начало крайняго злострадания; потому желательнымъ быть не можетъ. Апостолъ и говоритъ: воздыхаемъ въ желаніи облещись въ новое небесное тѣло, но конечно съ такимъ приложеніемъ: если только и облекшись въ него не обрящемся обнаженными отъ славы, благодати и благоволенія Божія.

Св. Златоустъ послѣ приведеннаго мнѣнія, продолжаетъ: „нѣкоторые же словамъ: *аще точію и облекшеся не нази обрящемся*, даютъ иной смыслъ, и весьма разсудительно; т.-е. чтобы вѣрующіе, въ надеждѣ на воскресеніе, не предались безпечности, Апостолъ сказалъ: *аще и облекшеся*, т.-е. въ нетлѣніе, и получивъ нетлѣнное тѣло, *не нази обрящемся* (не лишены будемъ) славы и вѣчнаго спасенія. Ибо хотя воскресеніе обще всѣмъ, но слава не для всѣхъ. Одни воскреснутъ въ честь, а другіе въ безчестіе; одни для царствія, а другіе для мученія.“ Тоже пишетъ и Ѳеодоритъ: „Хотя всякій человѣкъ облечется въ одежду нетлѣнія, однакоже не всѣ станутъ причастниками Божественной славы. Посему нагими называетъ лишенныхъ Божественной славы, къ которымъ и себя причисляетъ Апостолъ и Коринѳянъ и всѣхъ людей, научая симъ скромности.“

Этимъ выражается то, что имѣющіе быть осужденными по воскресеніи будутъ чувствовать себя находящимися въ обнаженной срамотѣ, подобно тѣмъ, кои бываютъ выставляемы на позоръ нагими предъ многочисленнымъ собраніемъ людей. Какъ это естественно, очевидно само собою. Говоря же о семъ, Апостолъ хотѣлъ предпослать внушеніе: потщитесь же не нагими обрѣстись въ день тотъ, столь вожделѣнный по себѣ. Это внушеніе и прямо выражаетъ онъ ниже: *потщимся благоугодными быть Господу* (ст. 9).

Ст. 4. *Ибо сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми: понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися, да пожерто будетъ мертвенное животомъ.*

Объясняетъ, въ какомъ смыслѣ желаемъ сбросить это тѣло, и по какому побужденію. Тяжело, говоритъ, это тѣло, много требуетъ о себѣ заботъ: накорми его, напой, одѣнь, дай покойное ложе, и это каждый день, а иное и на день подай ему нѣсколько разъ; такъ что цѣлый вѣкъ маешься будто изъ-за одного того, чтобъ ухаживать за тѣломъ. Между тѣмъ для жизни по духу оно не только помощи не подаетъ, а напротивъ служитъ первою къ тому помѣхою, до послѣдняго издыханія. Бываетъ, что всѣ враги смолкаютъ, а оно все тянетъ долу. Вотъ почему *сущіи въ тѣлѣ семъ*, мы и *воздыхаемъ*, воздыхаемъ *будучи* имъ *отягчаемы*.

Но не прими кто по этому ложной мысли, будто мы желаемъ избавиться отъ тѣла, чтобы совсѣмъ быть безъ тѣла. Нѣтъ; мы воздыхаемъ о свободѣ отъ такого тѣла, а не вообще отъ тѣла. Быть съ тѣломъ положено человѣку зиждительною премудростію по строю творенія; и безъ тѣла ему быть неестественно. Безъ него не можетъ онъ не чувствовать себя неполнымъ, оскудѣвающимъ, лишаемымъ, а потому не можетъ вкушать и полной радости бытія, даже при увѣренности, что оно есть благобытіе. Потому желая совлещись этого тѣла, мы не того хочемъ, чтобъ быть безъ тѣла, но того, чтобъ только переодѣться. (*Пооблещися*, επενδυσασθαι, переоблещися.) И именно какъ? *да пожерто будетъ мертвенное животомъ*. Вотъ чего желаемъ! Чтобъ изъ тѣла этого взята была мертвость: тлѣніе и страстность, а на мѣсто ихъ вселилась въ него жизнь нетлѣнная, чистая, пресвѣтлая, небесная; вошла бы въ него эта жизнь и поглотила ту мертвость, и совсѣмъ преобразила его. „Воздыхаемъ, не избавиться желая отъ тѣла, но имѣя же-

ланіе стать свободными отъ страстей его; ибо вожделѣваемъ не совлечься тѣла, но переоблещися въ нетлѣніе“ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „Не о томъ воздыхаемъ, говоритъ, чтобы освободиться отъ тѣла; ибо мы не желаемъ совсѣмъ сложить съ себя тѣла, но желаемъ только освободиться отъ тлѣнія, которое въ немъ находится. Потому и говоритъ, что мы хотимъ не совлечься тѣла, но только облечься въ безсмертное. Потомъ самъ же объясняетъ, какъ это возможно: *да пожерто будетъ мертвенное животомъ*. Для многихъ могло показаться тягостнымъ отложеніе тѣла, а онъ вопреки общему голосу говоритъ: мы воздыхаемъ потому, что желаемъ отъ него освободиться. Другой могъ сказать на это: если душа столько болѣзнуетъ и страдаетъ, разлучаясь съ тѣломъ, то какъ ты говоришь, что мы воздыхаемъ потому, что долго не можемъ освободиться отъ него? Предупреждая сіе возраженіе, онъ говоритъ: и я не говорю, что мы о томъ воздыхаемъ, какъ бы сложить съ себя тѣло: ибо никто безъ скорби не слагаетъ онаго; но воздыхаемъ о томъ, какъ бы облечь его въ нетлѣніе. Тяготимся мы тѣломъ, но не отъ того, что носимъ тѣло, а отъ того, что носимъ тѣло тлѣнное и страстное. Сіе и производитъ въ насъ скорбь. Но грядущая жизнь истребитъ и уничтожитъ тлѣніе,—тлѣніе, а не тѣло.“ „Какъ восходящій свѣтъ разсѣваетъ тьму, такъ негибнущая жизнь уничтожаетъ тлѣніе“ (Ѳеод.).

Ст. 5. *Сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ, Иже и даде намъ обрученіе Духа.*

Для такой нетлѣнной жизни, говоритъ, мы и первоначально были созданы, но пали и чрезъ грѣхъ подверглись тлѣнію. Господь и Спаситель уничтожилъ тлѣніе, поправъ смерть воскресеніемъ. Таинственно мы содѣлываемся причастниками сего воскресенія въ кре-

щеніи, слагая въ немъ ветхую жизнь и облекаясь въ новую. Но въ этомъ только залогъ, начало и основаніе къ будущему воскресенію въ славѣ, подобно воскресенію Господа. Здѣсь это дѣйствуется таинственно вѣрою и благодатію въ духѣ; а при общемъ воскресеніи мы самымъ дѣломъ облечемся въ нетлѣніе. А что это такъ будетъ, въ этомъ да удостовѣритъ всякаго присущая намъ благость Св. Духа. Онъ есть залогъ наслѣдія нетлѣнной жизни. Такъ благоволилъ устроить Богъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Грядущая жизнь уничтожитъ тлѣніе; а какъ это произойдетъ, о томъ не спрашивай. Богъ будетъ тутъ дѣйствовать. Не испытывай сего. Потому и присовокупилъ: *сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ*. Симъ онъ показываетъ, что это прежде было опредѣлено о насъ; ибо не нынѣ только Богъ открылъ намъ сіе, но въ началѣ еще, когда образовалъ насъ изъ земли и созидалъ Адама: ибо не съ тѣмъ созидалъ его, чтобы онъ умеръ, но чтобы содѣлать его безсмертнымъ. Потомъ, чтобы болѣе удостовѣрить въ семъ, присовокупилъ: *Иже и даде намъ обрученіе Духа*. Ибо какъ тогда на сей конецъ создалъ Онъ человѣка, такъ и теперь чрезъ крещеніе возсоздалъ его для тойже цѣли, и въ удостовѣреніе сего предоставилъ намъ немаловажный залогъ Святаго Духа. О семъ залогѣ и обрученіи часто упоминаетъ Апостолъ, какъ для того, дабы показать, что онъ всѣмъ одолженъ Ему, такъ и для того, чтобы и симъ убѣдить въ истинѣ своего ученія упорныхъ и ожесточенныхъ сердцемъ.“

γ).

Что дѣлать должно, чтобъ сподобиться будущей жизни славной?

6—10.

Для этого надо всячески постараться благоугодить Господу. Я сказалъ, говоритъ, что тяготимся жизнію въ тѣлѣ семъ и желаемъ сбросить его. Теперь укажу вамъ, почему это особенно тяжело,—потому что тѣло мѣшаетъ намъ видѣть Господа. Мы и рвемся изъ него, чтобы быть съ Господомъ. Но если такъ, то, пока мы живы, надобно намъ поревновать объ угожденіи Господу; ибо неугодившіе Ему не на радость себѣ срѣтятся съ Нимъ, а только за тѣмъ, чтобъ выслушать себѣ осудительный приговоръ.

Ст. 6. 7. 8. *Дерзающе убо всегда, и вѣдяще, яко живуще въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа: вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ: дерзаемъ же и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу.*

Дерзающе, и потомъ *дерзаемъ*, кажется, означаетъ здѣсь не что другое, какъ рѣшительность того душевнаго дѣйствія, которое выражаетъ слѣдующій за ними глаголъ. Такъ *дерзающе и вѣдяще* означаетъ вѣдѣніе рѣшительное, съ убѣжденіемъ не допускающимъ никакого сомнѣнія; *дерзаемъ и благоволимъ*, означаетъ рѣшительное, не допускающее никакого колебанія, желаніе. Экуменій такъ перифразируетъ сіи слова: *дерзающе и вѣдяще*, θαρροῦντως εἰδότες, дерзновенно вѣдая; а *дерзаемъ и благоволимъ*, θαρροῦντως εὐδοκοῦμεν, дерзновенно благоволимъ. Апостолъ потому говоритъ: несомнѣнно вѣдая, что живя въ тѣлѣ семъ отходимъ отъ

Господа, мы сильно желаемъ отъити отъ тѣла и внити ко Господу. Слова же: *вѣрою бо ходимъ, а не видѣніемъ,* составляютъ вносное положеніе, объясняющее опытомъ, что точно тѣло отдаляетъ насъ отъ Господа. Ѳеодоритъ такъ выражаетъ общую мысль сихъ текстовъ: „Апостолъ не то говоритъ, что мы отчуждены отъ Господа (или чужды Господу), будучи сопряжены еще съ этимъ смертнымъ тѣломъ, но что нынѣ не видимъ Его тѣлесными очами, а тогда и узримъ, и съ Нимъ будемъ. Ибо нынѣ, говоритъ, не видимъ самыхъ ожидаемыхъ вещей, а усматриваемъ ихъ только вѣрою. Посему-то самому и желаемъ *отъити отъ тѣла и внити ко Господу.*“

Говоря: „дерзновенно вѣдаемъ, что живя въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа,“ Апостолъ даетъ разумѣть, что такое вѣдѣніе требуетъ дерзновеннаго ума. Равно и словами: „дерзновенно благоволимъ отъити отъ тѣла и внити ко Господу,“ даетъ разумѣть, что такое желаніе благоволительное требуетъ мужественнаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, терпящимъ ради Господа гоненія, озлобленія и непрестанныя опасности смерти, сторонніе могли говорить: что такое вы дѣлаете? Терпите, а Того, за Кого терпите, не видите. И свои подобныя мысли могли приходить терпящимъ. Этимъ своимъ помысламъ и чужимъ рѣчамъ дерзновенная, вѣрою окрыленная, мысль могла смѣло отвѣтить: да, не видимъ; но тѣмъ не менѣе Онъ есть и близъ есть, только не видимъ, а ощущаемъ. Причиною, почему не видимъ, служитъ это тѣло наше. *Живуще въ тѣлѣ отходимъ отъ Господа. Живуще,* ενδημουντες, странствуя какъ на чужбинѣ. „Странники мы въ немъ и пришельцы“ (Экум.). „Не сказалъ: сущіи, οντες, въ тѣлѣ, а ενδημουντες, потому что мы находимся въ немъ, какъ странники въ гостинницѣ“ (св. Злат.). Въ тѣлѣ странствуемъ, какъ на

чужбинѣ; отечество же наше, домъ нашъ тамъ, гдѣ Господь, или съ Господомъ. Такимъ образомъ, странствуя въ тѣлѣ, естественно отдѣлились мы отъ роднаго крова и отъ Самого Отца Господа. „Тѣло стало стѣною между нами и Господомъ“ (Экум.).

Итакъ что же,—не разломать ли эту стѣну насильственно и произвольно? Нѣтъ. Такой порядокъ установить угодно было Самому Господу, чтобъ мы сначала вѣрою пожили, и уже оказавшись вѣрными во всемъ Господу по вѣрѣ, вступили въ такой чинъ жизни, гдѣ будемъ ходить предъ Господомъ видѣніемъ, пребывать съ Нимъ лицемъ къ лицу. Нынѣ такой періодъ, что *мы вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ*. Ибо не такъ бываетъ, чтобъ мы, бывши сначала предъ Господомъ, переходили въ тѣло, какъ въ чужой домъ. Нѣтъ; мы раждаемся Богу единому вѣдомымъ путемъ, и уже въ тѣлѣ суще, сродняемся съ Господомъ посредствомъ возрожденія въ купѣли крещенія, по образу Его. Сроднившись такъ съ Нимъ, чувствуемъ, что тѣло отгораживаетъ насъ отъ Него; но должны пребывать въ тѣлѣ до времени опредѣленнаго Господомъ, чтобъ окрѣпнуть въ сей новой жизни, возрасти для другой и предъ Господомъ оказать свою вѣрность, когда Онъ въ сокровенности отъ насъ пребываетъ. Теперь вѣрою Его вѣдаемъ, вѣрою къ Нему приближаемся и руководимся пребывать въ духовномъ таинственномъ общеніи съ Нимъ. Выдержавъ себя какъ должно въ этотъ періодъ испытанія и воспитанія, подъ блюстительствомъ вѣры, вступимъ тогда въ другой, въ коемъ будемъ пребывать съ Господомъ лицемъ къ лицу.

При всемъ томъ однакожъ нельзя намъ равнодушно относиться къ той блаженной минутѣ, когда выйдемъ изъ тѣла и предстанемъ Господу. Эта минута превожде-

лѣнная. Почему „зная, что доставляетъ внитіе ко Господу, мы дерзновенно благоволимъ отъити отъ тѣла, или вседушно вожделѣваемъ этого“ (Экум.).—*Дерзаемъ же и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и внити ко Господу.* Дерзновенно благоволимъ, говоритъ, потому что такого рода благоволительное, охотное и радостное желаніе требуетъ мужественнаго духа. Жизнь въ тѣлѣ, и при сильномъ сознаніи ея неудобствъ, имѣетъ свои приманки привлекающія къ ней. Стать въ совершенное къ ней отчужденіе нельзя безъ перелома себя крутаго, а такой переломъ безъ дерзновенной рѣшимости состояться не можетъ. И далѣе постоянно держать себя въ такомъ настроеніи означаетъ воодушевленную мужествомъ душу. Почему и сказалъ Апостолъ: *дерзаемъ и благоволимъ*, т.-е. дерзновенно и мужественно вожделѣваемъ этого.—Читая исторію мучениковъ, не можемъ не видѣть оправданія ими словъ св. Павла. Они вожделѣвали отъити ко Господу, и вожделѣвали съ неудержимымъ стремленіемъ и мужествомъ.—Св. Златоустъ говоритъ на эти слова: „Видишь ли, какъ Апостолъ, умолчавъ о непріятныхъ именахъ *смерти и кончины*, замѣнилъ ихъ вожделѣннѣйшимъ наименованіемъ *—водворенія у Господа*; и напротивъ обошедъ наименованія жизни, кажущіяся пріятными, употребилъ непріятное, назвавъ здѣшнюю жизнь *удаленіемъ отъ Господа*. А это сдѣлалъ онъ для того, чтобы никто не только не услаждался настоящимъ, напротивъ еще обременялся бы онымъ; и чтобы никто, приближаясь къ смерти, не скорбѣлъ, но паче бы радовался, потому что переходитъ къ наслажденію лучшими благами.“

Ст. 9. *Тѣмже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти.*

„Но тамъ ли, здѣсь ли мы находимся, говоритъ, наше дѣло только заботиться о томъ, чтобы жить сообразно

съ Его волею. Ибо это главная обязанность наша, такъ что послѣ сего ты уже безъ сомнѣнія наслѣдникъ царствія небеснаго. Поелику же при всемъ желаніи внити ко Господу, легко можно уклониться отъ преднамѣреваемаго пути, то Апостолъ указываетъ и то, что всего нужнѣе на семъ пути. Что же это такое? То, чтобы благоугождать Господу: ибо не просто отойти отсюда хорошо, но отойти, благоугодивши Богу; чрезъ сіе послѣднее хорошо будетъ и первое. Равно какъ не просто *жить здѣсь* тяжко; но тяжко жить, оскорбляя Бога. Итакъ не думай, что для вѣчной жизни достаточно одного отъитія отъ тѣла. Вездѣ нужна добродѣтель. Посему, какъ разсуждая о воскресеніи тѣлъ, онъ не далъ успокоиться на одной извѣстности онаго, сказавъ, — *аще и облекшеся не нази обрящемся:* такъ равно говоря и объ отъитіи отъ тѣла, дабы ты не подумалъ, что сего одного достаточно тебѣ для спасенія, присовокупилъ, что надобно еще сдѣлаться благоугоднымъ Богу“ (св. Злат.).

Ст. 10. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.*

„Возбудивъ ревность Коринѳянъ многоразличными благами, Апостолъ не забылъ побудить ихъ и страхомъ угрожающихъ золъ. Ибо блаженство наше состоитъ какъ въ стяжаніи благъ, такъ и въ избѣжаніи золъ, т.-е. въ стяжаніи царства небеснаго, и въ избѣжаніи геенны. Но страхъ мученій сильнѣе дѣйствуетъ на насъ. Ибо быть наказанными отчужденіемъ отъ наслѣдія вѣчныхъ благъ иные, можетъ быть, и согласились бы; но терпѣть мученія едва ли кто согласится. Конечно первое надлежало бы почитать болѣе несноснымъ; но для многихъ, по причинѣ слабости ихъ и привязанности къ земному, послѣднее представляется несно-

снѣе.—Итакъ, поелику многихъ не столько возбуждаютъ обѣщанія благъ, сколько угрозы наказаній, то Апостолъ и почелъ необходимымъ здѣсь заключить рѣчь свою такъ: *всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ.* Но опять, устрашивъ и возбудивъ слушателя напоминаніемъ объ ономъ судѣ, онъ и здѣсь не оставилъ скорби безъ утѣшенія, но горькое растворилъ съ сладостнымъ, сказавъ: *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла.* Говоря сіе, исправныхъ и благочестивыхъ, а между тѣмъ гонимыхъ, онъ укрѣпляетъ надеждами; а неисправныхъ и нерадивыхъ возбуждаетъ страхомъ къ исправленію, и вмѣстѣ подтверждаетъ свое ученіе о воскресеніи тѣлъ. Ибо, говоритъ, тѣло, которое служило добродѣтели или пороку, не будетъ исключено отъ участія и въ воздаяніяхъ; но вмѣстѣ съ душами однѣ (тѣла) будутъ преданы мученіямъ, а другія увѣнчаются наградами“ (св. Злат.).

в).

Какъ идетъ проповѣдь Евангелія

5, 11—7, 1.

аа) Богъ во Христѣ міръ примирилъ Себѣ и далъ намъ слово примиренія; мы и ходимъ, всѣхъ убѣждая примириться съ Богомъ. И вамъ тоже говоримъ, прилагая совѣтъ: смотрите, не пропустите благопріятнаго спасенію времени, — 5, 11 — 6, 2. бб) Мы свое дѣло дѣлаемъ, всячески заботясь не быть никому претыканіемъ, а напротивъ всѣмъ способствовать обращенію къ вѣрѣ,—6, 3—10. вв) Позаботьтесь дѣлать и вы свое,—оставя всякое нечестіе и беззаконіе, прилѣпитесь къ Богу, да будете Божіими,—6, 11—7, 1.

аа).

Богъ во Христѣ міръ примирилъ Себѣ: въ этомъ α) *существо* Новаго Завѣта, 5, 11—18. И учредилъ провозгласителей о семъ примиреніи и пригласителей къ нему: въ этомъ β) *Апостольство*, необходимое учрежденіе въ домостроительствѣ спасенія, 5, 19—6, 2.

α).

Существо новаго завѣта

5, 11—18.

Мы падшіе осуждены на смерть. Сынъ Божій воплотившись умеръ за всѣхъ, и спасъ насъ, удовлетворивъ правдѣ Божіей, и вложивъ въ насъ новую жизнь,—5, 14—18.—На переходѣ къ изложенію этого предмета, отъ предыдущаго слова о судѣ всеобщемъ, Апостолъ коротко указываетъ на искренность свою въ дѣлѣ проповѣди,—5, 11—13.

Ст. 11. *Вѣдуще убо страхъ Господень, человѣки увѣщаваемъ, Богови же явлени есмы: уповаемъ же, яко и въ совѣстехъ вашихъ явлени есмы.*

Какъ отсвѣтъ какой, снесъ св. Апостолъ отъ созерцанія будущей жизни, суда и воздаянія по дѣламъ — отрезвляющій страхъ. Намъ вѣдомъ, говоритъ, страхъ Господень, и имъ проникнуты бывъ, увѣщаваемъ людей, какъ имѣющіе дать отчетъ Богу во всякомъ словѣ и дѣлѣ. Мы такъ предлагаемъ слово увѣщанія, какъ сознающіе, что насъ видитъ Богъ. Здѣсь тоже выражаетъ Апостолъ, что прежде: *предъ Богомъ во Христѣ глаголемъ* (2, 17). Богъ видитъ, говоритъ, что въ словѣ нашемъ нѣтъ ни лжи, ни лукавства, ни лести. Мы увѣрены, что и вы не иначе понимаете насъ: ибо мы не

внѣшно знаемы вамъ, а вѣдомы очевидно самой совѣсти вашей.

Вѣдуще страхъ, не умомъ представляя, но нося его въ сердцѣ своемъ. *Человѣки увѣщаваемъ*, πειθομεν,—убѣждаемъ. Въ чемъ?—Въ чемъ посланы убѣждать,—чтобъ вѣровали, освящались таинствами, и принимали чрезъ нихъ благодатную силу къ жизни по заповѣдямъ Божіимъ, чтобъ въ пришествіе Господне явиться чистыми и непорочными. Это обнимаетъ все содержаніе Апостольскихъ увѣщаній. Но часто они вынуждены были заниматься побочными возникавшими вопросами; особенно нерѣдко нужно было удостовѣрять вѣрующихъ въ неложности и искренности слова своего. Прокрадывались какія-либо недобрыя мысли объ Апостолахъ въ среду вѣрующихъ и разстроивали ихъ. Дѣйствіе вѣры въ душахъ ихъ чрезъ то сокращалось, или совсѣмъ прекращалось. Апостолы долгомъ своимъ считали разгонять такія мысли, чтобы дать просторъ дѣйствію вѣры. Наши толковники подъ словомъ: πειθομεν, въ настоящемъ мѣстѣ именно это и разумѣютъ. Ѳеофилактъ пишетъ: *Человѣки увѣщаваемъ*—стоитъ вмѣсто: врачуемъ соблазны. „Ибо хотя бы ты не дѣлалъ ничего худаго, но если, подавъ какой-либо поводъ къ подозрѣніямъ, и имѣя возможность разсѣять соблазнъ, не разсѣеваешь его, то подлежишь осужденію.“ Тоже Ѳеодоритъ говоритъ: „Мы стараемся исправить тѣхъ, которые имѣютъ о насъ ложныя мнѣнія и доставить о себѣ свѣдѣніе, каковы мы дѣйствительно.“ Такъ и св. Златоустъ: „Такимъ образомъ, говоритъ св. Апостолъ, зная сіе, т.-е. оный страшный судъ, мы дѣлаемъ все такъ, чтобы не подать вамъ никакого повода даже ложно подозрѣвать насъ въ неискренности нашего дѣйствованія. Видишь ли строгую точность въ исполненіи обязанностей, и заботливость души пекущейся о благѣ

другихъ. Ибо, говоритъ, мы подлежимъ осужденію не только тогда, когда бы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали что худое, но подвергаемся оному и тогда, когда, ничего худаго не сдѣлавши, бываемъ подозрѣваемы въ худомъ, и будучи властны удалить подозрѣніе, не заботимся о томъ.“

Богу же явлени есмы. „Богъ все знаетъ; Его нечего удостовѣрять намъ въ искренности своей“ (Экум.). Предъ Богомъ мы открыты; Онъ видитъ образъ нашего дѣйствованія; и не слѣдуетъ предлагать Ему какія-либо объясненія, какъ-бы пріявшему что соблазнительное на нашъ счетъ“ (Ѳеоф.). Цѣль Апостола въ этомъ словѣ не Божіе всевѣдѣніе и всевидѣніе представить, а сказать, что ихъ убѣжденіе во всевѣдѣніи Божіемъ не дозволяетъ имъ допустить въ себѣ что-либо неискреннее. Мы ходимъ, говоримъ и дѣйствуемъ съ сознаніемъ присутствія Божія, и это сознаніе хранитъ насъ чистыми во всемъ, подобно Пророку Давиду, который говоритъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8).

Уповаемъ же, ελπίζω, уповаю; будто ожидаетъ, а между тѣмъ выражаетъ полную свою увѣренность, и этою увѣренностію разгоняетъ всякое недоумѣніе, еслибъ оно таилось еще въ нихъ. Онъ говоритъ какъ-бы: „вы не имѣете нужды въ нашихъ удостовѣреніяхъ, въ точности зная нашу цѣль“ (Ѳеод.). „Каковы мы на дѣлѣ, такими вы и знаете насъ, и знаете точно, въ чистой и ясной совѣсти“ (Экум.). „Вы хорошо знаете все наше; мы открыты предъ вами; и намъ не предлежитъ разгонять ваши соблазны и подозрѣнія“ (Ѳеоф.). Такъ говоритъ Апостолъ про большинство ихъ, про тѣло церкви Коринѳской; а что были тамъ и нѣкоторые недобромыслы, объ этомъ говоритъ Апостолъ въ послѣдней части посланія.

Ст. 12. *Не паки бо себе хвалимъ предъ вами, но вину*

даемъ вамъ похваленію о насъ, да имате къ хвалящимся въ лице, а не въ сердцы.

Не паки себе хвалимъ, συνιστανομεν, представляемъ, рекомендуемъ вамъ себя самихъ. Въ этомъ никакой не настоитъ надобности; потому что мы вамъ вполнѣ извѣстны. Но говоримъ такъ, выясняемъ все дѣло, открываемъ предъ вами свои чувства и настроеніе нашего духа съ тою цѣлію, чтобъ дать вину къ похваленію о насъ, чтобъ вы зная все, какъ мы дѣйствуемъ, не краснѣли изъ-за учителей, а напротивъ могли хвалиться нами, когда потребуетъ того нужда. Не та мысль Апостола, чтобъ они хвалили ихъ безъ всякой нужды, но чтобъ имѣли наготовѣ твердыя основанія къ отпору нареканій на нихъ со стороны недоброжелателей, и тѣмъ, какъ истину защищали, такъ и свою совѣсть обезопашивали; ибо очень много значитъ хранить ничѣмъ неколеблемое убѣжденіе въ высокомъ и неприкосновенномъ достоинствѣ преподавшихъ ученіе Господне. Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, какъ онъ всегда предупреждаетъ подозрѣніе въ мнимомъ самохвальствѣ; ибо ничто такъ не оскорбляетъ слуха слушателей, какъ разсказъ чего-либо великаго и необычайнаго о себѣ самомъ. Но какъ онъ вынужденъ былъ сказать о себѣ нѣчто такое, то и поправляетъ себя, говоря: мы сіе дѣлаемъ для васъ, а не для себя, чтобы вы имѣли чѣмъ хвалиться, а не мы; но и вы хвалились бы не безъ причины, но по причинѣ лжеапостоловъ. Не для того, говоритъ, говоримъ сіе, чтобы насъ хвалили, но для того, чтобы вы могли свободно говорить за насъ, и не для того, чтобы вамъ хвалиться только нами, но чтобы васъ не обманывали болѣе.“

Такое пониманіе мысли Апостола вполнѣ оправдывается слѣдующими словами: *да имате къ хвалящимся въ лице, а не въ сердцы.*

Да имате, что же имате? „Чѣмъ похвалиться“ (св. Злат.), „что отвѣтить и что сказать въ защиту насъ“ (Экум.), „чтобъ вы научились, какъ вамъ надлежитъ защищать учителя и обличать лживыя рѣчи противниковъ, которые носятъ на себѣ двойную личину, иное думаютъ, а иное говорятъ“ (Ѳеод.). *Къ хвалящимся въ лице, а не въ сердцы.* Чтобъ имѣли вы что сказать предъ этими, хвалящимися наружною представительностію, а въ сердцѣ не имѣющими тѣхъ добродѣтелей, какія являютъ напоказъ. На видъ они показывали и ревность Божію, и любовь къ Коринѳянамъ и будто самоотверженіе; на дѣлѣ же, въ душѣ, все это не было таково, какъ являлось. Св. Златоустъ говоритъ: „*да имате,* чѣмъ похвалиться *къ хвалящимся въ лице.* И сіе также не просто и не безъ всякой нужды заповѣдуетъ имъ дѣлать, но когда лжеапостолы будутъ превозноситься. Онъ говоритъ и сіе не для своей славы, но чтобы заградить уста лжеучителямъ, ко вреду Коринѳянъ хвалящимся своими дѣлами, *хвалящимся въ лице,* т.-е. наружными дѣлами, совершаемыми напоказъ. А лжеапостолы были дѣйствительно таковы, и все дѣлали изъ любочестія; и будучи пусты въ душѣ, хотя имѣли видъ благочестія и казались достойными почтенія, но были чужды добрыхъ дѣлъ.“

Ст. 13. *Аще бо изумихомся, Богови; аще ли цѣломудрствуемъ, вамъ.*

Изумленіемъ, называетъ Апостолъ то, что говорилъ о себѣ великое, что въ другихъ мѣстахъ называетъ *безуміемъ* (св. Злат.); а *цѣломудріемъ* смиренную о себѣ рѣчь (Ѳеод.). Эти понятія у всѣхъ толковниковъ одинаковы; но въ какомъ отношеніи первое *Богови,* а второе *вамъ,* понимаютъ разно; отъ чего произошли разные перифразы этого текста. И св. Златоустъ приводитъ ихъ до трехъ, не давая видѣть, какой изъ нихъ пред-

почесть должно. Изъ этого видно, какъ трудно указать опредѣленную мысль этого мѣста.

Аще изумихомся, если кажусь кому вышедшимъ изъ себя, не знать что говорящимъ, потому что говорю объ особомъ меня избраніи, о бывшихъ мнѣ откровеніяхъ, о знаменіяхъ Божіихъ, мною совершенныхъ, и о другомъ подобномъ; то, вѣдь, говоря объ этомъ, я ничего себѣ не приписываю, а все отношу къ Богу; не себя, а Бога прославляю: ибо всѣмъ всюду возвѣщаю, что *благодатію Божіею есмь, еже есмь*, и что хотя я больше всѣхъ потрудился, но не я тутъ былъ дѣйствующимъ, а благодать. Такъ, *аще изумихомся, Богови*. Можно бы укорить меня, зачѣмъ говорю и въ этомъ смыслѣ: пусть бы сами узнали, кому нужно, стороною, а не изъ твоихъ устъ. Но я не могъ молчать; надлежитъ говорить всѣмъ, что я Божій посолъ, и указывать признаки того, для того, чтобы, видя мое уничиженіе, не уничижилъ и не презрѣлъ кто и проповѣди моей, не отвергъ ее и не погибъ (св. Злат.). Вотъ почему, хоть и знаю я, что безумствую, изъ себя будто выхожу, говоря такъ о себѣ, говорю однакожъ, потому что отъ этого славится Богъ и словомъ моимъ, и спасеніемъ другихъ. Пусть считаютъ меня за это безумнымъ, съ радостію переношу это ради Бога. „Если кто считаетъ насъ за это безумными, тотъ пусть знаетъ, что мы для Бога такъ безумствуемъ“ (св. Злат.).

Аще ли цѣломудрствуемъ, вамъ. „Если же говоримъ что смиренно и съ уничиженіемъ, сіе дѣлаемъ для васъ, дабы вы научились смиренномудрствовать; или такъ: если кто считаетъ насъ смиренномудрыми, тотъ и самъ да научится отъ насъ смиренномудрію“ (св. Злат.). „И то и другое дѣлаю, говоритъ, съ правою мыслію“ (Ѳеод.).

Ст. 14. *Ибо любы Божія обдержитъ насъ суждшихъ сіе: яко аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша.*

Переходитъ къ слову о существѣ новаго завѣта благодати. Можно поставлять сію рѣчь въ связь съ предыдущею, такъ: хотя и не ясна опредѣленная мысль Апостола въ предыдущемъ текстѣ, нельзя однакожъ не видѣть, что онъ хотѣлъ выразить свою постоянную ревность о томъ, чтобы все дѣлать во славу Божію и спасеніе людей. Что воодушевляло его на это? Любовь. Блаженный Ѳеофилактъ и слово: *изумихомся*, въ изступленіе пришли, толкуетъ такъ, что Апостолъ былъ въ изступленіи отъ крѣпкой любви къ Богу; она заставляла его забывать себя, такъ что онъ мѣры не зналъ въ порывахъ самоотверженія. А эта любовь чѣмъ питалась? Созерцаніемъ смерти Христа Спасителя за всѣхъ людей. При мысли объ этомъ, говоритъ, любовь Божія объемлетъ душу мою, я вхожу въ чувство любви Божіей, загараюсь и самъ также любовію. Но въ дальнѣйшемъ толкованіи словъ Апостола, лучше ихъ не поставлять въ соотношеніе съ предыдущею рѣчью: потому что этимъ можно стѣснить возвышенное ученіе его о существѣ Завѣта благодати. Предыдущее лучше признать только поводомъ или переходомъ къ изложенію сего ученія.

Любы Божія, του Χριστου, любовь Христова, любовь, которую явилъ Христосъ Господь, благоволивъ умереть за всѣхъ, ибо умеръ по единой любви. Но какъ въ словѣ: любовь Божія, разумѣется нерѣдко Божеская любовь, или Богоподобная, такъ и въ выраженіи *любовь Христова* слышится любовь Христоподобная. Къ этому приводитъ и глаголъ *обдержитъ*, συνεχει, схватываетъ, объемлетъ. Чтобы любовь Христова схватила и обняла насъ, необходимо воспріять ее въ чувство. Прими кто всею полнотою сердца любовь Христову, не можетъ онъ не загорѣться такою же любовію, и она будетъ совмѣщать и теплое чувство благодаренія къ Благо-

дѣтелю толикому, и самоотверженную ради Его готовность на все, паче же на дѣланіе всякаго добра всѣмъ, и потому, что это паче всего угодно Христу Господу и по чувству братства съ ними во Христѣ. Такимъ образомъ любовь Христова, если обдержитъ кого, неотложно есть и Христоподобная.

Любовь сія обдержитъ насъ, *суждшихъ сіе*, обсудившихъ, взвѣсившихъ, умомъ обнявшихъ, сколько это возможно. Нельзя возгорѣться любовію Христовою, не сознавши ея, не вообразивъ всей ея необъятности и величія. Созерцаніе любви Христовой, отражаясь въ сердцѣ, зажигаетъ и его любовію. Размышленіе о сей любви и всегда этотъ плодъ приноситъ. Сужденіе здѣсь не значитъ постиженіе, а сознаніе непостижимаго величія любви Христовой, и съ той особенно стороны, на какую указываетъ здѣсь Апостолъ, именно ради смерти Христовой за всѣхъ, отъявшей силу смерти всѣхъ. „Ибо какой еще больше любви, какъ умереть за всю вселенную, лежащую во злѣ?“ говоритъ св. Златоустъ. Блаженный же Ѳеодоритъ пишетъ: „Пламенѣемъ, говоритъ Апостолъ, любовію ко Христу, разсуждая, что когда мы подлежали смерти, Онъ одинъ за насъ пріялъ смерть, чтобы всѣмъ намъ пріобрѣтена была жизнь.“

Аще единъ за всѣхъ умре, убо вси умроша. Сила слова: одинъ за всѣхъ умеръ, значитъ всѣ умерли. Иначе нельзя было бы говорить, что за всѣхъ умеръ. Смерть Его одного совмѣщала смерть всѣхъ. Въ Его смерти всѣ умерли. Еслибы было не такъ, „еслибы не всѣ въ Немъ умерли, то и Христосъ не за всѣхъ бы умеръ“ (св. Злат.). Въ какомъ это смыслѣ, Апостолъ здѣсь не разъясняетъ. Въ посланіи къ Евреямъ говоритъ онъ, что Господь Іисусъ Христосъ *благодатію Божіею за всѣхъ вкусилъ смерть* (Евр. 2, 9); а въ посланіи къ

Тимоѳею разъясняетъ, что эта *благодать* намъ опредѣлена *отъ лѣтъ вѣчныхъ*, и что Господь, вкусившій смерти, *разрушилъ смерть* (2 Тим. 1, 10). Буквально понимая эти слова: *разрушилъ смерть*, всѣ *въ Немъ умерли*, надо бы ожидать, что, послѣ смерти Господа никому не слѣдовало бы умирать. Поелику же всѣ умираютъ, слово же Божіе неложно; то надо положить, что есть смыслъ, по которому и смерть разрушена смертію Христовою и всѣ уже умерли въ Немъ, а между тѣмъ всѣ должны еще умирать, какъ умираютъ. Это ведетъ насъ къ краткому очертанію тайны всего домостроительства спасенія.

Богъ смерти не сотвори; она вошла въ міръ чрезъ грѣхъ. Богъ сказалъ прародителямъ, что если преступятъ заповѣдь, то умрутъ. Преступили, и умерли. Смерть тотчасъ вступила въ силу. Что душевно умерли, тогда же обнаружилось въ ихъ покушеніи спрятаться отъ Бога и въ прикрываніи грѣха и сваливаніи его однимъ на другаго. Что тѣлесно не умерли тотчасъ, то это вслѣдствіе отъ лѣтъ вѣчныхъ опредѣленной намъ благодати. Сія благодать вошла въ планы міробытія. Ангелы пали, и оставлены въ паденіи, по крайнему упорству ихъ во злѣ и Богопротивленіи. Если бы всѣ они пали, выпало бы звено это изъ цѣпи творенія и система міробытія разстроилась бы. Но какъ не всѣ пали, а часть, то звено ихъ осталось и гармонія міра пребывала нерушимою. Человѣкъ созданъ одинъ съ женою, чтобъ народить все количество лицъ, имѣвшихъ составлять человѣческое звено въ системѣ міробытія. Когда онъ палъ, звено это выпало, и міръ терялъ свой строй. Какъ звено это необходимо въ строѣ міра, то надлежало или предавъ смерти, какъ опредѣлено, падшихъ, создать новыхъ родоначальниковъ, или этимъ доставить надежный способъ возстановленія въ первый

чинъ. Поелику паденіе совершилось не вслѣдствіе, скажемъ такъ, неудачности перваго творенія, а потому что тварная свобода, особенно же свобода духа, физически соединеннаго съ тѣломъ, совмѣщала въ себѣ возможность паденія; то начавъ повторять твореніе, пришлось бы, можетъ быть, повторять его безъ конца. Посему премудрость Божія, безпредѣльною благостію водимая, судила паче устроить падшимъ способъ возстанія.

Въ устроеніи сего способа первое мѣсто должно было занять исполненіе приговора вѣчной правды: *смертію умрещи;* надлежало привзойти смерти равносильной смерти всѣхъ людей, чтобы въ силу ея всѣ считались уже умершими, или уплатившими долгъ смерти, и чрезъ то получали право и оживали надеждою на жизнь. Для сего Сынъ Божій и Богъ имѣлъ принять на Себя естество человѣческое, со всѣми немощами кромѣ грѣха, и умереть имъ. Смерть сія, какъ смерть Бога во плоти, должна была имѣть безпредѣльную цѣну и всеобъятность, и, какъ смерть невинная, могла быть вмѣняема другимъ подъ довлѣтельными условіями. Въ семъ благодать, отъ лѣтъ вѣчныхъ намъ опредѣленная. Опредѣленіе сіе вошло въ планы міробытія и, гдѣ нужно, являлось дѣйствующимъ въ промыслительной силѣ; но исполненію его въ дѣйствительности назначено свое время. На половинѣ шестой тысячи лѣтъ отъ паденія, пришелъ Сынъ Божій, воплотился и умеръ на крестѣ. Богъ умеръ естествомъ человѣческимъ, и въ единой этой смерти дѣйствительно совмѣстилъ смерти всѣхъ людей. Одинъ умеръ—всѣ умерли. Созерцая это, Апостолъ и воззвалъ: *любовь* Христова *обдержитъ насъ суждшихъ сіе.*

Но если всѣ умерли, то смерть уничтожена? Такъ сіе и есть: Богъ, умерши естествомъ человѣческимъ, разрушилъ смерть (2 Тим. 1, 10): ибо въ третій день воскресъ въ прославленномъ человѣчествѣ, и съ того

момента пребываетъ въ семъ воскресеніи. Человѣчество уже вкусило славы и величія воскресенія. Если, когда одинъ умеръ, всѣ умерли; то и когда одинъ воскресъ, всѣ воскресли. Сила воскресенія Христова дѣйствительно такова, что въ немъ лежитъ основаніе воскресенія всѣхъ. Сія сила не вмѣненіемъ переходитъ на каждаго, а самымъ дѣломъ вкушена будетъ каждымъ; каждый лично вкуситъ сей силы и воскреснетъ. Но на это опредѣлено свое время. Какъ было свое время для явленія во плоти Сына Божія, чтобъ умереть въ ней и воскреснуть: такъ свое время опредѣлено, и когда всѣ вкусятъ воскресенія. Когда сіе совершится, тогда сбудется написанное: гдѣ ти, смерте, жало? Пожерта смерть побѣдою.

Но чтобы воскреснуть, надо умереть; чтобы умереть, надо родиться насмертникомъ. Такъ и положено, чтобъ прародители не тотчасъ по паденіи умерли, а остались жить на время, какъ насмертники, чтобъ и раждать насмертниковъ. Отсюда, въ порядокъ міробытія вошелъ періодъ смертности и тлѣнія, какъ путь къ нетлѣнной и безсмертной жизни. Раждаются люди насмертниками каждый особо, но воскреснуть въ нетлѣніи положено всѣмъ людямъ вмѣстѣ, чтобы всѣ вдругъ явились въ предопредѣленной имъ славности. Ангелы сотворены всѣ вмѣстѣ: люди же явятся въ подобномъ имъ чинѣ всѣ вмѣстѣ уже по воскресеніи. Поелику люди не всѣ вдругъ являются на свѣтъ, а раждаются, какъ кому опредѣляетъ всеправящая премудрость Божія; то каждый, умирая, какъ насмертникъ, долженъ ждать общаго воскресенія. Отсюда для каждаго неизбѣженъ періодъ существованія въ разлученіи съ тѣломъ въ чаяніи воскресенія. Если посмотримъ со внѣ, увидимъ на землѣ царствующими смерть и тлѣніе; если пройдемъ мыслію въ сокровенности бытія, увидимъ души чело-

вѣческія, въ несмѣтномъ числѣ, живущія, какъ имъ опредѣлилъ Богъ, въ чаяніи соединенія съ воскресшими тѣлами нетлѣнными. Онѣ воздыхаютъ, въ жилище небесное облещися желающе. Это не полная человѣческая жизнь. Живя въ тѣлѣ, мы не можемъ понять, въ чемъ состоитъ собственно оскудѣніе или умаленіе жизни безъ тѣла; но оно должно быть и есть, какъ открыто было Апостолу, который и сказалъ выше: *не хощемъ совлещися, но пооблещися.* Скорбность этого лишенія поглощается любовію: ибо всѣ знаютъ, что такой образъ бытія и учрежденъ и длится для того, чтобъ народились всѣ имѣющіе быть причастниками воскресенія въ нетлѣніи. Законъ самоотверженія проникаетъ всѣ степени человѣческаго существованія. Хотя впрочемъ только ждется еще воскресеніе, но оно столько несомнѣнно, что какъ-бы уже совершилось. Всѣ упованіемъ такъ причащаются воскресенія, какъ-бы уже воскресли. Пусть его еще нѣтъ; но оно уже наше.

Вотъ какъ и умерли всѣ во Христѣ и все еще умираютъ; и воскресли въ Немъ, и пребываютъ не воскрешенными еще. Остается еще увидѣть, зачѣмъ эта временная жизнь? Затѣмъ, чтобъ въ это короткое время оживать духомъ. Прародители, падши, умерли духовно. Это видно изъ того, что думали спрятаться отъ Бога по паденіи, и что вину прегрѣшенія сваливали одинъ на другаго. Строгій приговоръ правды поразилъ ихъ; но обѣтованіе Избавителя оживило духъ ихъ. Оттого по изгнаніи плакали и сокрушались; но не были поглощаемы нечаяніемъ. Надежда избавленія оживляла и воскрешала духъ ихъ. Сіе оживленіе духомъ они воспріяли, бывъ мертвы и духовно и тѣлесно. Но оживши надеждою избавленія въ духѣ, они тѣмъ самымъ привлекли на себя и силу всеобъятной смерти Избавителя и становились причастниками воскресенія въ нетлѣніи.

Они стали насмертниками, чтобъ въ свое время воспріять воскресеніе въ нетлѣніи. И это ради оживленія духомъ чрезъ обѣтованіе Избавителя. Какими стали теперь они, такими раждались отъ нихъ и всѣ люди: раждались насмертниками тѣлесно и мертвыми духовно, съ тѣмъ, чтобы, ожившіи духомъ подобно имъ, имѣть надежду воскресенія въ нетлѣніи, несмотря на смерть. Все дѣло жизни сей, стало-быть, есть оживленіе духомъ въ порядкѣ обѣтованнаго избавленія. Св. Павелъ изображаетъ сіе такъ:

Ст. 15. *Христосъ же за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему.*

Оживленіе духомъ въ порядкѣ обѣтованнаго избавленія, какъ цѣль жизни, въ сущности одинаково, но по формѣ не одинаково проявлялось: иначе оно дѣйствовалось до закона, иначе въ законѣ, иначе начало дѣйствовать въ благодати. Апостолъ говоритъ о послѣднемъ. Единый уже умеръ за всѣхъ и воскресъ. И всѣ въ Немъ умерли и воскресли; но и то и другое въ порядкѣ домостроительства, по которому и умереть имъ надлежитъ въ свое время и потомъ ждать имѣющаго въ свое время быть воскресенія въ нетлѣніи. Вслѣдствіе чего они живутъ еще въ обыкновенномъ порядкѣ жизни. Спрашивается, какъ имъ предлежитъ жить?—Живущимъ предлежитъ теперь не себѣ жить, но умершему за нихъ и воскресшему. Въ этомъ цѣль жизни, въ этомъ оживленіе духомъ, изначала ставшее цѣлію жизни.—Апостолъ разумѣетъ не вѣрующихъ только, но всѣхъ людей живущихъ, во всякое время. Всѣ должны для Господа единаго жить. Если не живутъ, ихъ вина. Въ какой мѣрѣ извиняетъ кого невѣдѣніе, Богъ разсудитъ; но то законъ неотложный, что послѣ того, какъ Господь умеръ за всѣхъ и воскресъ, всѣ должны жить для Него. Въ этомъ норма жизни человѣчества.

То, что эту жизнь временную имѣемъ со способами оживленія духомъ, оттого имѣемъ, что Господь умеръ за всѣхъ; и то, что по смерти, пребывая въ разлученіи съ тѣломъ, будемъ жить надеждою воскресенія въ нетлѣнномъ тѣлѣ, оттого будетъ такъ, что Онъ воскресъ естествомъ нашимъ. Если такимъ образомъ все существенное въ нашей жизни отъ Него есть, то законъ правды велитъ не ктому себѣ жить, но Ему единому. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ сказалъ, что мы должны жить не для себя самихъ, и представляетъ очевидную на то причину, почему такъ должно поступать: т.-е. если мы живемъ Умершимъ за насъ, то должны и жить для Того, Которымъ живемъ. И хотя сказанное имъ содержитъ повидимому одну причину, но если тщательно разсмотрѣть, то найдемъ слѣдующія двѣ: первую ту, что мы живемъ только Господомъ; другую ту, что Онъ умеръ за насъ. И каждая изъ нихъ, отдѣльно взятая, достаточна для того, чтобы содѣлать насъ покорными Ему. Сколько же мы должны быть обязаны Ему, когда соединимъ обѣ вмѣстѣ? Но еще и третья причина скрывается въ его словахъ, именно та, что для тебя Господь воскресилъ и вознесъ на небо начатокъ нашего естества; посему и прибавилъ: *умершему* за насъ *и воскресшему*.“

Что требуется обязательствомъ жить не для себя, Господь опредѣлилъ такъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ*. Что требуется обязательствомъ жить для Господа, о томъ сказалъ Господь: *любяй Мя, заповѣди Моя соблюдаетъ*. Блаж. Ѳеодоритъ и пишетъ: „Мы признаемъ справедливымъ жить для Него и вести жизнь по Его заповѣдямъ; потому что къ сему обязываетъ долгъ нашъ предъ Нимъ.“

Но такія требованія очевидно выполнимы только

для познавшихъ Господа, увѣровавшихъ въ Него и прилѣпившихся къ Нему вседушно. Посему хотя Апостолъ сказалъ, что всѣ живущіе обязаны жить не для себя, а для Господа,—выразился такъ по идеѣ; но въ намѣреніи имѣлъ остановить на этомъ особенно пунктѣ вниманіе вѣрующихъ, тѣхъ къ кому писалъ, а за ними и всѣхъ. Ибо если всѣ люди къ этому обязаны, то тѣмъ болѣе обязаны вѣрующіе; потому что они, принявъ обязательства, получили и силы къ исполненію ихъ въ благодати Св. Духа. Вѣрующіе въ Господа, приступая къ Нему, отвергаются нечестія и мірскихъ похотей, первоначально въ намѣреніи, желаніи и рѣшимости воли; но когда въ купѣли крещенія возраждаются они къ новой жизни, то получаютъ благодатную силу, самымъ дѣломъ отрѣшающую ихъ отъ нечестія и похотей и устремляющую ихъ на жизнь цѣломудренную, праведную и благочестную. Такимъ образомъ жить не для себя, т.-е. не по эгоистическимъ стремленіямъ плоти, а для Господа, т.-е. по волѣ Его, святой, благоугодной и праведной, есть неотъемлемая принадлежность истинно вѣрующихъ христіанъ. Въ отношеніи къ нимъ слово Апостола значитъ: такъ это должно быть, и иначе быть не можетъ, когда вы таковы, какими вамъ слѣдуетъ быть.

Ст. 16. *Тѣмже и мы отнынѣ ни единаго вѣмы по плоти; аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ.*

Отнынѣ,—отъ какого это момента времени? Послѣ того, какъ Господь Спаситель умеръ за всѣхъ и воскресъ. Съ этого времени, говоритъ, *ни единаго вѣмы по плоти.* Кого же это *ни единаго?* Можетъ быть и ни единаго человѣка. Какъ выше подъ *живущими* можно разумѣть всѣхъ людей, такъ и здѣсь подъ *ни единаго* ни единаго человѣка. Апостолъ смотритъ на людей

по идеѣ, почерпнутой изъ домостроительства спасенія. Всѣхъ людей, говоритъ, понимаемъ мы теперь не какъ плоть и кровь: родился, жилъ и умеръ,—а какъ лица, предназначенныя воспріять въ себя начала божественной жизни, въ залогъ воскресенія и преславной жизни въ нетлѣніи. Въ этомъ смыслѣ бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „дознавъ, что смертью Владычнею уничтожена смерть, никого уже изъ людей не признаемъ смертнымъ; потому что, хотя и Самъ Владыка Христосъ имѣлъ подлежащее страданію тѣло, однакоже по страданіи содѣлалъ оное нетлѣннымъ и безсмертнымъ.“

Дѣло жизни о Христѣ Іисусѣ, или духовнаго въ Немъ оживленія человѣчества только началось при Апостолахъ; въ массу человѣчества положена только закваска и проникла лишь ближайшіе слои, но какъ она предназначена была проникнуть все, то св. Павелъ въ этомъ началѣ оживленія человѣчества могъ созерцать уже оживленнымъ и все его, какъ положившій закваску въ смѣсь муки можетъ видѣть всю уже ее вскиспею и разсуждать о томъ, что изъ того выйдетъ. Объ немъ онъ и говоритъ, вниманіемъ однакожъ упираясь, и подтвержденіе тому, что говоритъ о немъ, указывая въ увѣровавшихъ уже, отъ плоти отрѣшившихся и начавшихъ просіявать духовною жизнію чрезъ возрожденіе къ ней благодатію Св. Духа. Въ семъ смыслѣ говоритъ св. Златоустъ: „если всѣ воскресли, воскресли же банею пакибытія и обновленіемъ Духа Святаго; то Апостолъ справедливо говоритъ, что мы никого изъ вѣрующихъ не знаемъ по плоти. Ибо что до того, что они находятся еще во плоти? Но прежняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духомъ, и познали другое жительство, и пребываніе и жизнь, и устроеніе, именно, небесныя.“

Или такъ: никакія сторонніе уваженія не цѣнны

уже въ нашихъ глазахъ: ни происхожденіе, ни богатство, ни ученость, ни власть. Важно одно воспріятіе новой жизни о Христѣ Іисусѣ благодатію Св. Духа. Мѣра проявленія такой жизни опредѣляетъ значеніе и вѣсъ того или другаго лица, а не что либо плотское. Какъ ни будь кто виденъ по плоти, онъ ничто, если нѣтъ въ немъ жизни отъ Духа. Что есть кто по плоти, то для насъ будто не существуетъ; и смотрѣть на то не смотримъ; взоръ нашъ весь на то обращенъ, кто что есть во Христѣ Іисусѣ, не по плоти, а въ духѣ. Кто имѣетъ послѣднее, тотъ только для насъ и есть; его и знаемъ; прочихъ будто нѣтъ.

Аще же и разумѣхомъ по плоти Христа, но нынѣ ктому не разумѣемъ. Апостолъ беретъ лице или всѣхъ Апостоловъ, или всѣхъ вѣрующихъ, къ Господу прилѣплявшихся во время Его земнаго пребыванія, и говоритъ, что, когда обращался среди насъ Христосъ Господь, то смотря на Него, какъ Онъ являлся со всѣми немощами естества человѣческаго, мы разумѣли Его по плоти, судили о Немъ по видимости этой; и хотя высоко Его разумѣли, но все не такъ, какъ слѣдовало, не такъ, какъ разумѣемъ теперь, когда умы наши озарены свѣтомъ благодати Св. Духа. Теперь видимость та совсѣмъ исчезаетъ въ очахъ нашихъ; мы зримъ въ Немъ одно величіе воплощеннаго Бога, Возстановителя падшаго человѣка, возведшаго его въ лицѣ Своемъ до обоженія; созерцаемъ Его сѣдящимъ одесную Отца, одѣяннымъ славою нетлѣнія, и держащимъ въ рукахъ бразды всего міроправленія. Св. Златоустъ говоритъ: „по приложенію къ намъ, *по плоти* тоже значитъ, что быть въ грѣхахъ; а *не по плоти*, тоже, что не быть въ грѣхахъ. По приложенію же ко Христу, *по плоти*, не другое что означаетъ, какъ быть причастнымъ немощей человѣческаго естества, какъ-то:

жажды, алканія, утомленія, сна, кромѣ грѣха; а *не по плоти,* означаетъ то, что Онъ теперь уже освободился отъ тѣхъ немощей плоти, а не то, чтобы Онъ находился теперь безъ плоти. Ибо съ плотію, только уже непричастною страданіямъ и безсмертною, Онъ придетъ судить вселенную."

Ст. 17. *Тѣмже аще кто во Христѣ, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова.*

Здѣсь говорится уже прямо о вѣрующихъ. Всѣ, говоритъ, предназначены къ тому, чтобы не для себя жить, а для Господа, всѣ должны жить духовною жизнію; но дѣйствительно такими являются только тѣ, кои суть во Христѣ, т.-е. увѣровали въ Него и сочетавшись съ Нимъ въ купѣли крещенія начали жить новою жизнію, благодатію Св. Духа, въ нихъ возгрѣваемою. *Тѣмже аще кто во Христѣ, нова тварь.* „Кто, говоритъ, увѣровалъ въ Господа, тотъ сдѣлался новымъ созданіемъ: ибо таковый родился свыше чрезъ Духа. А потому, говоритъ, мы должны жить для Христа не только потому, что *нѣсмы свои* (1 Кор. 6, 19), или что Онъ умеръ за насъ, и воскресилъ начатокъ нашего естества, но и потому, что мы чрезъ Него перешли въ другую жизнь" (св. Злат.).

„Дабы болѣе объяснить сказанное и показать, какъ мы дѣлаемся новою тварію, онъ говоритъ: *древняя мимоидоша, се быша вся нова.* Что же такое древнее? Или грѣхи, и разные роды нечестія (язычество), или всѣ іудейскіе обряды; а лучше то и другое вмѣстѣ. *Се быша вся нова*" (св. Злат.). Преподается новый образъ воззрѣнія на все сущее и бывающее, вводятся новые порядки жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ; въ основу же всего кладется существенное обновленіе жизни въ самыхъ ея исходищахъ сокровенныхъ въ духѣ и сердцѣ; раждается потаенный сердца человѣкъ,

который и начинаетъ всѣмъ заправлять и въ душѣ, и въ тѣлѣ, и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Посмотрѣть—тотъ же будто человѣкъ, тѣже въ немъ силы духа, души и тѣла, но жизнь уже не та. Не земное это насажденіе, не земнымъ воздухомъ дышетъ, не земными стихіями питается. Почему горняя мудрствуетъ, а не земная, и животъ его сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ.

Св. Златоустъ подъ слѣдующимъ стихомъ возвращается къ этому предмету и говоритъ: „теперь у нихъ (у тѣхъ, кои во Христѣ) и душа новая, ибо очищена, и тѣло новое, и служеніе новое, и новыя обѣтованія, и завѣтъ, и жизнь, и трапеза, и одежда, и все вообще новое. Поелику вмѣсто земнаго Іерусалима, мы получили вышній престольный градъ, вмѣсто чувственнаго храма узрѣли храмъ духовный, вмѣсто каменныхъ скрижалей получили плотяныя, вмѣсто обрѣзанія—крещеніе, вмѣсто манны—Тѣло Господне, вмѣсто воды изъ камня—кровь изъ ребръ, вмѣсто жезла Моусеева или Ааронова—крестъ, вмѣсто обѣтованной земли—царство небесное. Представляя всѣ сіи и подобныя блага, Апостолъ и сказалъ: *вся нова*. И все это отъ Бога чрезъ Іисуса Христа, и Его благодатію.“

Ст. 18. *Всяческая же отъ Бога, примирившаго насъ Себѣ Іисусъ-Христомъ, и давшаго намъ служеніе примиренія.*

Все же это, всѣ исчисленныя блага, отъ Бога. Такъ благоволилъ Онъ устроить, такое судилъ Онъ учредить домостроительство нашему спасенію, такова благодать, отъ лѣтъ вѣчныхъ намъ опредѣленная. Всяческая отъ Бога, въ Троицѣ лицъ покланяемаго, спасающаго насъ *по прозрѣнію Бога Отца, во святыни Духа, въ послушаніи и кропленіи крове Іисусъ – Христовы* (1 Петр. 1, 2). Въ тайнѣ Пресвятыя Троицы поло-

жено было отъ вѣка второму лицу Пресвятыя Троицы, Богу Сыну, воплотиться въ свое время отъ Присно-Дѣвы, и умерши на крестѣ разодрать Имъ рукописаніе грѣхъ нашихъ, и удовлетворивъ тѣмъ вѣчной правдѣ Божіей, примирить насъ съ Богомъ; положено было также, чтобы къ примиреннымъ такимъ образомъ низошелъ Духъ Святый, третье лице Пресвятой Троицы, и оправданныхъ кропленіемъ крове Іисусъ-Христовы дѣлалъ праведными и святыми, обновляя ихъ внутреннюю жизнь благодатію Своею. Въ этомъ существо Новаго Завѣта благодати, или домостроительство спасенія во Христѣ Іисусѣ. Апостолъ выставляетъ здѣсь преимущественно только примиреніе во Христѣ Господѣ, умершемъ за всѣхъ, но тутъ же указываетъ Онъ и на благоволеніе Бога Отца, примирившаго Себѣ всѣхъ, и на благодать Духа, дѣйствовавшаго въ служеніи примиренія чрезъ Апостоловъ.

Св. Златоустъ говоритъ: *„всяческая же отъ Бога.* А отъ насъ ничего. Ибо и оставленіе грѣховъ, и усыновленіе, и нетлѣнная слава отъ Него намъ дарованы. Такимъ образомъ возбуждаетъ Коринѳянъ къ добродѣтели не только будущими благами, но и настоящими, которыя они уже получили. Смотри же, какимъ образомъ. Онъ сказалъ: мы воскреснемъ нѣкогда, перейдемъ въ нетлѣніе и получимъ храмину вѣчную. Но поелику для убѣжденія тѣхъ, которые не столько вѣрятъ, сколько должны вѣрить будущему, настоящее больше имѣетъ силы, то онъ показываетъ имъ и то, что они получили (въ настоящемъ въ залогъ будущаго). *Всяческая,* говоритъ, *отъ Бога, примирившаго насъ Себѣ Іисусъ-Христомъ:* потому что всѣ блага даны намъ чрезъ Христа. Тотъ, Кто сдѣлалъ насъ друзьями Своими, есть виновникъ и всѣхъ другихъ благъ, которыя Богъ даровалъ друзьямъ Его; ибо не врагами оста-

вивъ, Онъ столько вознаградилъ насъ, но содѣлавъ друзьями Себѣ. Но когда я (даетъ разумѣть Апостолъ) называю Христа виновникомъ нашего спасенія, то разумѣю вмѣстѣ и Отца; когда же говорю, что Отецъ даровалъ намъ оное, то опять разумѣю и Сына. Ибо *вся Тѣмъ быша;* слѣдовательно Онъ есть виновникъ и сего дѣйствія. Ибо не мы обратились къ Богу, но Онъ Самъ примирилъ насъ Себѣ. Какъ? Смертію Христа.“—Блаженный Ѳеодоритъ продолжаетъ будто эту рѣчь, говоря: „Апостолъ изобразилъ неизреченное Божіе человѣколюбіе. Хотя Онъ оскорбленъ былъ нашимъ преступленіемъ, но (не въ конецъ прогнѣвался) благоволилъ примирить насъ Себѣ, не человѣка употребивъ въ посредники, но Единороднаго Сына сдѣлавъ посредникомъ мира.“

И давшаго намъ служеніе примиренія. Когда говоритъ: *примирившаго насъ,* то подъ *насъ* разумѣетъ всѣхъ людей; когда же говоритъ: *давшаго намъ служеніе примиренія,* то подъ *насъ* разумѣетъ Апостоловъ. „Здѣсь онъ указываетъ на достоинство званія Апостольскаго, показывая, сколь великое дѣло поручено имъ, и какъ велика любовь Божія къ намъ (въ учрежденіи т.-е. Апостольства)“ (св. Злат.). Дѣло примиренія въ лицѣ Господа Спасителя совершилось вполнѣ; но усвоеніе примиренія людямъ спасаемымъ должно было совершаться не чрезъ вмѣненіе, не механически, не внѣшно, а требовало извѣстныхъ нравственныхъ измѣненій въ примиряемыхъ, какъ неотложныхъ условій къ распространенію и на нихъ силы примиренія. Чтобы это могло быть исполнено, надлежало объявить людямъ сіи условія, сказать имъ, что они должны представить отъ себя, чтобы состоялось примиреніе; надлежало также послѣ того, какъ понявъ условія, они изъявятъ готовность исполнять ихъ, даровать имъ силу къ испол-

ненію ихъ, потому что въ своемъ естествѣ они ихъ обрѣсти не могли.—Для сего учреждено было Апостольство, существенно необходимый членъ въ устроеніи спасенія людей. Апостолы, преисполнены бывъ Духомъ Святымъ, на нихъ сошедшимъ, должны были ходить по міру и всѣмъ возвѣщать благую волю Божію о примиреніи всѣхъ съ Богомъ подъ условіемъ покаянія, вѣры въ Господа Іисуса Христа, за всѣхъ умершаго на крестѣ, и самоотверженной готовности неуклонно ходить съ сего момента въ волѣ Божіей или въ заповѣдяхъ Его; тѣхъ, которые склонялись на сію проповѣдь, крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а наконецъ, чрезъ возложеніе рукъ, низводить на нихъ благодать Св. Духа. Въ этомъ существо Апостольскаго служенія, и симъ образомъ совершалось примиреніе съ Богомъ каждаго лица. Учрежденіемъ Апостольства исполнялось то, что предсказано въ изображеніи дѣлъ Премудрости, — какъ она, создавъ себѣ домъ и уготовавъ трапезу, послала своихъ рабовъ созывать съ великимъ проповѣданіемъ на чашу всѣхъ—и безумныхъ и разумныхъ (Притч. 9, 1—5), и то, что Господь изобразилъ въ притчѣ о бракѣ сына царева, говоря, что когда готово было все, послалъ царь рабовъ звать на пиръ всѣхъ, сначала тѣхъ, которымъ прежде о томъ давано было знать, а потомъ и тѣхъ, которые не знали ничего о томъ. И пошли, говоритъ, слуги по улицамъ и площадямъ, по перекресткамъ и распутіямъ, по большимъ и проселочнымъ дорогамъ,—и назвали.— Вотъ это и есть Апостольство: рабы Божіи ходятъ по міру и зовутъ. Св. Златоустъ особую сторону указываетъ въ цѣляхъ Божіихъ при учрежденіи Апостольства. Онъ говоритъ: „Послѣ того, какъ люди не послушали пришедшаго Ходатая, Богъ не отвергнулъ и не оставилъ ихъ, но не престаетъ звать ихъ какъ

Самъ, такъ и чрезъ другихъ. Кто достойно можетъ надивиться такому долготерпѣнію и попеченію Божію о насъ! Сынъ, пришедшій для примиренія; Сынъ, преискренній и единородный, умерщвленъ; но Отецъ и въ семъ случаѣ не отвергъ убившихъ Его, и не сказалъ: Я послалъ Сына Моего совершить Мое посольство; а они не только не хотѣли послушать Его, но еще убили и распяли, посему праведно отвергнуть ихъ. Но поступилъ совсѣмъ напротивъ: по отшествіи отъ насъ Сына, Онъ ввѣрилъ намъ дѣло примиренія; ибо говоритъ: *давшаго намъ служеніе примиренія.*“

β).

Апостольство, существенный членъ въ домостроительствѣ спасенія

5, 19—6, 2.

Дѣло Апостольства — призывать къ примиренію съ Богомъ отвратившихся отъ Бога и прогнѣвавшихъ Его, и по призваніи облагодатствовать. Апостолъ говоритъ теперь: мы это и дѣлаемъ, всѣхъ зовемъ: примиритеся съ Богомъ, и всѣмъ благодать преподаемъ. Такъ и васъ призвали и благодати причастниками сдѣлали. Молимъ же васъ не вотще такую благодать Божію пріяти вамъ.

Гл. 5, ст. 19. *Зане Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя Себѣ, не вмѣняя имъ согрѣшеній ихъ, и положивъ въ насъ слово примиренія.*

Повторяетъ сказанное предъ симъ, по важности предмета, въ желаніи напечатлѣть его полнѣе и глубже. Яснѣе только изображаетъ образъ примиренія во Христѣ. Христосъ Господь *всѣ грѣхи наши вознесъ на тѣлѣ Своемъ на древо* (1 Петр. 2, 24); рукописаніе ихъ взялъ Онъ отъ среды и пригвоздилъ ко кресту (Кол. 2, 14),

такъ что для правды Божіей сихъ грѣховъ и съ ихъ рукописаніемъ будто уже и не существуетъ. Она вполнѣ удовлетворена. Людямъ остается только уклониться подъ сѣнь креста, чтобы правда Божія не видала на нихъ грѣховъ ихъ. Объ этомъ, говоритъ, мы теперь и толкуемъ всѣмъ, всѣхъ убѣждая и умоляя: примиритеся съ Богомъ. „Видишь ли любовь Божію, говоритъ св. Златоустъ, превосходящую не только всякое слово, но и всякій умъ? Кто первый былъ обиженъ? Богъ. Кто прежде пришелъ для примиренія? Онъ же. Но, скажешь, Онъ послалъ Сына, а не Самъ пришелъ? Да, Онъ послалъ Сына, но не одинъ Сынъ призвалъ насъ, а вмѣстѣ съ Нимъ и чрезъ Него дѣйствовалъ и Отецъ. Посему Апостолъ и сказалъ: *Зане Богъ бѣ примиряя Себѣ міръ во Христѣ*,—т.-е. чрезъ Христа. Онъ какъ-бы говоритъ: не подумайте, что мы виновники сего дѣла, мы только служители: виновникъ же всего этого есть Богъ, примирившій съ Собою вселенную чрезъ Единороднаго Сына Своего. Какъ же Онъ примирилъ? Ибо удивительно не только то, что Онъ сдѣлался другомъ, но еще болѣе то, что такъ сдѣлался другомъ. Какъ же? Оставивъ имъ согрѣшенія. Ибо иначе бы не былъ другъ. Потому Апостолъ и сказалъ далѣе: *не вмѣняя имъ прегрѣшеній ихъ*. А еслибы Онъ захотѣлъ требовать отчета во грѣхахъ нашихъ, то всѣ мы погибли бы. Но при такомъ множествѣ грѣховъ нашихъ, Онъ не только не потребовалъ намъ наказанія, но и примирился съ нами; не только оставилъ грѣхи наши, но и не вмѣнилъ намъ. *И положивъ въ насъ слово примиренія*. Ибо не для того, говоритъ, мы пришли теперь, чтобы возвѣщать что-нибудь тяжкое и страшное, но чтобы содѣлать всѣхъ друзьями Богу. Поелику Мнѣ, говоритъ Господь, они не повѣрили, то вы не переставайте увѣщавать ихъ, пока не убѣдите.“

Ст. 20. *По Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами; молимъ по Христѣ: примиритеся съ Богомъ.*

По Христѣ молимъ—ὑπερ Χριϛου πρεσβευομεν,—во имя, или именемъ Христа молимъ. Но въ церковномъ языкѣ: πρεσβευε ὑπερ ημων, моли о насъ. Такой оборотъ рѣчи будто Апостолы молятъ всѣхъ за Христа не оставить дѣла Его, ради ихъ совершеннаго, чтобъ оно не оказалось безплоднымъ, или напрасно поднятымъ. *Яко Богу молящу нами; молящу* παρακαλουντος. Какъ-бы Самъ Богъ чрезъ насъ усердно проситъ и умоляетъ васъ. Ибо Богъ устроилъ намъ отпущеніе грѣховъ смертію Христовою, и всѣ другія вслѣдствіе того уготовалъ блага; уготовавъ же все, проситъ и умоляетъ чрезъ насъ придти и насладиться сими благами. Не только все устроилъ Богъ во спасеніе наше, по одной благости; но до того простираетъ любовь Свою къ намъ, что одолженіемъ Себѣ считаетъ, если кто воспользуется тѣмъ въ свое собственное спасеніе. Такъ бываетъ, когда добрый домовладыка, приготовивъ пиръ, умоляетъ гостей пожаловать на пиръ, одолженіемъ себѣ считая, если они потребятъ все приготовленное: иначе оно пропало бы даромъ. Такъ и здѣсь Богъ все приготовилъ во Христѣ Іисусѣ и послалъ Апостоловъ просить всѣхъ воспользоваться сими благами въ свое спасеніе. По *Христѣ убо молимъ*—υπερ Χριστου δεομεθα—тоже именемъ Христа просимъ, или молимъ за Христа, сдѣлайте Ему одолженіе, или удовольствіе, или честь,—вкусите блага, Имъ для васъ стяжаннаго. Какого?—*Примиритеся съ Богомъ.* Богъ во Христѣ примирилъ васъ Себѣ; теперь вамъ предлежитъ вступить въ сіе примиреніе. Что же для этого нужно? *Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе* (Мр. 1, 15). *Покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Господа Іисуса во оставленіе грѣховъ: и пріимете даръ Св. Духа* (Дѣян. 2, 38).

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Смотри, до чего онъ возвысилъ рѣчь свою, введши Самого Христа просящимъ о семъ, и не только Христа, но и Самого Отца. Ибо смыслъ словъ его такой: Отецъ послалъ Сына Своего увѣщавать людей, и исполнить посольство отъ Его имени къ роду человѣческому. Но поелику Онъ, будучи умерщвленъ, отошелъ отсюда, то теперь намъ передано это посольство; потому и просимъ васъ отъ имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорогъ человѣческій родъ, что предалъ за него Сына Своего, напередъ зная, что Онъ будетъ умерщвленъ, и сдѣлалъ насъ Апостолами для васъ. *По Христѣ убо молимъ*, т.-е. вмѣсто и отъ имени Христа, ибо намъ передана должность Его. Если же тебѣ это кажется увеличеннымъ, то послушай еще: далѣе онъ говоритъ, что они дѣлаютъ сіе не только вмѣсто Его, т.-е. Христа, но и вмѣсто Отца; ибо для того и прибавилъ: *яко Богу молящу нами. Нами*,—ибо не чрезъ Сына только Богъ призываетъ людей, но и чрезъ насъ, которымъ предано дѣло Его. Итакъ не думайте, говоритъ, чтобы мы васъ просили; Самъ Христосъ чрезъ насъ проситъ васъ, и даже Самъ Отецъ Іисуса Христа. Какая благость можетъ быть выше сей благости? Столь неблагодарно обиженный за безчисленныя благодѣянія отъ Него намъ данныя, Онъ не только не осудилъ насъ, но еще далъ Сына Своего, дабы примирить насъ съ Собою; и когда тѣ, къ которымъ Онъ пришелъ, не только не примирились, но и убили Его, Онъ послалъ другихъ посланниковъ для призванія, и чрезъ нихъ Самъ проситъ. О чемъ же проситъ? *Примиритеся съ Богомъ*. Не сказалъ: примирите съ собою Бога; поелику не Богъ враждуетъ противъ насъ, но мы противъ Него. Богъ никогда не враждуетъ.“

Ст. 21. *Не вѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ.*

Вотъ сколько иждилъ Богъ, уготовляя призываемымъ пиръ вѣры и любви, оправданія и святости. Апостолъ какъ-бы говоритъ: есть изъ-за чего вамъ принять трудъ и придти! Видите, что приготовлено? Агнецъ непорочный закланъ; пріидите, вкусите и насытитесь правдою Божіею. Или такъ: все уже готово; грѣхи ваши сняты и подняты другимъ; вамъ остается только приступить и, получивъ отпущеніе грѣховъ, получить правду Божію. Вообще Апостолъ этими словами хочетъ выразить, что со стороны Божіей все сдѣлано для вашего спасенія. Остается вамъ приступить.

Дѣло спасенія именуетъ здѣсь Апостолъ примиреніемъ. Выше онъ сказалъ уже, что Богъ во Христѣ міръ примирилъ Себѣ. Здѣсь показываетъ, какъ Онъ это сдѣлалъ. *Не вѣдѣвшаго грѣха*, говоритъ, *по насъ грѣхъ сотвори*. Не вѣдѣвшаго грѣха, не только не сотворившаго и не помышлявшаго что грѣшное, но и не извѣдавшаго что есть грѣхъ, не испытавшаго прираженій грѣха, требующихъ борьбы. Ибо къ чистому не приражается нечистое. Такого-то Пречистаго Богъ за насъ сдѣлалъ грѣхомъ, т.-е. поступилъ съ Нимъ, какъ съ грѣшникомъ, какъ-бы Онъ Самъ надѣлалъ всѣ тѣ грѣхи, въ которыхъ виновны всѣ люди въ совокупности. Чрезъ это только и могла быть удовлетворена правда Божія. Она и удовлетворилась, и Богъ примирился съ людьми. Но въ этомъ только половина домостроительства спасенія. Надлежитъ еще людямъ усвоить себѣ сіе примиреніе Божіе и вкусить отъ плодовъ его. Но этому безъ участія людей состояться нельзя. Что Богъ во Христѣ міръ примирилъ Себѣ, это Онъ сдѣлалъ и безъ людей. Но чтобы люди сдѣлались причастниками примиренія, для этого необходимо и ихъ соотвѣтственное дѣйствованіе. Вотъ почему говоритъ,— мы и взываемъ ко всѣмъ: *примиритеся съ Богомъ*. Ибо

домостроительство спасенія не въ томъ только, что Богъ *не вѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори,* и тѣмъ примирилъ міръ Себѣ, но и въ томъ, чтобы мы сдѣлались *правда Божія о Немъ*. Этого Богъ не хочетъ производить могуществомъ силы Своея. Здѣсь необходимо участіе свободной воли людей. Вотъ въ этомъ и заключается смыслъ нашего моленія: *примиритеся съ Богомъ*. Дѣлайте что отъ васъ зависитъ, вступайте въ союзъ мира, берите на себя условія примиренія, и тотчасъ станете правда Божія о Христѣ Іисусѣ. То-есть, покайтеся, увѣруйте во Евангеліе, дайте слово жить непорочно, приступите къ св. крещенію, пріимите даръ Св. Духа. Когда все это совершится въ васъ и надъ вами, вы станете *правда Божія*, т.-е. содѣлаетесь не внѣшно праведными, а будете обладать внутреннею правдою, или правотою духа и святостію, правдою Божескою или Богоподобною.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „*Не вѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори*. Еслибы Онъ ничего другаго не сдѣлалъ, но только бы сдѣлалъ сіе, то размысли, каково и сіе одно, что Онъ Сына Своего предалъ за оскорбившихъ Его? А Онъ много еще другихъ благодѣяній сдѣлалъ для насъ, и сверхъ того еще не сдѣлавшаго никакой неправды осудилъ на страданія за неправедниковъ. Но Апостолъ, обошедъ всѣ прочія благодѣянія, упомянулъ одно только это, гораздо большее и важнѣйшее всѣхъ, то, что *не вѣдѣвшаго грѣха*, Того, Который есть самосущая правда, *по насъ грѣхъ сотвори,* т.-е. допустилъ Ему быть осужденнымъ, какъ-бы грѣшнику, и умереть, какъ-бы проклятому, потому что *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Втор. 21, 23). Ибо умереть на древѣ гораздо болѣе значило, нежели умереть просто, на что указывая въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: *послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же*

крестныя (Фил. 2, 8). Такая смерть не только вмѣнялась въ наказаніе, но и въ безчестіе. Итакъ размысли, сколь много даровалъ тебѣ Богъ. Ибо великое дѣло, когда и грѣшникъ умираетъ за кого нибудь; но когда праведникъ страждетъ такимъ образомъ и умираетъ за грѣшниковъ, и не просто умираетъ, но умираетъ какъ злодѣй; и не только вмѣняется со злодѣями, но еще Своею смертію даруетъ намъ великія блага, которыхъ мы и не ожидали, ибо говоритъ: *да мы будемъ правда Божія о Немъ*, то какое слово, какой умъ можетъ достойно обнять и изобразить сіе? Ибо Праведника, говоритъ, сдѣлалъ Богъ грѣшникомъ, дабы грѣшниковъ сдѣлать праведными. Но Онъ и не то еще сказалъ, а гораздо болѣе: ибо поставилъ сего Праведника не только наряду съ грѣшниками, но и съ самымъ грѣхомъ, ибо сказалъ: не грѣшника, но *грѣхъ* Его *сотвори;* и не только не согрѣшившаго, но и *не вѣдѣвшаго грѣха*, *да* и *мы будемъ*, не сказалъ—праведными, но *правда*, и *правда Божія*. И дѣйствительно сія правда есть Божія, когда мы оправдываемся не отъ дѣлъ, но благодатію, которая одна всякій грѣхъ уничтожаетъ. А сіе вмѣстѣ и отъ гордости насъ удерживаетъ, когда все намъ даровано отъ Бога, и показываетъ всю важность дарованнаго намъ. Ибо первая правда отъ закона и дѣлъ; а сія послѣдняя *Божія правда.*“

Гл. 6, ст. 1. *Сосспѣшествующе же и молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ.*

Выше была рѣчь о томъ, какъ Апостолы по Божію повелѣнію ходятъ всюду и всѣхъ умоляютъ вступить съ Богомъ въ завѣтъ мира, Имъ во спасеніе ихъ устроенный. Теперь слово его обращается ко вступившимъ уже въ сей завѣтъ, къ тѣмъ, кои уже увѣровали, покаялись, крестились и приняли даръ Св. Духа. Онъ говоритъ какъ-бы: мы не только приглашаемъ вступить

въ завѣтъ мира съ Богомъ, но и тѣхъ, кои уже вступили, не оставляемъ, а продолжаемъ заботиться о нихъ, умоляя ихъ, чтобы, сподобясь столь великой благодати, они прочее держали себя достойно ея, чтобъ она не была тщетно ими принята, но принесла и достойные ея плоды. Не то важно, чтобы вступить только въ сей завѣтъ и принять сопряженную съ нимъ благодать, но то особенно, чтобы въ точности исполнить условія его. „Итакъ послушайте насъ, и не напрасно предлагаемую вамъ благодать примите; т.-е. дабы не подумали, что примиреніе состоитъ только въ томъ, чтобы вѣровать въ Призывающаго,—Онъ требуетъ еще исправленія жизни. Ибо, получивши прощеніе грѣховъ, и примирившись съ Богомъ, жить по прежнему, есть тоже что снова начинать вражду и напрасно принимать благодать. Благодать не спасетъ насъ при нечистой и безчестной жизни; напротивъ, еще болѣе повредитъ намъ и усугубитъ грѣхи наши, если мы послѣ такого познанія и дара возвратимся къ прежнимъ беззаконіямъ. Впрочемъ Апостолъ ясно не говоритъ сего, чтобы не сдѣлать слова своего тяжкимъ; а говоритъ только, что иначе мы не получимъ никакой пользы“ (св. Злат.).

При такой мысли о содержаніи сего текста, слово: *споспѣшествующе*, συνεργουντες, можетъ имѣть и такое значеніе: продолжая свое дѣло и свой трудъ, молимъ васъ и о томъ, чтобъ не вотще была принята вами благодать. Выходитъ: „*споспѣшествующе* — вамъ; ибо мы, говоритъ, помогаемъ болѣе вамъ, нежели Богу, отъ Котораго мы посланы. Онъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды; все спасеніе принадлежитъ вамъ. Впрочемъ симъ не отвергается то, что Апостолы были споспѣшники и Богу, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *Богу есмы споспѣшницы*“ (1 Кор. 3, 9) (св. Злат.). Такъ и Ѳеодоритъ: „даетъ знать, что посольствующіе со-

дѣйствуютъ имъ, умоляемымъ, воспользоваться Божественною благодатію и домостроительство не сдѣлать напраснымъ и тщетнымъ, если покажутъ жизнь свою противоположною оному.“ Ѳеофилактъ то и другое допускаетъ, полагая, что Апостолъ, говоря: *сподпѣшествующе*, разумѣлъ сподпѣшествованіе и Богу, и людямъ. „Сподпѣшествуемъ, говоритъ, мы и вамъ, и Богу: вамъ, да спасетесь; Богу, да исполнится желаніе Его спасать насъ.“

Ст. 2. *Глаголетъ бо: во время благопріятно послушахъ тебе, и въ день спасенія помогохъ ти: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія.*

Продолжаетъ убѣждать, чтобъ не дѣлали тщетною принятой благодати. Спѣшите, говоритъ, пользоваться временемъ; теперь оно очень благопріятно спасенію; если пропустите, погибнете. Время, разумѣетъ онъ, время сей жизни для каждаго, и время до втораго пришествія для всѣхъ людей. Такъ св. Златоустъ: „не предавайтесь безпечности, старайтесь всячески угодить Богу и собирать сокровища духовныя; дабы послѣ толикаго Божія попеченія, предавшись безпечности и не показавши ничего добраго, не лишиться вамъ столь великихъ благъ. Не думайте, чтобы это умаливаніе продолжалось вѣчно. Оно продолжится только до втораго пришествія Господня. Онъ будетъ умолять и призывать, доколѣ только мы здѣсь находимся, а послѣ сего—судъ и мученіе. Сіе-то, говоритъ, и побуждаетъ насъ умолять васъ. Онъ возбуждаетъ вѣрующихъ не только обиліемъ и высотою благъ и человѣколюбіемъ Божіимъ, но и краткостію времени, и не только краткостію даннаго времени, но и тѣмъ, что сіе только время и благопріятно для спасенія. *Се нынѣ*, говоритъ, *время благопріятно, се нынѣ день спасенія.* Не будемъ же терять благопріятнаго времени, но покажемъ до-

стойное данной намъ благодати попеченіе. Потому, говоритъ, и мы сами спѣшимъ, зная краткость благопріятнаго времени. *Время благопріятно.* Какое это время? Время дара и благодати, въ которое не отчета въ грѣхахъ требуютъ, и не осужденіе произносятъ, но съ прощеніемъ грѣховъ предлагаютъ и безчисленныя блага къ наслажденію, оправданіе, освященіе и всѣ другія. Сколько надлежало трудиться, чтобы получить такое время? Но вотъ безъ всякаго съ нашей стороны труда пришло это время, неся съ собою оставленіе всѣхъ прежде бывшихъ грѣховъ. Посему и называетъ его благопріятнымъ; потому что Господь принимаетъ нынѣ и величайшихъ грѣшниковъ, и не только принимаетъ, но еще удостоиваетъ ихъ высочайшихъ почестей. Ибо въ пришествіе царя не суда время, но милости и спасенія. Потому опять и называетъ время благопріятнымъ, доколѣ мы находимся въ подвигѣ, доколѣ дѣлаемъ въ виноградникѣ, доколѣ остается единонадесятый часъ. Итакъ приступимъ къ подвигу, покажемъ жизнь добродѣтельную; ибо легко и удобно получить награду подвизающемуся въ такое время, въ которое излились толикіе дары, толикая благодать. И у земныхъ царей, во время торжествъ, когда они являются въ царскихъ одеждахъ, и мало потрудившійся получаетъ великіе дары; а въ то время, когда они судятъ, большая требуется исправность и великое усиліе, чтобы получить что-нибудь. Посему и мы будемъ подвизаться въ столь благопріятное нынѣ время, въ которое все даютъ даромъ. Ибо нынѣ время благодати, Божіей благодати, въ которое легко можемъ получить вѣнцы. Ибо если обремененныхъ толикими грѣхами принялъ и простилъ насъ Богъ, то не тѣмъ ли паче приметъ насъ, прощенныхъ уже, и когда привносимъ нѣчто и отъ своего произволенія.“

Этотъ урокъ приводитъ Апостолъ вмѣстѣ съ пророческимъ словомъ. Наши толковники не останавливаются вниманіемъ на словахъ Пророка, а берутъ прямо общую мысль текста и ее разъясняютъ. Изъ этого видно, что поймемъ ли мы, какъ слѣдуетъ, слово Пророка, тамъ, въ теченіи пророческой рѣчи, и здѣсь въ теченіи рѣчи Апостольской, или не поймемъ,—урокъ Апостола останется въ равной силѣ. Апостолъ беретъ слова Пророка Исаіи, 49, 8: *Глаголетъ бо*. Кто глаголетъ? У Пророка Исаіи прямо стоитъ: Господь. *Тако глаголетъ Господь*. Къ кому у Пророка Господь обращаетъ рѣчь? Къ тому, о которомъ выше сказалъ Онъ: *се дахъ тя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе, даже до послѣднихъ земли* (—6). Очевидно, что здѣсь говорится о Христѣ Іисусѣ, Господѣ Спасителѣ. Приведенныя Апостоломъ слова такъ-же читаются и у Пророка: *во время благопріятно послушахъ тебе и въ день спасенія помогохъ ти.—Послушахъ* предполагаетъ молитву отъ лица Спасителя къ Богу Отцу, а *помогохъ* услышаніе молитвы и дарованіе всего просимаго. Когда это Господь Спаситель такъ крѣпко молился, что предуслышано было то и духомъ пророческимъ? Объ этомъ тотъже Апостолъ говоритъ: *Иже во днехъ плоти Своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти Его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами принесъ и услышанъ бывъ отъ благоговѣйнства* и проч. (Евр. 5, 7). Изъ этого видно, что Пророкъ временемъ благопріятнымъ и днемъ спасенія называетъ то время, когда Сынъ Божій, воплотившись и пострадавъ, тѣмъ самымъ отверзъ всѣ сокровищницы Божественной благодати къ роду человѣческому. Крестная смерть была молитвою Его и моленіемъ, не словомъ, но дѣломъ, и она привлекла всѣ милости къ намъ Божіи. Ходатайственная молитва сія, начавшись, не прекращается, а стоитъ,

и воплемъ крѣпкимъ всегда восходитъ къ Богу о милостяхъ къ намъ. Отсюда время благопріятно и день спасенія есть все время, пока будетъ имѣть силу сіе ходатайство, а прекратится оно тогда уже, когда единый Ходатай вмѣсто ходатайства придетъ судить; все время отъ перваго пришествія Христова до втораго— время устроенія царства Христова на землѣ, царства благодатнаго. Пророческое указаніе именно на это очень ясно; ибо онъ говоритъ послѣ *помогохъ ти— еже устроити землю*, и далѣе: *глаголюща сущимъ во узахъ изыдите, и сущимъ во тмѣ откройтеся. Сущіи во узахъ* суть опутанные грѣхами, а *сущіи во тмѣ*— погруженные во мракъ невѣдѣнія. Апостолы не что другое и дѣлали, какъ отъ лица Христа Спасителя всюду разносили свободу отъ узъ грѣха и просвѣщеніе свѣтомъ Божественнаго вѣдѣнія. Потому св. Павелъ не могъ не увидѣть въ своемъ времени точнаго исполненія пророческаго слова. Онъ говоритъ какъ-бы: настало пророченное Пророкомъ благопріятное время; спѣшите имъ воспользоваться; ибо если есть благопріятное время, то значитъ, что есть и не благопріятное; а кто можетъ сказать, когда оно настанетъ?! *Се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія.* А завтра можетъ быть ужъ и нельзя будетъ сказать такъ. Итакъ не отлагайте.

бб).

Какъ способствовали Апостолы къ тому, чтобы вѣрующіе не вотще пріяли благодать

6, 3—10?

Ст. 3. 4. *Ни едино ни въ чемже дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ; но во всемъ представляюще себе якоже Божія слуги, въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ.*

Мы свое дѣло, говоритъ, дѣлаемъ, какъ должно, со всѣмъ усердіемъ. Чтобъ способствовать вамъ къ преспѣянію въ благодатной жизни, мы съ своей стороны все употребляемъ; не словомъ только убѣждаемъ васъ, но и такъ себя держимъ, чтобъ не только не послужить кому въ претыканіе, а напротивъ всѣмъ представить въ себѣ образецъ, какъ слѣдуетъ жить слугамъ Божіимъ. Смотря на насъ, никто не можетъ основательно подумать, что мы не слуги Божіи, и слѣдовательно заподозрить слово наше въ неистинѣ. Питая же убѣжденіе въ неложности слова нашего и принимая его какъ совершенно истинное, вы въ этомъ имѣете побужденіе къ вѣрному исполненію его; а какъ его исполнять, этому научитъ васъ наша жизнь. Св. Златоустъ говоритъ: „Поелику Апостолъ имѣетъ обыкновеніе самого себя выставлять на среду, чтобы съ него брали примѣръ, то онъ дѣлаетъ сіе и здѣсь, говоря: *ни едино ни въ чемже дающе претыканіе, да служеніе* наше *безпорочно будетъ*. Онъ заимствуетъ убѣжденіе не отъ времени только, какъ сдѣлалъ выше, но и отъ примѣра тѣхъ, которые подвизались, какъ должно. И смотри, какъ скромно сіе дѣлаетъ. Не сказалъ: смотрите на насъ, а мы таковы-то; но какъ-бы защищаясь противъ обвиненія, исчисляетъ свои подвиги и добродѣтели. Онъ полагаетъ два отличительныхъ признака безпорочной жизни: первый—*ни едино ни въ чемже дающе претыканіе*; не сказалъ: обвиненіе, но, что гораздо маловажнѣе, *претыканіе*, т.-е. никому не подавая и повода къ клеветѣ и укоризнамъ противъ насъ, — *да служеніе* наше *безпорочно будетъ*, чтобы кто не сталъ порицать сего служенія; и не сказалъ опять: чтобы кто не сталъ порицать или обвинять, но чтобы оно и случайнаго повода не подавало къ тому, чтобы кто-нибудь могъ порицать оное въ чемъ-нибудь.“

„Второй признакъ: *но во всемъ представляюще себе яко Божія слуги* (ст. 4), что гораздо выше предыдущаго. Поелику не одно и тоже быть свободну отъ обвиненія, и устроить себя такъ, чтобы изъ всего видно было, что мы Божіи слуги. Равно, иное дѣло избѣжать порицанія, и другое—быть похваляему. Не сказалъ: показывая себя (φαινομενοι являясь по видимости), но *представляюще себе* (συνιστωντες), т.-е. на дѣлѣ и отъ сердца представляя себя или состоя такими. Далѣе говоритъ и о томъ, какимъ образомъ они сдѣлались таковыми. Какимъ же?“

„*Въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ.* Терпѣніе онъ положилъ основаніемъ благъ; почему и не просто сказалъ: въ терпѣніи, но *въ терпѣніи мнозѣ*, дабы показать мѣру и пространство онаго: ибо претерпѣть одну какую-либо бѣду, или двѣ, еще не великое дѣло; потому и перечисляетъ множество скорбей и искушеній, говоря: *въ скорбехъ, въ бѣдахъ.*“

Въ скорбехъ, не въ такихъ случаяхъ, которые тяготятъ только внѣшно, но въ такихъ, которые сердце поражаютъ и уязвляютъ, и суть истинно болѣзненныя прискорбности. *Въ бѣдахъ*, αναγκαις, въ нуждахъ и крайностяхъ, отъ которыхъ скорбное еще болѣе чувствуется скорбнымъ. „Крайность напрягаетъ скорбь, представляя зло, гнетущее человѣка, неизбѣжнымъ“ (Ѳеоф.). „Ибо скорбь обыкновенно усиливается, когда нельзя уклониться отъ несчастій, и какъ-бы неизбѣжная какая необходимость требуетъ злостраданій“ (св. Злат.).—*Въ тѣснотахъ.* Тѣснота—послѣдняя степень крайности; зло охватило и гнететъ, подобно звѣрю, схватившему добычу. Разумѣетъ „тѣсноту отъ голода и необходимыхъ потребностей, или просто тѣсноту искушеній вообще“ (св. Злат.), „такое скорбное положеніе, изъ котораго не представлялось удобнаго выхода“ (Экум.).

Ст. 5. *Въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ трудѣхъ, во бдѣніихъ, въ пощеніихъ.*

Въ ранахъ, конечно отъ ударовъ. До времени написанія сего извѣстны побіеніе Апостола камнями въ Листрѣ (Дѣян. 14, 19), которое не могло обойтись безъ ранъ, и біеніе его палками въ большомъ количествѣ ударовъ въ Филиппахъ (—16, 22. 23). Самъ же онъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что отъ іудей пять разъ по 39 ударовъ было ему дано, и что три раза битъ былъ палицами (2 Кор. 11, 24. 25). — *Въ темницахъ.* Побивши его палками довольно въ Филиппахъ, вмѣстѣ съ Силою бросили въ темницу; и вообще, какъ самъ говоритъ, въ темницахъ приходилось ему быть излиха (2 Кор. 11, 23).—*Въ нестроеніяхъ,* ακαταστασιαις, когда поднималось противъ него гоненіе, съ шумомъ и смятеніемъ, заставлявшими его бѣгать изъ одного мѣста въ другое. Большею частію такія бури поднимали противъ него іудеи. Такъ было въ Иконіи (Дѣян. 14, 5), въ Солунѣ (—17, 5), въ Веріи (— 13) и въ самомъ Коринѳѣ къ концу его тамъ пребыванія (—18, 12). Св. Златоустъ говоритъ: „И каждое изъ сихъ (трехъ) искушеній въ отдѣльности тяжко: тяжко терпѣть бичеваніе, тяжко быть въ узахъ, и не имѣть покоя отъ гоненій тяжко: ибо то значитъ *въ нестроеніихъ*; но когда всѣ сіи скорби и всѣ вмѣстѣ постигаютъ, подумай, какая для сего потребна душа!“

Въ трудѣхъ: тяжелѣйшіе труды—путешествіе, большею частію пѣшкомъ; затѣмъ труды—работа для содержанія себя и своихъ; и ученіе требовало труда, и заведеніе порядковъ въ новоустрояемыхъ христіанскихъ церквахъ.—*Въ бдѣніихъ,* когда ночи проводилъ въ молитвахъ, или бесѣдѣ съ новообращенными. Такъ въ Филиппахъ онъ съ Силою около полуночи молясь воспѣвалъ Бога (Дѣян. 16, 25), а потомъ занялся настав-

леніемъ и крещеніемъ темничника со всѣмъ домомъ и всю ночь провелъ не смыкая глазъ. Такъ потомъ въ Троадѣ простеръ слово до полунощи; по оживленіи же падшаго съ окна Евтиха юноши, бесѣдовалъ до разсвѣта, пока пришелъ часъ выдти изъ города (—20, 7. 11). Тоже конечно бывало и во всѣхъ другихъ мѣстахъ. *Въ пощеніихъ*, когда не по недостатку не принималъ пищи, а добровольно лишалъ себя оной, въ пособіе къ молитвѣ и умилостивленію Бога, для приготовленія къ какой-либо борьбѣ съ ложью и заблужденіемъ. Пощеніе—сильное средство нравственное и многоцѣнный подвигъ предъ очами Божіими. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь къ внѣшнимъ (невольнымъ) скорбямъ присовокупляетъ онъ и тѣ, которыя отъ него собственно зависѣли, указывая на труды, которыми обременялъ себя, переходя съ мѣста на мѣсто, и дѣлая своими руками; на тѣ ночи, въ которыя училъ, или трудился для себя, и въ тоже время не забывая и поста, хотя одни сіи подвиги стоили не одной тысячи постовъ.“

Ст. 6. *Во очищеніи, въ разумѣ, въ долготерпѣніи, въ благости, въ Дусѣ Святѣ, въ любви нелицемѣрнѣ.*

Въ очищеніи, ἐν ἁγνότητι, въ чистотѣ, въ непорочности. Здѣсь онъ разумѣетъ или цѣломудріе (тѣлесное и сердечное), или чистоту во всемъ (нравственную, чистоту побужденій, вообще чистоту совѣсти), или нелюбостяжательность (Феоф. недаропріемность корыстную), или то, что онъ и Евангеліе проповѣдывалъ даромъ“ (св. Злат.).—*Въ разумѣ*, ἐν γνώσει, въ вѣдѣніи Божественныхъ вещей, все ясно видящемъ и сильномъ разрѣшать всякое недоумѣніе. Св. Златоустъ спрашиваетъ: что такое *въ разумѣ?* И отвѣчаетъ: „въ мудрости отъ Бога нисходящей, которая истинно есть вѣдѣніе и разумѣніе. Мнимые мудрецы, хвалящіеся

внѣшнимъ образованіемъ, не имѣютъ сего разумѣнія.“— *Въ долготерпѣніи*, ἐν μακροθυμία, въ великодушіи, которое при всѣхъ непріятностяхъ со стороны другихъ не теряетъ мирнаго и добраго къ нимъ расположенія. „Это важное свидѣтельство мужественной и благородной души—великодушно переносить пораженія и удары, отвсюду наносимые“ (св. Злат.). „Адамантовой душѣ свойственно, когда отвсюду огорчаютъ и уязвляютъ, не только благодушно переносить то, но и благожелательствовать оскорбителямъ“ (Ѳеоф.). — *Въ благости*, ἐν χρηστότητι, въ благосердіи, когда имѣютъ милостивое ко всѣмъ сердце, готовое всякому сдѣлать всякое добро, всякую скорбь отгнать, всякую бѣду отвратить,—сердце, не могущее видѣть равнодушно ни нужды, ни скорби другаго, и успокоиться, пока не истощитъ всѣхъ средствъ и не облегчитъ участи его.

Въ Дусѣ Святѣ, не въ общей только всѣмъ христіанамъ благодати Св. Духа, но въ той, которая преизобильно исполняла Апостоловъ, сообщая имъ все благопотребное для утвержденія вѣры Христовой на землѣ. Этимъ объемлется вся полнота дарованій духовныхъ Апостольскихъ. Отъ нея и всѣ исчисленные подвиги и добродѣтели и всякій успѣхъ въ распространеніи вѣры. Св. Златоустъ говоритъ: „Чрезъ Него, говоритъ (т.-е. чрезъ Духа Святаго), мы все сіе совершаемъ. Но смотри, гдѣ онъ поставилъ помощь отъ Святаго Духа,—послѣ уже исчисленія своихъ подвиговъ. Мнѣ кажется, онъ хотѣлъ показать симъ что-нибудь особенное. Что же такое? Справедливо, говоритъ, что мы обильно исполнены Духа Святаго, и свое Апостольство не менѣе оправдываемъ и тѣмъ, что удостоились духовныхъ дарованій; впрочемъ и сами, говоритъ, были небезучастны въ этомъ: наши условія, труды и подвиги давали просторъ благодати Божіей дѣйствовать чрезъ

насъ. Если же кто думаетъ, что сверхъ сказаннаго Апостолъ выражаетъ сими словами еще то, что они, въ употребленіи даровъ благодатныхъ не подавали никому никакого соблазна: думаю, и тотъ не погрѣшитъ противъ смысла. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ Коринѳянъ, получивъ даръ языковъ и возгордившись тѣмъ, подали поводъ къ осужденію себя: ибо получившій духовные дары можетъ и злоупотребить ими. Но мы, говоритъ, не таковы, мы пребыли безпорочными въ Духѣ, т.-е. въ дарованіяхъ духовныхъ."—*Въ любви нелицемѣрнѣ.* Любовь—всеобъятная добродѣтель; и всѣ вышеисчисленныя добродѣтели и подвиги изъ нея проистекаютъ, какъ изложилъ это Апостолъ въ первомъ посланіи, гл. 13. Она изливается въ сердца Духомъ Святымъ; почему и поставлена у Апостола тотчасъ послѣ словъ: *въ Дусѣ Святѣ.* Что прибавилъ: *нелицемѣрнѣ,* за тѣмъ прибавилъ, чтобъ отличить ее отъ дѣлъ любви, являемыхъ въ видимой дѣятельности. Дѣла любви можно совершать по самопринужденію разумному, благонамѣренному, или неблагонамѣренному; и путь къ стяжанію любви есть произвольный трудъ въ дѣланіи дѣлъ любви, пока наконецъ благодать Духа преисполнитъ его все сердце. Объ этомъ послѣднемъ и говоритъ Апостолъ, что не дѣла только его видимыя любовны, а само сердце его полно любви. „Вотъ что было виною всѣхъ благъ, имъ пріобрѣтенныхъ; вотъ что сдѣлало его таковымъ, и сохранило въ немъ Духа, дѣйствіемъ Котораго все у него приходило въ совершеніе" (св. Злат.).

Ст. 7. *Въ словеси истины, въ силѣ Божіей, оружіи правды десными и шуими.*

Въ словеси истины, въ истинномъ словѣ, такомъ, въ которомъ не было ни обмана, ни поддѣлки, ни лести, ни лукавства. Какъ приняли, какъ убѣждены, такъ и

передаемъ, въ полномъ сознаніи, что передаемъ точно безъ всякой примѣси. „Объ этомъ онъ часто упоминаетъ, т.-е. что мы возвѣщаемъ Слово Божіе безъ обмана и безъ поддѣлки“ (св. Злат.).—*Въ силѣ Божіи.* Словами: *въ Дусѣ Святѣ* означалъ вообще всю полноту Апостольскихъ дарованій; здѣсь же означаетъ преимущественно знаменія и чудеса, сопровождавшія проповѣдь Евангелія. Явленіе силы Божіей такъ было неотъемлемо отъ слова истины, что безъ него сіе послѣднее укорениться не могло бы въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ. Оно возбуждало и укореняло вѣру; слово же сказывало только, чему вѣровать должно. Изложеніе предметовъ вѣры, какъ ни будь ясно и сильно, не всегда сильно пораждать вѣру. Одна сила Божія въ знаменіяхъ при словѣ побѣждала умы и сердца и преклоняла ихъ къ вѣрѣ. Ѳеофилактъ пишетъ, что словами: *въ силѣ Божіи,* Апостолъ хочетъ сказать: „въ проповѣди Евангелія и успѣхахъ его ничего нѣтъ моего, все здѣсь совершалось силою Божіею, знаменіями и чудесами, карающею или благодѣющею силою.“ Св. Златоустъ разумѣетъ здѣсь всякую вообще сверхъестественную помощь Апостолу и въ жизни, и въ проповѣди, и въ трудахъ: „Какъ всегда онъ поступаетъ, т.-е. ничего не относитъ къ самому себѣ, но все усвояетъ Богу и Ему приписываетъ всѣ свои дѣйствія: такъ дѣлаетъ и здѣсь. Онъ усвояетъ Духу Святому и Богу и то, что возвѣщалъ великія истины, и то, что проводилъ жизнь неукоризненную во всемъ, и показывалъ въ себѣ высокую мудрость: ибо все это было необычайно. Если и въ тишинѣ живущему трудно сдѣлаться добродѣтельнымъ и непорочнымъ, то размысли, какая должна быть душа у того, кто и обуреваемый столь многими скорбями, всегда сіялъ, какъ солнце. И не то только удивительно, что онъ пребылъ

безпечаленъ, обуреваемый толикими волнами, и мужественно переносилъ все, но еще то, что все сіе переносилъ съ радостію."—*Оружіи правды деснымі и шуими. Оружіи, δια των οπλων.* Предлогъ перемѣненъ, но смыслъ рѣчи все тотъже. Апостолъ продолжаетъ указывать, въ чемъ и какъ представляли они себя истинными служителями Божіими. Такими мы представляли себя, говоритъ, и въ употребленіи оружій правды десныхъ и шуихъ. Онъ представляетъ себя силою Божіею воодушевленнымъ воителемъ и борцемъ. Воинъ, выступая на борьбу, беретъ одни орудія въ правую, другія въ лѣвую руку,—въ лѣвую наприм. щитъ, въ правую мечъ, копіе, — и когда начнется бореніе, употребляетъ то тѣ, то другія, какъ лучше и пригоднѣе. Есть такія же орудія и у правды: одними она защищаетъ себя, другими поражаетъ враговъ своихъ. Апостолъ говоритъ: и защитительныя и поражающія враговъ правды орудія употребляли мы такъ, что чрезъ это представляли себя слугами Божіими. Правдою онъ называетъ свое правое дѣло—вѣру Христову, домостроительство спасенія имъ всюду вводимое и утверждаемое; оружіями—и свое слово, и свои труды, и всякую помощь свыше. По всему, чѣмъ мы защищали правое дѣло Божіе, и чѣмъ поражали ложь, нечестіе и развращеніе, всѣмъ давали мы видѣть, что мы слуги Божіи. Оружія десныя и шуія—тоже что всесторонія оружія.

Ст. 8. *Славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ: яко лестцы, и истинни.*

Славою и безчестіемъ. И когда случалось что прославлявшее насъ, и когда случилось что покрывавшее насъ въ глазахъ другихъ безчестіемъ. Въ Листрѣ наприм. св. Павелъ съ Варнавою исцѣлили хромаго; и всѣ сбѣжались, чтобы воздать имъ честь будто богамъ.

Это къ славѣ. Но тамъ же потомъ поднялось возмущеніе: св. Павла побили камнями и выбросили за городъ. Это къ безчестію и посрамленію (Дѣян. гл. 14). Тоже и въ Филиппахъ: св. Павла и Силу били всенародно палками, — это къ посрамленію; но потомъ все начальство городское идетъ къ нимъ въ темницу, извиняется и не гонитъ уже, а проситъ удалиться изъ города; это къ славѣ (Дѣян. гл. 16). Такъ, вѣроятно, повторялось и во многихъ другихъ мѣстахъ.—*Гажденіемъ и благохваленіемъ,* διὰ δυσφημίας καὶ εὐφημίας. Разумѣются ходившія объ нихъ рѣчи и до нихъ доходившія. Одни хвалили, другіе злословили,—это и за глаза и въ глаза. Во всѣхъ, говоритъ, этихъ случайностяхъ, и когда хвалили насъ и злословили, и когда случалось что къ славѣ или безчестію нашему, мы держали себя какъ слѣдуетъ служителямъ Божіимъ, не возносились первыми и не падали въ духѣ отъ послѣднихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славою? Подлинно такъ, говоритъ. Почему же? Казалось бы терпѣть безчестіе—великое дѣло; а для наслажденія славою требуется не великая душа?—Напротивъ, великая и весьма великая, чтобы пользуясь славою, не впасть въ гордость. Посему онъ тоже и также думаетъ и о славѣ, какъ и о безчестіи; ибо равно сіялъ въ томъ и другомъ случаѣ. А что безчестіе и злословіе сильно поражаютъ и благодушіе въ нихъ требуетъ мужественной души,—на это много свидѣтельствъ. Іеремія многія искушенія перенесъ великодушно, но когда злословили его, говорилъ: *не стану пророчествовать, и не воспомяну имени Господня* (Іер. 20, 9). И Давидъ часто жалуется на злословія. И Господь, утѣшая учениковъ Своихъ, говорилъ: *егда поносятъ вамъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа*

на небесѣхъ. Онъ не положилъ бы такой награды, еслибы борьба сія не была тяжка. И для Іова раны и черви были сноснѣе, нежели укоризны друзей его (Іов. 19); ибо нѣтъ, нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ слово уязвляющее душу. Многіе изъ Іудеевъ не хотѣли вѣровать въ Господа только изъ опасенія лишиться славы въ народѣ; боялись не казней, но того, чтобы не выгнали изъ сонмища (Іоан. 12, 42). Посему и Господь говорилъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. 5, 44)? И многихъ можно бы указать, которые, превзошедъ всѣ искушенія, побѣждены были опасеніемъ потерять славу.“ Въ какомъ величіи, потому, долженъ былъ представляться праведный характеръ св. Павла и другихъ Апостоловъ, когда они одинаково достойно званія своего держали себя *въ славѣ и безчестіи, въ гажденіи и благохваленіи!*

Яко лестцы и истинни. Опять новый оборотъ рѣчи; но значеніе его все тоже. Продолжаетъ Апостолъ изображать, какъ всегда являли они себя достойными служителями Божіими; только какъ предъ этимъ сказалъ онъ о славѣ и безславіи, гажденіи и благохваленіи, то теперь проясняетъ это будто примѣрами, выставляя рядъ противоположностей, какими ихъ считали, и каковы были они на дѣлѣ. *Яко лестцы и истинни.* — *Лестцы* на сторонѣ злословящихъ, а *истинни* на сторонѣ благохвалящихъ (св. Злат.). *Лестцы*, πλανοι, означаетъ тѣхъ, кои и сами заблуждаются и другихъ вводятъ въ заблужденіе. Такъ думали о нихъ враги. Иконійскіе Іудеи прибѣжали въ Листру и вооружили тамошнихъ противъ св. Павла и Варнавы, говоря: *они не говорятъ ничего истиннаго, а все лгутъ* (Дѣян. 14, 19). Тоже дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ сущіе отъ истины слушали ихъ (1 Іоан. 4, 6), и ничѣмъ нельзя было поколебать ихъ убѣжденія, что Апостолы

и стоятъ въ истинѣ и проповѣдуютъ сущую истину. То и другое происходило на глазахъ Апостоловъ.

Ст. 9. *Яко незнаеми, и познаваеми; яко умирающе, и се, живи есмы; яко наказуеми, а не умерщвляеми.*

Яко незнаеми и познаваеми. Одни говорили: не понимаемъ, что за люди, или, взглянувъ на нихъ и увидѣвъ, какъ они непоказны, говорили: стоитъ ли обращать на нихъ вниманіе, знакомиться съ ними и разузнавать, что они тамъ толкуютъ. А другіе, напротивъ, тотчасъ узнавали ихъ и понимали, въ чемъ дѣло ихъ и къ чему ведетъ слово ихъ, прилѣплялись къ нимъ, начинали цѣнить ихъ высоко и считать лицами дорогими. Св. Златоустъ говоритъ: „для однихъ они были знаемы и достоуважаемы; для другихъ недостойны и того, чтобы знать ихъ.“—*Яко умирающе и се живи есмы.* Кажется, св. Павелъ взялъ это съ дѣйствительнаго событія: ибо въ Листрѣ его побили камнями и вытащили за городъ, почитая его умершимъ: когда же ученики собрались около него, онъ всталъ (Дѣян. 14, 19. 20). Какъ не сказать послѣ этого: будто умеръ, и се живъ. Кромѣ того въ сколькихъ смертныхъ опасностяхъ онъ находился, о которыхъ онъ говорилъ: и жить не чаялъ, но Богъ избавилъ (2 Кор. 1, 8. 10)? По миованіи ихъ и онъ самъ и другіе не могли не свидѣтельствовать: на волоскѣ была жизнь, и се живъ. Св. Златоустъ говоритъ: „*Яко умирающе,* т.-е. какъ приговоренные и осужденные на смерть. И это сказалъ онъ для того, чтобы показать и неизглаголанную силу Божію, и высоту терпѣнія ихъ. Смотря на то, говоритъ, какъ и до чего злобствовали противъ насъ враги наши, намъ непремѣнно надлежало бы умереть. Такъ всѣ и думали; но Богъ спасалъ насъ отъ погибели.“—*Яко наказуеми, а не умерщвляеми.* Это противоположеніе прибавлено въ объясненіе предыдущаго, почему такъ бываетъ, что

вотъ-вотъ смерть, а мы все живы. Потому, говоритъ, что такія смертныя крайности Богъ попускаетъ на насъ не за тѣмъ, чтобы насъ смерти предать, а чтобы научить и вразумить, особенно убѣдить въ томъ, что намъ во всемъ слѣдуетъ полагаться на Его всемощную десницу. Подобное исповѣданіе слышится и изъ устъ св. Давида: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Пс. 117, 18). Такъ св. Златоустъ и всѣ наши толковники.

Ст. 10. *Яко скорбяще, присно же радующеся; яко нищи, а многи богатяще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще.*

Яко скорбяще, присно же радующеся. „Другіе, смотря на насъ, думаютъ, что мы скорбимъ; мы же напротивъ ощущаемъ самое высшее удовольствіе. Не просто сказалъ: *радующеся*, но прибавилъ: *присно*, т.-е. всегда, постоянно радуяся. Что можетъ сравниться съ такою жизнію, въ которой по мѣрѣ несчастій умножается и увеличивается радость?“ (св. Злат.). Такъ было съ ними потому, что они носили въ себѣ Духа Утѣшителя, Котораго первый по любви плодъ есть радость (Гал.5, 22).

Яко нищи, а многи богатяще. Что Апостолъ Павелъ никогда ничего не имѣлъ и былъ буквально нищъ, это всѣмъ всюду было извѣстно: но какъ онъ богатилъ многихъ? Если разумѣть это въ духовномъ отношеніи, то дѣйствительно онъ обогащалъ всѣхъ вѣрующихъ, которыхъ имъ обращено было много, и всѣ они сознавали себя богатыми духовно. Ибо и вѣдѣніемъ обогащались, и добродѣтелями, и силами благодатными. Если же разумѣть это въ вещественномъ отношеніи, то не другое что при этомъ приходитъ на мысль, какъ то, что онъ собиралъ милостыню и въ обиліи доставлялъ ее іерусалимскимъ бѣднымъ вѣрующимъ. Обогащеніемъ это можно назвать потому, что для бѣднаго и то уже богатство, когда онъ имѣетъ чѣмъ пропитаться. Но

можетъ быть Апостолъ указываетъ здѣсь на то, что за любовный пріемъ его домы небогатые Богъ благословляетъ богатствомъ. Хотя объ этомъ не замѣчено ни одного случая въ Дѣяніяхъ, но нельзя сомнѣваться, что такъ бывало. Ибо извѣстно, что нерѣдко Богъ благословлялъ домы ради Святыхъ Божіихъ. Если ради ихъ бывало это, почему не допустить, что бывало это ради Апостоловъ? Въ подтвержденіе же этого можно взять настоящее слово Апостола, что всегда, говоритъ, былъ я бѣденъ, а многихъ обогатилъ, разумѣя подъ симъ то, что Богъ ради его обогатилъ многіе домы.

Яко ничтоже имуще, а вся содержаще. И это *вся содержаще*, можно разумѣть и духовно, т.-е. что Апостолы богаты были Духомъ, и обладали всѣми духовными благами въ такомъ обиліи, что ихъ достало бы на всю вселенную: ибо носили Духа вседержительнаго. Можно понимать это и въ вещественномъ отношеніи, именно: вѣрующіе, чувствуя, какого блага духовнаго сподобились чрезъ ихъ служеніе, готовы были для нихъ сдѣлать все, такъ что имѣніе всѣхъ вѣрующихъ было будто въ рукахъ Апостоловъ, всѣ домы и всѣ сокровищницы для нихъ были открыты. Св. Златоустъ говоритъ: „И то можно относить къ ихъ богатству, что они чуднымъ нѣкоторымъ образомъ вездѣ имѣли всѣ домы для себя отверстыми. Если же тебѣ все еще кажется удивительнымъ, какъ возможно имѣть все тому, кто ничего не имѣетъ, то я представлю въ примѣръ самого св. Павла, который имѣлъ великую власть надъ цѣлыми народами, и былъ господиномъ не только ихъ имѣнія, но и самыхъ очей. *Аще бы было мощно*, писалъ онъ Галатамъ, *очеса ваша извертъвше дали бысте ми* (Гал. 4, 15). Итакъ что же это было, чѣмъ владѣлъ св. Павелъ, когда говоритъ: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще?* Блага земныя и духовныя. Ибо кого какъ

Ангела принимали города, для котораго готовы были, исторгнувъ, отдать очи свои, за кого готовы были положить свои головы,—какъ тотъ не былъ господиномъ и всего имъ принадлежащаго? — Если же хочешь видѣть его духовныя блага, то увидишь, что онъ и ими былъ богатъ. Ибо кто такъ близокъ былъ къ Царю всяческихъ, что Господь Ангеловъ сообщилъ ему сокровенныя тайны, тотъ какъ не превосходилъ всѣхъ и обиліемъ духовныхъ благъ, и какъ же не имѣлъ всего? Иначе такъ не повиновались бы ему демоны, не стали бы убѣгать отъ него съ такою поспѣшностію болѣзни и недуги."

Св. Златоустъ заключаетъ это отдѣленьице такимъ наставленіемъ: „Все же сіе говоритъ Апостолъ для того, чтобы научить насъ не смущаться человѣческими о насъ сужденіями, хотя бы насъ называли льстецами, хотя бы не хотѣли и знать о насъ, хотя бы считали насъ преступниками, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бѣдными, ничего не имѣющими; хотя бы полагали насъ находящимися въ унынiи и тогда, когда мы благодушествуемъ и радуемся, потому что и для слѣпыхъ солнце не свѣтитъ, и безумнымъ неизвѣстны удовольствія мудрыхъ. Одни только вѣрные и благочестивые умѣютъ справедливо цѣнить дѣла; и они радуются и скорбятъ не о томъ, о чемъ другіе. Еслибы кто, не имѣя никакого понятія о воинскихъ торжественныхъ играхъ, увидѣлъ бойца, хотя украшеннаго вѣнцемъ, но имѣющаго раны, то не зная того удовольствія, которое приноситъ бойцу вѣнецъ, конечно онъ сталъ бы думать только о томъ, какую тотъ испытываетъ болѣзнь по причинѣ ранъ. Такъ и тѣ знаютъ только то, что мы претерпѣваемъ, видятъ только борьбу и бѣдствія, но не видятъ наградъ, вѣнцевъ и воздаянія за подвиги. Посему и мы, если что несемъ для Христа, должны нести сіе не только му-

жественно, но и съ радостію. Постимся ли мы: будемъ веселы, какъ пиршествующіе; терпимъ ли поношеніе: будемъ держать себя, какъ осыпаемые похвалами; иждиваемъ ли имѣніе: постараемся быть въ такомъ расположеніи духа, какъ будто бы приращали оное; отдаемъ ли что бѣднымъ: будемъ думать, что мы пріобрѣтаемъ. И не только при раздачѣ милостыни, но и во всякой другой добродѣтели помышляй не о суровости трудовъ, но о сладости наградъ, преимущественно же имѣя въ виду Господа нашего Іисуса Христа, для Котораго предпринимаешь тѣ или другіе подвиги, отъ чего ты охотнѣе будешь выходить на подвиги, и въ удовольствіи проведешь все время жизни."

вв).

Обязательства внявшихъ благовѣстію

6, 11—7, 1.

Объяснилъ св. Павелъ, какъ Апостоламъ ввѣрено слово примиренія и какъ они его всюду разносятъ, всячески заботясь не быть никому въ претыканіе, а напротивъ всячески способствовать успѣхамъ благовѣстія. Теперь обращаетъ слово къ слышавшимъ и принявшимъ благовѣстіе и указываетъ, что имъ преимущественно надо имѣть во вниманіи, чтобы оказаться достойными званія.

Богъ, говоритъ, примирилъ насъ Себѣ; вы приняли слово примиренія; смотрите же, держите условія, то-есть бѣгайте всякаго беззаконія и удаляйтесь отъ всякаго нечестія. Если будете держаться строго принятыхъ правилъ, то явитесь чистыми. Какъ въ чистыхъ, вселится въ васъ Богъ, и васъ пріиметъ въ Себя, въ чемъ послѣдняя высшая цѣль разумныхъ тварей (—ст. 14 и д.). Эти наставленія излагаетъ онъ, обращаясь

къ Коринѳянамъ, и какъ переходъ къ нимъ, изъявляетъ свою особую широкую расположенность къ Коринѳянамъ, требуя взаимно отъ нихъ широкаго вниманія къ своимъ словамъ, для полнаго ихъ вмѣщенія (—ст. 11—13).

Ст. 11. *Уста наша отверзошася къ вамъ, Коринѳяне, сердце наше распространися.*

Предшествующая рѣчь, особенно къ концу, шла, какъ само собою видно, съ нѣкоторымъ движеніемъ. Въ такую откровенность войти вовлекла Апостола особая расположенность къ Коринѳянамъ; какъ будто и еще готовъ онъ былъ продолжать слово въ томъ же направленіи, но сила чувства остановила его и заставила открыть, что приводило въ движеніе языкъ его: *сердце распространилось,* оттого и *уста отверзошася.* Отъ избытка сердца говорятъ уста. „Мы не хотимъ, говоритъ, молчать предъ вами, но всегда желаемъ говорить и бесѣдовать съ вами; а это есть обычай любящихъ. И что для тѣла объятіе рукъ, то для души дружественная бесѣда. Вмѣстѣ съ симъ онъ намекаетъ здѣсь еще и другое нѣчто. Что же такое? То, говоритъ, что мы откровенно бесѣдуемъ съ вами, какъ съ возлюбленными, ничего не утаивая отъ васъ, и ничего не скрывая.—И самое наименованіе *Коринѳяне* выражаетъ великую любовь, расположеніе и горячность его къ нимъ. Ибо извѣстно, что мы любимъ часто повторять имена тѣхъ, которыхъ любимъ. *Сердце наше распространися.* Какъ теплота и жаръ расширяетъ вещь, въ которой заключается, такъ и любви свойственно расширять сердце, потому что она есть такая добродѣтель, которая и горяча и разгорячаетъ. Она разверзла уста Павловы и разширила сердце его. Ибо не устами только, говоритъ, люблю васъ, но съ устами согласуется и сердце. Посему я и говорю такъ смѣло,

открытыми устами и отъ всего сердца. Ибо нѣтъ ничего на землѣ пространнѣе сердца Павлова; оно, какъ кто-нибудь своего друга, такъ горячо любило всѣхъ вѣрныхъ, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабѣвая, но пребывая въ каждомъ всецѣло. И удивительно ли, что Павелъ имѣлъ такую любовь къ вѣрнымъ, когда сердце его обнимало всю вселенную и самыхъ невѣрныхъ? Посему и не сказалъ: *я люблю васъ*, но гораздо выразительнѣе: *уста наша отверзошася, сердце наше распространися;* мы всѣхъ имѣемъ въ сердцѣ и не кое-какъ, но съ большимъ просторомъ и удобствомъ. Ибо въ такомъ случаѣ любимый безъ всякой опасности помѣщается въ сердцѣ любящаго“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ, утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ.*

Не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ — значитъ: мы васъ объемлемъ широкою любовію; *утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ*, — значитъ: а вы насъ не такъ широко любите. Нѣжное обличеніе! „Смотри, какъ онъ щадитъ и въ самыхъ обличеніяхъ! А это есть свойство сильно любящихъ. Не сказалъ: вы не любите насъ, но: не столько любите, сколько мы; ибо не хочетъ сильно упрекать ихъ. Тоже говоритъ онъ и въ концѣ посланія: *аще и излишше васъ любя, меньше любимъ есмь вами*“ (—12, 15) (св. Злат.). Но чего именно касался этотъ укоръ,—не видно съ опредѣленностію. „Ибо въ этомъ же посланіи онъ говоритъ, что не только онъ ихъ любитъ, но что и они его любятъ. Когда онъ говоритъ, что Титъ пришедши *повѣдалъ намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ* (—7, 6. 7), то симъ свидѣтельствуетъ о любви ихъ къ нему“ (св. Злат.).—*Ваше желаніе,*—ἐπιποθησιν, означаетъ расположеніе сильно любящаго сердца. Какъ же здѣсь укоръ? Можетъ быть Апостолъ разумѣетъ, что не всѣ

такъ его любятъ, какъ онъ ихъ. Я, говоритъ, всѣхъ васъ широко люблю, а вы не всѣ. Есть между вами такіе, въ сердцѣ которыхъ нѣтъ для меня мѣста просторнаго. Такимъ образомъ, имѣя во вниманіи большинство, вѣрно сказать можно было, что сильно любятъ; а намекая на меньшинство, вѣрно можно было сказать, что утѣсняются, меньше любятъ.

Ст. 13. *Тожде же возмездіе, якоже чадомъ глаголю, распространитеся и вы.*

Какъ я васъ широко люблю, въ равное возмездіе разширитесь и вы любовію ко мнѣ; или, какъ я всѣхъ васъ вмѣстѣ и каждаго поодиночкѣ люблю, такъ и вы всѣ вмѣстѣ и каждый поодиночкѣ полюбите меня полною любовію.—*Яко чадомъ глаголю,*—это нѣжное побужденіе, которому отказать нельзя. Я васъ родилъ, вы мои дѣти духовныя: какія дѣти не любятъ отца? И какой трудъ дѣтямъ любить его? И я на васъ никакого ярма не налагаю, а только указываю на то, что у васъ естественно должно быть. Св. Златоустъ видитъ въ этихъ словахъ самые тонкіе оттѣнки мыслей Апостола. „И хотя не одно и тоже — прежде самому быть любимымъ, а потомъ уже любить другихъ; потому что возлюбившій послѣ, хотя бы и равною платилъ любовію, но какъ послѣ возлюбившій, по тому уже самому стоитъ ниже предварившаго его любовію: впрочемъ я не вхожу, говоритъ, въ строгое розысканіе сего; для меня довольно, если вы, и съ меня взявъ примѣръ, покажете туже мѣру любви, какою я люблю васъ. Потомъ, чтобы показать, какъ это нужно для нихъ, и какъ слова его чужды всякаго ласкательства, прибавляетъ: *якоже чадомъ глаголю.* Что же значитъ: *якоже чадомъ?* То-есть, ничего болѣе не прошу отъ васъ, кромѣ вашей любви, какъ отецъ вашъ. Видишь ли, какое здѣсь благоразуміе и смиренномудріе? Онъ

не говоритъ уже о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія претерпѣлъ за нихъ; умалчиваетъ о своихъ трудахъ, объ опасностяхъ смерти, хотя бы и много могъ говорить; такъ онъ чуждъ гордости! но говоритъ только о любви своей и проситъ отъ нихъ взаимной любви; потому что я отецъ вашъ, говоритъ, и сильно люблю васъ. Пользующагося любовію другаго иногда очень раздражаетъ то, что любящій напоминаетъ о своихъ къ нему благодѣяніяхъ; ибо онъ вмѣняетъ сіе въ упрекъ себѣ. Посему св. Павелъ и не дѣлаетъ сего, а говоритъ только: возлюбите меня, какъ дѣти отца, что гораздо ближе къ природѣ человѣческой и составляетъ долгъ каждаго въ отношеніи къ отцу.“

Изъяснивъ такимъ образомъ, какъ распространилось сердце его и отверзлись уста, обличивъ, что Коринѳяне утѣсняются въ утробахъ своихъ и побудивъ ихъ распространиться въ соотвѣтствіе широтѣ его сердца, Апостолъ начинаетъ предлагать уроки: *не бывайте преложни ко иному ярму,* и т. д. Сопоставивъ это вмѣстѣ, невольно приходишь къ мысли, что распространеніе, котораго требовалъ Апостолъ, есть не что иное, какъ широта вниманія и сердца для принятія предлагаемаго ученія. Отсюда и вся предыдущая рѣчь представляется въ такомъ видѣ: сердце мое расширилось и уста отверзлись. Я полонъ высокихъ и важныхъ истинъ, и готовъ перелить ихъ въ души ваши. Расширите же и вы умъ и сердце для принятія ихъ. Говорю: расширите; потому что вы не такъ широки бываете для внятія истинѣ. Итакъ, какъ отецъ чадамъ, для блага вашего, говорю: распространитеся и внимайте!— Такъ разсуждаетъ блаженный Фотій у Экуменія.

Ст. 14. *Не бывайте* (удобь) *преложни ко иному ярму, якоже невѣрніи: кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію? Или кое общеніе свѣту ко тмѣ?*

Не бывайте (удобь) *преложни ко иному ярму, якоже невѣрніи* или *невѣрныхъ*. Μὴ γίνεσθε ἑτεροζυγοῦντες ἀπίστοις. Ετεροξυγειν—значитъ становиться въ одно ярмо въ пару съ другимъ. Апостолъ говоритъ: не становитесь вы въ одно ярмо въ пару съ невѣрными. Слово въ слово можно перевесть такъ: *не бывайте подъяремны въ пару съ невѣрными*.. Далѣе объясняетъ, почему такъ не должно; потому, говоритъ, что вы совсѣмъ не пара съ ними, а разнитесь отъ нихъ до противоположности.— Поводомъ къ этому внушенію могло послужить участіе нѣкоторыхъ вѣрующихъ коринѳскихъ въ трапезахъ отъ идоложертвенныхъ мясъ, а можетъ быть и въ другихъ какихъ житейскихъ обычаяхъ языческихъ. Намѣреніе же Апостола то, чтобы совсѣмъ отстранить ихъ отъ всего, что носило печать язычества: изыдите отъ среды ихъ и нечистотамъ ихъ не прикасайтеся. По мысли его всякое такое соприкосновеніе съ язычниками есть тоже, что впряженіе себя въ одно ярмо съ ними, чтобъ тянуть ту же тяжесть и идти по томуже пути. Св. Златоустъ такъ вводитъ въ виды Апостола при такомъ оборотѣ рѣчи: „Здѣсь Апостолъ говоритъ какъ-бы имъ: не уклоняйтесь на ихъ пути. Посмотрите, какое разстояніе между благородствомъ вашимъ и низостію тѣхъ. Такое сопоставленіе дѣлало рѣчь его болѣе убѣдительною и привлекательною для Коринѳянъ. Еслибы кто сыну, непочитающему своихъ родителей и предающемуся людямъ развратнымъ, сказалъ: что ты дѣлаешь, чадо? Ты презираешь своего отца, и предпочитаешь ему людей развратныхъ и въ беззаконіяхъ погрязшихъ. Ужели ты не знаешь, сколько ты лучше ихъ и благороднѣе? — то симъ образомъ онъ лучше бы отклонилъ его отъ сообщенія съ ними, чѣмъ — когда бы сталъ выхвалять только отца. Такъ, еслибы онъ сказалъ: ужели ты не знаешь, сколько отецъ твой лучше ихъ?—

то симъ мало, или ничего бы не сдѣлалъ. Но когда обойдя отца, предпочтетъ имъ сына, говоря: ужели ты незнаешь, кто ты, и кто они? Какъ ты не подумаешь о своемъ благородствѣ и свободномъ происхожденіи, а о ихъ низости? Что у тебя общаго съ такими ворами, прелюбодѣями, разбойниками?—то, какъ-бы окрыливъ его сими похвалами, легко расположитъ его къ тому, чтобы онъ оставилъ сообщество съ ними. Первыя же увѣщанія онъ не такъ легко приметъ потому, что отецъ такому сыну будетъ служить уже не честію, а обвиненіемъ въ томъ, что онъ оскорбляетъ отца, и притомъ отца столь почтеннаго: здѣсь же ничего подобнаго онъ не услышитъ. Притомъ, кто не любитъ похвалы? И потому самое обличеніе, соединенное съ похвалою слушателя, бываетъ удобопріемлемѣе. Ибо оно смягчаетъ, возвышаетъ духъ его, и заставляетъ гнушаться сообществомъ съ худыми людьми. Но здѣсь достойно удивленія не только такое различеніе, но и то, что такъ сильно изобразилъ оное для возбужденія страха въ Коринѳянахъ. Сперва онъ ведетъ рѣчь свою чрезъ вопросы, что обыкновенно бываетъ тогда, когда говорится о чемъ нибудь для всѣхъ извѣстномъ и очевидномъ; потомъ распространяетъ оную многими и различными наименованіями: ибо не одно, не два, не три, но многія наименованія сравниваемыхъ вещей полагаетъ предъ глаза слушателей, дабы съ одной стороны изобразить высоту добродѣтели (вѣры Христовой), а съ другой крайнюю низость порока (язычество), и чрезъ великое, даже безконечное между ними разстояніе, показываетъ, что дѣло не требуетъ болѣе никакого доказательства.“

Кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію, или кое общеніе свѣту ко тмѣ? Ст. 15. *Кое же согласіе Христови съ веліаромъ? или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ?* 16. *Или кое сложеніе церкви Божіей со идолы? Вы бо есте*

церкви Бога жива, якоже рече Богъ: яко вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ Мнѣ людіе.

„Смотри сколько простыя употребляетъ онъ слова, и между тѣмъ достаточныя для отвращенія Коринѳянъ отъ ярма невѣрныхъ“ (св. Злат.).

Слова простыя, но обнимаютъ сравниваемые предметы съ самыхъ существенныхъ сторонъ. Во-первыхъ *со стороны нравственной. Кое причастіе правдѣ къ беззаконію?* Какъ правда противоположна беззаконію, такъ вы язычникамъ: не входите же съ ними въ одно ярмо. Вѣрующихъ называетъ правдою, ради того, что прежніе ихъ грѣхи омыты крещеніемъ, и чтобы не падать въ новые, они положили намѣреніе и дали обѣтъ, приступая къ крещенію, въ коемъ новую жизнь получили, которая благодатію Божіею сильна на твореніе всякой правды и пребываніе въ чистотѣ и святости. Беззаконіемъ называетъ язычниковъ ради того, что въ язычествѣ царствуетъ грѣхъ. Какъ раждаются они во грѣхѣ, такъ и живутъ въ немъ: самоугодіе заправляетъ всею ихъ жизнію. Самыя лучшія между ними личности не могутъ высвободиться изъ узъ его и даже понятія не имѣютъ, что должно такъ сдѣлать. Да еслибъ и поняли, что сдѣлали бы? Надо родиться свыше; а этого они лишены. И суть потому въ беззаконіи, которое составляетъ будто духъ жизни ихъ: т.-е. всѣмъ жертвовать для себя, или все обращать въ средство для своихъ личныхъ цѣлей.

Или кое общеніе свѣту ко тмѣ? Это *вовторыхъ*— сравненіе со стороны *умственной*. Какъ свѣтъ противоположенъ тьмѣ, такъ вы язычникамъ. Какъ нѣтъ общенія у свѣта со тьмою, такъ не должно быть его и у васъ съ язычниками ни въ чемъ языческомъ. Вѣрующіе— свѣтъ, по свѣтлости вѣдѣнія ихъ, обнимающаго все сущее и бывающее, безначальное и безконечное, время

и вѣчность, и все съ возможною нынѣ точностію и ясностію опредѣляющаго. Знаютъ они откуда они; зачѣмъ на землѣ, что ждетъ ихъ за гробомъ, и какъ сдѣлать тамошнее пребываніе блаженнымъ. Вѣдаютъ Бога, Творца и Промыслителя, Спасителя и Утѣшителя, знаютъ, какъ вступить съ Нимъ въ общеніе и пребыть всегда въ Немъ, въ чемъ послѣдняя цѣль разумныхъ тварей. Зная все сіе, они живутъ, какъ во дни ходятъ. Язычники напротивъ ничего такого не знаютъ, самые существенные вопросы для нихъ остаются нерѣшенными, и живутъ они какъ живется, плетясь общею колеею, не имѣя возможности дать себѣ отчета, куда идутъ и чѣмъ кончится путь ихъ. Тьма густая невѣдѣнія покрываетъ ихъ. Вотъ они каковы! Какая же, говоритъ Апостолъ вамъ стать лѣзть въ одно съ ними ярмо?!

Ст. 15. *Кое согласіе Христови съ веліаромъ.* Это *втретьихъ*—сравненіе по началовождямъ. Вы Христовы, тѣ веліаровы. Какъ невозможно согласіе Христа съ веліаромъ, такъ не должно быть его и у васъ съ язычниками. Христосъ Господь—Глава христіанъ; въ Него облекаются они крестясь, и пріявъ благодать, въ Его образъ потомъ преображаются трудами цѣлой жизни,—чтобы ставъ едино съ Нимъ здѣсь, сподобиться и въ другой жизни быть тамъ, гдѣ Онъ, въ неизреченно-блаженной славѣ. Веліаръ — сатана, первый вступилъ въ богоборство по духу гордыни; потомъ научилъ прародителей не послушаться Бога, пообѣщавъ имъ горы и лишивъ всего; затѣмъ всѣхъ людей обманываетъ, увлекая ихъ на дѣла самоугодія въ противность совѣсти и Богу. Власти онъ ни надъ кѣмъ и ни надъ чѣмъ не имѣетъ, а лживо величаетъ себя царемъ, потому что люди призраками его прельщенные бросаются на самоугодіе, и чрезъ него ему служатъ. Цѣль усилій его — побольше надѣлать погибающихъ; и собственно

для него отъ этого нѣтъ никакой прибыли: ибо огонь тотъ же уготованъ и для него. Такъ хлопочетъ, лишь бы не одному съ своими клевретами мучиться вѣчно. Итакъ видите, говоритъ какъ-бы Апостолъ, какія противоположности! Христосъ Господь существенно есть Спаситель и спасенія Податель несомнѣннаго; а веліаръ—пагуба, хитрый прельститель, всѣхъ по злобѣ въ пагубу сманивающій приманкою сластей самоугодія. Пристало ли вамъ, спасенія Христова причастившимся, быть съ тѣми, кои мятутся въ пагубности прелестной?

Или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ? Это *вчетвертыхъ*—сравненіе по началу жизни и концу ея. Вѣрный услышалъ слово о спасеніи и принялъ его съ вѣрою; по вѣрѣ охотно подчинился условіямъ спасенія и пребываетъ имъ вѣренъ; и ради сей вѣрности питаетъ увѣренность, что Христосъ Спаситель увѣнчаетъ благимъ концемъ теченіе его, сподобивъ его нескончаемаго блаженства въ царствіи Своемъ. Такова часть вѣрнаго! Она несомнѣнна; ибо утверждается на вѣрности Божіей. Невѣрный въ нечаяніи ходитъ, и ничего вѣрнаго въ сей жизни, тѣмъ паче въ будущей, обѣщать себѣ не можетъ. Совѣсть, всегда оскорбляемая, даетъ ему предвидѣть мрачную картину его участи; и какъ дверь къ ней отворяется смертію, то минута сія всегда поражаетъ его изступляющимъ страхомъ. Видишь ли, какова участь невѣрнаго? Зачѣмъ же тебѣ становиться въ пару съ нимъ?

Ст. 16. *Или кое сложеніе церкви Божіей со идолы?* Это *впятыхъ*—сравненіе по послѣдней цѣли религіи, которая есть Богообщеніе. Душа, воспріявшая Бога, въ общеніи съ Нимъ становится храмомъ Божіимъ. Вѣрующіе чрезъ общеніе съ Господомъ Іисусомъ Христомъ вступаютъ въ общеніе съ Богомъ и суть существенно храмъ Божій. Апостолъ и говоритъ: *вы церкви*

Бога живаго. Это говоритъ не обо всѣхъ въ совокупности, а о каждомъ вѣрующемъ въ частности; ибо говоритъ: вы—церкви, а не церковь. Итакъ смотрите, говоритъ, какая выходитъ несообразность, когда вы принимаете участіе въ чемъ либо языческомъ. Тутъ тоже выходитъ, какъ еслибы кто взялъ языческаго идола и поставилъ его въ христіанскомъ храмѣ. Какъ послѣднее дѣйствіе ни съ чѣмъ несообразно, *ибо кое сложеніе церкви Божіей со идолы*, такъ ни съ чѣмъ несообразно, когда кто нибудь изъ васъ, чрезъ участіе въ язычествѣ вноситъ что нибудь языческое въ душу свою, въ коей благоволитъ обитать Богъ. Св. Златоустъ говоритъ: „И для чего ты, нося Бога въ себѣ, бѣжишь къ идоламъ, съ которыми Богъ не имѣетъ ничего общаго? Такой поступокъ достоинъ ли извиненія? Помысли, Кто въ тебѣ живетъ и обитаетъ съ тобою.“

Такой рядъ противоположностей выставивъ, Апостолъ, какъ-бы за руку взявши, отводитъ вѣрующихъ отъ всего языческаго. Какъ верхъ всѣхъ отличій вѣрнаго отъ невѣрнаго есть истинное общеніе, общеніе живое съ Богомъ живымъ, то на этомъ преимуществѣ Апостолъ останавливаетъ особенное вниманіе, доказывая его пророчествами и чрезъ нихъ изображая его съ разныхъ сторонъ. Приводимыя изъ Ветхаго Завѣта свидѣтельства слово въ слово не читаются въ Писаніи, какъ они приводятся св. Павломъ, а собраны имъ изъ разныхъ мѣстъ и сочетаны въ одну стройную рѣчь.

Вы, говоритъ, *есте церкви Бога живаго*. А что это такъ, послушайте, что обѣтовалъ Богъ Израилю. *Вселюся въ нихъ и похожду*, „т.-е. вселюся въ храмахъ сихъ, и въ нихъ буду ходить, показывая тѣмъ великое къ нимъ благоволеніе“ (св. Злат.). *И буду имъ Богъ, и тіи будутъ Мнѣ людіе* (Лев. 26, 12). Я ихъ Богъ, они Мои люди. Въ этомъ выражается общеніе со сто-

роны Бога. Но когда Богъ возвѣстилъ это людямъ тѣмъ, и люди тѣ приняли то въ сердце свое, то и они стали имѣть Бога своимъ Богомъ, и себя людьми Божіими. Въ этомъ общеніе со стороны людей. Такъ было во Израилѣ—прообразѣ вѣрующихъ; и общеніе то было прообразовательное. Оно все происходило внѣшнимъ образомъ. Истинное Богообщеніе совершено уже Господомъ Спасителемъ сначала упостасно въ Своемъ Лицѣ, а потомъ благодатно - нравственно и во всѣхъ вѣрующихъ. Всѣ вѣрующіе, становясь едино съ Господомъ, дѣлаются едино и съ Богомъ истинно, существенно. Такъ молилъ Самъ Господь: *да вси едино будутъ, якоже Ты Отче во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Ін. 17, 21). И молитва Господня становится дѣломъ во всякомъ вѣрующемъ. Но совершается сіе не номинально, а самымъ дѣломъ. Вѣрующіе возраждаются благодатію Св. Духа, и ставъ чистыми чрезъ отверженіе страстей самоугодія и чрезъ воспріятіе всѣхъ добродѣтелей, суть готовый и богоприличный храмъ для Бога, Который и вселяется въ нихъ, и вселясь водитъ ихъ путями жизни, или ходитъ въ нихъ, какъ древле столпъ облачный ходилъ среди Израиля. Что у древняго Израиля совершалось внѣшно, то у новаго совершается внутренно въ душахъ и сердцахъ. Ибо Господь говоритъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23).

Ст. 17. *Тѣмже изыдите изъ среды ихъ, и отлучитеся, глаголетъ Господь, и нечистотъ не прикасайтеся: и Азъ пріиму вы* (Исаіи 52, 11).

Выше выражено обѣтованіе; здѣсь предлагается условіе, отъ исполненія котораго Израилемъ зависѣло исполненіе обѣтованія Богомъ. *Изыдите*, говоритъ, *изъ среды ихъ*, т.-е. язычниковъ, и *отлучитеся*, совсѣмъ отдѣли-

теся отъ нихъ, чтобъ стали чуждыми вы имъ и они вамъ. *И нечистотѣ не прикасайтеся;* нечистотѣ, ἀκαθάρτου, ничему нечистому не прикасайтеся, ничему тому, что осквернено идолослуженіемъ. Древній Израиль такъ и устроенъ былъ: и внѣшнимъ бытомъ и законоположеніями онъ былъ отгражденъ отъ язычниковъ и всего языческаго. Но что тогда совершалось и блюлось внѣшно, то у новаго Израиля должно совершаться внутренно, нравственными измѣненіями и рѣшеніями. Что тамъ идолопоклонство, то здѣсь самоугодіе со всѣми страстями. Что тамъ выдти изъ среды язычниковъ, то здѣсь оставить всѣ дѣла, дѣлаемыя въ угоду себѣ и страстямъ; что тамъ нечистотѣ не прикасаться, то здѣсь отверженіе и недопусканіе страстныхъ помысловъ и чувствъ самоугодливыхъ. Здѣсь условіе такое: *иже хощетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе* (Мѳ. 16, 24)... или: *иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: не творите нечистоты; но требуя отъ нихъ большей точности, сказалъ: не прикасайтесь и не приближайтесь къ ней. Онъ разумѣетъ всякую нечистоту, и плотскую и душевную. Плотскую нечистоту составляютъ блудъ, прелюбодѣяніе и всякое плотоугодіе; а душевную нечистые помыслы, сладострастный взоръ, памятозлобіе, обманы, и тому подобное. Онъ желаетъ, чтобы мы были чисты и отъ той и отъ другой нечистоты. Смотри, вотъ и награда за то—соединеніе съ Богомъ.“

И Азъ пріиму вы. Сначала обѣтовалъ: будутъ Моими, затѣмъ, предложивъ условія, говоритъ: если исполните ихъ, то *пріиму вы,*—вы станете Моими. Пріиму вы, и въ свое покровительство, и въ свое свойство. Возьму васъ на руки и буду грѣть и лелѣять, какъ мать любимое дитя. Такъ и бываетъ: кто, все отвергши, Богу присвояется, того и Богъ присвояетъ Себѣ и блюдетъ,

какъ зѣницу ока. Смотри, какое широкое употребленіе дано свободному произволенію! Обѣтованіе дано и возвѣщено; но чтобъ улучить его, надо сдѣлать требуемое движеніе свободнымъ произволеніемъ. Какъ только послѣдуетъ это движеніе, тотчасъ придетъ на него и исполненіе обѣтованія. Наглядно представляется это въ притчѣ о блудномъ сынѣ. Отецъ увидѣлъ приближающагося сына издалеча, выбѣжалъ ему на встрѣчу, палъ на выю его и облобызалъ его. Такъ принимаетъ Богъ прибѣгающихъ къ Нему въ раскаяніи грѣшниковъ. Но принимаетъ, когда прибѣгаютъ. Прибѣчь ихъ дѣло: и когда оно совершится, за Божіимъ пріятіемъ не будетъ остановки.

Ст. 18. *И буду вамъ во Отца, и вы будете Мнѣ въ сыны и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель* (Іерем. 3, 19. Осіи 1, 10).

Такимъ Богъ и имѣлъ всегда Израиля; и когда онъ оказывался неисправнымъ, въ укоръ ему представлялъ Свое ему отчество и его Себѣ сыновство. *Сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (Исаіи 1, 2). И новому Израилю не тоже ли обѣтовано въ совершеннѣйшемъ смыслѣ и въ существеннѣйшемъ значеніи. Ибо говорится: *елицы пріяша Его* (Господа Спасителя, вѣрою и любовію), *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12. 13). Въ томъ и состоитъ совершеніе всякаго вѣрующаго христіаниномъ, что онъ раждается свыше водою и Духомъ, и въ моментъ рожденія сего дѣлается сыномъ и дщерію Богу. Въ одинъ моментъ происходитъ и совершеніе христіаниномъ или христіанкою, и вступленіе въ чинъ сына или дщери Богу. „Видишь ли, Пророкъ давно уже предсказалъ о нашемъ настоящемъ благородствѣ, т.-е. о возрожденіи благодатію“ (св. Злат.).

Гл. 7, ст. 1. *Сицева убо имуще обѣтованія, о возлюбленніи, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страсѣ Божіи.*

Къ этому и велъ всю рѣчь Апостолъ; къ этому и пятикратное противопоставленіе высокаго достоинства вѣрныхъ и нестоющаго вниманія ничтожества невѣрныхъ; къ этому и возвышенныя обѣтованія пророческія, которыя всѣ существенно исполняются только въ прилѣпляющихся ко Господу Спасителю вѣрою и любовію; къ этому, отъ себя прибавимъ, и все домостроительство спасенія и крестная смерть, и сошествіе Духа Святаго, и Апостольская проповѣдь и устроеніе Церкви, со всѣми дивными явленіями въ ней и въ началѣ, и во все продолженіе стоянія ея. Все къ тому, да всѣ вѣрующіе, трудами добродѣланія и подвигами самоотверженія, при помощи благодати Божіей, *очищаютъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страсѣ Божіи.* Ибо только въ такомъ случаѣ они дѣйствительно станутъ сынами и дщерями Богу и живыми храмами живаго Бога.

Сицева убо имуще обѣтованія „Какія это? Тѣ, что мы сдѣлались храмами для Бога, сынами и дщерями Его, и Его имѣемъ Богомъ и Отцемъ своимъ“ (св. Злат.). Таинственно все сіе уже есть съ нами и есть наше. Остается за нами своимъ произволеніемъ, дѣлами, словами, помышленіями и чувствами явить себя такими, какими не наречены только, но и сотворены мы таинственно: ибо благодать возрожденія уже въ насъ пребываетъ, а слѣд. и все съ нею сопряженное. Апостолъ хочетъ сказать: смотрите же и держите себя, какъ свойственно сынамъ и дщерямъ Божіимъ, или такимъ лицамъ, кои суть храмъ живущаго въ нихъ живаго Бога. Что же для сего нужно?

Очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа. „Не

будемъ прикасаться нечистотѣ плотской, и тому, что очерняетъ душу“ (св. Злат.). *Скверною плоти* называетъ онъ какъ плотскіе грѣхи, такъ и всѣ „беззаконныя дѣла“ (Ѳеод.), тѣломъ совершаемыя. *Скверною же духа*—грѣховныя мысли, чувства и расположенія, главное же корень всего—самоугодіе или самость. Очистить себя отъ всего этого значитъ въ прежнихъ всѣхъ сквернахъ покаяться и впредь не позволять себѣ не только нечистыхъ дѣлъ, но и мыслей и какихъ-либо недобрыхъ движеній внутри, паче же искорененіе самоугодія, на которомъ держится все нечистое и которымъ порождается. Совершается сіе очищеніе подобно тому, какъ вымывается нечистое бѣлье. Это послѣднее мочатъ, парятъ, полощутъ, мнутъ, бьютъ, сушатъ, катаютъ или утюжатъ, и оно убѣляется и принимаетъ настоящій видъ, дѣлающій его годнымъ къ употребленію снова. Не безъ труда совершается и очищеніе души: все сюда относящееся совмѣщается въ опытахъ добродѣланія и въ подвигахъ самоотверженія. Какъ все идетъ, дѣломъ показали святые Божіи, во всѣхъ родахъ достигавшіе высокой чистоты и осязательно всѣмъ являвшіе, что воистину суть храмы Бога живаго, сыны и дщери Ему, Который блюдетъ ихъ и все угодное имъ творитъ.

Творяще святыню въ страсть Божіи. Зачинаетъ дѣло внутренняго очищенія, и чрезъ него и внѣшняго, страхъ Божій. Онъ, пришедши, разбужаетъ совѣсть, неотразимую силу голосу ея подаетъ. Потомъ они вмѣстѣ раждаютъ ревность о содѣяніи спасенія, и эта уже устрояетъ и раскаяніе и рѣшимость прогонять все нечистое и грѣховное, и всѣ порядки добродѣланія и подвиги самоотверженія. Она же, пріявъ силу въ таинствахъ, и дѣломъ, при помощи благодати Божіей, все задуманное совершаетъ, и храня постоянство труда и дѣланія, доводитъ до совершенной преднамѣренной

чистоты плоти и духа, свойственной сынамъ и дщерямъ Божіимъ. Страхъ Божій какъ начало полагаетъ, такъ пребываетъ и бдительнымъ стражемъ всего сего дѣланія. Почему и сказалъ Апостолъ: творяще святыню, т.-е. очищеніе себя, или восходя въ чистоту, страхомъ Божіимъ. Св. Златоустъ говоритъ на это: „Апостолъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы сказать: не прикасайтеся нечистотѣ, но присовокупилъ еще: *творяще святыню въ страсѣ Божіи.* Ибо одно неприкосновеніе къ нечистому еще не дѣлаетъ чистымъ; чтобы сдѣлаться святыми, для сего потребно нѣчто большее, т.-е. ревность, бодрствованіе и благочестіе. И не напрасно сказалъ онъ: *въ страсѣ Божіи.* Ибо можно сохранять цѣломудріе и не въ страхѣ Божіемъ, но для суетной славы. Впрочемъ онъ имѣлъ еще и другое въ виду, когда сказалъ *въ страсѣ Божіи*, именно способъ, которымъ достигается и сохраняется святость. Ибо какъ ни велика сила похоти; но если ты оградишь себя страхомъ Божіимъ, то препобѣдишь ея неистовство. Подъ *святынею* же онъ разумѣетъ здѣсь не одно цѣломудріе, но и отчужденіе отъ всякаго грѣха. Ибо святъ тотъ, кто чистъ, а чистъ не тотъ, кто не творитъ только блуда, но кто чуждъ вмѣстѣ и сребролюбія, и зависти, и надменія, и тщеславія, особенно тщеславія.“

3).

Выраженіе радости и утѣшенія, доставленныхъ возвращеніемъ Тита и всѣмъ, что видѣлъ и встрѣтилъ онъ въ Коринѳѣ

7, 2—16.

Рѣчь объ этомъ св. Павелъ началъ было выше, 2, 12. 13. Но лишь началъ, какъ взятъ былъ Духомъ къ

созерцанію силы и славы новозавѣтнаго благовѣстія. Изложивъ все, что Духъ давалъ ему провѣщать о семъ, возвращается онъ теперь снова къ прерванному сказанію. Начинается оно съ 5 ст.; а) стихи же 2—4 представляютъ переходную рѣчь; 2 и 3 стихи будто ближе къ предыдущему; а 4 къ послѣдующему. Въ самомъ сказаніи говоритъ о томъ, какъ былъ обрадованъ и утѣшенъ сначала б) прибытіемъ Тита, 5—7; потомъ в) тѣмъ, что произвело въ Коринѳѣ первое посланіе, 8—12, наконецъ г) и пріемомъ, какой встрѣтилъ въ Коринѳѣ Титъ, 13—16.

а).

Ст. 2. *Вмѣстите ны: ни единаго обидѣхомъ, ни единаго истлихомъ, ни единаго лихоимствовахомъ.*

Вмѣстите ны. Прямо напоминаетъ прежнее слово: *утѣсняетеся во утробахъ вашихъ... распространитеся* (6, 12. 13). Ѳеодоритъ пишетъ: „*вмѣстите*—говоритъ тѣмъ, которые утѣснялись; сіе говорилъ онъ и выше: *распространитеся и вы.*“ Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: любите насъ, но какъ бы умилостивляя, говоритъ: *вмѣстите ны.* Прежде говорилъ: утѣсняетеся во утробахъ вашихъ; и здѣсь выражаетъ то же яснѣе словами: *вмѣстите ны.* И симъ опять привлекаетъ ихъ къ себѣ; потому что всего болѣе склоняетъ къ любви, когда любящій внушаетъ любимому, что сильно желаетъ любви его.“ Ѳеофилактъ прямо перифразируетъ это слово примѣнительно къ сказанному выше: „просторнѣе примите насъ, и да не будетъ намъ тѣсно въ васъ.“ Экуменій напоминаетъ мысль блаж. Фотія, по коей Апостолъ проситъ вмѣстить не его только самого, но паче слово его и ученіе. Эта мысль не противна теченію рѣчи.

Ни единаго обидѣхомъ, ни единаго истлихомъ, ни единаго лихоимствовахомъ. „Симъ указываетъ онъ на лжеапостоловъ“ (св. Злат.). Такихъ, говоритъ, которые все это дѣлаютъ вамъ, вы принимаете (ниже указываетъ на это 11, 20): тѣмъ охотнѣе слѣдуетъ вамъ принять насъ, которые ничего такого вамъ не дѣлали. Св. Павелъ могъ бы указать на то добро, которое они получили отъ него сначала духовно, а потомъ вещественно: ибо скромная жизнь христіанская не могла не возымѣть вліянія и на внѣшній бытъ. Но это не могло бы быть такъ сильно, какъ это сопоставленіе отношенія Коринѳянъ къ себѣ съ отношеніемъ ихъ же къ другимъ, отъ которыхъ они никакого добра не получили, а одно худо. „Умалчиваетъ о своихъ благодѣяніяхъ, но другимъ образомъ и смягчаетъ и вмѣстѣ усиливаетъ слово свое. Не говоритъ: мы оказали вамъ такія и такія благодѣянія, но какъ-бы такъ: хотя бы мы и никакого не сдѣлали для васъ благодѣянія, и тогда вамъ не надлежало бы убѣгать насъ; ибо вы ни въ большомъ, ни въ маломъ не можете насъ обвинить“ (св. Злат.).

Ни единаго обидѣхомъ ἠδικησαμεν, никого не онеправдовали, въ какомъ бы ни было отношеніи; полтора года жили среди васъ тихо, мирно, честно; не только дѣломъ, но и словомъ никто не обиженъ и не оскорбленъ отъ насъ. *Ни единаго истлихомъ,* никого не развратили худымъ примѣромъ, никого не сбили съ пути злымъ ученіемъ: „не употребляли льстивыхъ словъ, прикрашивая ложь“. (Ѳеод.); „никого не ввели въ заблужденіе, повреждая умъ нечестивыми догматами“ (Ѳеофил.); „никого не обольстили и ничьего не растлили ума, прельщая простоту, какъ змій прельстилъ Еву лукавствомъ своимъ“ (св. Злат.). *Ни единагоже лихоимствовахомъ,*— ни отъ кого ничѣмъ не покорыствовались. „Ни у кого

ничего не выманивали, поступая коварно“ (св. Злат.); „не торговали словомъ благовѣстія, обращая его въ средство къ обогащенію“ (Экум., Ѳооф.).

Слова сіи стоятъ у св. Павла безъ пояснительныхъ прибавленій, потому никакой нѣтъ нужды отступать отъ прямаго ихъ значенія. Поводъ, по которому такъ говорится, менѣе можно думать, чтобъ былъ тотъ, что недоброжелатели св. Павла такія распускали о немъ сужденія, а скорѣе тотъ, какъ указалъ св. Златоустъ, что какіе-нибудь лжеучители такъ дѣйствительно поступали среди Коринѳянъ, т.-е. и покорыстовались, и ложью умы развратили, и худой примѣръ оставили, и онеправдовали кого, держа себя высоко, что не могло обойтись безъ оскорбленій.

Нельзя не замѣтить, какая высокая похвала пастырю, если онъ предъ лицемъ всей паствы можетъ сказать такія слова. Или одинъ Самуилъ Пророкъ и св. Павелъ были таковы?! Нѣтъ; во всякое время око Божіе вѣрно видитъ не семь, а нѣсколько разъ семь тысячъ душъ пастырскихъ, непреклонявшихъ колѣна предъ ложью, лестью, неправдою и мамоною.

Ст. 3. *Не на осужденіе глаголю: прежде бо рѣхъ, яко въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умрети съ вами и сожити.*

„Чувствуя, что сказанное имъ можетъ показаться жестокимъ, онъ опять смягчаетъ свое слово“ (св. Злат.). Предыдущее слово не могло не отозваться сильною горечью въ сердцахъ Коринѳянъ. Укоръ сдѣланъ болѣзненный, хотя и не прямо. Какъ они были не безъ вины, то встревоженная совѣсть могла ожидать кары или отверженія. Надлежало отвратить это безпокойство. Онъ и отвращаетъ, говоря: *не на осужденіе вамъ глаголю.* Не бойтесь; не кару съ неба призываю на васъ, (κατακρισις есть приговоръ суда, опредѣляющій

наказаніе), не выставляю вины, чтобы отвергнуть васъ. Я люблю васъ столько, что жить безъ васъ не могу и кромѣ добра ничего вамъ не желаю. Но вмѣсто того, чтобы сказать: я васъ люблю крѣпкою любовію, онъ употребилъ перифразъ любви: *прежде бо рѣхъ, яко въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умрети съ вами и сожити.* Слово въ слово онъ не выражалъ такъ своей къ нимъ любви, но выразилъ другими не менѣе сильными словами, когда говорилъ: *сердце наше распространися... Не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ* (—6, 11. 12). Сказать кому, что съ тобою мнѣ и умереть и жить, есть тоже, что сказать: обнялъ я тебя широкою любовію и не разстанусь съ тобою никогда. Св. Златоустъ говоритъ: „подлинно весьма велика такая любовь, что будучи даже ими презираемъ, готовъ и умереть и жить вмѣстѣ съ ними. Апостолъ не просто говоритъ: *вы есте въ сердцахъ нашихъ;* но такъ, что, по сказанному, мы готовы съ вами жить и умереть. Ибо можно любить и убѣгать опасностей (которыя грозятъ изъ-за любимаго), но мы не такъ любимъ. Еслибъ, говоритъ, постигло васъ какое бѣдствіе, то я готовъ все терпѣть за васъ. Для меня ни смерть, ни жизнь, сами по себѣ, не важны; но быть тамъ, гдѣ вы, для меня предпочтительнѣе; съ вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти. Многіе соболѣзнуютъ о страждущихъ друзьяхъ своихъ; когда же друзья благоденствуютъ, не радуются съ ними, но еще завидуютъ. Мы же не таковы, говоритъ Апостолъ. Если вы подвергнетесь бѣдствію, мы не устрашимся раздѣлить съ вами ваше несчастіе. Если же будете благоденствовать, не станемъ завидовать.“

Ст. 4. *Много ми дерзновеніе къ вамъ, многа ми похвала о васъ: исполнихся утѣхи, преизбыточествую радостію о всякой печали нашей.*

Эти слова выражаютъ, что вырвалось изъ души Апо-

стола послѣ того, какъ Титъ разсказалъ ему, какъ былъ принятъ въ Коринѳѣ и какое дѣйствіе произвело посланіе Апостола на тамошнихъ вѣрующихъ. Ибо они раскаялись въ неисправностяхъ, возскорбѣли объ нихъ, и положили непремѣнно все исправить по указаніямъ св. Павла, и къ нему самому засвидѣтельствовали любовь свою и глубокое уваженіе. Приводя все сіе на мысль, Апостолъ говоритъ: *много ми дерзновеніе къ вамъ.* Вы дѣломъ показали, что я смѣло могу обращаться къ вамъ со всякимъ словомъ, въ увѣренности, что вы во всемъ послушаете меня. Съ предыдущимъ же эта рѣчь вяжется такимъ образомъ: тамъ онъ выразилъ, что любитъ ихъ крѣпкою любовію, а здѣсь будто объясняетъ: да и какъ мнѣ не любить васъ?

Много ми дерзновеніе къ вамъ. Теперь вижу, что во всемъ могу положиться на васъ. Вы показали, что относитесь ко мнѣ, какъ ученики къ учителю, какъ дѣти къ отцу. Это меня воодушевляетъ на трудъ среди васъ и для васъ: знаю, что это не будетъ безполезно.

Многа ми похвала о васъ. Вы доставили мнѣ много поводовъ къ тому, чтобы васъ хвалить и хвалиться вами. Я и всегда хвалюсь вами предъ другими; но теперь вы и охоты подбавили мнѣ къ тому и много обнаружили въ себѣ похвальнаго предъ прежними похвальными качествами. *Исполнихся утѣхи.* Скорбѣлъ; но какъ только пришелъ Титъ и разсказалъ про васъ, скорбь отошла и я исполненъ утѣхи. „Какой утѣхи? Какую получилъ отъ васъ; вы, исправившись, утѣшили меня дѣлами своими“ (св. Злат.). *Преизбыточествую радостію.* „Опять обнаруживаетъ горячность любви своей къ нимъ. Такъ была она ненасытима! Ибо и малая взаимная любовь отъ тѣхъ, кого любимъ, доставляетъ великую радость, по причинѣ нашей сильной къ нимъ любви. Говоря объ утѣшеніи, онъ ска-

залъ: *исполнихся*, т.-е. получилъ, что надлежало; а говоря о радости, сказалъ: *преизбыточествую*, т.-е. я много боялся за васъ, но вы довольно удовлетворили и утѣшили меня, и не только отняли у меня предлогъ къ скорби, но еще доставили мнѣ обильную радость. Изъявляя же, сколь велика сія радость, не только выражаетъ сіе словами: *преизбыточествую радостію*,—но и тѣмъ, что присовокупляетъ: *при всей печали нашей* (ἐπὶ πάσῃ). Таково доставленное намъ удовольствіе, что оно не затмилось и великою печалію, а напротивъ избыткомъ величія своего преодолѣло всѣ постигшія насъ скорби, и не дозволяетъ намъ чувствовать ихъ“ (св. Злат.).

б).

Ст. 5. *Ибо пришедшимъ намъ въ Македонію, ни единаго имѣ покоя плоть наша, но во всемъ скорбяще: внѣуду брани, внутрьуду боязни.*

„Упомянувъ выше о печали, сказываетъ, какая была печаль, и представляетъ ее въ бо́льшемъ видѣ, желая показать, сколь велики доставленныя ими утѣшеніе и радость, которыя разсѣяли и такую скорбь“ (св. Злат.). *Ибо пришедшимъ;* съ греч. *ибо и пришедшимъ.* Чрезъ *ибо* рѣчь связывается съ непосредственно предыдущимъ, а чрезъ *и*—съ тѣмъ, что говорилось въ 2, 12. 13.—Тамъ говорилось: въ Троадѣ не имѣлъ я покоя духу моему. Здѣсь говорится: но и когда пришелъ я въ Македонію, *ни единаго имѣ покоя плоть наша.* Тамъ *духъ*, здѣсь *плоть*, нельзя думать, чтобъ употреблены были съ особеннымъ какимъ значеніемъ, а какъ описательное прибавленіе къ лицу говорящаго. И тамъ и здѣсь я не имѣлъ покоя.—*Но во всемъ скорбяще*—надо дополнить *быхомъ*. Скорби окружали насъ со всѣхъ сторонъ, или во всѣхъ отношеніяхъ. Съ какихъ именно сторонъ

и въ какихъ отношеніяхъ, указываютъ слова: *внѣуду* и *внутрѣуду*. А они что значатъ? Св. Златоустъ говоритъ: „*внѣуду брани*, т.-е. отъ невѣрныхъ; *внутрѣуду боязни*, т.-е., за немощныхъ въ вѣрѣ, чтобы не увлеклись въ заблужденія, что случалось не у однихъ Коринѳянъ, но и у другихъ.“—Экуменій и Ѳеофилактъ—*внѣуду брани*, также понимаютъ, отъ невѣрныхъ, которыхъ, по Экуменію, Апостолъ обычно называетъ внѣшними. *И внутрѣуду страхи* — тоже относятъ къ вѣрующимъ, внутри ограды Церкви состоящимъ,—но не въ одномъ смыслѣ: Экуменій—„страхи изъ-за вѣрныхъ, какъ-бы не сокрушили ихъ искушенія,“ а Ѳеофилактъ,—изъ-за слабыхъ вѣрныхъ, „какъ-бы не сбили ихъ съ пути лжебратія.“ Ѳеодоритъ же пишетъ: „не только стѣсняла насъ борьба съ противниками (внѣуду брани), но истощала также и забота о немощныхъ; потому что боялся я ихъ перемѣны на худшее.“

Ст. 6. *Но утѣшаяй смиренныя, утѣши насъ Богъ пришествіемъ Титовымъ.*

Скорбь и безпокойство, какъ говорилъ выше, 2, 12. 13, начались отъ того, что такъ не скоро возвращался Титъ. И начало утѣшенію полагаетъ въ прибытіи Тита. Прежде чѣмъ онъ повѣдалъ что-либо, я уже былъ утѣшенъ однимъ прибытіемъ его. Отъ долгаго жданія Павелъ будто отчаялся уже и видѣть его когда-нибудь; потому прибытіе его считаетъ какъ-бы посланіемъ съ неба. Въ Богѣ живущему свойственно всякое, и большое и малое, событіе относить къ Богу, какъ оно и дѣйствительно отъ Него зависитъ. Почему Апостолъ исповѣдуетъ и въ этомъ прибытіи Тита великую милость Божію, и, воззрѣвая на него отъ лица промысла Божія, говоритъ: Богъ, утѣшающій смиренныхъ, тѣхъ, т.-е., которые смирены и сокрушены горемъ и скорбями, утѣшилъ насъ прибытіемъ Тита. — Но конечно

не одно это прибытіе такъ обрадовало Апостола, что онъ сразу забылъ всю тяготу, лежавшую на душѣ его,— но паче то, что принесъ Титъ. Почему продолжаетъ:

Ст. 7. *Не токмо же пришествіемъ его, но и утѣшеніемъ, имже утѣшился о васъ, повѣдая намъ ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ, яко ми паче возрадоватися.*

„Возвратившись, привелъ онъ насъ въ восхищеніе отъ удовольствія, когда разсказалъ о васъ столь много пріятнаго“ (св. Злат.). По всему ожидается, что св. Павелъ скажетъ: утѣшеніемъ, которымъ утѣшилъ онъ насъ; а онъ говоритъ: утѣшеніемъ, которымъ самъ Титъ утѣшился о васъ.—Надобно предположить, что св. Титъ, отправляясь въ Коринѳъ, не надѣялся встрѣтить тамъ то, что встрѣтилъ. Апостолъ послалъ его туда въ безпокойствѣ, и Титу очень желалось, чтобъ Коринѳяне оказались такими въ отношеніи къ Апостолу, какимъ быть имъ желалъ самъ Апостолъ. Поелику Титъ сильно этого желалъ, то и боялся, какъ бы не вышло тамъ чего противнаго его ожиданію и желанію. Потому когда увидѣлъ, что пріемъ посланія и самого его превзошелъ самое его ожиданіе, крайне былъ тѣмъ обрадованъ и восхищенъ; утѣшался и тѣмъ, что Коринѳяне оказались такими, и тѣмъ, что это очень обрадуетъ и утѣшитъ Апостола. О себѣ онъ забылъ, т.-е., какъ хорошо былъ принятъ: его радовали исправность Коринѳянъ и утѣшеніе отъ того Апостола.—Эта радость не могла не выразиться и во взорѣ, и въ первыхъ рѣчахъ. Апостолъ и хочетъ сказать: и прибытіе его радовало; но я по глазамъ уже видѣлъ, что онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что у васъ встрѣтилъ и принесъ мнѣ радостныя вѣсти. Это второй моментъ обрадованія. А когда онъ, говоритъ, повѣдалъ мнѣ, что у васъ встрѣтилъ, то я еще болѣе возрадовался. — Что же

повѣдалъ? *ваше желаніе*,—επιποθησιν, теплое расположеніе къ Апостолу, *ваше рыданіе*,—οδυρμον, болѣзненное сокрушеніе и скорбь о томъ, что такъ обезпокоили его своими неисправностями,—*вашу ревность по мнѣ*. рѣшеніе ревностно исправить все неисправное, все сдѣлать по указаніямъ его, кровосмѣсника изгнать и хулителей св. Павла заставить молчать.

Св. Златоустъ говоритъ: „*Утѣшися о васъ* Титъ. Чѣмъ же утѣшился? Вашею добродѣтелію, вашимъ исправленіемъ. Посему и присовокупляетъ: *повѣдая ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность по мнѣ*. Вотъ что утѣшало и радовало Тита! Видишь—и его представляетъ весьма расположеннымъ къ Коринѳянамъ, такъ какъ онъ добрую ихъ славу почитаетъ для себя утѣшеніемъ, и пришедши хвалится ею предъ Павломъ, какъ собственнымъ благомъ. И смотри, съ какимъ жаромъ выражаетъ сіе Апостолъ: *ваше желаніе, ваше рыданіе, вашу ревность*. Ибо имъ и должно было плакать и скорбѣть о томъ, что блаженный Павелъ такъ прогнѣвался на нихъ, и такъ долго не былъ у нихъ. Почему и сказалъ не просто: слезы, но *рыданіе;* и не просто—желаніе, но *сильное желаніе*,—ἐπιπόθησιν; и не раздраженіе (въ смыслѣ: раздражашеся духъ мой), но ревность,—ζῆλον,—и ревность за Апостола какъ противъ блудника, такъ и противъ осуждавшихъ Павла. Получивъ мое посланіе, говоритъ Павелъ, вы воспламенились и воспылали ревностію. Онъ *избыточествуетъ радостію, исполнился утѣхи*, потому что сильно тронулъ ихъ. А мнѣ кажется, что сіе сказано не только для утѣшенія за прежнее, но и для бо́льшаго возбужденія исполнившихъ требуемое. Ибо думаю, что нѣкоторые подлежали прежнимъ обличеніямъ и не заслуживали такой похвалы; но онъ не отдѣляетъ ихъ, напротивъ всѣхъ вмѣстѣ хвалитъ и укоряетъ, предо-

ставляя совѣсти слушателей избрать каждому свое. А такимъ образомъ и укоризны дѣлались сносными, и похвалы возбуждали къ большей ревности.“

в).

Ст. 8. *Яко аще и оскорбихъ васъ посланіемъ, не раскаюся, аще и раскаялбыхся: вижду бо, яко посланіе оно, аще и къ часу, оскорби васъ.*

Яко,—οτι,—ибо. Выше сказалъ, что когда разсказалъ ему св. Титъ все, что было въ Коринѳѣ, то онъ очень обрадовался тому. Но могъ кто подумать, какъ же это? У тѣхъ горькій плачъ, ὀδυρμὸς—а онъ радуется? Апостолъ объясняетъ теперь, какъ это у него выходитъ, что они плачутъ, а онъ радуется. Радуюсь, говоритъ, не тому, что вы опечалены, а тому, что изъ этого вышло,—вашему раскаянію и исправленію. Но объясненіе это излагаетъ нѣсколько пространнѣе, начиная съ того, что у него было на душѣ, пока не получилъ онъ вѣсти о дѣйствіи посланія. Св. Златоустъ говоритъ: „Поелику Коринѳяне загладили свой грѣхъ и потому безъ опасенія можно было говорить съ ними ласковѣе, то Апостолъ извиняется предъ ними въ строгости прежняго посланія своего, но показываетъ и пользу его. Тоже дѣлалъ и выше, говоря: *отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имамъ изобильно къ вамъ* (2 Кор. 2, 4). Тоже дѣлаетъ и здѣсь, но только выражается о семъ пространнѣе.“

Ибо, говоритъ, хотя я *оскорбилъ*,—ἐλύπησα, опечалилъ, васъ *посланіемъ*,—ἐν τῇ ἐπιστολῇ, въ посланіи, словами посланія, тѣмъ что говорено было въ первомъ посланіи; но *не раскаюся*,—οὐ μεταμέλομαι,—не раскаяваюся, *аще и раскаялбыхся*, хотя и раскаялся было.

Теперь, говоритъ, не раскаяваюсь, что печаль внесъ въ душу вашу, а раскаялся было, или началъ было раскаяваться. Когда это? Пока не пришелъ св. Титъ. Написавъ укорно и грозно, не могъ не полагать св. Павелъ, что слово его нанесетъ печаль Коринѳянамъ. Написалъ онъ такъ потому, что такъ необходимо было. Но потомъ, когда увидѣлъ, что Титъ замѣшкался, вѣрно предположилъ, что посланіе дало дѣлу неблагопріятный оборотъ, и потому началъ тужить и раскаяваться, что такъ строго написалъ. Объ этомъ и говоритъ теперь: хоть и раскаялся было, или началъ было раскаяваться, но теперь не раскаяваюсь, смотря на благой плодъ опечаленія васъ.

Св. Златоустъ впрочемъ этому слову: *аще и раскаялбыхся,* даетъ такой смыслъ: хотя и слѣдовало бы мнѣ раскаяться, что написалъ слишкомъ строго, сверхъ мѣры строго, но не раскаяваюсь по причинѣ пользы отъ того. Вотъ его слова: „хотя бы написанное мною было таково, что превышало мѣру должнаго обличенія, и требовало отъ меня раскаянія; но великая польза, происшедшая отъ того, не дозволяетъ мнѣ раскаяваться. Сказалъ же сіе не потому, что въ самомъ дѣлѣ выше мѣры обличилъ ихъ, но чтобы увеличить похвалу ихъ,“—показывая: вы такъ смиренны и послушны, что какъ строго ни напиши, принимаете то съ сокрушеніемъ и готовностію во всемъ исправиться; такъ что мнѣ остается только хвалиться вами. Такое пониманіе и не ближе ли къ ходу рѣчи?

Вижду бо, яко посланіе оно, аще и къ часу, оскорби васъ. Слѣдовало бы мнѣ раскаяваться, говоритъ. Почему же? Ибо вижу, что посланіе то опечалило васъ, хоть и не надолго. Видя это, слѣдовало бы раскаяться, но не раскаяваюсь: „ибо печаль была краткая, а польза вышла всегдашняя“ (св. Злат.). Почему продолжаетъ:

Ст. 9. *Нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе: оскорбѣсте бо по Бозѣ, да ни въ чемже отщетитеся отъ насъ.*

Не только, говоритъ, не раскаяваюсь, а напротивъ, радуюсь; радуюсь не тому, что вы опечалены, а тому, въ какомъ духѣ и съ какимъ плодомъ опечалены. „Я радуюсь, видя не собственно печаль, но плодъ печали; потому что печаль эта произрастила похвальное покаяніе“ (Ѳеод.). „Когда отецъ видитъ, что сыну дѣлаютъ надрѣзъ, радуется не тому, что сынъ терпитъ боль, но тому, что онъ исцѣляется. Томуже радуется и св. Павелъ. Замѣть же, что онъ весь успѣхъ дѣла относитъ къ нимъ: печаль приписываетъ посланію своему; а пользу отъ онаго ставитъ имъ въ заслугу. Ибо не сказалъ: радуюсь тому, что посланіе исправило васъ, хотя и такъ было на дѣлѣ; но *яко оскорбистеся въ покаяніе*“ (св. Злат.). Опечалились, говоритъ, но не въ досаду отъ того пришли и негодованіе на опечалившаго, а себя обвинили, сознаваясь, что стоили укоровъ, раскаялись въ своей винѣ и положили исправиться. Такого рода печалованіе есть печалованіе по Богѣ. Почему говоритъ: *оскорбѣсте бо по Бозѣ*,—κατὰ Θεὸν,—въ порядкѣ божескихъ требованій, или богоугодной жизни, въ порядкѣ богоугожденія и спасенія или по страху Божію, къ Богу взирая, а не по видимости разсуждая о текущемъ. По поводу обличенія нашего, вспомнили о Богѣ и о судѣ Его, и поспѣшили исправить неисправное. Ибо Богъ всегда одного требуетъ, чтобы всѣ были исправны; а которые неисправны, чтобъ раскаявались. Вспомнившій о Богѣ, если исправенъ, Бога благодаритъ, а если неисправенъ—раскаявается и спѣшитъ исправиться. Кто такъ дѣйствуетъ, по Богу дѣйствуетъ, по тому, какъ хочетъ Богъ, какъ требуетъ мысль о Немъ благоговѣйная.

Да ни въ чемже отщетитеся отъ насъ. Благодареніе Богу, говоритъ, что Онъ такъ устроилъ, что и намъ внушилъ мысль обличить васъ построже, и въ васъ возбудилъ расположеніе къ раскаянію. Такъ устроилъ Онъ, чтобы вамъ не потерпѣть какого ущерба въ духовномъ преспѣяніи вашемъ, или вреда какого-либо въ дѣлѣ спасенія по нашей винѣ. Не обличи мы васъ, вы остались бы въ своей неисправности и слѣдовательно терпѣли бы вредъ. Но еслибъ и послѣ того, какъ обличили, Господь не поворотилъ вашихъ чувствъ на добро,—и то было бы худо. Теперь же вижу, что все устроилось къ лучшему, и не могу не радоваться. „Замѣчай, говоритъ св. Златоустъ, неизреченное его благоразуміе! Еслибы мы не сдѣлали сего, говоритъ онъ, нанесли бы вамъ вредъ; и исправленіе приписываетъ имъ, а себѣ вредъ, который произошелъ бы отъ его молчанія. Еслибы мы не обличили васъ, когда можно было исправить васъ обличеніемъ, то мы нанесли бы вамъ вредъ, и ущербъ былъ бы не для васъ только, но и для насъ. Ибо какъ тотъ, кто не даетъ купцу средствъ къ плаванію, дѣлаетъ вредъ ему, такъ и мы сдѣлали бы вамъ вредъ, еслибы не дали вамъ повода къ покаянію. Видишь ли, что не обличать грѣшниковъ вредно и учителю и ученику?“

Ст. 10. *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ; а сего міра печаль, смерть содѣловаетъ.*

„Посему, говоритъ, хотя и раскаявался, прежде нежели увидѣлъ плодъ и пользу посланія, но теперь не раскаяваюсь: или плодомъ была печаль по Бозѣ“ (св. Злат.). Печаль же по Бозѣ вотъ что производитъ: спасеніе. Печаль по Бозѣ есть скорбь и болѣзненное сокрушеніе сердца, когда при помышленіи о Богѣ и своихъ къ Нему отношеніяхъ сознаютъ себя виновными предъ Нимъ безотвѣтно. Такое сознаніе поражаетъ

страхомъ суда и осужденія; страхъ же сей заставляетъ искать вѣрнаго исхода изъ горькаго своего положенія. Какъ такого исхода другаго нѣтъ, кромѣ сердечнаго раскаянія съ твердою рѣшимостію жить прочее по вѣдомой волѣ Божіей неуклонно, то къ Нему и прибѣгаетъ печалящійся по Бозѣ; а это тоже значитъ, что вступить вѣрною ногою на путь спасенія. Вотъ почему и сказалъ Апостолъ: *печаль по Бозѣ покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ*.

Покаяніе нераскаянное означаетъ покаяніе съ твердою рѣшимостію не возвращаться вспять; или покаяніе, въ совершеніи котораго никто не раскаявается, не смотря на немалыя жертвы, которыхъ оно требуетъ, потому что тотчасъ опытомъ узнаетъ, коль великое благо приноситъ оно съ собою.

Этой спасительной печали противополагаетъ св. Павелъ печаль мірскую убійственную, говоря: *а сего міра печаль смерть содѣловаетъ*. Печаль міра есть печаль изъ-за потерь славы, чести, имущества, утѣхъ, разстройства житейскихъ или гражданскихъ дѣлъ, вообще изъ-за чего либо земнаго, этою жизнію ограничивающагося, спасенія же и вѣчности не касающагося. Всѣ эти печали убиваютъ горемъ и поражаютъ безотрадностію. Когда блага земныя отнимаются, то лишаемый ихъ такъ себя имѣетъ, что у него будто душу вынимаютъ. По Бозѣ же печалящійся, хотя тоже глубокою скорбію поражается, но скорбь сія всегда растворяется благонадежіемъ помилованія: ибо всему свѣту извѣстна Божія готовность принимать кающагося. Оттого печаль по Бозѣ не убиваетъ, а оживляетъ, не смерть причиняетъ, а изъ смерти извлекаетъ и въ животъ переводитъ.

Св. Златоустъ пространно разсуждаетъ о сихъ двухъ печаляхъ. „Что значитъ печаль міра сего? То, когда печалишься объ имуществѣ, о славѣ, объ умершемъ;

все это печаль міра, а потому и причиняетъ смерть. Кто печалится о славѣ, тотъ завидуетъ и часто доходитъ до неизбѣжной гибели. Такою печалію печалились Каинъ и Исавъ. Итакъ, подъ печалію міра онъ разумѣетъ ту, которая вредитъ самимъ скорбящимъ. Ибо одна печаль о грѣхахъ полезна; и сіе ясно видно изъ слѣдующаго. Скорбящій о потерѣ богатства не вознаграждаетъ тѣмъ убытка; скорбящій объ умершемъ не воскрешаетъ его; скорбящій по причинѣ болѣзни не только не избавляется отъ болѣзни, но еще усиливаетъ ее. Только скорбящій о грѣхахъ пріобрѣтаетъ пользу отъ скорби: ибо истощаетъ и истребляетъ грѣхи. Печаль есть врачевство, приготовленное на сей одинъ случай; здѣсь только имѣетъ она силу и оказываетъ пользу, въ другихъ же случаяхъ вредитъ. Правда, что тяжелѣе печали? Но когда она бываетъ печалію по Бозѣ, тогда гораздо лучше мірской радости; ибо радость сія обращается въ ничто, а та *печаль покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ*. Въ ней и то достойно удивленія, что никто изъ скорбящихъ ею никогда не раскаявался, тогда какъ раскаяніе наиболѣе свойственно мірской печали. Ибо что любезнѣе роднаго сына? и что горестнѣе смерти его? Однако отцы, которые во время сильной своей горести не принимали никакого утѣшенія и сами себя терзали, послѣ раскаиваются въ томъ, что безъ мѣры скорбѣли; и не только не получили отъ того никакой пользы, но еще болѣе себя разстроили. Не такова печаль по Бозѣ! Она имѣетъ двоякое преимущество: не заставляетъ раскаяваться въ томъ, о чемъ скорбишь; самую же печаль обращаетъ во спасеніе. Обоихъ сихъ преимуществъ лишена печаль мірская. Въ ней скорбятъ ко вреду, и послѣ сильной скорби негодуютъ на себя; а сіе и служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что они скорбя вредятъ себѣ. Совсѣмъ противоположны слѣдствія пе-

чали по Бозѣ. Никто не станетъ себя обвинять за то, что скорбѣлъ, плакалъ и сокрушался о грѣхѣ."

Ст. 11. *Се бо сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе; но отвѣтъ, но негодованіе, но страхъ, но вожделѣніе, но ревность, но отмщеніе; во всемъ представисте себе чисты быти въ вещи.*

Св. Златоустъ говоритъ: „Блаженный Павелъ, говоря о благихъ плодахъ печали по Бозѣ, не имѣлъ нужды приводить посторонніе примѣры въ подтвержденіе сказаннаго, а указываетъ на самихъ Коринѳянъ, и изъ того, что они сдѣлали, заимствуетъ доказательство, чтобы, похваля ихъ, вмѣстѣ и наставить и болѣе привлечь къ себѣ. *Се бо*, говоритъ, *сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе?* То-есть, ваша по Бозѣ печаль (то, что вы пришедши въ страхъ Божій сокрушились и раскаялись), смотрите, какъ сдѣлала васъ заботливыми о себѣ (о томъ чтобъ явиться исправными во всемъ предъ Богомъ, своею совѣстію и предъ св. Апостоломъ). И вотъ признаки такой заботы! *Но отвѣтъ* (*Но*, αλλα, во всѣхъ этихъ положеніяхъ стоитъ вмѣсто *и*, Экум.), απολογιαν, извиненіе предо мною (выраженное можетъ быть предъ Титомъ и имъ переданное Апостолу); *но негодованіе* на согрѣшившаго; но *страхъ* („Въ страхъ Божій пришли вы." Ѳеод.), ибо такое усердіе и весьма скорое исправленіе показали, что они очень устрашились (можетъ быть и св. Павла. Экум., Ѳеоф.). И дабы не подумали, что онъ хвалитъ самого себя, смотри, какъ тотчасъ смягчаетъ рѣчь, сказавъ: *но вожделѣніе*, т.-е. ко мнѣ [„и насъ возлюбили горячѣе прежняго" Ѳеод.—„ибо, говоритъ, любя меня и не хотя огорчить меня, вы поспѣшили исправиться" Экум.; „чтобъ не показалось, что указавъ на страхъ, онъ придаетъ себѣ нѣкоторое надъ ними господство, спѣшитъ отвратить эту мысль указаніемъ

на *вожделѣніе*, ἐπιποθησιν, теплое къ себѣ расположеніе, которое есть признакъ любви, а не подначальственнаго подчиненія“ Ѳеоф.]; но *ревность*, т.-е. къ Богу („исполнившись справедливой ревности, оплакали вы нарушенные законы“ Ѳеод., „или о Богѣ, или о мнѣ предъ поносившими меня лжеапостолами“ Экум.); но *отмщеніе*, ибо они наказали нарушившихъ законъ Божій („на согрѣшившихъ вооружились негодованіемъ“ Ѳеод.). *Во всемъ представисте себе чисты быти въ вещи*, т.-е. не только тѣмъ, что сами не сдѣлали такого же преступленія, но и тѣмъ, что сдѣлавшему не потворствовали. Въ первомъ посланіи онъ сказалъ: *и вы разгордѣсте* (1 Кор. 5, 2); посему здѣсь говоритъ: вы очистили себя и отъ сего подозрѣнія, когда не только не похвалили согрѣшившаго, но наказали его и вознегодовали на него.“

Ст. 12. *Аще бо и писахъ вамъ, не обидѣвшаго ради, ниже обидимаго ради, но за еже явитися въ васъ тщанію нашему, еже о васъ предъ Богомъ.*

Кто обидѣвшій и кто обидимый? Ѳеодоритъ говоритъ: „обидѣвшимъ Апостолъ называетъ виновнаго въ блудѣ, а обидимымъ — отца его, потому что и по смерти оскорбленъ онъ былъ поруганіемъ его ложа.“ Экуменій и Ѳеофилактъ думаютъ, что это соблудившіе, потому что они и обидѣли себя взаимно, и обижены. Св. Златоустъ не касается сего вопроса. Но кто бы они ни были, сила рѣчи не въ опредѣленности понятія о нихъ, а въ указаніи намѣренія, съ какимъ написаны такія строгія рѣшенія въ первомъ посланіи. Не для нихъ, говоритъ, это писано. Не то хочетъ сказать, что пиша совсѣмъ не имѣлъ ихъ въ виду; но что не для нихъ преимущественно писалъ, а главнымъ образомъ для васъ, чтобъ одинъ по другому и вы всѣ не заразились тѣмъ же зломъ. Теперь тѣ исправляются, и вы испол-

нились ревности и негодованія ко грѣху такому. Но хотя бы тѣ и не исправились, а только въ васъ обнаружилось такое негодованіе, цѣль посланія была бы достигнута. Его диктовала моя забота о всемъ тѣлѣ церкви. Я показалъ тѣмъ мое тщаніе о всѣхъ васъ, какое имѣю предъ Богомъ. Оно таково и предъ Богомъ, какимъ явлено предъ вами. Апостолъ будто слышалъ со стороны ихъ возраженіе: когда мы чисты, то зачѣмъ насъ обличалъ? Теперь такъ; а тогда я этого могъ и не предполагать; и опасеніе за васъ, вызываемое любовію къ вамъ, заставило меня быть строгимъ. Св. Златоустъ говоритъ: „даетъ чувствовать, что онъ страшился за всю церковь; ибо боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далѣе, не обняло всей церкви. Посему и говорилъ: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (1 Кор. 5, 6). Но это сказалъ тогда; теперь же, когда они исправились, то же самое выражаетъ не такъ, но иначе; и хотя ту же имѣетъ мысль, но предлагаетъ ее съ большею пріятностію, говоря: за еже явитися въ васъ тщанію моему о васъ, т.-е. чтобъ видѣли вы, какъ люблю васъ. Поелику я васъ очень люблю, то и опасался, чтобы вы отъ сего соблазнительнаго примѣра не потерпѣли вреда, и сами за себя не были принуждены скорбѣть.“

г).

Ст. 13. *Сего ради утѣшихомся о утѣшеніи вашемъ; лишше же паче возрадовахомся о радости Титовѣ, яко покоися духъ его отъ всѣхъ васъ.*

Сего ради утѣшихомся о утѣшеніи вашемъ. О утѣшеніи—επι, по случаю или по причинѣ утѣшенія вашего, не утѣшенія, которое вы получили, а утѣшенія, которое вы намъ доставили вашимъ исправленіемъ всего, и всѣмъ, что оказалось у васъ вслѣдствіе моего по-

сланія. Св. Златоустъ говоритъ: „*утѣшихомся;* потому что и попеченіе свое о васъ показали мы, и все исполнилось по нашему желанію. Подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ говорилъ: *мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. 3, 8). Ибо преспѣяніе учениковъ для благоразумнаго учителя есть жизнь, и утѣшеніе, и отрада. И ничто столько не выказываетъ съ хорошей стороны начальника, какъ любовь его къ подчиненнымъ.“

Лишше же паче возрадовахомся о радости Титовѣ. „Смотри, какъ Апостолъ опять восхваляетъ Коринѳянъ и выражаетъ свою любовь къ нимъ! Ибо сказавъ выше о своей радости, что первое его посланіе имѣло такой успѣхъ и принесло такую пользу, и выразивъ свою къ нимъ любовь, теперь представляетъ другую черту ихъ благорасположенія, которая также приноситъ имъ великую похвалу, и показываетъ искренность ихъ любви: *лишше же паче возрадовахомся о радости Титовѣ.* Титъ вами утѣшенъ; но я радовался не столько за Тита, сколько за васъ“ (св. Злат.). Титъ покоенъ былъ у васъ не тѣлесно, не тѣмъ, что было что поѣсть или имѣть покойное ложе, но духомъ. Духъ его покоился, и не отъ того или другаго, но отъ всѣхъ васъ. То, что равноапостольный духъ Титовъ находилъ покой среди Коринѳянъ, есть свидѣтельство о высокомъ ихъ совершенствѣ въ духѣ. Ибо духовный, какимъ былъ Титъ, не можетъ найти покоя среди тѣхъ, у коихъ нѣтъ движеній и проявленія духовной жизни; и успокоеніемъ его въ отношеніи къ тѣлу нельзя удовлетворить его духа такъ, чтобъ онъ чувствовалъ себя покойнымъ.

Ст. 14. *Яко аще что ему о васъ похвалихся, не посрамихся: но яко вся воистинну глаголахомъ вамъ, тако и похваленіе наше, еже къ Титу, истинно бысть.*

Аще что ему о васъ похвалихся. „Велика похвала, когда учитель хвалится (учениками), и радуется, что его похвала оказывается истинною; ибо говоритъ: *не посрамихся.* Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими и на самомъ дѣлѣ оправдали мои слова. Отъ сего мнѣ сугубое утѣшеніе: и вы показали себя болѣе совершенными, и я не явился лжецомъ противъ истины; *но яко вся воистинну глаголахъ вамъ, тако и похваленіе наше, еже къ Титу, истинно бысть.* Здѣсь подразумѣваетъ онъ и другое нѣчто, именно: какъ у васъ говорилъ одну истину, а вѣроятно онъ много хвалилъ имъ Тита; такъ равно и сказанное мною о васъ Титу оказалось истиннымъ“ (св. Злат.).

Чтобы въ словахъ: *яко вся воистинну глаголахомъ вамъ,* Апостолъ разумѣлъ свои похвалы Титу предъ Коринѳянами, св. Златоустъ почитаетъ только вѣроятнымъ. Такъ и всѣ наши. Прямая же мысль здѣсь та, что изъ устъ Апостола никогда не исходила ложь, чего бы рѣчь его ни касалась, особенно же что истинна проповѣдь его. Ѳеодоритъ пишетъ: „не терпѣли мы когда-либо говорить ложь, но и ученіе преподали вамъ истинное, и похвалы вамъ украсили истиною.“ Такъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ: „какъ истинно то, что я вамъ проповѣдывалъ: такъ истиннымъ оказалось и о васъ мое слово Титу.“

Ст. 15. *И утроба его излиха къ вамъ есть, воспоминающаго всѣхъ васъ послушаніе, яко со страхомъ и трепетомъ пріясте его.*

И утроба его излиха къ вамъ есть. „Сіе относится уже къ похвалѣ Тита, что онъ къ нимъ расположенъ и привязанъ“ (св. Злат.). „Для того онъ такимъ представляетъ имъ Тита, чтобъ и они взаимно возлюбили его, какъ связаннаго съ ними сердечно и горячее къ нимъ питающаго расположеніе. Почему и сказалъ: *утро-*

ба его есть къ вамъ, чтобъ показать глубину и горячность искренней его къ нимъ любви“ (Ѳеоф.). „Потомъ приводитъ, какъ и вездѣ дѣлаетъ, причину такого расположенія, чтобъ не показаться ласкательствующимъ, а съ другой стороны, чтобъ и самихъ Коринѳянъ побудить къ большему тѣмъ, что всю похвалу отдаетъ имъ и показываетъ, что они сами подали Титу поводъ и причину къ такой любви. Ибо сказавъ: *утроба его излиха къ вамъ есть,* присовокупляетъ: *воспоминающаго всѣхъ васъ послушаніе.—Воспоминающаго.* Симъ Апостолъ выражаетъ признательность Тита, который разлучился съ ними, напечатлѣвъ всѣхъ въ душѣ своей, и всегда воспоминаетъ о нихъ, непрестанно имѣетъ въ устахъ и сердцѣ; а вмѣстѣ еще болѣе хвалитъ Коринѳянъ, что отпустили Тита, сдѣлавъ ему такой усердный пріемъ. Потомъ напоминаетъ и объ ихъ послушаніи: *поминающаго послушаніе ваше,* возбуждая тѣмъ и ревность“ (св. Злат.). Послушаніе и слову Апостола въ посланіи, которое (послушаніе) для Тита такъ пріятно было встрѣтить, и можетъ быть, слову самого Тита, какимъ сопровождалъ онъ чтеніе посланія, прилагая къ написанному свои совѣты и внушенія. Такъ Ѳеодоритъ: „И онъ весьма благорасположенъ къ вамъ, и хранитъ незабвенную о васъ память, разсказывая, какъ вы покорились его совѣтамъ.“ — *Яко со страхомъ и трепетомъ пріясте его.* „Т.-е. не только съ любовію, но и съ великою честію. Видишь ли, какъ онъ свидѣтельствуетъ о сугубой ихъ добродѣтели, т.-е. что они и возлюбили Тита, какъ отца, и убоялись, какъ начальника, что въ нихъ ни страхъ не помрачилъ любви, ни любовь не ослабила страха?“ (св. Злат.).

И послушаніе, и страхъ, и трепетъ оказаны въ лицѣ Тита самому Апостолу; а онъ по скромности, ему обыч-

ной, относитъ все то къ Титу, то къ добротѣ Коринѳянъ. На эту мысль наводятъ послѣднія слова:

Ст. 16. *Радуюся убо, яко во всемъ дерзаю въ васъ.*

„Видишь ли, что о нихъ радуется болѣе? Ибо говоритъ: вы ни въ чемъ не посрамили своего учителя, и показали себя достойными моего о васъ свидѣтельства. Слѣдовательно онъ радовался не столько тому, что Титъ получилъ такую честь, сколько тому, что они показали такое благорасположеніе къ Титу. Но, чтобы не почли его радующимся болѣе за Тита, смотри, какъ и здѣсь представляетъ причину радости. Какъ выше сказалъ: *яко аще что ему о васъ похвалихся, не посрамихся;* такъ и теперь говоритъ: *яко во всемъ дерзаю въ васъ.* Нужно ли васъ укорить, не страшусь, чтобы вы за это отложились; нужно ли похвалиться вами, не опасаюсь быть обличеннымъ въ напрасной похвалѣ. *Дерзаю въ васъ,* буду ли хвалить васъ, какъ покорныхъ, или какъ любвеобильныхъ, или какъ ревностныхъ. Я сказалъ: отсѣките, и вы отсѣкли; сказалъ я Титу, что вы велики, достойны удивленія и умѣете почитать учителей, и вы доказали это на самомъ дѣлѣ; онъ узналъ сіе не столько отъ меня, сколько отъ васъ самихъ. Посему возвратился ко мнѣ, исполнившись сильной къ вамъ любви, такъ какъ вы показали на дѣлѣ болѣе, нежели сколько я говорилъ ему“ (св. Злат.).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – ПРАКТИЧЕСКАЯ.

О собраніи милостыни для бѣдныхъ Іерусалимскихъ братій

глл. 8 и 9.

О милостынѣ говорилъ уже Апостолъ и дѣлалъ распоряженія въ первомъ посланіи, гл. 16. Къ устройству этого дѣла въ Коринѳѣ много способствовалъ и Титъ въ бытность свою тамъ (8, 6). Теперь Апостолъ рѣчь

свою направляетъ лишь къ тому, чтобъ разохотить къ скорому и нескудному подаянію: ибо самъ шелъ туда и съ Македонянами, предъ которыми хвалился ими.

Съ сею цѣлію: 1) *сначала ревность* къ дѣлу сему старается раздражить св. Павелъ, 8, 1—15, выставляя а) *примѣръ* Македонянъ, которые оказались сверхъ мѣры доброхотными, 8, 1—6, а затѣмъ прилагая къ тому б) другія *болѣе близкія* къ Коринѳянамъ *побужденія*, 7—15, каковы: аа) то, чтобъ при другихъ добрыхъ качествахъ не отстать имъ и въ этой добродѣтели, 7—9; бб) то, что это дѣло не ново, ужъ начали, ст. 10. 11; и вв) то, что не чрезмѣрное что требуется, а что кто можетъ, 12—15.

2) *Потомъ* поминаетъ о своемъ распоряженіи, а) послать къ нимъ Тита и другихъ двухъ братій, съ указаніемъ и добрыхъ качествъ каждаго, — 8, 16 — 24; б) представляя побужденіемъ къ тому желаніе, чтобъ у Коринѳянъ все было готово къ его приходу, и чтобъ когда придетъ онъ къ нимъ съ Македонянами, не постыдиться ему чрезъ нихъ. Въ этомъ не малое опять побужденіе и къ скорому и къ щедрому собранію подаяній, 9, 1—5.

3) *Наконецъ* снова воодушевляетъ ихъ и къ нескудному и къ охотному даянію: а) обѣтованіемъ Божія благословенія, 6—11, и б) славою отсюда нашего исповѣданія, 12—15.

1.

Раздраженіе ревности къ милостынеподаянію.

а).

Примѣромъ Македонянъ

8, 1—6.

Гл. 8, ст. 1. *Сказуемъ же вамъ, братіе, благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ.*

Сказать слово о милостынѣ считалъ нужнымъ св. Павелъ и въ этомъ посланіи. Въ этомъ же именно мѣстѣ сказать о семъ расположился предыдущею рѣчью. Предъ этимъ онъ выхвалялъ Коринѳянъ за хорошій пріемъ Тита, заключивъ слово выраженіемъ радости, что они такъ внимательны къ тому, что исходитъ отъ него: *радуюсь, яко во всемъ дерзаю въ васъ*. Т.-е. радуюсь тому, что вы, что ни скажу, все то готовы охотно дѣлать. Къ этому онъ и прилагаетъ свое слово о милостынѣ, т.-е. „и на самомъ дѣлѣ показываетъ свое къ нимъ дерзновеніе, предлагая увѣщаніе имѣть промышленіе о святыхъ,“ т.-е. іерусалимскихъ бѣдныхъ христіанахъ (Ѳеод.). „И сказалъ это онъ предварительно, потому что имѣлъ намѣреніе бесѣдовать о милостынѣ, чтобъ похвалою проложить путь увѣщанію и возбудить усердіе къ милостынѣ. Впрочемъ сказалъ объ этомъ не вдругъ, но примѣчай, съ какимъ благоразуміемъ издалека и съ высоты ведетъ слово: *сказуемъ вамъ благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ*,—и описывая дѣла другихъ, тѣмъ, что хвалитъ ихъ, возбуждаетъ ревность (къ подобнымъ же дѣламъ) и въ Коринѳянахъ“ (св. Злат.).

„*Благодатію Божіею* назвалъ онъ дѣла милосердія, милостыню“ (св. Злат.). „Ибо быть милостивымъ есть дарованіе Божіе, какъ и совершать исцѣленія“ (Экум.). Какъ умственныя совершенства, такъ и дѣятельныя добродѣтели суть дары Божіи, и частнымъ лицамъ и цѣлымъ народамъ. Естественныя настроенія, кои тоже отъ всеустрояющаго Промысла, суть только предрасположенія. Благодать, пришедши, освящаетъ ихъ, выдѣляетъ отъ соприкосновенностей, и являетъ въ свойственной имъ силѣ, полнотѣ и совершенствѣ. Македоняне и отличались широкою щедродательностію. Благодать Божія освятила ихъ сердобольныя и общительныя

сердца (свойство Славянъ).—Апостолъ говоритъ: *въ церквахъ Македонскихъ,* разумѣя не Филиппы только, но и Солунь съ Беріею. „Не говоритъ: *благодать, данную* въ томъ или въ другомъ городѣ, но цѣлый народъ хвалитъ“ (св. Злат.). Въ словѣ: *сказуемъ* слышится изумленіе. Будучи свидѣтелемъ такого движенія къ благотворительности среди народа страждущаго и небогатаго, Апостолъ не могъ не видѣть въ этомъ особаго дѣйствія благодати Божіей, и не изумляться. Этимъ изумленіемъ, хотя и съ особыми цѣлями, дѣлится онъ съ Коринѳянами. Не могу, говоритъ, умолчать, не могу не сказать вамъ объ этой дивности, совершающейся предъ очами моими. Это было очень вразумительно для тѣхъ, которые ревновали преимущественно о дарованіяхъ духовныхъ (умовыхъ, теоретическихъ), внушая, что въ христіанствѣ, которое и дѣтямъ внятно излагаетъ свою теорію, дѣятельныя дарованія должны имѣть болѣе вѣса. Такое напоминаніе естественно могло придти на умъ Коринѳянамъ; и какъ оно могло вмѣстѣ породить мысль: уже не ставитъ ли ихъ ни во что св. Павелъ, то онъ нарочно вставилъ слово: *братіе,* показывая, что если хвалитъ однихъ, то не отвергаетъ и другихъ, а всякому воздаетъ свое. Св. Златоустъ замѣчаетъ: „для того наименовалъ ихъ *братіею,* чтобы пресѣчь всякую зависть; ибо хочетъ хвалить Македонянъ чрезвычайно.“ И точно чрезвычайно: ибо что говоритъ?

Ст. 2. *Яко во мнозѣмъ искушеніи скорбей избытокъ радости ихъ, и яже во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ.*

И кто не сочтетъ чрезвычайнымъ, когда испытываютъ много скорбей, а радуются, и радуются въ избыткѣ, такъ что радость закрываетъ скорбность, и послѣдней не видно изъ-за первой. Это одна чрезвычайность! Дру-

гая та, что они крайне бѣдны, а щедродательны такъ, что въ пору богатымъ быть такъ щедродательными. Выражаетъ же это Апостолъ отвлеченно (абстрактами), и тѣмъ рѣчь его представляется болѣе впечатлительною. *Яже во глубинѣ нищета*, η κατὰ βαθους πτωχεια, глубокая нищета, скудость, до того низпадшая, что ниже ужъ и спускаться нельзя; и что она даетъ? Съ избыткомъ издаетъ изъ себя богатую щедрость. Это тоже, какъ еслибы изсохшее дерево давало обильные и сочные плоды. Не чрезвычайность ли это? „Апостолъ сказалъ имъ самое высокое похвальное слово; ибо показалъ, что они въ скорби благодушны и въ крайней бѣдности богаты щедростію; отвсюду обуреваясь волнами, радуются, какъ-бы носясь попутнымъ вѣтромъ; и рѣдко имѣя у себя необходимое, показываютъ великодушіе, какъ-бы утопая въ богатствѣ“ (Ѳеод.). Радостію въ скорбяхъ Апостолъ потомъ не занимается, а одною только щедростію Македонянъ; потому надо положить, что онъ и помянулъ объ ней здѣсь за тѣмъ только, чтобъ возвысить добродѣтель щедродательности. Скорбному, обыкновенно, бываетъ не до другихъ, но у Македонянъ, говоритъ, дѣла идутъ, не какъ обычно. Себя забываютъ, а заботятся лишь о другихъ. Благодушіе въ скорбяхъ не сжало ихъ сердца; напротивъ радостію расширяя ихъ сердца, раскрыло скудныя ихъ сокровищницы и изнесло богатое подаяніе. Эта картина должна была представиться очень возбудительною къ подражанію для нескудныхъ Коринѳянъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Что значатъ слова: *во многѣмъ искушеніи скорбей избытокъ радости ихъ?* То, что они въ избыткѣ имѣли и скорбь и радость, и, что весьма дивно, такая скорбь произрастила имъ такое обильное удовольствіе; скорбь, и скорбь тягчайшая не только не породила въ нихъ пе-

чали, но еще была для нихъ виною радованія. Македоняне не просто скорбѣли, но въ скорби содѣлались искуснѣйшими чрезъ терпѣніе, являя не только терпѣніе, но, что гораздо выше терпѣнія, радость; и не просто радость, но избытокъ радости. Ибо дѣйствительно радость ихъ была велика и неизреченна. *И яже во глубинѣ нищета ихъ избыточествова въ богатство простоты ихъ.* Опять то и другое съ избыткомъ. Какъ великая скорбь произвела великую радость и избытокъ радости, такъ великая нищета породила великое богатство милостыни. Сіе самое выразилъ Апостолъ, сказавъ: *избыточествова въ богатство простоты ихъ.* Ибо щедрость цѣнится не по мѣрѣ подаянія, но по расположенію подающихъ. Посему не говоритъ: богатство подаваемаго, но—*богатство простоты ихъ.* А сіе значитъ, что нищета не только не воспрепятствовала имъ быть щедрыми, но еще послужила виною обилія, подобно, какъ скорбь была виною радости. Ибо чѣмъ бѣднѣе были сами, тѣмъ дѣлались щедрѣе и усерднѣе подавали. Посему-то Апостолъ и весьма удивляется имъ, что при такой нищетѣ показали такую щедрость. Ибо *яже во глубинѣ нищета ихъ*, т.-е. великая и несказанная, показала ихъ простоту; впрочемъ не сказалъ: показала, но *избыточествова*, и не простоту, а *богатство простоты*, т.-е. простоту, равную ихъ убожеству; или лучше сказать, они показали въ себѣ гораздо большій перевѣсъ щедрости.“

Ст. 3. *Яко по силѣ ихъ, свидѣтельствую, и паче силы доброхотни.*

Объясняетъ сказанное и еще болѣе возвышаетъ ихъ добродѣтель. *По силѣ* и *сверхъ силы*,—иные по силѣ, другіе и сверхъ силы. Или такъ: они жертвуютъ, сколько силъ есть; но, что я говорю: сколько силъ есть—сверхъ силы. Это то же самое, что выше выразилъ избыто-

чествомъ щедрости (Ѳеоф.). Словомъ же: *доброхотни*, *αὐθαιρετοι*, возвышаетъ ихъ податливость; ибо этимъ онъ выражаетъ: не мы ихъ къ тому понудили, или уговорили; они все это дѣлаютъ сами собою, самоохотно, по своей доброй волѣ. Хорошо, кто дѣлаетъ добро по указанію и убѣжденію со стороны; но, конечно гораздо лучше тотъ, кто самъ догадывается, что надо сдѣлать, и дѣлаетъ то по своему начинанію. Доброта у такого, значитъ, лежитъ во глубинѣ сердца и служитъ своимъ внутреннимъ возбудителемъ къ соотвѣтственнымъ дѣламъ. Апостолъ говоритъ какъ-бы: „свидѣтельствую о нихъ, что они усердіемъ превысили силы свои, и сами предупредили наше увѣщаніе“ (Ѳеод.).— *Свидѣтельствую*, т.-е. „говорю, какъ очевидецъ и достовѣрный свидѣтель“ (св. Злат.). Для умниковъ Коринѳскихъ, еще не совсѣмъ освободившихся отъ эгоистической сжатости, слово Апостола могло показаться невѣроятнымъ. Какъ *сверхъ силы?* Апостолъ увѣряетъ: не по слуху говорю, самъ вижу. Противъ такого удостовѣренія и умникамъ нельзя было возражать; а оставалось признать высоту добродѣтели Македонянъ и собираться съ силами подражать имъ.

Ст. 4. *Со многимъ моленіемъ моляще насъ, благодать и общеніе служенія, еже ко святымъ, пріяти намъ.*

Все болѣе и болѣе яркими красками живописуетъ картину щедродательности македонскихъ церквей. Многимъ моленіемъ умоляли, говоритъ, насъ принять ихъ подаяніе,—какъ будто боясь, какъ-бы Апостолъ, смотря на ихъ бѣдноту, не сталъ отказываться принять его, или совѣтовать имъ сократить его. Или умоляли многимъ моленіемъ, по глубокому чувству смиренія, не почитая чѣмъ-либо важнымъ своего подаянія, и въ принятіи его видя болѣе себѣ одолженіе, чѣмъ благотвореніе тѣмъ. Такъ дѣйствовать свойственно смиреннымъ

и небогатымъ; богатые же обычно жертвуютъ свысока, въ духѣ одолженія и покровительства. Прошу принять,— не совсѣмъ обычная фраза на ихъ языкѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику главною цѣлію Апостола было довести Коринѳянъ до того, чтобы они подали милостыню по свободному расположенію сердца, то особенно останавливается на семъ, говоря: *со многимъ моленіемъ*, и потомъ—*моляще насъ;* т.-е. не мы ихъ просили, но они насъ. О чемъ же? *Благодать и общеніе служенія, еже ко святымъ, пріяти намъ*. Видишь ли, какъ онъ превозноситъ опять милостыню, придавая ей священныя названія?“

Служеніемъ еже ко святымъ именуетъ Апостолъ порученіе ему отъ св. Апостоловъ въ Іерусалимѣ собирать повсюду среди вѣрующихъ милостыню для бѣдной Іерусалимской церкви. Это служеніе св. Павелъ исполнялъ очень усердно. Македоняне знали объ этомъ и очень усердствовали принять участіе въ этомъ служеніи, что Апостолъ называетъ *общеніемъ служенія, еже ко святымъ*. Ѳеодоритъ замѣчаетъ, что „они упросили Апостола дозволить имъ позаботиться о служеніи святымъ.“ Дѣйствовать такъ заставляла ихъ увѣренность въ высокой цѣнѣ, какую имѣетъ предъ очами Божіими общеніе въ такомъ служеніи. Почему и называютъ его *благодатію*. Благодать—и потому, что быть милостивымъ есть даръ благодати, какъ замѣчалось, и потому, что милостыня привлекаетъ милость Божію милостивымъ. Она есть какъ-бы задатокъ новой благодати Божіей; подающіе ее одною рукой свое даютъ ничтожное, а другою божеское берутъ—несравненно большее и лучшее. „Они, говоритъ св. Златоустъ, давая другимъ, сами получаютъ.“

Ст. 5. *И не якоже надѣяхомся, но себе вдаша первѣе Господеви, и намъ волею Божіею.*

И не якоже надѣяхомся. И еще степень возвышенія ихъ добродѣтели: они превзошли, говоритъ, наши ожиданія. „Это говоритъ онъ не о произволеніи, но о количествѣ подаянія. Смотря на нихъ, ожидали мы, что собрано будетъ нѣчто малое; но великодушіе препобѣдило бѣдность“ (Ѳеод.). Важно это замѣчаніе въ томъ отношеніи, что гдѣ дѣйствуетъ благодать, не встрѣчая препятствій со стороны эгоистическихъ стѣсненій произволенія, тамъ дѣянія всегда выходятъ изъ общаго порядка человѣческихъ дѣлъ.

Но себе вдаша первѣе Господеви. Это наводитъ на мысль, что они больше отдали тѣмъ, нежели сколько оставили себѣ. Отсюда вопросъ: какъ же самимъ-то быть? Какъ Господу угодно; Ему себя предаемъ. Это еще степень похвалы, и самая высшая. Преданіе себя Господу есть верхъ духовнаго совершенства христіанскаго; оно возникаетъ по отсѣченіи всѣхъ земныхъ и общечеловѣческихъ чувствъ и расположеній. „Смотри, говоритъ св. Златоустъ, какъ и словами: *вдаша себе Господеви*, показываетъ Апостолъ необычайную ихъ ревность къ Богу. Они не частію покорились Богу, служа другою частію міру, но все, и самихъ себя всецѣло Ему одному предали. Посвятили себя Ему, показывая себя искусными въ вѣрѣ, въ несчастіяхъ явили великое мужество, благочиніе, кротость, любовь, готовность и усердіе ко всѣмъ другимъ добродѣтелямъ. Ибо, помогая бѣднымъ, не возносились; напротивъ съ великимъ смиренномудріемъ, послушаніемъ, почтительностію, любомудріемъ творили милостыню.“

Вдаша себе Господеви и намъ. Первѣе Господу, а ради Господа, и намъ, „какъ служителямъ Его“ (Ѳеод.). Не раздѣляли нашихъ заботъ отъ своихъ, и трудъ, лежавшій на насъ, считали своимъ. „Были намъ послушны, возлюбили насъ и покорились намъ, какъ исполняя

Божіи законы, такъ и съ нами соединяясь любовію“ (св. Злат.).

„Что значитъ: *волею Божіею?* То, что, предавшись намъ, предались не по человѣческимъ разсчетамъ, но и сіе сдѣлали по волѣ Божіей“ (св. Злат.). *Волею Божіею*—чрезъ волю Божію, силою воли Божіей. Воля Божія была заправляющимъ началомъ. Они дѣйствовали по сознанію ея. Такова отличительная черта истинно-христіанской дѣятельности —дѣлать шаги не иначе, какъ увѣрившись, что на то есть воля Божія.

Обозрѣвая все, сказанное Апостоломъ о милостынеподаяніи Македонянъ, бл. Фотій говоритъ у Экуменія: „Въ этомъ отдѣленьицѣ шесть добрыхъ чертъ указалъ Апостолъ въ Македонянахъ. *Первое*,—что они доброхотны *по силѣ*: ибо велико и то, когда кто творитъ милостыню, сколько можетъ. Но онъ говоритъ объ нихъ еще большее, т.-е., что они доброхотны *и паче силы*: это значитъ: что они даже сами себя лишали необходимаго. *Третье*—то, что они добровольно-охотны, т.-е., не было для нихъ нужды въ стороннемъ къ тому убѣжденіи, но сами по себѣ возревновали о семъ благомъ дѣлѣ. *Четвертое*—то, что со многимъ моленіемъ просили принять подаяніе, что служитъ доказательствомъ теплаго и преизливающагося (бьющаго какъ ключъ водный) расположенія къ милостынѣ: ибо не какъ другимъ доставляющіе благодать, а какъ сами нѣчто великое стяжевающіе просили, молили, и не переставали умаливать, пока не получили просимаго, т.-е., чтобъ принято было ихъ подаяніе. *Пятое*—то, что подаяніемъ превзошли ожиданія св. Павла. Смотри, куда онъ возвелъ ихъ добродѣтель. Они, говоритъ, оказались великодушнѣйшими меня самого: ибо если не ожидалъ, то даетъ будто мысль, что самъ, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, оказался бы ме-

нѣе щедрымъ. Но онъ не довольствуется одними этими указаніями, но увеличиваетъ свою похвалу нѣчѣмъ, несравненно высшимъ всего сказаннаго. Это, говоритъ, еще не такъ велико, что *по силѣ*, и *сверхъ силы*, и *самоохотны*, и со *многимъ моленіемъ*, и *моляще*, и *не якоже уповахомъ*. Но что же это такое, что еще особеннаго они сдѣлали? *Себе вдаша*, говоритъ, *первѣе Господеви и намъ волею Божіею*. Не часть нѣкую вдали, а часть удержали у себя; но всѣхъ себя предали Господу. Онъ говоритъ какъ-бы: даже и средствъ къ жизни себѣ не оставили, но отдавши все, всякое о себѣ попеченіе и промышленіе возложили на Господа. Почему св. Павелъ, представляя высоту такого расположенія, наконецъ прибавилъ: *волею Божіею*. Этимъ онъ сказалъ какъ-бы: не дивись сему, человѣкъ! Они имѣли Бога содѣйствователемъ себѣ, привлекши Его добрымъ своимъ расположеніемъ. Гдѣ же Богъ содѣйствуетъ, тамъ нѣтъ ничего невозможнаго.“

Ст. 6. *Во еже умолити намъ Тита, да якоже прежде начатъ, такожде и скончаетъ въ васъ и благодать сію.*

Между этимъ текстомъ и предшествовавшею похвалою щедроподательности Македонянъ, опущенъ рядъ мыслей, которыя Коринѳяне должны были сами нагадать. Очевидно было само собою, для чего ведется такая рѣчь. Апостолъ сказалъ какъ-бы имъ: милостынесобраніе и у васъ ведется; подражайте же въ этомъ дѣлѣ Македонянамъ; вы и сами конечно могли бы все, относящееся до сего, устроить хорошо; но какъ Титъ у васъ уже началъ вести сіе благое дѣло, то посылаю его, чтобъ и докончилъ. Апостолу очень желалось, чтобъ Коринѳяне не оказались ниже Македонянъ. За тѣмъ и посольство Тита и пространное слово о милостынѣ. Видя, говоритъ, здѣсь такое усердіе и такую ревность о милостынѣ, „я поспѣшилъ отправить къ

вамъ Тита, дабы и вы сравнились съ ними. Такую мысль обнаружилъ Апостолъ, хотя сказалъ не такъ. Замѣть же превосходство любви его. Когда тѣ просили и убѣждали насъ принять ихъ щедрую милостыню, мы, говоритъ, заботились о васъ, чтобы вамъ не отстать отъ нихъ. Для того и послали мы Тита, чтобы вы, возбужденные и наведенные имъ на мысль, соревновали Македонянамъ. Титъ былъ уже тамъ, и началъ у нихъ дѣло собранія милостыни, по первому посланію. Теперь Апостолъ послалъ его для того, чтобы самое присутствіе его послужило для Коринѳянъ побужденіемъ къ подаянію милостыни“ (св. Злат.).

Апостолъ говоритъ, что *умолилъ* Тита, показывая, что онъ у него не какъ слуга, а какъ равночестный сотрудникъ, котораго надо попросить, чтобъ сдѣлалъ что-нибудь, а не приказывать. Такъ онъ сказалъ здѣсь для почета Титу, вмѣсто рекомендаціи ему; а ниже говоритъ, что просить Тита точно просилъ, но пойти къ вамъ онъ и самъ своею волею захотѣлъ, показывая, что Титъ исправляетъ тутъ не одно дѣло служенія, но удовлетворяетъ и своему къ нимъ расположенію.

О Титѣ говоритъ Апостолъ, что онъ и прежде началъ уже у нихъ дѣйствовать: *якоже прежде начатъ;* но по какому предмету? Можетъ быть, вообще по устроенію у нихъ церковно-религіозныхъ дѣлъ. Такъ, говоритъ, — какъ началъ онъ у васъ дѣйствовать, такъ и эту благодать, т.-е. собраніе милостыни, пусть совершитъ, т.-е. пусть совершитъ въ числѣ другихъ дѣлъ и это. А можетъ быть онъ и прямо разумѣетъ одну милостыню. Собираніе милостыни началось у Коринѳянъ давно; и въ первомъ посланіи писалъ къ нимъ св. Павелъ, какъ это дѣлать. Вѣроятно св. Титъ въ бытность свою у нихъ принялъ особое участіе въ семъ дѣлѣ; и объ этомъ-то поминаетъ теперь св. Апостолъ: *якоже начатъ.*

И скончаетъ благодать сію. „Упоминая о милостынѣ, въ первый, другой и третій разъ, Апостолъ все называетъ ее благодатію. И дѣйствительно милостыня есть великое благо и Божій даръ; и подаяніе милостыни уподобляетъ насъ по возможности Самому Богу. Это наипаче и дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Посему нѣкто, представляя образецъ человѣка, сказалъ между прочимъ: великое дѣло—человѣкъ, и драгоцѣнное—человѣкъ милостивый *(велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость)* (Прит. 20, 6)“ (св. Злат.).

б).

Другія, болѣе близкія къ Коринѳянамъ побужденія къ щедрому милостынесобранію

7—15.

аа).

Первое—то, чтобы при прочихъ добрыхъ качествахъ не отстать имъ отъ другихъ и въ этой добродѣтели

7—9.

Ст. 7. *Но якоже во всемъ избыточествуете, вѣрою, и словомъ, и разумомъ, и всяцѣмъ тщаніемъ, и любовію, яже отъ васъ къ намъ, да и въ сей благодати избыточествуете.*

„Смотри, какъ опять Апостолъ съ похвалою соединяетъ увѣщаніе достигать большей похвалы. *Якоже избыточествуете,* говоритъ (все у васъ въ совершенствѣ хорошо, Экум.), *вѣрою,* т.-е. дарами вѣры, *словомъ,* т.-е. словомъ мудрости, *разумомъ,* т.-е. познаніемъ догматовъ, *всяцѣмъ тщаніемъ,* т.-е. ревностію къ прочимъ добродѣтелямъ, и *любовію яже отъ васъ къ намъ,* т.-е. любовію, о которой я ужъ говорилъ и которой представилъ доказательства. *Да и въ сей благодати избыточествуете.* Видишь! Для того онъ началъ рѣчь

съ сего именно и съ такими похвалами, чтобы, идя по порядку, возбудить въ нихъ подобную ревность и къ милостынѣ“ (св. Злат.). Какъ художнику, когда картина его совершенна во всемъ, исключая одной какой-либо части, уступающей въ отдѣлкѣ другимъ, стоитъ только напомянуть о томъ, чтобъ раздражить его ревность и сей послѣдней дать такое совершенство, въ какомъ представляется вся картина, такъ поступаетъ Апостолъ и съ Коринѳянами. Расхвалилъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ; потомъ говоритъ: смотрите же, чтобъ и милостынеподаяніе не стояло у васъ въ разладѣ съ другими вашими совершенствами. Не трудно замѣтить однакожъ, что похваляемыя имъ стороны Коринѳянъ преимущественно суть теоретическаго свойства—вѣра, даръ слова, разумъ. Дѣятельная сторона видимо у нихъ была слабѣе этой, какъ можно заключать по содержанію перваго посланія. Между тѣмъ христіанство преимущественно есть дѣло. Теорія его очень коротка,— ее можно совмѣстить въ нѣсколькихъ словахъ; но дѣло его конца не имѣетъ. Первый шагъ въ немъ — дѣло, покаяніе, и потомъ что ни шагъ, все дѣло и дѣло. И никакого шага въ немъ нельзя сдѣлать не дѣломъ, а однимъ умствованіемъ. Умовая сторона въ немъ совнѣ стоитъ, какъ свѣчи и лампы въ рабочей. Работа идетъ при свѣтѣ; онъ помощникъ и споспѣшникъ, но не главный производитель. Вотъ почему Апостолъ и употребляетъ такое усиліе расположить Коринѳянъ къ милостынѣ. Ибо она есть ближайшее выраженіе любви къ ближнимъ, свидѣтельствующей и о любви къ Богу. Милостыня сладостна: она невольно втягиваетъ въ дѣятельную жизнь и вообще.

Ст. 8. *Не по повелѣнію глаголю, но за иныхъ тщаніе и вашея любве истинное искушая.*

Творить милостыню есть заповѣдь или законъ пове-

лительный; но образъ исполненія сей заповѣди въ законъ обратить нельзя. Это предоставляется свободному произволенію каждаго, его способамъ и благоразумію. Между тѣмъ, выставивъ въ такомъ свѣтѣ милостыню Македонянъ, св. Павелъ ясно далъ разумѣть, что желаетъ, чтобъ и они также поступили. Теперь объясняетъ, въ какомъ смыслѣ желаетъ сего. Не скрываю, говоритъ какъ-бы, что желаю этого; но все же самое дѣло оставляю вамъ на свободное избраніе. Не повелѣніе пишу, а представляю вамъ случай дѣломъ доказать искренность, γνήσιον, неподдѣльность вашей любви, и не случай только, но и побужденіе въ примѣрѣ другихъ, *тщаніемъ другихъ* хочу раздражить ревность вашу къ тойже добродѣтели. Цѣль слова отстранить чувство подъяремности, которое могло повредить дѣлу. Вы свободны, говоритъ, такъ ли сдѣлать, больше ли, меньше ли; все что ни сдѣлаете, сдѣланное будетъ плодомъ вашего добраго произволенія, а не какого-либо моего властнаго распоряженія. Но нельзя ли не видѣть, что хоть и такъ говоритъ Апостолъ, но такъ обставилъ свое слово, такія внесъ въ него побужденія, что нельзя не сдѣлать такъ, какъ онъ указываетъ и намекаетъ. „Видишь, какъ онъ вездѣ къ нимъ снисходителенъ, говоритъ св. Златоустъ, не дѣлаетъ насилія и принужденія! Особенно же старается, чтобы слово его не причинило досады. *Не по повелѣнію,* говоритъ, *глаголю*, но какъ желающій сдѣлать любовь вашу для всѣхъ видимою и открытою и еще болѣе крѣпкою; говорю сіе для того, чтобы возбудить васъ къ такой же ревности; я упомянулъ объ усердіи Македонянъ, чтобъ очистить и пробудить ваше расположеніе.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „сказалъ же я это не въ повелѣніе, но въ совѣтъ, съ намѣреніемъ сдѣлать васъ благоискусными. Ибо для сего указывалъ вамъ на усердіе Македонянъ.“

Искушая, говоритъ, *истинное*, искренность, *любве вашея*. Какой? къ кому? Любви христіанской,—къ Богу и людямъ, а можетъ быть и къ св. Павлу. Фотій у Экуменія говоритъ: „любви къ Богу, а если хочешь, и къ св. Павлу, дѣятельное доказательство и опытъ—милостивость къ ближнимъ. Я увѣренъ, говоритъ, что вы любите Бога и меня ради Его, но совершеннѣйшее представленіе и подтвержденіе искренней любви бываетъ чрезъ милостыню, подаваемую нуждающимся братіямъ.“ Что любитъ Бога, и всякій готовъ сказать; но представь и пробу сей любви. Св. Іоаннъ Богословъ такую пробу представляетъ: *да любяй Бога любитъ и брата своего. Ибо не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любити* (1 Ін. 4, 21. 20). Если ближайшимъ доказательствомъ любви къ братіямъ есть милостыня, то сокращающій руку свою въ семъ дѣлѣ, не хвались любовію къ Богу, слѣдоват. и какою-либо.

Ст. 9. *Вѣсте бо благодать Господа нашего Іисуса Христа, яко васъ ради обнища богатъ сый, да вы нищетою Его обогатитеся.*

„Представляетъ самый высокій примѣръ“ (Ѳеод.). „Переходитъ къ другому гораздо высшему роду убѣжденія. Ибо не оставляетъ ни одного способа къ увѣщанію, но все приводитъ въ движеніе и употребляетъ разные обороты слова. Прежде увѣщевалъ ихъ, то хваля другихъ, то хваля ихъ самихъ: ибо чувствительнѣе для человѣка видѣть, что онъ сталъ ниже не только другихъ, но и себя самого. Теперь переходитъ къ тому, что составляетъ верхъ и вѣнецъ увѣщанія. *Вѣсте бо благодать Господа нашего Іисуса Христа*. Представьте себѣ, говоритъ, благодать Божію, подумайте и размыслите о ней, и не мимоходомъ обратите на нее вниманіе, но вникните во все ея величіе и обширность:

и тогда не пощадите ничего изъ своего достоянія. Онъ („*богатъ сый*, яко Богъ, неизреченный, недомыслимый, невидимый, непостижимый, славу имѣющій неописанную, свѣтъ неизглаголанный, величіе несравненное, *обнища*“, Экум.), истощилъ славу Свою, чтобы вы обогатились не богатствомъ, но нищетою Его. Если не вѣришь, что нищета производитъ богатство, то вспомни своего Господа, и не будешь болѣе сомнѣваться. Ибо еслибы Онъ не обнищалъ, то не сдѣлался бы богатымъ. Подлинно удивительно, что нищета обрѣла богатство. Богатствомъ же называетъ здѣсь Апостолъ познаніе благочестія, очищеніе грѣховъ, оправданіе, освященіе и прочія безчисленныя блага, какія Христосъ даровалъ и еще обѣщалъ намъ даровать. „И все сіе пріобрѣтено для насъ чрезъ нищету,—какую же нищету? Ту, что Онъ принялъ плоть, сталъ человѣкомъ и претерпѣлъ страданія; хотя Онъ и ничѣмъ не долженъ тебѣ, но ты Ему долженъ“ (св. Злат.).

Что слѣдуетъ въ настоящемъ дѣлѣ изъ того, что мы обогащены нищетою Господа, ради насъ обнищавшаго, этого не договариваетъ Апостолъ. Онъ предоставляетъ это сдѣлать самимъ Коринѳянамъ; почему все дѣло Господа ими одними будто ограничиваетъ: *васъ ради обнища, да вы обогатитеся*, хотя Господь для всѣхъ обнищалъ и всѣхъ обогатилъ. Онъ говоритъ какъ-бы имъ: Вотъ кому подражайте! Господу. Онъ истощилъ Себя, истощайте и вы, если не себя, то свои сокровищницы ради Его, чрезъ посредство нуждающихся. Этимъ и докажете, что искренно любите Господа. Нельзя не видѣть, что св. Павелъ имѣлъ при этомъ въ мысли слово Господа: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.* Господь васъ обогатилъ; законъ правды велитъ воздать Ему тѣмъже. Обогащайте меньшую братію; ибо сдѣланное

имъ Господь благоволитъ принимать, какъ бы то сдѣлано было Ему Самому. Господь обогатилъ васъ духовно; велико ли, если вы воздадите Ему вещественно въ лицѣ нуждающихся? Первое столь высоко, что послѣднее и въ сравненіе съ Нимъ нельзя ставить, какія бы вы ни сдѣлали пожертвованія.

бб).

Второе — то, что это дѣло не ново для нихъ: ужъ начали, остается лишь кончить

—10. 11.

Ст. 10. *И совѣтъ даю о семъ: се бо вамъ есть на пользу, иже не точію, еже творити, но и еже хотѣти прежде начасте отъ прешедшаго лѣта.*

Въ словахъ: *совѣтъ даю... се бо вамъ на пользу*, продолжается предшествовавшее увѣщаніе. Предуказавъ въ напоминаніи о духовномъ обогащеніи чрезъ Господа Іисуса Христа обязательство и съ своей стороны держаться подобнаго же образа дѣйствованія въ отношеніи къ требующимъ помощи и пособія, говоритъ теперь: *и совѣтъ даю о семъ*. Отъ предыдущихъ словъ: *вѣсте бо благодать Господа* и проч. въ умѣ Коринѳянъ вообразилось, что именно отъ нихъ посему требуется. Апостолъ подтверждаетъ то, какъ-бы говоря: да, да; такъ должно; и я вамъ совѣтъ даю непремѣнно исполнить это, исполнить не почему другому, а потому, что это для васъ полезно. Долгъ свой исполните, Господу уподобитесь, и въ рѣшительный для васъ часъ услышите, *яко сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе*. „Смотри, какъ онъ опять заботится, чтобы не быть въ тягость, и какъ смягчаетъ слово сими двумя выраженіями: *совѣтъ даю*, и: *сіе есть вамъ на пользу*. Я не принуждаю, говоритъ, не дѣлаю

насилія и не требую противъ воли; говорю же сіе, имѣя въ виду не столько пользу пріемлющихъ милостыню, сколько собственную вашу“ (св. Злат.).

Сказавъ это и предполагая, что они готовы, но затрудняются чѣмъ-либо, указываетъ наконецъ, какъ это для нихъ удобно выполнить, во 1-хъ, потому что они уже начали и остается только докончить начатое, а во 2-хъ потому, что предлагается, вѣдь, подать кто что можетъ (—ст. 12—15). Тѣмъ и другимъ онъ разчищаетъ будто имъ дорогу и окрыляетъ къ шествію по указанному пути.

Иже... прежде начасте, говоритъ, *отъ прешедшаго лѣта*. Дѣло у васъ уже въ ходу; не собираться стать вамъ начинать лишь его; иныхъ могло бы затруднить раздумье, какъ взяться за него или приступить къ нему; вы же уже и навыкъ нѣкоторый имѣете въ производствѣ его. „Въ примѣръ предлагаетъ имъ ихъ же самихъ, а не другихъ“ (св. Злат.). *Отъ прешедшаго лѣта*,— это значитъ, еще прежде перваго посланія. Въ первомъ же посланіи писаны уже постановленія, какъ вести дѣло. А теперь идутъ убѣжденія, чтобъ поспѣшили и собрали побольше. Почему особенно? Потому, говоритъ, что вы начали не дѣлать только, но и желать прежде Македонянъ. Начали, но дѣло у васъ шло неспѣшно. Македоняне между тѣмъ послѣ задумали и взялись за дѣло, а успѣли и скоро и много собрать. Итакъ позаботьтесь, чтобы ваше милостынесобраніе, какъ началомъ стоитъ впереди, такъ стало впереди и совершеніемъ. При такой мысли въ выраженіи: *не точію еже творити, но и еже хотѣти прежде начасте*, порядокъ положеній не будетъ казаться превращеннымъ. Кто начинаетъ дѣлать прежде, тотъ конечно и желаетъ прежде; но кто желаетъ прежде, не слѣдуетъ еще, чтобъ началъ и дѣлать прежде. А вы, говоритъ, не

только дѣлать, но и желать начали прежде. Македоняне могли пожелать прежде, а отстать лишь дѣломъ. Нѣтъ, говоритъ, не дѣломъ только, но и желаніемъ вы упредили ихъ. „Вамъ принадлежитъ начало не только по отношенію къ дѣлу, но и по отношенію къ желанію, т.-е. вы начали это дѣло самоохотно, безъ стороннихъ внушеній и убѣжденій“ (Экум.). „Смотри, какъ онъ показываетъ, что они добровольно и безъ увѣщаній дошли до тогоже. И поелику засвидѣтельствовалъ о Македонянахъ, что они доброхотно приступили къ подаянію милостыни, то желаетъ показать и въ Коринѳянахъ тоже совершенство, прибавляя: и не теперь только вы начали, но прежде.—Посему и умоляю васъ исполнить то, къ чему вы сами предварительно себя возбудили съ такимъ усердіемъ“ (св. Злат.).

Ст. 11. *Нынѣ же и сіе творити скончайте: да якоже бысть усердіе хотѣти, тако будетъ и исполнити, отъ сего, еже имате.*

И сіе творити, και το ποιησαι, и еже творити, т.-е. теперь же и самое дѣло *скончайте*. Мысль Апостола такая: поспѣшите теперь дѣлать, не тяните; чтобы какъ тамъ, когда только замышляли вы это дѣло, много было у васъ усердія, такъ явно оно было и теперь въ исполненіи. Съ какимъ жаромъ приступили къ дѣлу, съ такимъ же и докончите его. „Не сказалъ: дѣлайте, но *скончайте*; чтобы сіе прекрасное дѣло не остановилось на одномъ усердіи, но будучи дѣйствительно исполнено, получило и награду“ (св. Злат.). „Къ усердію надобно присовокупить и свидѣтельство дѣлъ“ (Ѳеод.). Вѣрно Коринѳяне сначала много показали жару къ сему дѣлу, а потомъ стали охладѣвать и растягивать, подъ разными предлогами. Однимъ изъ такихъ предлоговъ могло быть и то, что,—какъ иные, можетъ быть и отговаривались,—не изъ чего дать: нынѣшній годъ

у самого плохи дѣла. Противъ этой отговорки и прибавляетъ Апостолъ: вносите всякій въ общій сборъ *отъ сего, еже имате.* Намекнувъ на это здѣсь этимъ краткимъ словомъ, разъясняетъ потомъ свою мысль въ нѣсколькихъ стихахъ.

вв).

Третье—то, что не чрезмѣрное что требуется, а что кто можетъ

—12—15.

Ст. 12. *Аще бо усердіе предлежитъ, по елику аще кто имать, благопріятенъ есть, а не по елику не имать.*

„Какая несказанная мудрость! Прежде замѣтилъ, что Македоняне паче силы доброхотны, и похвалилъ ихъ за то, а теперь, предоставивъ примѣру Македонянъ произвести въ нихъ свое дѣйствіе (ибо не столько увѣщаніе, сколько соревнованіе побуждаетъ къ подражанію въ подобныхъ дѣлахъ), онъ говоритъ: *по елику аще кто имать, благопріятенъ есть,* (воодушевляя этимъ и немощнѣйшихъ). Не страшись, говоритъ, сказаннаго мною о Македонянахъ; ибо я сказалъ сіе въ похвалу ихъ щедролюбія (а не въ указаніе закона для всѣхъ); Богъ же требуетъ посильнаго подаянія, по мѣрѣ того, кто что имѣетъ, а не по мѣрѣ того, чего не имѣетъ. Ибо слово: *благопріятенъ,* тоже здѣсь означаетъ, что требуется. Надѣясь на силу представленнаго примѣра, онъ смягчаетъ свои слова, и тѣмъ еще сильнѣе склоняетъ ихъ къ подаянію. И Господь Іисусъ Христосъ похвалилъ вдовицу, что она все пропитаніе свое истощила, и подала отъ скудости (Мр. 12, 44), (но не поставилъ сего закономъ для всѣхъ). Такъ и Апостолъ хвалитъ подающихъ милостыню сверхъ силъ своихъ, но не принуждаетъ Коринѳянъ дѣлать тоже, не пото-

му чтобы не желалъ имъ сего, но потому, что они были еще слабы. Иначе для чего бы и хвалить Македонскія церкви, что *яже во глубинѣ нищета избыточествова въ богатство простоты ихъ*, и что онѣ паче силы подавали милостыню? Не явно ли для того, чтобы и Коринѳянъ побудить къ томуже? Если же повидимому соглашается и на меньшее, то дѣлаетъ сіе для того, чтобы примѣромъ другихъ побудить ихъ къ большему" (св. Злат.). То несомнѣнно, что сила усердія наверстываетъ малость количества; но самое усердіе надо показать дѣломъ. „Богъ всяческихъ измѣряетъ приносимое обыкновенно силами каждаго; взираетъ не на количество, а на качество преднамѣренія" (Ѳеод.). Но приношеніе все же должно быть совершено, и совершено съ усердіемъ, которое и даетъ всю цѣну приносимому. Когда есть усердіе, и усердіе искреннее, оно вытянетъ изъ сокровищницъ все возможное.

Ст. 13. *Не бо да инымъ убо отрада, вамъ же скорбь; но по изравненію.*

Апостолъ пишетъ здѣсь законъ правды, а не любви: ибо любовь не имѣетъ границъ. Она не только все свое, но и жизнь свою полагаетъ за други своя. Но такія проявленія любви не вводятся въ рядъ обязанностей; ибо по естеству это неисполнимо. Когда благодать Духа изливаетъ въ сердце любовь, тогда она все приноситъ въ жертву, и приноситъ потому, что сытость въ этомъ находитъ, а безъ этого чувствуетъ себя не сытою, голодаетъ. Общій же порядокъ таковъ, чтобъ дѣлать только возможное, *не да инымъ отрада, вамъ же скорбь, но по изравненію.* Дающій лишнее себя ставитъ въ мѣру, и другаго нуждающагося поднимаетъ въ свою мѣру: и сравнялись. Еслибъ и это правило стало закономъ жизни между нами; и тогда бѣдность давно бы исчезла изъ среды христіанъ. Но то бѣда,

что въ душахъ нашихъ царитъ: *себѣ нужно*. Кто положитъ мѣру этому *себѣ нужно*? Но когда себѣ нужно, то, значитъ, дать другимъ себѣ скорбь, и нѣтъ изравненія. И пошелъ бѣдный въ скорби безъ пособія, а не подавшій остался въ покойномъ самодовольствѣ: нѣтъ, говоритъ, правила, да инымъ отрада, а себѣ скорбь, но по изравненію. Этимъ камнемъ заграждаетъ онъ уста совѣсти; она и смолкаетъ до времени.

Съ какого термина начинается скорбь себѣ отъ удѣленія другимъ отъ своего, этого сторонній никто опредѣлить не можетъ,—нельзя входить съ своею мѣркою въ кругъ жизни другаго. Предѣлъ этому знаетъ одинъ Богъ и своя совѣсть иногда: ибо вѣрности ея опредѣленій много помѣхъ внутри же. Только кто совсѣмъ разсчитывается съ житейскимъ, можетъ раздавать безъ предѣла. Но и въ нихъ это есть совершенство желанное, не всѣми однакоже являемое. Посему и Спаситель не вдругъ на него указалъ. Къ мысли объ этомъ по поводу настоящаго текста пришелъ бл. Ѳеодоритъ, и говоритъ: „Совершенствомъ Владыка поставляетъ полное презрѣніе къ имуществу и добровольную нищету; впрочемъ учитъ, что и безъ сего совершенства можно улучшить вѣчную жизнь; ибо на вопросъ юноши: *что сотворивъ животъ вѣчный наслѣдствую* (Лк. 10, 25)? не вдругъ предложилъ ему ученіе о совершенствѣ, но напомнилъ о другихъ заповѣдяхъ, и когда юноша сказалъ, что исполнилъ всѣ заповѣди, посовѣтовалъ ему избрать жизнь неозабоченную и нестяжательную. Наученный симъ, Божественный Апостолъ не великое что-либо узаконяетъ, но соразмѣряетъ законы съ немощію духа. Посему-то сказалъ: *не да инымъ отрада, вамъ же скорбь*, и повелѣлъ удѣлять излишнее.“

Ст. 14. *Въ нынѣшнее время ваше избыточествіе во*

онѣхъ лишеніе, да и онѣхъ избытокъ будетъ въ ваше лишеніе, яко да будетъ равенство.

Съ перваго раза представляется, будто у Апостола такая мысль: нынѣ вы въ достаткѣ, а тѣ въ бѣдности; итакъ, передайте имъ свои избытки и покройте ихъ бѣдность. Въ другое же время, когда Богъ ихъ благословитъ и они будутъ въ довольствѣ, они отъ своихъ избытковъ вамъ помогутъ, если случится вамъ быть въ лишеніяхъ. Но нельзя полагать, чтобъ у Апостола была именно такая мысль; ибо такъ никогда почти не бываетъ, да и тѣ, которые даютъ другимъ, совсѣмъ въ мысли не имѣютъ такого равнаго здѣсь воздаянія. И что за побужденіе и за утѣшеніе: будете и вы бѣдны?! Потому надо полагать, что въ словахъ: *да и онѣхъ избытокъ будетъ въ ваше лишеніе*, кроется мысль, чтобъ и ихъ избытокъ не будущій, а теперешній, восполнилъ ваше лишеніе. Въ какомъ отношеніи? Не иначе, какъ въ отношеніи къ духовному богатству. Вы богаты вещественнымъ, а тѣ богаты духовнымъ. Дайте имъ, чѣмъ избыточествуете, и въ замѣнъ получите то, чѣмъ они избыточествуютъ. Т.-е. вы дадите вещественное, а получите духовное. Такъ разумѣютъ всѣ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „Вы богаты деньгами, а тѣ чистотою жизни и дерзновеніемъ къ Богу. Посему дайте имъ отъ избытка вашихъ имѣній, чего они не имѣютъ, а сами получите отъ нихъ взамѣнъ дерзновеніе къ Богу, которымъ они богаты, и въ которомъ вы имѣете недостатокъ. Видишь ли теперь, какъ онъ непримѣтнымъ образомъ убѣждаетъ Коринѳянъ подавать и паче силы и отъ недостатка! Если хочешь, говоритъ онъ, получить только отъ избытка, то и подавай отъ избытка; если же хочешь все пріобрѣсти, то подавай и отъ недостатка, и сверхъ силы. Впрочемъ не говоритъ сего явно, а предоставляетъ слуша-

телямъ дойти до сего собственнымъ заключеніемъ. Самъ же продолжаетъ пока предположенное и сообразное съ его цѣлію увѣщаніе, присовокупляя, что повидимому и слѣдовало сказать: *яко да будетъ равенство.* Какъ же будетъ это равенство? Такъ, что мы и они будемъ взаимно удѣлять другъ другу избытки, и тѣмъ восполнять (взаимные) недостатки. Но какое тутъ равенство за плотское платить духовнымъ? Послѣднее много превосходитъ первое. Итакъ, почему же онъ называетъ сіе равенствомъ?“ Отвѣтъ на это пространнѣе написанъ Ѳеофилактомъ: „Не по многоцѣнности или малоцѣнности даемаго и взаимно получаемаго сказано: *да будетъ равенство;* но поколику чѣмъ избыточествуете вы, изъ того даете имъ; и напротивъ, чѣмъ избыточествуютъ они, изъ того даютъ вамъ; и опять, что недостаетъ у васъ, то вы получаете отъ нихъ, а что недостаетъ у нихъ, то они получаютъ отъ васъ. Вотъ какъ будетъ равенство.“

Ст. 15. *Якоже есть писано: иже многое, не преумножилъ есть; и иже малое, не умалилъ* (Исх. 16, 18).

„Такъ было при собираніи манны: одни собирали больше, другіе меньше, но и тѣ и другіе находили у себя по равной мѣрѣ; Самъ Богъ наказывалъ ненасытность“ (св. Злат.). „Никакой не получалъ пользы собиравшій больше; потому что Великодаровитый съ даромъ сочеталъ мѣру“ (Ѳеод.). Дѣло было такъ. Когда спала манна въ первый разъ, всѣмъ велѣно было собрать по гомору на каждаго. Не смотря однакожъ на это повелѣніе, иные, покорыстовавшись, набрали больше. Но когда стали мѣрить, оказалось, что и у нихъ не больше какъ по гомору на каждое лице семьи. И вышло такимъ образомъ, что и тотъ, кто больше собралъ, не имѣлъ лишняго, и тотъ, кто меньше, недостатка. Богъ уравнивалъ всѣхъ особымъ чудомъ. Но что здѣсь дѣ-

лалось чудомъ, то Апостолъ убѣждаетъ дѣлать изъ любви. Излишнее отдай, говоритъ, нуждающемуся, и выйдетъ у обоихъ поровну, т.-е. сколько потребно на нужды каждаго. Ѳеофилактъ пишетъ: „приводитъ Апостолъ, что было при собираніи манны, вмѣстѣ и для того, чтобы показать, какъ бываетъ изравненіе. Именно, когда богатый, имѣющій многое, дастъ излишнее имѣющему немногое, и самъ не будетъ имѣть излишняго, и тотъ, кто имѣетъ немногое, не будетъ имѣть недостатка, какъ получившій отъ него потребное. Тоже опять бываетъ и въ отношеніи къ дерзновенію предъ Богомъ."

2).

Распоряженіе Апостола послать въ Коринѳъ Тита съ другими двумя братіями

8, 16—9, 5.

Св. Павелъ довольно уже представилъ побужденій къ охотному собранію милостыни и не видно, чтобъ онъ сомнѣвался, что Коринѳяне сдѣлаютъ по его совѣту и указанію. Но, вѣроятно, они подали поводъ думать, что дѣло это по прежнему будетъ идти у нихъ мѣшкотно. Почему онъ разсудилъ послать къ нимъ Тита съ двумя братьями, чтобъ они занялись исключительно этимъ дѣломъ. Извѣщая Коринѳянъ о такомъ распоряженіи, сказываетъ, а) кто эти посылаемые, поручая ихъ вниманію и попечительности, и б) потомъ указываетъ, для чего такъ онъ распорядился.

а).

Кто посылаемые

8, 16—24.

Титъ отъ лица Апостола, и еще одинъ братъ отъ церкви Іерусалимской, и другой отъ церквей македон-

скихъ. Сколько въ этомъ составѣ посольства побужденій для Коринѳянъ явиться исправными?!

Ст. 16. *Благодареніе же Богови, давшему тожде тщаніе о васъ въ сердце Титово.*

Во всемъ, что говорилъ доселѣ св. Павелъ о милостынѣ, Коринѳяне не могли не видѣть, какъ желательно ему, чтобъ они оказались въ этомъ дѣлѣ исправными. Ревнуетъ онъ о доброй славѣ Коринѳянъ. Отъ того не ограничивается одними увѣщаніями, но посылаетъ Тита. Объ этомъ и прежде уже поминалъ онъ, говоря, что умолилъ Тита; теперь прибавляетъ къ тому: благодарю Бога, что Титъ согласился пойти къ вамъ, и не потому только, что онъ согласился, но особенно потому, что онъ обнаруживаетъ такую же ревность о вашемъ добромъ имени или о томъ, чтобъ вы явились совершенными, какую и я къ тому имѣю. Богъ далъ ему такъ расположиться къ вамъ. Благодареніе Богу.

Св. Златоустъ говоритъ: „паки Апостолъ похваляетъ Тита. Ибо какъ доселѣ говорилъ о милостынѣ, то хочетъ теперь сказать и о тѣхъ, которые примутъ отъ Коринѳянъ подаянія. Сіе нужно было для благоуспѣшности сбора и для возбужденія большей готовности въ усердствующихъ. Ибо гораздо щедрѣе подаютъ, когда увѣрены въ честности служащаго и не подозрѣваютъ принимающаго подаянія. Слушай же, какъ онъ и здѣсь, чтобы достигнуть сего, хвалитъ отправляемыхъ, въ числѣ коихъ Титъ былъ первымъ. Онъ говоритъ: *благодареніе Богови, давшему тожде тщаніе о васъ въ сердце Титово.* Что значитъ *тожде?* Такое же, какое имѣю и я. — Замѣть же мудрость его. Показавъ, что это есть дѣло Божіе (т.-е. Титово тщаніе), онъ приноситъ благодареніе Давшему оное, дабы и этимъ возбудить Коринѳянъ. Ибо если Богъ воздвигъ и послалъ его къ вамъ, то безъ сомнѣнія самъ и проситъ чрезъ

него. Итакъ, не почитайте сего дѣломъ человѣческимъ.“ Чрезъ это онъ говоритъ какъ-бы имъ: „итакъ вы должны сдѣлать подаяніе достойное Бога“ (Ѳеоф.).

Ст. 17. *Яко моленіе убо пріятъ, тщаливѣйшій же сый, своею волею изыде къ вамъ,*

Объясняетъ, что у Тита свое о нихъ есть тщаніе. Прошеніе отъ меня точно было, но онъ самъ къ вамъ спѣшитъ, не столько исполняя мое распоряженіе, сколько своему удовлетворяя желанію быть у васъ и дѣйствовать вмѣстѣ съ вами во благо ваше. „Хотя и я просилъ его, но не мною онъ возбужденъ, а собственнымъ произволеніемъ и благодатію Божіею. *Своею волею изыде*, т.-е. восхитилъ себѣ дѣло, поспѣшилъ къ сокровищу, вмѣнилъ въ собственную свою пользу служить вамъ и столь сильно любитъ васъ, что мнѣ не было нужды убѣждать его“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Послахомъ же съ нимъ и брата, егоже похвала во евангеліи по всѣмъ церквамъ.*

Титъ былъ уже извѣстенъ въ Коринѳѣ. Довольно было сказать, что онъ летитъ къ вамъ на крыльяхъ любви, какъ къ своимъ роднымъ и любимымъ лицамъ. Что касается до другихъ пословъ, то объ нихъ слѣдовало сказать по крайней мѣрѣ столько, сколько нужно для перваго знакомства.

Послахомъ съ нимъ и брата. Имени его не сказываетъ, потому нечего и гадать о томъ. Кого ни укажи, все это будетъ предположеніе, всегда замѣнимое десятками и другихъ. Имени не сказываетъ, но указываетъ въ немъ то, что составляетъ славу, именно: *егоже похвала во евангеліи*, въ самой проповѣди Евангелія, или въ содѣйствіи благовѣстію другими, побочными трудами,—*похвала по всѣмъ церквамъ. По всѣмъ церквамъ*, въ которыхъ ни случалось ему быть. Гдѣ ни былъ онъ, вездѣ оставлялъ о себѣ добрую славу. Послѣ та-

кой ему похвалы отъ всѣхъ, мнѣ нечего его хвалить; довольно сказать объ этомъ. Св. Златоустъ спрашиваетъ: отчего св. Павелъ не означилъ имени этого брата, равно какъ и другаго, о коемъ поминаетъ ниже? И отвѣчаетъ: „Можетъ быть, они неизвѣстны были Коринѳянамъ. Не распространяется о нихъ, потому что добродѣтелей ихъ не извѣдали еще Коринѳяне; но говоритъ объ нихъ, сколько нужно было, чтобы внушить о нихъ Коринѳянамъ доброе мнѣніе и удалить подозрѣніе.“

Ст. 19. *Не точію же, но и освященъ отъ церквей съ нами ходити, со благодатію сею служимою нами, къ Самого Господа славѣ и усердію вашему.*

Не точію же, и не то только, что я сказалъ, достойно въ немъ вниманія и уваженія, *но и то, что онъ освященъ отъ церквей,* χειροτονηθεις, рукоположенъ, общимъ приговоромъ избранъ и возложеніемъ рукъ опредѣленъ на извѣстное дѣло. „Апостолъ обращаетъ ему въ честь судъ рукоположившихъ его; ибо это немаловажно“ (св. Злат.). На что же онъ опредѣленъ? *съ нами ходити,* συνεκδημος ημων, быть нашимъ сшественникомъ, спутникомъ, сопровождать насъ. А это съ какою цѣлію? Быть сопутникомъ и сотрудникомъ нашимъ по дѣлу собиранія милостыни, *со благодатію сею, служимою нами.* „Т.-е. онъ избранъ служить при собираніи милостыни. Мы упросили, говоритъ, чтобы его избрали и послали съ нами, поручивъ ему должность эконома церковныхъ имуществъ и діакона. Ибо такая должность немаловажна. *Усмотрите себѣ мужи отъ васъ свидѣтельствованы седмь* (Дѣян. 6, 3) сказано (о діаконахъ іерусалимскихъ). И онъ избранъ церквами по согласію всего народа“ (св. Злат.). Изъ этого само собою строится наведеніе, что, когда св. Апостолы въ Іерусалимѣ *дали десницы* св. Павлу идти на проповѣдь среди *язычниковъ, точію ни-*

щіихъ да помнятъ (Гал. 2, 9—10); тогда же св. Павелъ просилъ ихъ избрать и послать съ нимъ надежнаго человѣка, который бы преимущественно занимался веденіемъ дѣла по памятованію нищихъ; и что такое лице точно было избрано общимъ голосомъ и рукоположено на это служеніе и всегда сопутствовало св. Павлу. Объ немъ онъ и говоритъ теперь. Такъ разсуждаютъ всѣ наши толковники и видятъ въ семъ лицѣ св. Варнаву. „Изъ сего догадываюсь, говоритъ св. Златоустъ, что Апостолъ разумѣетъ здѣсь Варнаву.“ Такъ и всѣ. Противъ того, что это былъ Варнава, можно выставлять нѣкоторыя недоумѣнія; но что это былъ человѣкъ, довѣренный отъ церквей Палестинскихъ, и съ самаго начала опредѣленный сопутствовать св. Павлу, эта мысль печатлѣется всѣмъ ходомъ настоящей рѣчи.

Къ Самого Господа славѣ и усердію вашему. „Т.-е. чтобы и Богъ прославлялся, и вы стали усерднѣе къ подаянію, когда принимающіе сіи подаянія будутъ люди испытанные, такъ что на нихъ никто не можетъ имѣть никакого, даже ложнаго, подозрѣнія“ (св. Злат.). Нѣкоторые читаютъ: *къ усердію* не вашему, а *нашему*. Такъ читали и Ѳеодоритъ съ Экуменіемъ. Въ такомъ случаѣ слова сіи, равно какъ и —*къ Самого Господа славѣ*, надо относить къ *освященъ;* будетъ: опредѣленъ на это дѣло собиранія для бѣдныхъ іерусалимлянъ во славу Господа и въ споспѣшествованіе нашему усердію къ сему дѣлу и, можно прибавить, въ огражденіе его отъ нареканій, какъ показываютъ слѣдующія за симъ слова.

Ст. 20. *Блюдущеся того, да не кто насъ поречетъ во обиліи семъ, служимомъ нами.*

Апостолъ усердно заботился о собраніи милостыни; но самъ держалъ себя вдали отъ собираемаго. Собираемое поступало въ руки сказаннаго повѣреннаго, а

дабы и на него не падало подозрѣніе, св. Павелъ отряжалъ иногда съ нимъ относить милостыню въ Іерусалимъ кого-либо изъ мѣстной церкви, въ которой сдѣланъ значительный сборъ, какъ объ этомъ писалъ онъ прежде къ Коринѳянамъ (1 Кор. 16, 3). Цѣль его въ этихъ распоряженіяхъ была та, чтобъ оградить св. дѣло милостыни отъ всякихъ нареканій, и всюду распространить увѣренность, что подаваемое идетъ несомнѣнно по желанію подающихъ прямо къ нуждающимся, такъ какъ-бы они сами подавали имъ въ руки. Съ этою цѣлію, какъ имѣлъ онъ всегда при себѣ означеннаго брата, такъ и теперь посылаетъ его въ Коринѳъ, и не его только, но и другаго еще, все—да *не кто насъ поречетъ во обиліи семъ*. „Дабы, говоритъ, не сталъ кто подозрѣвать насъ, и не возымѣлъ хотя малѣйшаго повода укорять насъ, будто мы присвояемъ что-либо себѣ изъ вручаемыхъ намъ подаяній: послали мы сихъ мужей, не одного, но двоихъ и троихъ. Видишь ли, какъ онъ освобождаетъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія? Освобождаетъ не только тѣмъ, что они проповѣдники Евангелія, избраны церквами, но и тѣмъ, что они мужи испытанной честности, и за сію честность избраны, дабы не было мѣста подозрѣнію. И не сказалъ—чтобы вы не стали укорять;—но *да не кто поречетъ во обиліи семъ*. Тутъ имъ похвала: онъ какъ-бы говоритъ: много денегъ нами переслано и самое обиліе, т.-е. большое количество милостыни, можетъ возбудить въ злыхъ людяхъ подозрѣніе, если не примемъ предосторожности“ (св. Злат.).

Ст. 21. *Промышляюще добрая не токмо предъ Богомъ, но и предъ человѣки.*

Мы стараемся, говоритъ, дѣлать добро не только такъ, чтобъ оно было чисто и совершенно предъ Богомъ и нашею совѣстію, но и такъ, чтобъ такимъ ви-

дѣли его и другіе, не похвалъ бы ради, но да не соблазнимъ брата. „Не довольствуясь однимъ свидѣтельствомъ Господа, желаемъ, чтобы и люди имѣли о насъ доброе понятіе, и извлекали изъ сего пользу“ (Ѳеод.). Соблазнъ другихъ неразумнымъ дѣланіемъ добрыхъ дѣлъ много умаляетъ добротность сихъ дѣлъ. Нельзя такъ говорить: совѣсть моя чиста; пусть какъ хочетъ думаетъ любящій подозрѣвать. Это обличаетъ жесткое сердце, никакого вниманія не хотящее имѣть къ немощамъ немощныхъ, сердце и горделивое, презирающее другихъ. Такъ дѣйствовать значитъ идти на проломъ. Бываютъ обстоятельства, когда и такъ неизбѣжно дѣйствовать, но не всегда. Въ обычномъ теченіи дѣлъ необходимо щадить совѣсти немощныхъ; ибо и это относится къ кругу дѣлъ, которыми исполняется правило: *немощи немощныхъ носить и не себѣ угождать* (Римл. 15, 1). Этого закона держась, Апостолъ и самъ дѣйствовалъ такъ, какъ говоритъ.—Св. Златоустъ говоритъ на это: „Кто можетъ сравниться въ мудрости съ Павломъ? Онъ не сказалъ: да будетъ несчастенъ и да погибнетъ тотъ, кто станетъ подозрѣвать въ чемъ-либо подобномъ; доколѣ не обличаетъ меня совѣсть—мнѣ нѣтъ дѣла до подозрѣвающихъ. Напротивъ, чѣмъ они были слабѣе, тѣмъ болѣе снисходилъ къ нимъ. Не негодовать на больнаго, но помогать ему должно. Между тѣмъ отъ какого грѣха мы столько далеки, сколько онъ далекъ отъ таковыхъ подозрѣній? Если бы кто былъ подобенъ даже демону, и тотъ не могъ бы подозрѣвать блаженнаго Апостола въ семъ служеніи. Однакоже сколько ни далекъ онъ былъ отъ того, чтобы могли худо объ немъ думать, все дѣлаетъ и устрояетъ такъ, чтобы не оставить даже и малѣйшей тѣни для тѣхъ, которые захотѣли бы хотя сколько-нибудь подозрѣвать въ худомъ. Онъ избѣгаетъ не только обвиненія, но

и худаго мнѣнія, малѣйшей укоризны и пустаго подозрѣнія.“

Ст. 22. *Послахомъ же съ ними и брата нашего, егоже искусихомъ во многихъ многащи встанлива суща, нынѣ же зѣло встанливѣйша, надѣяніемъ многимъ на васъ.*

Послали, говоритъ, мы съ ними и брата нашего. Это кто-то изъ приближенныхъ св. Павла, исполнявшій разныя его порученія и по благовѣстію и по другимъ дѣламъ, можетъ быть и по самому собиранію подаяній. Думается, что это былъ кто-нибудь изъ Македонянъ. Три ока навелъ св. Павелъ на Коринѳянъ, свое въ лицѣ Тита, Палестинцевъ и Македонянъ (а можетъ быть и Асійцевъ) въ лицѣ этихъ двухъ братьевъ. Сколько возбужденія и напряженія придалъ онъ этимъ Коринѳянамъ? Прибавляя къ другимъ этого брата, не оставляетъ его безъ одобрительнаго отзыва; но выставляетъ въ немъ одну особенно черту—тщаніе. Къ чему? Прямѣе всего къ точному исполненію порученій. Поелику всѣ порученія св. Павла касались дѣла благовѣстія и слѣд. Божія дѣла, то воодушевляющая къ тщанію сила была ревность по Богу. Это, говоритъ, мужъ, σπουδαιος, ревнитель: я испыталъ его усердіе и вѣрность во многихъ дѣлахъ и многихъ случаяхъ, во многомъ многократно. Всегда онъ являлъ себя тщательнымъ; нынѣ же, когда посылаю его къ вамъ, особую являетъ тщательность, въ той увѣренности, что у васъ онъ наилучшимъ образомъ исполнитъ возлагаемое на него порученіе. Онъ высоко цѣнитъ васъ и во всемъ полагается на васъ.—Эта послѣдняя приписка не была излишня, чтобъ расположить въ его пользу Коринѳянъ. Св. Златоустъ говоритъ: „вотъ и еще одного присовокупляетъ, и притомъ съ похвалою и одобреніемъ, какъ своимъ собственнымъ, такъ и многихъ другихъ свидѣтелей: *егоже искусихомъ*, говоритъ, *во многихъ*

многащи тщательна суща, нынѣ же множае тщательнѣйша. Похваливъ его за собственныя заслуги, хвалитъ и за любовь къ нимъ, и что сказалъ о Титѣ, *яко тщаливѣйшій сый своею волею изыде*, тоже говоритъ и о семъ: *нынѣ же множае тщаливѣйша надѣяніемъ многимъ на васъ*, т.-е. послѣ того, какъ Павелъ посѣялъ въ немъ сѣмена любви къ Коринѳянамъ."

Ст. 23. *Аще ли же о Титѣ, общникъ мнѣ, и къ вамъ споспѣшникъ; аще ли братія наша, посланницы церквей, слава Христова.*

„Показавъ добродѣтели всѣхъ посланцевъ своихъ, располагаетъ и Коринѳянъ въ ихъ пользу. *Аще ли о Титѣ*, т.-е. если мнѣ должно что-нибудь сказать о Титѣ, то скажу, что онъ *общникъ мнѣ и къ вамъ споспѣшникъ.* Даетъ разумѣть, что если они сдѣлаютъ что для Тита, сдѣлаютъ сіе не для обыкновеннаго человѣка: онъ *общникъ мнѣ.* И похваляя имъ повидимому Тита, хвалитъ вмѣстѣ и Коринѳянъ, показывая въ нихъ такое къ себѣ расположеніе, что они почитаютъ достаточною причиною уважать человѣка, какъ скоро извѣстно, что онъ Павловъ общникъ. Не довольствуясь симъ, Апостолъ присовокупляетъ еще: *и къ вамъ споспѣшникъ.* Не просто споспѣшникъ, но въ дѣлахъ касающихся до васъ: въ вашемъ преспѣяніи, совершенствованіи, въ любви и тщаніи о васъ. А сіе всего болѣе могло привлечь къ нему сердца Коринѳянъ.—*Аще ли братія наша.* Если желаете знать что либо и о другихъ, то они имѣютъ величайшія права на ваше благорасположеніе. Ибо и они *братія наша и посланницы церквей,* т.-е. отъ церквей посланы и, что всего важнѣе, *слава Христова.* Ибо Ему надобно приписывать все, что чрезъ нихъ ни дѣлается. Итакъ, если хотите принять ихъ, какъ братьевъ, или какъ посланниковъ церквей, или какъ дѣлающихъ все для славы Христовой, во всякомъ

случаѣ имѣете много побужденій оказать имъ свое благорасположеніе. Ибо какъ о Титѣ могу сказать, что онъ общникъ мой и любитъ васъ, такъ и о сихъ скажу, что они братія, посланники церквей, слава Христова.— Видишь ли изъ сего, что сіи послѣдніе не были извѣстны Коринѳянамъ? Иначе Апостолъ сталъ бы хвалить ихъ за тоже, за что хвалилъ Тита, т.-е. за любовь ихъ къ Коринѳянамъ. Но поелику они были еще незнакомы имъ, то и говоритъ: примите ихъ, какъ братьевъ, какъ посланниковъ церквей, какъ дѣлающихъ все для славы Христовой“ (св. Злат.).

Ст. 24. *Показаніе убо любве вашея, и нашего хваленія о васъ, къ нимъ покажите, и въ лице церквей.*

Итакъ, говоритъ, покажите показаніе любви вашей, покажите вашу христіанскую къ нимъ любовь, и тѣмъ докажите, что мы хвалили васъ неложно. Показавши къ нимъ любовь, вы покажете любовь и уваженіе къ тѣмъ церквамъ, отъ лица которыхъ они посланы. „Обнаружьте все богатство любви вашей, и подтвердите мои вамъ похвалы; ибо симъ почтите всѣ Церкви“ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „теперь покажите, говоритъ, что вы насъ любите и что мы не тщетно и не напрасно хвалимся вами. А докажете сіе, если имъ окажете свою любовь. Потомъ придаетъ слову своему особую силу, говоря: *въ лице церквей*, т.-е. для славы и чести церквей. Ибо если почтите ихъ, то почтите пославшія церкви. Не къ нимъ только относится ваша честь, но и къ пославшимъ, кои ихъ избрали, а еще прежде къ славѣ Божіей. Ибо, когда воздаемъ честь служителямъ Божіимъ, чрезъ нихъ воздаемъ оную и Богу.“

б).

Для чего Апостолъ послалъ къ Коринѳянамъ за милостынею Тита и двухъ братій

9, 1—5.

Для того, чтобъ у Коринѳянъ все было готово къ его къ нимъ приходу, и чтобы, когда придетъ онъ къ нимъ съ Македонянами, не постыдиться ему, по причинѣ ихъ неготовности.

Гл. 9, ст. 1. *О службѣ бо, яже ко святымъ, лишше ми есть писати вамъ.*

Какъ же излишне писать, когда уже такъ много написалъ? Это говоритъ онъ здѣсь въ дополненіе къ предыдущей рѣчи—8, 24. Говорю вамъ теперь о томъ только, чтобъ вы съ любовію приняли посланныхъ, а о службѣ ко святымъ, т.-е. о милостынѣ для бѣдныхъ Іерусалимлянъ, излишне мнѣ поминать. И потому излишне, что уже говорилъ много, и потому, что это дѣло у васъ уже дѣлается.—*Писать о службѣ*, разумѣется, объяснять, въ чемъ она состоитъ, на кого идетъ, почему необходима, и подобное. Наши впрочемъ толковники въ такомъ оборотѣ рѣчи видятъ тонкое, неотразимо сильное побужденіе къ щедродательности. Ѳеодоритъ выражаетъ такую мысль общимъ положеніемъ: „Апостолъ, сказавъ подробно о служащихъ въ необходимо потребномъ, назвалъ излишнимъ увѣщаніе о щедрости, не въ самомъ дѣлѣ почитая оное излишнимъ, но такимъ способомъ рѣчи возбуждая къ бо́льшей щедрости.“ Св. Златоустъ раскрываетъ это подробнѣе. „Столь долго разсуждавъ о сей службѣ, сказавши столь многое, теперь говоритъ: *лишше ми есть писати вамъ*.... А дѣлаетъ сіе для того, чтобы болѣе привлечь ихъ. Ибо человѣку, о которомъ идетъ такая

слава, что для него не нужны совѣты, стыдно показать себя ниже добраго о себѣ мнѣнія и потерять оное. Подобно сему поступаетъ онъ большею частію и при обличеніяхъ, употребляя оборотъ рѣчи, называемый умалчиваніемъ (παραλειψις, praeteritio): ибо онъ имѣетъ бо́льшую силу."

Ст. 2. *Вѣмъ бо усердіе ваше, имже о васъ хвалюся Македоняномъ, яко Ахаія приготовися отъ мимошедшаго лѣта: и яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ.*

„Сказалъ: *лишше ми есть писати вамъ,* а между тѣмъ тутъ же даетъ совѣты; и смотри, какъ. *Вѣмъ бо усердіе ваше, имже о васъ хвалюся Македоняномъ.* Много значитъ и то, что самъ знаетъ; но гораздо важнѣе, что сообщаетъ о томъ другимъ. Это имѣетъ особенную силу: ибо они не захотѣли бы остаться постыженными предъ такимъ числомъ людей. Видишь ли мудрость его совѣта? Онъ убѣждалъ ихъ примѣромъ другихъ, т.-е. Македонянъ: *сказую вамъ благодать Божію въ церквахъ Македонскихъ* (—8, 1); убѣждалъ собственнымъ ихъ примѣромъ (—8, 10), убѣждалъ примѣромъ Самого Господа: *вѣсте благодать Господа нашего Іисуса Христа, яко васъ ради обнища богатъ сый* (—9). Теперь снова прибѣгаетъ къ сильнѣйшему способу убѣжденія — къ примѣру другихъ, представляя его въ особенно убѣдительной формѣ. Примѣръ Господа и обѣтованныя награды болѣе бы должны были подѣйствовать на нихъ; но такъ какъ они были еще немощны, то привлекаетъ ихъ примѣромъ подобныхъ имъ: ибо ничто такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ соревнованіе. И смотри въ какомъ новомъ видѣ предлагаетъ онъ имъ сего рода убѣжденіе! Не сказалъ: подражайте имъ; но что? *Яже отъ васъ ревность раздражи множайшія.* Что говоришь? Недавно самъ сказалъ о Македонянахъ, что они добровольно со многимъ моленіемъ молили тебя

принять ихъ подаяніе. Какъ же теперь говоритъ: *яже отъ васъ* (Коринѳянъ) *ревность раздражи?* Да, отвѣчаетъ онъ, мы не совѣтовали имъ, не убѣждали ихъ, а только васъ хвалили и вами хвалились, и сего довольно было къ ихъ убѣжденію. Видишь ли, какъ онъ возбуждаетъ ихъ взаимнымъ другъ друга примѣромъ,—Коринѳянъ примѣромъ Македонянъ, а Македонянъ примѣромъ Коринѳянъ; и сіе соревнованіе еще болѣе усиливаетъ присоединенною къ тому великою похвалою. А дабы симъ не дать имъ повода къ гордости, съ особымъ искусствомъ выражается: *и яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ*. Представь же, каково тѣмъ, которые были для другихъ побудительною причиною щедрости, самимъ отстать отъ нихъ въ благотворительности! Посему не сказалъ: подражайте имъ; ибо симъ не возбудилъ бы такого соревнованія; а какъ сказалъ? Они вамъ подражали: вы, учители, не окажитесь хуже учениковъ. И смотри, какъ для бо́льшаго возбужденія и воспламененія ихъ показываетъ видъ, что вступается за нихъ, и защищаетъ ихъ дѣло, какъ будто идетъ о томъ споръ и состязаніе“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Послахъ же братію, да не похваленіе наше, еже о васъ, испразднится въ части сей, но да, якоже глаголахъ, приготовани будете.*

Я говорилъ въ Македоніи, что вы приготовились еще отъ прошедшаго лѣта, т.-е., что у васъ все собрано и готово; остается вручить то опредѣленнымъ на пріятіе сборовъ братіямъ. Представляя, какъ будетъ нехорошо, если я приду съ Македонянами, а у васъ сборъ не будетъ еще готовъ, послалъ я къ вамъ братій, съ тою цѣлію, чтобъ вы были приготовлены, какъ я говорилъ Македонянамъ, и похвала моя вамъ не оказалась праздною, пустою, ложною, не вообще, а только *въ части сей*, т.-е. въ отношеніи приготовленія у васъ сбора.

„Видишь ли, въ какомъ онъ безпокойствѣ и страхѣ? Дабы все, что онъ сказалъ, не показалось сказаннымъ только для убѣжденія (Македонянъ), а не потому, что и на дѣлѣ такъ было, говоритъ: *послахъ братію*,—я столько забочусь о васъ, *да не похваленіе наше испраздднится*. Повидимому, наибольшее участіе принимаетъ онъ въ Коринѳянахъ, хотя и о всѣхъ равно печется. А смыслъ словъ его такой: весьма много хвалюсь вами. всѣмъ говорю о васъ съ восхищеніемъ, хвалился и Македонянамъ. Посему если покажете себя не таковыми, стыдъ будетъ общій. И о семъ выражается осторожно, ибо присовокупилъ: *въ части сей*, а не во всемъ. *Да якоже глаголахъ приготовани будете*. Ибо говорилъ о нихъ Македонянамъ не то, что они будутъ готовы, но что у нихъ все уже приготовлено, и нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Посему, говоритъ, желаю, чтобъ вы показали сіе на самомъ дѣлѣ“ (св. Злат.).

Ст. 4. *Да не како, аще пріидутъ со мною Македоняне, и обряшутъ васъ не приготованныхъ, постыдимся мы, да не глаголемъ вы, въ части сей похваленія*.

Такъ сложились обстоятельства, что въ самомъ ихъ теченіи лежитъ неотразимое для Коринѳянъ понужденіе поспѣшить сборомъ, и не только поспѣшить, но и позаботиться, чтобъ онъ былъ не скуденъ. Въ объясненіе того, почему такъ сильно о семъ безпокоится св. Павелъ, и собираетъ побужденія на побужденія, можно предположить, что св. Титъ принесъ вѣсть о медленности сбора милостыни, что подать готовы, но медлятъ сборомъ, полагая, что соберутъ разомъ, когда придетъ св. Павелъ. Онъ и собираетъ теперь такія представленія Коринѳянамъ, по которымъ они должны чувствовать себя находящимися въ безвыходномъ положеніи: какъ хочешь, а спѣши сборомъ, и сборомъ немалымъ.

„Смотри, какъ дѣйствуетъ на нихъ не духовными

только, но и человѣческими побужденіями. Если, говоритъ, меня не уважаете, то подумайте о Македонянахъ, *да не како, аще пріидутъ со мною, обрящутъ васъ*, не сказалъ—не желающими, но—*не приготованныхъ*, т.-е. не все исполнившими. Если же и поздно подать уже стыдно, то подумайте, какой стыдъ вовсе не подавать милостыни, или подать меньше надлежащаго. Потомъ о послѣдствіяхъ коротко, и вмѣстѣ съ силою говоритъ такъ: *да не како постыдимся мы, да не глаголемъ вы*, словами же: *въ сей части похваленія*—опять смягчаетъ рѣчь свою, не для того впрочемъ, чтобы обезпечить ихъ, но дабы показать, что прославившіеся другими добродѣтелями должны отличаться и сею добродѣтелію" (св. Злат.).

Ст. 5. *Потребно убо умыслихъ умолити братію, да прежде пріидутъ къ вамъ, и предуготовятъ прежде возвѣщенное благословеніе ваше, сіе готово быти, тако якоже благословеніе, а не яко лихоимство.*

Вотъ почему, говоритъ, я и счелъ благопотребнымъ упросить братій, прежде помянутыхъ, чтобъ они пошли къ вамъ напередъ, прежде меня, и напередъ приготовили *прежде возвѣщенное*, вами задуманное и мнѣ сказанное, а мною и другимъ пересказанное—*благословеніе ваше*, то, что благоохотно и съ благожеланіемъ положили вы собрать для нуждающихся,—приготовили какъ было прежде возвѣщено, такъ чтобы къ моему съ македонянами приходу все сіе было готово, но готово, *яко благословеніе*, какъ благоохотное съ отверзтымъ сердцемъ подаяніе, сопровождаемое благожеланіями тѣмъ, кому подается, а *не яко лихоимство*—не скряжническое: не хорошо стѣснять подаяніе скупостію и сопровождать его желаніемъ и какимъ-нибудь неблаговолительнымъ чувствомъ или словомъ къ тѣмъ, кому подается. Св. Златоустъ говоритъ: „Въ другой разъ

говоритъ о томже, объясняя, что не по другой причинѣ идутъ братія, а единственно по той. чтобы Коринѳянамъ не остаться въ стыдѣ. Вся забота его направлена къ тому, чтобы милостыня была собрана скоро и щедро. Къ концу же прибавляетъ, чтобъ она была и радушная,—*яко благословеніе, а не яко лихоимство.* Желаетъ, чтобы подаяніе было непринужденно. Ибо подаяніе есть благословеніе, съ благожеланіемъ совершается, и благословеніе свыше приноситъ. *А не яко лихоимство.* Лихоимство свойственно тѣмъ, которые подаютъ принужденно; а посему кто принужденно подаетъ милостыню, тотъ подаетъ скупо."

3).

Увѣщаніе къ щедрому, охотному и радушному подаянію

9, 6—15.

Въ концѣ предыдущаго отдѣленьица только намекнулъ, что милостыню подавать надобно, *яко благословеніе, а не яко лихоимство,* т.-е. охотно, щедро и радушно, а не съ скупостію и жалѣніемъ. Теперь полнѣе разъясняетъ эту мысль, показывая: а) что по мѣрѣ нашего доброхотства и щедрости бываетъ и Божіе свыше благословеніе, 6—11,—и б) что этою доброхотною щедростію приводится въ движеніе вся религіозная жизнь среди христіанскихъ обществъ, почему она составляетъ славу Церкви или вѣрующихъ во Христа, славу христіанскаго исповѣданія,—12—15.

а).

Мѣра доброхотной щедрости—мѣра Божія благословенія

6—11.

Ст. 6. *Се же глаголю: сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ; а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ.*

Се же глаголю, этимъ я хочу сказать, т.-е. тѣмъ, чтобъ подаяніе было *яко благословеніе, а не яко лихоимство.* Объясняетъ, почему милостыня должна быть яко благословеніе: ибо она приноситъ благословеніе. Св. Златоустъ выше сказалъ: „видишь ли, какъ въ самомъ увѣщаніи показываетъ тотчасъ и плодъ, подаяніемъ приносимый, т.-е., что подающіе исполняются благословенія.“ Эту мысль, прежде заключенную въ одно слово: *благословеніе,* полнѣе разъясняетъ теперь Апостолъ сравненіемъ подаянія съ сѣяніемъ. Общеизвѣстна истина: что посѣешь, то и пожнешь. Знаетъ это сѣющій; потому сѣетъ и съ охотою и безъ щадѣнія сѣмянъ. Воодушевляетъ его увѣренность, что непремѣнно пожнетъ посѣянное съ преизбыткомъ, т.-е. въ 30, 60, 100 разъ больше. Это примѣняетъ Апостолъ къ милостынеподаянію. Сѣющій будто тратитъ, разбрасываетъ сѣмяна, невѣсть для чего. Такъ могъ бы о немъ подумать всякій, незнающій, къ чему идетъ сѣятва и что дастъ. Милостыню дающій будто разбрасываетъ свое добро незнать для чего; а между тѣмъ несомнѣнно, что это дѣло приноситъ плодъ, и приноситъ его вѣрнѣе, чѣмъ сѣятва. Отъ сѣятвы не всегда урожай бываетъ, хотя всегда ожидается; а отъ сѣянія милостыни неурожая не бываетъ,—всегда она приноситъ плодъ. Надобно только вложить въ нее доброхотство, чтобъ она изливалась изъ сердца, съ желаніемъ истощить свое для другихъ. Это расположеніе тоже, что дождь во время на сѣятву. Оскудѣніе же такого расположенія въ милостынеподаяніи есть тоже для нея, что засуха для сѣятвы.—Выраженія Апостола именно на это и намекаютъ. *Сѣяй,* говоритъ,—*скудостію,* φειδομενως, съ щадѣніемъ и жалѣніемъ сѣмянъ, или, что тоже, скупо, *скудостію и пожнетъ*—и пожнетъ φειδομενως; земля сожметъ нѣдра свои, какъ онъ руку, и прора-

ститъ ему посѣянное скупо.—*Сѣяй о благословеніи*, съ желаніемъ разсѣять сколько можно больше, съ преизливающимся изъ сердца своего непощадѣніемъ себя и своего, *о благословеніи и пожнетъ*: земля также разверзетъ щедро ему нѣдра свои, какъ онъ руки сѣющія. Что земля даетъ сѣющему, то Богъ подающему милостыню, соразмѣряя щедрость воздаянія съ доброхотствомъ подаянія. - Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ весьма кстати употребилъ переносный образъ рѣчи, и щедрость назвалъ сѣяніемъ, указуя на обильный плодъ благотворительности; выставилъ на видъ и тѣхъ, которые водятся скупостію, сказавъ, что жатва бываетъ соразмѣрна количеству посѣва.“ Св. Златоустъ говоритъ: „сѣяй скудостію, φειδομενως. Не сказалъ: скупо, но употребилъ благороднѣйшее наименованіе бережливаго (φειδολου); и сѣяніемъ назвалъ самое дѣйствіе, дабы ты тотчасъ вспомнилъ о воздаяніи, представилъ себѣ жатву и понялъ, что подавая другимъ, болѣе получаешь самъ, нежели даешь. Посему не сказалъ: дающій, но *сѣяй*. Не сказалъ также: если вы сѣете, но общее употребилъ выраженіе. Не сказалъ опять—щедро, но, что гораздо важнѣе: *о благословеніи*.“

Ст. 7. *Кійждо якоже изволеніе имать сердцемъ, не отъ скорби, ни отъ нужды: доброхотна бо дателя любитъ Богъ.*

Кійждо якоже изволеніе имать сердцемъ—пусть подаетъ. Столько пусть подаетъ, насколько расположено сердце. Что не по этой мѣрѣ, то безплодно будетъ. Это будетъ тоже, что сѣять сѣмя, растерши его, или измявши до поврежденія ростка. Какъ такое сѣмя есть мертвое сѣмя, потому и безплодное, такъ подаяніе, даемое со скорбію и вынужденно, есть мертвое подаяніе и никакого воздаянія не заслуживаетъ. Убиваетъ его сжатость сердца и отсутствіе радушія при даяніи. Что говоритъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды*, то *скорбію*

означается жалѣніе о подаемомъ, когда даютъ, а сердцемъ жалѣютъ и болятъ, что даютъ: это знакъ скупости; а *нуждою* означается вынужденность; не отъ сердца и не самоохотно даютъ, а будучи вынуждены, то необходимостію повиновенія, то общностію дѣла, то другими какими внѣшними уваженіями. Не будь этихъ понужденій, и подаянія не было бы. Апостолъ хочетъ, чтобы подаяніе шло изъ сердца, какъ сочная трава изъ жирной земли. Въ подтвержденіе этого „приводитъ и свидѣтельство изъ Писанія, говоря: *доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (Притч. 22, 9). Апостолъ употребилъ слово это *(доброхотно)* съ тѣмъ, чтобы побудить Коринѳянъ къ радушному подаянію. Ибо какъ примѣръ Македонянъ и все прочее достаточно было, чтобы побудить ихъ къ щедрому подаянію, то не говоритъ уже о семъ много, а ведетъ рѣчь къ тому, чтобы подавали не съ принужденіемъ. Ибо если милостыня есть добродѣтель, а всякое дѣло, сдѣланное по принужденію, теряетъ свою награду, то Апостолъ справедливо напомнилъ о семъ“ (св. Злат.). „Тоже сказалъ онъ и въ посланіи къ Римлянамъ: *милуяй съ добрымъ изволеніемъ* (пусть милуетъ) (Римл. 12, 8); ибо денежному подаянію должно предшествовать благодушіе“ (Ѳеод.).

Ст. 8. *Силенъ же Богъ всяку благодать изобиловати въ васъ, да о всемъ всегда всяко довольство имуще, избыточествуете во всяко дѣло благо.*

Всяку благодать, всякое благо съ изобиліемъ вамъ послать, вмѣсто того, что иждиваете, *силенъ Богъ,* можетъ, если восхощетъ; не съ тѣмъ, чтобъ вамъ утопать въ удовольствіяхъ, а чтобъ избыточествовать вамъ дѣланіемъ добрыхъ дѣлъ. Св. Златоустъ видитъ въ сихъ словахъ не удостовѣреніе, въ окрыленіе упованія, а молитву, для той же, впрочемъ, цѣли. Онъ говоритъ:

„Апостолъ не только совѣтуетъ, но и молитъ за нихъ Бога, говоря: *силенъ же Богъ всяку благодать изобиловати въ васъ*. Сею молитвою удаляетъ отъ нихъ помыслъ, противоборствующій щедрости, который и нынѣ для многихъ служитъ препятствіемъ. Ибо многіе боятся подавать милостыню подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы самимъ какъ не сдѣлаться бѣдными и не просить милостыни у другихъ. Итакъ, дабы разсѣять сей страхъ, онъ присединяетъ моленіе, говоря: *всяку благодать изобиловати въ васъ*, не исполнить только, но *изобиловати*. Что же значитъ: *силенъ изобиловати благодать?* Силенъ обогатить васъ столько, что возможете изобиловать при такой щедрости, *да о всемъ всегда всяко довольство имуще, избыточествуете во всяко дѣло благо*. Смотри, и въ самой молитвѣ его какая мудрость. Не богатства проситъ имъ у Бога и не излишества, но всякаго довольства. И не сіе одно въ немъ удивительно, но то особенно, что какъ не проситъ у Бога излишества, такъ равно не причиняетъ имъ и огорченія, но снисходя ихъ слабости, не принуждаетъ ихъ подавать отъ недостатка, а проситъ довольства, и вмѣстѣ показываетъ, что даровъ Божіихъ не должно употреблять во зло: *да избыточествуете во всяко дѣло благо*. Для того, говоритъ, прошу вамъ довольства, чтобы вы и другимъ удѣляли. И не сказалъ: удѣляйте, но: *да избыточествуете*. Ибо въ благахъ тѣлесныхъ проситъ для нихъ довольства, а въ благахъ духовныхъ, не въ одномъ милосердіи, но и во всемъ прочемъ, проситъ имъ избытка. Ибо сіе означаютъ слова: *во всяко дѣло благо*.“

Ст. 9. *Якоже есть писано: расточи, даде убогимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка.*

„Вводитъ Апостолъ совѣтникомъ Пророка (Пс. 111, 9), пріискавъ свидѣтельство, побуждающее къ щедрости. Ибо слово — *расточи*, не другое что означаетъ, какъ

щедрость въ подаяніи. И хотя поданнаго нѣтъ уже болѣе, но плоды подаянія пребываютъ вѣчно. То и удивительно, что сберегаемое гибнетъ, а расточаемое пребываетъ и пребываетъ вѣчно. Правдою же здѣсь называетъ человѣколюбіе: ибо оно дѣлаетъ людей праведными и, какъ огонь, истребляетъ грѣхи людскіе, когда обильно изливается“ (св. Злат.).

Этимъ свидѣтельствомъ внушаетъ Апостолъ, что, хотя Господь, по премудрымъ планамъ промышленія о насъ, не всегда здѣсь воздаетъ расточающимъ свое достояніе на бѣдныхъ, но сила благотворенія чрезъ это не умаляется,—она пребываетъ вѣчно. Время кончится, а плоды благотворенія пребудутъ, и въ свое время пожаты будутъ благотворителемъ. Но и въ этомъ вѣкѣ, тотже Пророкъ удостовѣряетъ, *не видѣлъ* я такого *праведника*, благотворителя, *оставлена*, *ниже сѣмене его просяща хлѣбы. Весь день милуетъ, и взаймъ даетъ праведный, и сѣмя его во благословеніе будетъ* (Пс. 36, 25. 26).

„Итакъ не будемъ скупы; напротивъ будемъ расточать щедрою рукой. Развѣ не видишь, сколько другіе раздаютъ комедіантамъ и распутнымъ женщинамъ? Ты подай Христу, хотя вполовину того, что они даютъ плясунамъ. Подай хотя столько алчущему, сколько они изъ тщеславія даютъ представляющимъ на зрѣлищахъ. Они множествомъ золота украшаютъ тѣло распутныхъ; ты и въ простую одежду не хочешь облечь плоть Христову, даже видя, что она обнажена. Расточая свое богатство на удовлетвореніе чреву, на пьянство и распутство, ты не хочешь и вспомнить о бѣдности. На пустое расточаешь охотно; а когда нужно облегчить чью бѣдность, ты считаешь себя бѣднѣе всѣхъ. Когда утучняешь шутовъ и льстецовъ, радуешься, какъ будто расточаешь на нихъ изъ неистощимыхъ источниковъ; а когда увидишь бѣднаго, тотчасъ нападаетъ на

тебя страхъ бѣдности“ (св. Злат.). Такое внушеніе св. отца нашего ни въ какое время не излишне; почему оно и внесено здѣсь.

Ст. 10. *Даяй же сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь да подастъ, и умножитъ сѣмя ваше, и да возраститъ жита правды вашея.*

Выражаетъ молитвенное благожеланіе Коринѳянамъ, да умножитъ Богъ ихъ вещественныя блага, чтобы они посредствомъ ихъ могли обогащаться благами духовными, имѣя возможность въ обиліи благотворить другимъ. Богъ, говоритъ, дающій сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ снѣдь, *да подастъ и умножитъ сѣмя ваше.* Это сѣмя—вещественныя блага, достатокъ и довольство во всемъ; ибо ихъ сѣютъ на милостыню; не будь ихъ, нечего сѣять, или не изъ чего сѣять будетъ. Итакъ, говоритъ, Богъ да умножитъ у васъ то, что можно сѣять. Но получивъ то, изъ чего можно сѣять милостыню, можно вмѣсто милостыни обратить то въ свою пользу, на плотскія утѣхи и удовольствія. Почему Апостолъ не останавливается въ своей благожелательной молитвѣ на этомъ, но проходитъ далѣе и проситъ Бога, чтобы Коринѳяне, получивъ сѣмена на сѣяніе милостыни, дѣйствительно на этотъ предметъ употребили ихъ,—проситъ Бога, да возраститъ Онъ *въ нихъ жита правды.* Жита, γεννηματα, порожденія, плоды. Да дастъ Богъ, говоритъ, чтобы вы, получивъ довольство, все обращали на умноженіе благотворенія, и такимъ образомъ богатились плодами правды. Апостолъ желаетъ, чтобъ у нихъ вещественное довольство шло въ рядъ съ духовнымъ преспѣяніемъ, не мѣшая ему, а пособствуя. Такъ всѣ наши толковники. Вотъ за всѣхъ слово св. Златоуста: „Особенно можно подивиться мудрости Павла въ томъ, что какъ убѣжденія заимствовалъ онъ и отъ духовнаго и отъ плотскаго, такъ, говоря и о воздаяніи,

наблюдаетъ тоже, т.-е. указываетъ на духовныя и плотскія воздаянія. Такъ слова: *расточи, даде убогимъ, правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка,* указываютъ на воздаяніе духовное, а слова: *да умножитъ сѣмя ваше* — на воздаяніе плотское. Впрочемъ, и на семъ онъ не останавливается, но опять переходитъ къ воздаяніямъ духовнымъ, и всегда ставитъ ихъ однѣ съ другими попеременно. Ибо слова: *да возраститъ жита правды вашея,* означаютъ воздаяніе духовное. Дѣлаетъ же сіе и разнообразитъ рѣчь свою для того, чтобы искоренить въ нихъ страшливые и малодушные помыслы, и чтобы различными способами и указаніемъ на сей настоящій примѣръ (т.-е., что Богъ дастъ сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ снѣдь), разсѣять въ нихъ опасенія бѣдности. Ибо если тѣмъ, кои засѣваютъ землю для себя, Богъ подаетъ; если и питающимъ тѣло свое даетъ Онъ обильно, то кольми паче дастъ тѣмъ, кои воздѣлываютъ небо и пекутся о душѣ своей. Ибо Ему угодно, чтобы такія попеченія состояли подъ особеннымъ Его промысломъ. Но Апостолъ излагаетъ сіе не въ видѣ умозаключенія, и не такъ, какъ я сказалъ, а въ видѣ молитвы; при чемъ не скрываетъ своего умозаключенія и возводитъ ихъ къ большему упованію не только указаніемъ на повседневные примѣры, но и самою молитвою; и говоритъ: *да подастъ и умножитъ сѣмя ваше, и да возраститъ жита правды вашея.* И симъ опять незамѣтно внушаетъ щедрость. Ибо какъ сѣмя, брошенное въ землю, произращаетъ тучную жатву, такъ щедрая милостыня приноситъ полныя рукояти правды, и произращаетъ безчисленные плоды.“

Ст. 11. *Ди о всемъ богатящеся во всяку простоту, яже содѣваетъ нами благодареніе Богу.*

Да—не читаютъ всѣ наши толковники, и у другихъ его нѣтъ. Читается только: *о всемъ богатящеся,* и д.,—

εν παντι πλουτιζομενοι. Мысль же видятъ здѣсь такую, какъ бы стояло: πλουτιζομενων. Въ связи съ предыдущимъ будетъ: *да возраститъ Богъ жита правды вашея,* υμων, васъ, πλουτιζομενων, богатящихся во всемъ,—что можно переиначить такъ: такъ чтобы вы богатились всѣмъ, т.-е. всякое довольство получали отъ Бога, но не на свое удовольствіе, а *во всяку простоту,* то-есть на всякую щедродательность или размноженіе благотворительности. Ѳеофилактъ пишетъ: „показываетъ Апостолъ, какъ должно пользоваться богатствомъ. Не въ землю, говоритъ, его надо зарывать, но имѣть его во всякой простотѣ, иждивать, т.-е., со всею щедростію.“— *Яже содѣваетъ нами благодареніе Богу.* Получая отъ вашей щедрости пособіе, нуждающіеся будутъ Богу возсылать благодареніе, и за то, что даровалъ вамъ достатокъ, и за то, что внушаетъ вамъ дѣлать изъ него доброе употребленіе. Словомъ: *нами,* означаетъ Апостолъ свое посредство въ устроеніи милостынеподаянія. Св. Златоустъ говоритъ: „Иждивайте богатство ваше не на то, на что не должно, но на то, чѣмъ приносится благодареніе Богу. Богъ отдалъ многое во власть нашу; и Себѣ предоставивъ меньшее, намъ уступилъ важнѣйшее. Такъ заботиться о чувственной пищѣ нашей предоставилъ Себѣ Самому, а попеченіе о духовной ввѣрилъ намъ, и въ нашей состоитъ власти содѣлать цвѣтущими мысленныя нивы наши. Ибо онѣ не требуютъ ни дождей, ни благорастворенаго воздуха,— было бы только одно произволеніе, и онѣ возрастутъ до самаго неба. *Простотою* называетъ онъ здѣсь щедрость, отъ которой происходитъ милостыня, дающая поводъ къ великому благодаренію.“

б).

Доброхотная щедрость приводитъ въ движеніе всю христіанскую жизнь, и служитъ во славу христіанскаго исповѣданія

12—15.

Св. Златоустъ отъ предыдущаго такъ переходитъ къ этому предмету: „Не только къ благодаренію подаетъ поводъ щедрость, но и ко многому другому. Сіе и перечисляетъ Апостолъ въ слѣдующихъ словахъ, чтобы, показавъ многія добрыя послѣдствія щедрости, возбудить ихъ тѣмъ къ большему усердію. Какіе же это плоды? Послушай, что самъ онъ говоритъ:“

Ст. 12. *Яко работа сего служенія не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но и избыточествующая многими благодареніи Богови.*

Работа служенія сего, διακονια της λειτουργιας, какъ-бы исправленіе служенія въ этомъ литургійномъ—богослужебномъ дѣлѣ. Разумѣетъ и все учрежденіе по собранію милостыни, и самое ея собраніе, и доставленіе ея на мѣсто, и раздаяніе нуждающимся. Литургійнымъ дѣломъ назвалъ это онъ по причинѣ Богоугодности его, потому что тѣ, которые совершаютъ его, будто святое Богослуженіе исправляютъ, и жертву Богу приносятъ, на которую и Самъ Богъ благоволительно взираетъ.— Эта служба, говоритъ, *не только есть исполняющая лишенія святыхъ;* „не думайте, что чрезъ это преуспѣете только въ одномъ и послужите единственно нуждамъ святыхъ“ (Ѳеод.); „не скудость только святыхъ вы восполняете“ (св. Злат.); „не то только производитъ служба сія, что покрываетъ недостатки и нужды святыхъ“ (Экум.). Хотя и это есть очень великое дѣло, но плодъ милостыни этимъ однимъ не ограничивается. Она есть вмѣстѣ и *избыточествующая многими благо-*

дареннми Богови. Этотъ плодъ лучше и выше того; тотъ на землѣ остается, а этотъ на небо восходитъ. Благодареніе Богу — простое чувство, единичное; но оно исходитъ изъ чувства благобытія, Богомъ устрояемаго. Невѣдомыми путями возбуждаетъ Онъ сердца къ благотворенію, и Самъ же устрояетъ все, чтобы оно доходило до своего мѣста, Имъ же указуемаго. Сколько вѣры, Богопреданности и яснозрѣнія Божественнаго порядка дѣлъ въ благодарящихъ Бога! Такого движенія духа въ сердцахъ вѣрующихъ, вами вспомоществуемыхъ, не было бы, говоритъ, еслибъ не ваша милостыня. Какъ цвѣтъ розы, внесенный въ какое-либо мѣсто, не только глаза услаждаетъ смотрящихъ, но и далеко распространяетъ пріятное благоуханіе; такъ милостыня избыточествуетъ духовнымъ благомъ, которое все выражается въ благодареніи Богу. Когда говоритъ Апостолъ, что работа служенія сего избыточествуетъ, то этимъ означается не только то, что облагодѣтельствованные много благодарятъ, но что по этому случаю не они одни, но и многіе другіе благодарятъ, такъ что благодареніе Богу всюду расходится, и на всѣхъ мѣстахъ какъ ѳиміамъ кадильный къ небу возносится.

Ст. 13. *Искушеніемъ служенія сего славяще Бога, о покореніи исповѣданія вашего въ благовѣствованіи Христовѣ, и о простотѣ сообщенія къ нимъ и ко всѣмъ.*

Возбужденное служеніемъ симъ движеніе духа не останавливается на благодареніи, а восходитъ къ славословію Бога, которое выше, отрѣшеннѣе благодаренія. Ибо вызывается узрѣніемъ красоты и совершенства дѣлъ Божіихъ, безъ имѣнія во вниманіи ихъ благотворнаго отношенія къ славословящимъ. Что же узрѣваютъ они въ семъ служеніи? Побѣдоносность Евангелія и его благотворность для всѣхъ.

Искушеніемъ служенія сего, διὰ τῆς δοκιμῆς, вкусивъ

отъ плода служенія сего, испытавъ, какъ оно сладостно для нихъ, и возблагодаривъ за то Бога, начинаютъ славословить Его. За что? Во-первыхъ, *о покорѣніи исповѣданія вашего во благовѣстіе Христово*, за то, что Онъ покорилъ васъ Евангелію и расположилъ исповѣдать вѣру Христову. Іерусалимъ и Коринѳъ, — какъ далеко прошелъ свѣтъ Христовъ! Слава Тебѣ, Господи! Тьма заблужденія проходитъ, свѣтъ истины воцаряется. Слава Богу! — Св. Златоустъ говоритъ: „Чтобы не подать мысли, что они благодарятъ потому только, что получаютъ благодѣянія, смотри, сколько возвышенными онъ представляетъ ихъ. Что въ посланіи къ Филиппійцамъ сказалъ я о себѣ: *не яко ищу даяній* (—4, 17), тоже свидѣтельствую и о нихъ. Хотя они радуются о томъ, что вы восполняете ихъ недостатки и облегчаете ихъ бѣдность; но гораздо болѣе радуются о томъ, что вы покорны Евангелію.“ Ѳеодоритъ пишетъ: „чрезъ опытъ служенія сего видя, какъ приняли вы Божественную проповѣдь, какъ самихъ себя покорили Владыкѣ, возносятъ они славословіе виновнику сего Богу.“

Эта первая причина славословія; но есть и другая. Это *простота сообщенія къ нимъ и ко всѣмъ*. За то славословятъ Бога, что Евангеліе въ васъ не мертво принято, а благотворно воздѣйствовало на васъ. Въ падшихъ всюду царствуютъ эгоистическія начала. Евангеліе, водворяясь въ сердцахъ, изгоняетъ эгоизмъ и воцаряетъ тамъ самоотверженное жертвованіе всѣмъ для всѣхъ. Это видимъ мы въ васъ, въ вашей простотѣ общенія не съ нами только, но и со всѣми, въ томъ, что вы щедро готовы дѣлиться со всѣми всѣмъ, что Богъ самимъ послалъ. Въ этомъ слава Евангелія, слава христіанства. Ни одна вѣра не даетъ сего. Такое настроеніе даетъ благодать Духа, одною вѣрою во Хри-

ста Господа подаваемая. Это не укрывается и отъ невѣрующихъ. И они начинаютъ это сознавать и дивиться силѣ Евангелія. И такъ славятъ Бога, избравшаго и васъ въ орудіе прославленія силы нашего исповѣданія. Апостолъ входитъ въ мысли и чувства благодѣтельствуемыхъ іерусалимлянъ, и говоритъ, что они уже отвлеклись отъ себя и смотрятъ на простоту—щедрость общенія вашего со всѣми, и видя въ этомъ славу Евангелія, славословятъ Бога. Св. Златоустъ останавливается вниманіемъ на этомъ отвлеченіи іерусалимлянъ отъ себя, и указываетъ по сему очень похвальную въ нихъ сторону. „Они прославляютъ Бога за то, что вы такъ щедры не только къ нимъ, но и ко всѣмъ. Это—благодарить Бога за подаваемое другимъ, служитъ къ похвалѣ ихъ. Не смотря на то, что сами находятся въ крайней бѣдности, они пекутся не только о своихъ выгодахъ, но и о выгодахъ другихъ. Это показываетъ высокую ихъ добродѣтель. Ибо никто такъ не завистливъ, какъ бѣдные; но они чисты отъ сей страсти, и не только не завидуютъ, видя ваши благодѣянія другимъ, но даже радуются не меньше, какъ будто бы сами ихъ получили.“

Ст. 14. *И о тѣхъ молитвѣ о васъ, возжелѣющихъ васъ за премногую благодать Божію на васъ.*

Грамматическій строй рѣчи въ этомъ текстѣ представляетъ трудности и въ подлинникѣ; мысль же его видна: не только Бога благодарятъ и славословятъ, но и объ васъ молятся, возлюбивъ васъ за премногую къ вамъ благодать Божію. „И вы пріобрѣтаете плодъ въ молитвахъ, приносимыхъ ими за васъ, потому что сильно васъ любятъ, дознавъ щедрость Божію къ вамъ“ (Ѳеод.).

И о тѣхъ молитвѣ о васъ, και αυτων δεησει υπερ υμων, επιποθουντων υμας. Можно и такъ: Славятъ Бога и за премногую благодать Его на васъ изліянную, въ молитвѣ своей о васъ, которую возносятъ къ Богу, воз-

любивъ васъ. Επιποθούντων, означаетъ сильное къ кому расположеніе, влеченіе, съ желаніемъ близкаго общенія, съ желаніемъ видѣться. Св. Златоустъ и говоритъ: „молятъ Бога, чтобы сподобилъ ихъ видѣть васъ. И сего желаютъ не ради вашего имущества, но чтобы видѣть благодать, дарованную вамъ.“ Слова: *за премногую благодать*, если не относить къ славословію Бога, должно отнести къ *возжелѣющихъ васъ*, какъ и стоятъ. *Благодать*, если относить къ славословію, будетъ означать вообще проявленіе благодати въ Коринѳской церкви,—и что проповѣдь слышали, и что увѣровали, и что крестились и обновились, и что дарами особыми снабжены, и что такъ доброхотно щедры: а если относить къ *возжелѣющихъ*, будетъ означать болѣе сіе послѣднее, т.-.е. что Богъ такъ расширилъ сердца ихъ на благотворительность. Во всемъ этомъ отдѣленіи щедрое милостынеподаяніе у Апостола означается благодатію; потому что такая мысль вполнѣ оправдывается теченіемъ рѣчи. Св. Златоустъ и говоритъ: „видишь ли мудрость Павла, какъ онъ, превознесши ихъ (Коринѳянъ) добродѣтель, все восписалъ Богу, когда назвалъ дѣло ихъ благодатію? Послѣ того, какъ сказалъ о нихъ (Коринѳ.) такъ много, назвалъ ихъ служителями, превознесъ до небесъ, назвалъ ихъ искусными,—теперь показываетъ, что виновникъ всего этого есть Богъ, и самъ вмѣстѣ съ ними возноситъ благодареніе Богу, говоря:“

Ст. 15. *Благодареніе же Богови о неисповѣдимомъ Его дарѣ!*

„Даромъ называетъ здѣсь или тѣ многочисленныя блага, какія получаютъ чрезъ милостыню и принимающіе ее и подающіе, или тѣ неизреченныя блага, которыя пришествіемъ Христовымъ прещедро дарованы всему міру, и сіи послѣднія преимущественно должно здѣсь

разумѣть“ (св. Злат.). „Воспоминаетъ о благахъ, которыхъ сподобились мы чрезъ воплощеніе Христово, какъ-бы такъ говоря: не думайте, будто дѣлаете что великое: ибо неизреченны блага, какія получали мы отъ Бога. И если мы даемъ немного изъ тлѣннаго, что великаго?“ (Ѳеоф.). Но если здѣсь даръ означаетъ вообще благодатное домостроительство, то и впереди подъ премногою благодатію тоже приличнѣе разумѣть. Апостолъ предполагаетъ Іерусалимлянъ востекшими къ созерцанію великой благодати Христовой въ лицѣ Коринѳянъ; но вслѣдъ за ними естественно востекли къ томуже и Коринѳяне; за обоими ими онъ и самъ на томъ же останавливаетъ око ума своего, и заканчиваетъ слово общимъ благодареніемъ Богу о неисповѣдимомъ дарѣ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, этимъ однимъ созерцаніемъ покрывая всѣ другія благія помышленія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ — ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ.

Нужныя объясненія въ отраженіе распускаемыхъ о св. Апостолѣ злыхъ рѣчей и въ побужденіе неисправившихся еще — исправиться

глл. 10—13.

Недоброжелатели св. Павла распускали въ Коринѳѣ ложные о немъ слухи и мнѣнія. Когда подобные случаи не вредили дѣлу благовѣстія и твердости въ вѣрѣ увѣровавшихъ, св. Павелъ не обращалъ на это вниманія; но когда изъ этого выходилъ вредъ, то онъ долгомъ считалъ очищать себя и дѣла свои отъ всѣхъ нареканій. Что именно говорили про него невыгодно въ Коринѳѣ, объ этомъ можно судить по защитительнымъ словамъ его самого. Слышалъ это Титъ или самъ, или отъ искреннихъ Апостола, и передалъ ему. Такихъ

порицателей было не много; вся же церковь благоговѣйно чествла св. Павла и готова была съ покорностію слушать всѣ его наставленія и исполнять всѣ распоряженія. Доселѣ онъ обращалъ рѣчь къ этимъ чтителямъ своимъ — исправнымъ христіанамъ, и рѣчь эта тиха, тепла, благосклонна. Отселѣ начинается рѣчь противъ порицателей, и она строга и носитъ печать Апостольской власти.

Св. Павелъ не былъ показенъ тѣломъ и здоровья былъ слабаго. Рѣчь его при личномъ благовѣстіи отличалась тихостію и кроткою убѣдительностію. Онъ умолялъ вѣровать въ Распятаго, а не указъ съ неба предъявлялъ, чтобъ слышащіе вѣровали. А въ посланіи, когда писалъ уже къ вѣрующимъ, слово его было строго и властно. Эту разность противники его взяли за исходный пунктъ для порицаній. Говорили: въ *лице смиренъ*, а за глазами *дерзаетъ; посланія тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла немощно и слово уничиженно* (10, 1. 10). Это бы и не такъ было смутительно, но въ объясненіе такой разности вставлялось нѣчто такое, почему иные могли почитать св. Павла *по плоти ходящимъ*. Потому такой рѣчи и нельзя было оставлять безъ оговорокъ. Св. Павелъ и занимается ею со всѣмъ вниманіемъ. Отвѣтъ его на это такой: я и въ лице такой же, какой на письмѣ—строгій, когда потребуетъ нужда; къ этому уполномочиваетъ меня званіе Апостола, свыше мнѣ ввѣренное. Потому напередъ молю васъ: не заставьте меня употреблять эту строгость, исправьтесь; ибо, если, пришедши, найду васъ неисправными, не пощажду. Все это себязащищеніе Апостольское занимаетъ четыре главы: 10—13. Въ немъ три пункта: я и въ лице такойже строгій, какъ и на письмѣ; къ этому уполномочиваетъ меня Апостольское званіе; приду — не пощажду. Но пространство эти

пункты занимаютъ не одинаковое: 1) *первый*—собственно 11 стиховъ 10-й главы; 3) *третій*—послѣдніе три стиха 12-й главы, и 10 стиховъ 13-й главы; 2) средину,—въ два и даже въ три раза бо́льшее пространство, — занимаетъ защищеніе Апостольскаго достоинства. Вѣрно настояла въ этомъ крайняя нужда, хотя опредѣленно указать ее и не имѣется возможности. Не можемъ не замѣтить, что, по сему строю, послѣдняя часть посланія сходна съ первою. Какъ тамъ пространное слово о христіанскомъ откровеніи, или домостроительствѣ благодати вставлено въ иную краткую рѣчь, обнимающую его своимъ началомъ и концомъ, такъ и здѣсь пространное слово объ Апостольскомъ достоинствѣ св. Павла и Апостольской его дѣятельности вставляется въ иную кратчайшую рѣчь, обнимающую его тоже началомъ и концомъ своимъ. Между тѣмъ, тотъ и другой предметъ, невольно будто вторгшіеся въ посланіе, или исторгшіеся изъ души св. Павла, составляютъ важнѣйшія отдѣленія сего посланія.

1.

Я и въ лице строгимъ бываю, какъ и на письмѣ

10, 1—11.

а) Приведши эти рѣчи о себѣ, что въ лице смиренъ, а въ отсутствіе дерзаетъ, ст. 1, и намекнувши, какъ-бы не пришлось говорящимъ это испытать противное сему ст. 2; б) Апостолъ объясняетъ, что судить объ немъ по видимости нельзя; ибо власть его не внѣшняя, а духовная, сильная Богомъ, ст. 3—6; в) этою-то властію вооружаясь, я и могу, говоритъ, явиться среди васъ такимъ же строгимъ, какъ строгъ и въ посланіи, ст. 7—11.

а).

Гл. 10, ст. 1. *Самъ же азъ Павелъ молю вы кротостію и тихостію Христовою, иже въ лицѣ убо смиренъ въ васъ, не сый же у васъ дерзаю въ васъ.*

Самъ же азъ Павелъ. Этимъ связываетъ онъ свою рѣчь съ предыдущею. Онъ говоритъ какъ-бы: что до пословъ моихъ, я все вамъ сказалъ; что же касается до меня, то я вамъ вотъ что вынужденъ сказать. Это выраженіе *самъ же азъ Павелъ*—полно важности. Св. Златоустъ говоритъ: „Примѣчаешь ли, сколько тутъ вѣса? Сколько достоинства? Много силы и вѣса въ сихъ словахъ. Подобныя выраженія употребляетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ* (Гал. 5, 2). И опять: *таковъ сый, якоже Павелъ старецъ (молю)* (Филим. 9). Такъ и здѣсь: *самъ же азъ Павелъ* („какъ бы такъ: я Апостолъ, учитель вселенныя“ Экум.). *Молю вы.* „Важно уже то, что онъ самъ проситъ; но гораздо важнѣе присовокупляемое: *кротостію и тихостію Христовою.* Ибо желая болѣе пристыдить ихъ, упоминаетъ о кротости и снисходительности, и тѣмъ еще бо́льшую силу придаетъ своему прошенію. Онъ говоритъ какъ-бы такъ: устыдитесь кротости Христовой, коею умоляю васъ. Сказалъ же сіе, дабы вмѣстѣ показать, что хотя они и тысячекратно вынуждаютъ его къ строгости, однакоже онъ самъ болѣе склоненъ къ кротости, и не наказываетъ ихъ не потому, чтобы не имѣлъ силы, но потому что кротокъ, и потому, что такъ дѣлалъ Христосъ.—*Иже въ лицѣ убо смиренъ, не сый же у васъ дерзаю въ васъ.* Что онъ хочетъ сказать симъ? Или говоритъ иронически собственными ихъ словами; ибо они говорили о св. Павлѣ, что когда лично бываетъ у нихъ, тогда не важничаетъ, а

въ отсутствіе отъ нихъ гордится, ведетъ себя величаво, нападаетъ на нихъ и угрожаетъ. На сіе намекаетъ Апостолъ и далѣе, говоря: *яко посланія убо, рече, тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла немощно, и слово уничиженно* (ст. 10). Итакъ, или говоритъ иронически, выражая великое огорченіе: я человѣкъ смиренный и ничего незначащій при личномъ свиданіи, какъ они говорятъ, а въ отсутствіе высокій; или, хотя и говоритъ о себѣ съ важностію *(изъ Павелъ!)*, но не по высокоумію, а по надеждѣ на нихъ.“—„Или истинно сіе говоритъ о себѣ, что я, лично бывая у васъ, смиренъ и кротокъ у васъ, нынѣ же хотя и великое нѣчто говорю о себѣ, дѣлаю это не по высокоумію, а по дерзновенію моему къ вамъ“ (Ѳеоф.); „полагаясь на любовь вашу, дерзаю писать такъ“ (Экум.).

Ст. 2. *Молю же, да не присущъ дерзаю надѣяніемъ, имже помышляю смѣти на нѣкія непщующія насъ, яко по плоти ходящихъ.*

Строй рѣчи такой: *смѣти*—зависитъ отъ *дерзаю; надѣяніемъ, имже помышляю*, τι πεποιθησει ἡ λογιζομαι, по самоувѣренности (во власти), какую (увѣренность) мнѣ приписываютъ (отсутствующему, или когда отсутствую); λογιζομαι въ страдательномъ залогѣ; ἡ λογιζομαι, по коей я почитаемъ есмь дѣйствующимъ въ отсутствіи.—Прошу васъ, говоритъ, не поставьте меня въ необходимость и въ бытность у васъ лично поступить по самоувѣренности во власти, какая приписывается мнѣ отсутствующему, поступить въ отношеніи къ тѣмъ, которые думаютъ, что мы по плоти ходимъ, т.-е. противъ тѣхъ самыхъ, которые такъ говорятъ о мнѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „Хочетъ онъ сказать слѣдующее: прошу васъ, не заставьте и не допустите меня употребить власть мою противъ тѣхъ, которые унижаютъ насъ и думаютъ, что мы живемъ по плоти. Сіе выра-

жено здѣсь сильнѣе, нежели сказанное въ угрозу Коринѳянамъ въ первомъ его посланіи: *что хощете, съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости? Яко не грядущу ми къ вамъ разгордѣшася нѣцыи. Пріиду же, и разумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (4, 18—21). И здѣсь выражаетъ и власть свою, и любомудріе, и терпѣніе, когда съ такою заботливостію проситъ не доводить его до необходимости придти и показать надъ ними грозную власть свою, т.-е. поразить ихъ, истязать и подвергнуть крайнему наказанію. Это даетъ онъ замѣтить словами: *да не пресущъ дерзаю... на нѣкія.* Замѣчаешь ли, сколь великое негодованіе выражается въ сихъ словахъ, и какое ясное обличеніе? Прошу васъ, говоритъ, не заставляйте меня доказывать, что я, и лично находясь у васъ, силенъ и имѣю власть. Поелику нѣкоторые изъ васъ говорили, что я, не находясь у васъ,—выражаюсь ихъ же словами,—дерзокъ и величавъ; то прошу, не заставьте меня употребить силу мою. Ибо сіе значатъ слова: *дерзаю надѣяніемъ.* Итакъ сдѣлайте мнѣ милость, говоритъ, не вынуждайте меня показать вамъ, что и при личномъ свиданіи могу поступить смѣло, съ кѣмъ должно, т.-е. могу подвергнуть ихъ истязанію и наказанію. Видишь ли, какъ онъ былъ не честолюбивъ, не дѣлалъ ничего изъ тщеславія, когда и по необходимости поступить строго, строгость свою называетъ смѣлостію? Главный долгъ учителя не тотчасъ наказывать, но исправлять, выжидать и быть медленну въ наказаніяхъ. Кто же сіи нѣкіе, которымъ онъ угрожаетъ? Тѣ, говоритъ, которые думаютъ, что мы *ходимъ по плоти.* Ибо они клеветали на Павла, будто бы онъ лицемѣренъ, лукавъ и гордъ.“

Ниже у св. Златоуста выражается о семъ хожденіи по плоти и такая мысль: думаютъ, будто наша пропо-

вѣдь есть дѣло человѣческое, и средства наши тоже средства человѣческія, вообще не видятъ въ насъ ничего особеннаго противъ обыкновенныхъ дѣятелей человѣческихъ. Отсюда у нихъ и выходило, что поелику св. Павелъ ведетъ свои дѣла, какъ и всѣ люди, то являясь кроткимъ лично и строгимъ на письмѣ, употребляетъ онъ обычную человѣческую хитрость: въ лице льститъ, заискиваетъ благосклонность, а потомъ, будто власть чрезъ то пріобрѣтшій, и посмѣлѣе дѣйствуетъ въ письмахъ. Это именно и отрицаетъ въ себѣ св. Павелъ въ слѣд. стихѣ.

б).

Ст. 3. *Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуемъ.* Какъ-бы такъ: „посмотрѣть на насъ, мы тоже, что и всѣ люди, но на дѣлѣ мы совсѣмъ не то. *Во плоти ходимъ*, въ человѣческомъ образѣ и тѣлѣ, съ человѣческою рѣчью и силами; но то, что дѣлаемъ, чего домогаемся, и какими средствами того достигаемъ,—все не человѣческое. Правда, что мы обложены плотію, говоритъ онъ, не отвергаю сего; но не по плоти живемъ. Разсуждаетъ о проповѣди, показывая, что она не человѣческое дѣло и не имѣетъ нужды въ земной помощи. Потому не сказалъ: не по плоти живемъ, но говоритъ: *не по плоти воинствуемъ*, т.-е. ведемъ войну и вступили въ брань; даже сражаемся не плотскими оружіями, и безъ всякаго содѣйствія человѣческаго“ (св. Злат.).

Ст. 4. *Оружія бо воинства нашего не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ: помышленія низлагающе.*

„А какія плотскія оружія? Богатство, слава, власть, сладкорѣчіе, высокорѣчіе, происки, ласкательства, ли-

цемѣріе, и другое подобное сему. Но наши оружія не таковы. Каковы же? *Сильна Богомъ.* Не сказалъ: мы неплотскіе—но *оружія наша;* потому что, какъ замѣтилъ я, онъ разсуждаетъ пока о проповѣди, всю силу ея приписываетъ Богу; и не говоритъ: оружія наши духовныя, хотя бы и такъ надлежало сказать въ противоположность слову: *плотская;* но *сильна (Богомъ),* давая чрезъ то разумѣть, что онѣ духовны, и вмѣстѣ показывая, что плотскія оружія слабы и безсильны. Смотри же, сколько онъ чуждъ гордости! Не сказалъ: мы сильны, но *оружія наша сильна Богомъ.* Не мы сдѣлали ихъ такими, но Самъ Богъ. Поелику они были мучимы, изгоняемы, претерпѣвали безчисленныя и жесточайшія бѣдствія, а все сіе обнаруживало ихъ слабость; то, желая показать силу Божію, говоритъ: *но сильна Богомъ.* Ибо сила его особенно открывается въ томъ, что побѣждаетъ ими. Хотя и мы носимъ сіи оружія, но сражается и дѣйствуетъ ими Самъ Богъ. Послѣ сего Апостолъ распространяется въ похвалахъ оружію, говоря: *на разореніе твердемъ.* И дабы кто слыша о твердыняхъ, не вообразилъ чего-либо чувственнаго, присовокупляетъ: *помышленіе низлагающе.* Иносказаніемъ онъ придалъ силу рѣчи, а изъясненіемъ онаго показываетъ, что брань ихъ духовная. Ибо твердыни сіи поражаютъ души, а не тѣла. И какъ онѣ гораздо крѣпче твердынь вещественныхъ,—посему и оружіе требуется лучшее. Твердынями же называетъ онъ гордость Еллиновъ, и силу ихъ софизмовъ и силлогизмовъ, а вмѣстѣ и всѣ оружія, употребляемыя противъ нихъ (Апостоловъ)“ (св. Злат.).

Оружія Апостольскаго воинствованія—все, чѣмъ были вооружены св. Апостолы на преодолѣніе заблужденій, нечестія, грѣха. Всѣ ихъ совмѣщало преизобильное изліяніе на нихъ благодати Пресвятаго Духа, Который

преисполняя ихъ и научалъ и укрѣплялъ, какъ въ какомъ случаѣ дѣйствовать, когда однимъ словомъ, когда сверхъ того и проявленіемъ чрезвычайныхъ силъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „наше оружіе, говоритъ Апостолъ, духовныя дарованія, съ помощію коихъ дѣлаемся мы побѣдоносными, и противящихся покоряемъ Владыкѣ.“ Но въ этомъ дѣйствіи Апостольскихъ оружій, при всей ихъ чрезвычайности и ихъ Божественной силѣ, ничего нѣтъ механическаго. Правда, что они разоряютъ, но чрезъ самосозиданіе духа нашего. и плѣняютъ, но чрезъ свободное покореніе истинѣ Божіей.

Образъ дѣйствія сего Апостолъ выразилъ *на разореніе твердемъ, помышленіе низлагающе*. „Апостолъ, какъ святыхъ наименовалъ храмами Божіими, такъ порабощенныхъ нечестію называетъ твердынями діавола“ (Ѳеод.). Какъ невѣріе съ нечестіемъ, такъ и грѣхъ съ эгоизмомъ и страстями строятъ вокругъ себя крѣпость, слагающуюся изъ помышленій, коими думаютъ оправдать и свой образъ мыслей, и свой образъ жизни. Окутавшись такими помышленіями, они питаютъ увѣренность, что сидятъ крѣпко и безопасны не только отъ разоренія, но и отъ нападеній. Но вотъ приходитъ Апостолъ съ благодатнымъ словомъ, и начинаетъ бесѣду. Звуки слова ухо принимаетъ; мысль выраженную словомъ принимаетъ умъ; а благодать, пришедшая въ словѣ, наитствуетъ духъ усыпленный или заваленный грудою помышленій. Пробужденный духъ страхъ Божій воспринимаетъ и симъ страхомъ пробуждаетъ совѣсть. И оба они вмѣстѣ, благодатію Божіею укрѣпляемые, разбрасываютъ стѣснявшую ихъ и на нихъ лежавшую твердыню, такъ что ни одно помышленіе изъ тѣхъ, кои прежде казались такъ твердыми и прочно стоящими, не устаиваетъ: все разоряется. Невѣріе съ нечестіемъ убѣгаетъ предъ лицемъ страха Божія, грѣхъ

съ эгоизмомъ и страстями предъ лицемъ совѣсти. Оставшись властными однѣ, сіи силы духа затѣмъ таинственно облекаются во Христа. И се христіанинъ! Вотъ что всегда выходитъ изъ разоренія твердынь душевныхъ чрезъ низложеніе помышленій облагодатствованныхъ духомъ.

Ст. 5. *И всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово.*

И всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій— тоже низлагающе. „Продолжаетъ иносказаніе, чтобы придать большую силу рѣчи. И твердыни, и башни, и что-либо другое, говоритъ, все уступаетъ нашему оружію“ (св. Злат.). Въ разореніи твердыни невѣрія и грѣха низложеніе помышленій есть одна половина дѣла, другую составляетъ низложеніе всякаго возношенія, взимающагося на разумъ Божій. Первымъ означается низложеніе всего, на чемъ невѣріе и грѣхъ думаютъ основаться; а вторымъ низложеніе всего, чѣмъ невѣріе и грѣхъ дерзаютъ возставать на разумъ Божій. Разумъ Божій есть истина Божія, Апостолами проповѣданная, о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ благодатію Святаго Духа. Противъ этого съ самаго начала врагъ истины влагалъ невѣрамъ въ умъ и грѣхолюбцамъ въ сердце много возраженій, которыя для иныхъ казались нерѣшимыми. Это и были и суть возношенія на разумъ Божій. Мы ихъ низлагаемъ, говоритъ Апостолъ, данными намъ оружіями. Какъ? Чрезъ утвержденіе слова послѣдствующими знаменьми (Мар. 16, 20). Благодатнаго дѣйствія Евангелія достаточно для тѣхъ, у которыхъ не совсѣмъ заглушены стихіи духовной естественной жизни. Но и ихъ могли сбивать съ пути невѣры, водящіеся одними, низко движущимися разсудочными наведеніями. Въ помощь первымъ и для пораженія послѣднихъ благоволилъ Господь въ дѣло проповѣди привводить знаменія.

Предъ ними всѣ возраженія падали сами собою. Вѣровавшіе окончательно утверждались ими въ вѣрѣ, не вѣровавшіе были поражаемы, и часть изъ нихъ тоже вѣровала, другая же, остававшаяся въ упорномъ невѣріи, смолкала. Такъ низлагалось и доселѣ низлагается всякое возношеніе на разумъ Божій.

И плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово. Твердыня невѣрія и нечестія, грѣха и страстей разорена чрезъ низложеніе помышленій и всякаго возношенія на разумъ Божій. Что же далѣе? Бывшій тамъ въ плѣну духъ, благодатію Божіею оживленный, возстаетъ и, яко новый потаенный сердца человѣкъ, исходитъ на свободу, исходитъ, но не иначе какъ чрезъ самоохотное и радостное себя—преданіе въ плѣнъ послушанія Христова. Сознаніе и свобода вяжутъ сами себя велѣніями Христа Спасителя и Ему отдаютъ себя въ рабы съ готовностію всѣмъ для Него жертвовать, даже самою жизнію. Это и есть плѣненіе разума въ послушаніе Христова. Разумъ, νοημα, самодѣятельное сознаніе. Оно отдаетъ себя въ послушаніе Христу, въ увѣренности, что чрезъ это одно сохраняется и жизнь и свобода истинныя. Такъ происходитъ внутри разореніе, но для созиданія; плѣненіе, но для свободы. Это плѣненіе есть переходъ „изъ рабства въ свободу, отъ смерти къ жизни, отъ погибели ко спасенію. Ибо мы, говоритъ, пришли не для того только, чтобы низложить противниковъ, но чтобы привести ихъ къ истинѣ„ (св. Злат.). „Ихъ, какъ нѣкіихъ плѣнниковъ, уводя съ поля сраженія, представляемъ Царю всяческихъ, и доводимъ до того, что они слѣдуютъ охотно Его законамъ“ (Ѳеод.).

Ст. 6. *И въ готовности имуще отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе.*

Это слово уже къ тѣмъ, которые, увѣровавъ, вступаютъ въ стадо Христово.—Довелъ прежде рѣчь до послушанія Христу Господу. Далѣе что? Жизнь въ семъ послушаніи. Послушаніе сіе обнимаетъ все нравственно-религіозное устройство Христовой Церкви: и покорность тому принята въ совѣсть и скрѣплена обѣтомъ. Поступающій въ чемъ-либо противъ есть преслушникъ преступный, привлекающій на себя праведное отмщеніе. Блюстители Богоучрежденныхъ порядковъ Церкви и отмстители самовольнаго нарушенія ихъ были тѣже лица, которымъ поручено свыше и завести ихъ, т.-е. св. Апостолы. Они это всегда и исполняли. Нарушителей порядка, въ какомъ-либо отношеніи, убѣждали исправиться, неисправныхъ отлучали. Такъ послѣ Апостоловъ дѣйствовали и преемники ихъ: такъ дѣйствуется и доселѣ. Объ этомъ именно и говоритъ теперь Апостолъ, что у насъ всегда наготовѣ власть и сила отмстить всякое преслушаніе; но говоритъ объ этомъ примѣнительно къ обстоятельствамъ церкви Коринѳской. Онъ уже указалъ имъ на вкравшіяся у нихъ неисправности, и ждетъ исправленія. Титъ удостовѣрилъ его, что тамъ изъявлена готовность все исправить, но что нѣкоторые неохотно берутся за это. Можетъ быть это и были тѣ самые, которые говорили: слабъ Апостолъ, когда самъ лично дѣйствуетъ. Св. Павелъ напоминаетъ теперь, что власть дѣйствовать на преслушниковъ, свыше мнѣ врученная, какъ одно изъ оружій сильныхъ Богомъ на устроеніе Церкви, всегда въ моихъ рукахъ, и я всегда готовъ употребить ее, какъ только оказывается нужда; употреблю ее и у васъ, какъ только исполнится у васъ послушаніе послушныхъ, и сами собою выдѣлятся непослушные.—„Апостолъ изобразилъ причину долготерпѣнія своего. Ожидаемъ, говоритъ, того, чтобы большую часть убѣ-

дить словомъ и увѣщаніемъ, а потомъ наказать тѣхъ, которые вознамѣрятся сопротивляться долѣе“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ устрашаетъ не только клеветавшихъ на него, но и всѣхъ Коринѳянъ; ибо говоритъ имъ: мы ожидаемъ васъ, чтобы, когда вы по нашимъ наставленіямъ и угрозамъ исправитесь, очиститесь и прекратите общеніе съ клеветниками, тогда, отдѣливши ихъ однихъ, подвергнуть наказанію только неисцѣльно страждущихъ, какъ скоро совершенно узнаемъ, что вы отъ нихъ отстали; ибо хотя и теперь повинуетесь, но не вполнѣ. Прежде хочу исправить васъ, и потомъ уже приступить къ наказанію тѣхъ. Что можно представить снисходительнѣе этой милости? Поелику видитъ, что близкіе ему вошли въ общеніе съ противниками, то хочетъ нанесть ударъ; но щадитъ, удерживаетъ гнѣвъ, доколѣ они не отдѣлятся отъ противниковъ, дабы сихъ только и наказать, или лучше—и ихъ не наказывать, ибо для того угрожаетъ близкимъ, для того говоритъ, что однихъ ихъ желаетъ возвратить къ себѣ, чтобы и тѣ, исправленные страхомъ, перемѣнились, и такимъ образомъ ни на кого не излился гнѣвъ его. Во всемъ онъ поступалъ, какъ искусный врачъ, какъ общій всѣхъ отецъ покровитель и защитникъ: сколько заботился о всѣхъ! Повсюду устранялъ препятствія, усмирялъ людей зловредныхъ, вездѣ бывалъ самъ; и не борьбою достигалъ своей цѣли, но какъ-бы идя на легкую и готовую побѣду, воздвигалъ побѣдные памятники, низпровергалъ, разрушалъ, разсыпалъ твердыни діавола и козни демоновъ, и всѣхъ плѣнныхъ переводилъ въ воинство Христово. Даже и на малое время не давалъ себѣ покоя, быстро переходилъ отъ нихъ къ другимъ, а отъ сихъ опять къ инымъ, и, какъ опытный вождь, ежедневно, или лучше—ежечасно, воздвигалъ побѣдные

памятники. Въ одномъ только хитонѣ вступивъ въ воинскіе ряды, онъ бралъ города и жителей. Лукомъ, копьемъ, стрѣлами и всѣмъ былъ языкъ Павловъ: ибо онъ говорилъ только, и слова его поражали противниковъ сильнѣе всякаго огня; онъ изгонялъ демоновъ, а людей ими одержимыхъ приводилъ къ себѣ. Когда изгналъ онъ злаго духа (въ Ефесѣ), собралось многое множество людей, занимавшихся тайными знаніями; сожгли волшебныя книги цѣною на пятьдесятъ тысячъ драхмъ и обратились къ истинѣ. И какъ на брани, какъ скоро падаютъ стѣны крѣпости, или низложенъ утѣснитель, всѣ находящіеся при немъ бросаютъ оружіе и переходятъ къ вождю противной стороны: такъ было и тогда. Ибо едва изгнанъ былъ злой духъ, всѣ держимые имъ въ осадѣ, бросивши книги, или лучше сказать, истребивши ихъ, прибѣгли къ ногамъ Павловымъ. И онъ, сражаясь съ цѣлою вселенною, какъ-бы съ однимъ воинствомъ, нигдѣ не останавливался, но какъ-бы носимый на крылахъ, все дѣлалъ: то исцѣлялъ хромаго, то воскрешалъ мертваго, то наказывалъ слѣпотою—я разумѣю волхва (Дѣян. 13); даже и заключенный въ темницу, не оставался въ бездѣйствіи, но и тамъ привлекъ къ себѣ стража темницы, продолжая восхищать людей въ добрый свой плѣнъ.“

в).

Ст. 7. *Яже ли предъ лицемъ, зрите? Аще кто надѣется себе Христова быти, да помышляетъ паки отъ себе, зане, якоже онъ Христовъ, такожде и мы Христовы.*

По видимости ли только судите?—Увидѣли, что я непоказенъ, слабъ здоровьемъ, говорю тихо,—и повѣрили тѣмъ клеветникамъ, что я ничего не значу и по благодатному порядку дѣлъ. Да еслибъ смотрѣть на меня

только какъ на христіанина, и тогда не слѣдовало бы ни тѣмъ какъ говорить о мнѣ, ни вамъ вѣрить рѣчамъ ихъ. Вѣдай всякъ, что какъ онъ Христовъ, такъ и я; и какъ онъ, будучи Христовымъ, старается дѣйствовать по христіанской совѣсти, какъ рабъ Христовъ, такъ по себѣ пусть судитъ и о мнѣ, что и я также забочусь во всемъ быть вѣрнымъ Христу, Его волю исполнять, въ Его славу во всемъ дѣйствовать. Возьми это во вниманіе всякъ и не будешь криво понимать меня и дѣла мои. Такъ говорю, не указывая еще на особое мое назначеніе, которое лично получилъ отъ Самого Христа Господа, и которымъ порицатели мои похвалиться никакъ не могутъ. Но объ этомъ въ слѣдующемъ стихѣ.

Св. Златоустъ глубже входитъ при этомъ въ намѣренія св. Павла и говоритъ: „При всемъ другомъ достойно особеннаго удивленія въ Павлѣ еще и то, что будучи поставленъ въ большую необходимость хвалить себя, достигаетъ двоякой цѣли: т.-е. и себя хвалитъ, и вмѣстѣ такою похвалою самому себѣ не дѣлается обременителенъ для другихъ. Трудно и требуетъ большаго благоразумія—и соблюсти скромность, и сказать о себѣ нѣчто великое. И смотри, съ какимъ величіемъ дѣлаетъ онъ сіе здѣсь:—*Яже ли,* говоритъ, *предъ лицемъ зрите?*—Обличивши тѣхъ, кои обольстили Коринѳянъ, онъ не останавливаетъ на нихъ своего слова, но переходитъ отъ нихъ и къ обольстившимся. Такъ поступаетъ онъ и всегда,—обличаетъ не только виновниковъ заблужденія, но и введенныхъ ими въ заблужденіе. Ибо еслибы и сихъ не подвергъ отвѣтственности, то ихъ не такъ бы удобно исправило сказанное другимъ; даже они возгордились бы, какъ не подвергшіеся обличенію. Посему и ихъ обличаетъ. И не сіе только достойно удивленія въ Павлѣ, но и то особенно,

что употребляетъ обличенія, какія приличны тѣмъ и другимъ.—Послушай, что говоритъ вдавшимся въ обманъ: *яже ли предъ лицемъ зрите?* Не малое, но очень важное обличеніе! Почему? Потому что родъ человѣческій очень легко впадаетъ въ обманъ. Смыслъ же словъ его таковъ: ужели вы судите по наружности? По плотскимъ, по тѣлеснымъ отношеніямъ?—Что значитъ: по наружности?—Если кто богатъ, если кто величается, если кого окружаютъ многіе ласкатели, если кто хвалитъ себя, ищетъ пустой славы, если кто лицемѣрно притворяется добродѣтельнымъ, не имѣя въ себѣ добродѣтели (тотъ у васъ и великъ и достоинъ вниманія); ибо это значатъ слова: *яже ли предъ лицемъ зрите?—Аще кто надѣется себе Христова быти, да помышляетъ паки отъ себе, зане якоже онъ Христовъ, такожде и мы Христовы.* Апостолъ не хочетъ вдругъ показать себя строгимъ, но мало-по-малу возвышаетъ и усиливаетъ рѣчь. И смотри, какъ отъ себя сказанное имъ дѣлается особенно чувствительнымъ и многознаменательнымъ. Ибо—*отъ себе*, значитъ, да не ожидаетъ узнать отъ насъ, т.-е., изъ нашего ему выговора; но пусть судитъ о томъ самъ по себѣ, что какъ онъ Христовъ, такъ и мы. Не сказалъ: столько же Христовъ, сколько и онъ, но какъ онъ Христовъ, такъ и я Христовъ. Въ этомъ мы одинаковы. Ибо нельзя сказать, что онъ Христовъ, а я принадлежу кому другому.—Но показавши сіе равенство, выставляетъ на видъ и преимущество, говоря:“

Ст. 8. *Аще бо и лишше что похвалюся о власти нашей, юже даде намъ Господь въ созиданіе, а не на разореніе ваше, не постыжуся.*

Такъ, говоритъ, если и какъ на христіанина только смотрѣть на меня, и то неправы порицатели мои и вы, имъ повѣрившіе. Но я больше, чѣмъ всякій христіа-

нинъ. Власть мнѣ дана отъ Господа устроять церковь Его, и законы для ней давать, и съ нарушителей сихъ законовъ взыскивать. Такова моя власть! Въ этомъ вы сами можете удостовѣриться. Испытайте и увидите. Я не боюсь быть пристыженнымъ, будто сказалъ неправду. Или *не постыжуся* значитъ—и дѣломъ покажу сію власть, не посрамлю ложною снисходительностію присущей мнѣ Апостольской власти. Вмѣстѣ даетъ разумѣть, что хотя власть такая всегда присуща ему, но какъ она вручена ему, такъ и онъ употребляетъ ее не на разореніе, а на созиданіе. Въ этомъ и причина, почему я не всегда ее проявляю, и если проявляю, то съ осмотрительностію испробовавъ всѣ мѣры исправленія. „Сказалъ это Апостолъ, что принялъ власть на созиданіе, а не на разореніе, показывая, что противники его поступаютъ вопреки сему, и не созидать хотятъ, но покушаются разорять чужіе труды“ (Ѳеод.).

Такія мысли заключаются въ словѣ Апостола, но выражены онѣ имъ нѣсколько прикровенно, чтобъ не показаться слишкомъ рѣзко выставляющимъ себя. Св. Златоустъ говоритъ: „Посмотри, какъ онъ смягчаетъ рѣчь свою, предположивши сказать о себѣ нѣчто великое. Ибо ничто такъ не оскорбительно для многихъ изъ слушателей, какъ похвала самому себѣ; посему, устраняя оскорбительное, такъ говоритъ: *аще бо и лишше что похвалюся*. Не сказалъ: если кто увѣренъ въ себѣ, что онъ Христовъ, пусть разсудитъ, что онъ далеко еще отстоитъ отъ насъ. Ибо я получилъ отъ Господа столь великую власть, что могу наказать и предать смерти, кого хочу. А что же сказалъ? *Аще и лишше что*. Хотя и выразить нельзя, сколь великую имѣлъ онъ власть, однакоже въ словахъ своихъ не показываетъ сего. Не сказалъ также: хвалюся, но *аще похвалюся*, если захочу похвалиться. А такимъ обра-

зомъ соблюдаетъ вмѣстѣ и скромность, и показываетъ свое преимущество. Посему говоритъ: *аще похвалюся о власти нашей, юже дадѣ намъ Господь.* Опять все приписываетъ Богу, и даръ дѣлаетъ общимъ. *Въ созиданіе, а не на разореніе.* Видишь ли, какъ опять успокоиваетъ зависть, какую могъ бы возбудить похвалою себѣ, и привлекаетъ къ себѣ слушателя, указывая на пользу, для которой получилъ онъ власть? А какъ же выше сказалъ: *помышленія низлагающе?* Это преимущественный способъ созиданія, уничтожать препятствія, обличать гнилое и употреблять къ созиданію одно истинное. Итакъ, хотя для того получили мы власть, чтобъ созидать, однакоже, если кто будетъ упорствовать, сопротивляться и не подавать никакой надежды къ исправленію, то употребимъ и другую силу, низложимъ и низпровергнемъ его. Посему и присовокупляетъ *не постыжуся,* т.-е. не окажусь ни лжецомъ, ни тщеславнымъ.“

Ст. 9. *Но да не явлюся яко страша васъ посланми.*

Могъ бы я, говоритъ, похвалиться властію; но не стану этого дѣлать, чтобъ не показалось, что точно страшу васъ только посланіями. Подразумѣвается: лучше, когда окажется нужда, я самымъ дѣломъ явлю сію власть. Такой оборотъ рѣчи употребляетъ Апостолъ, въ коемъ будто не говоря, или не желая говорить, все сказываетъ, что нужно. „Смыслъ словъ сихъ таковъ: могъ бы я похвалиться, но чтобы не стали опять говорить, будто бы въ посланіяхъ я велерѣчивъ, а при личномъ свиданіи ничего не значу, то не буду говорить о себѣ ничего великаго. Хотя впослѣдствіи и говорилъ, но не о силѣ, по которой онъ былъ страшенъ, а объ откровеніяхъ, и еще болѣе объ искушеніяхъ“ (св. Злат.).

Ст. 10. *Яко посланія убо, рече, тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла немощно, и слово уничиженно.*

Такъ говорили о св. Павлѣ. Что говоритъ: *рече*, не на одно лице указываетъ, а въ одномъ совмѣщаетъ всѣхъ своихъ противниковъ. А можетъ быть разумѣетъ того, кто первый эту фразу выдумалъ. *Посланія тяжки*,—строгій судъ произносятъ, иго тяжелое налагаютъ,—*и крѣпки*, съ силою, авторитетны, властны. *А пришествіе тѣла немощно*, т.-е. когда самъ на лицо у насъ, то ни власти, ни силы въ немъ не видно, никого ничѣмъ не тяготитъ, и *слово его уничиженно*, смиренно, умаливательно, а не повелительно. Такъ говорили о немъ. Чтобъ не утвердить ихъ еще болѣе въ такихъ мысляхъ, я не стану теперь говорить о своей власти, хотя уже сказалъ объ ней что слѣдовало. Поэтому хотя пишетъ: не стану говорить, но этимъ ясно напоминаетъ, что не хочетъ говорить о томъ словомъ, чтобъ показать то дѣломъ, когда будетъ у нихъ, если окажется нужда. Почему и прибавляетъ:

Ст. 11. *Сіе да помышляетъ таковый, яко яцы же есмы словомъ посланій, отстояще, таковіи и ту суще есмы дѣломъ.*

Не буду распространяться. Пусть знаетъ таковый, вѣрно тотъ же, кто выдумалъ такія рѣчи, а въ лицѣ его и всѣ держащіеся его стороны,—пусть знаетъ, что я и лично дѣломъ такой же строгій, какимъ кажусь въ посланіи—словомъ. „Мы въ состояніи обнаружить величіе Апостольскаго достоинства и показать, что дѣла соотвѣтствуютъ писаніямъ“ (Ѳеод.). „Говорящіе такъ пусть знаютъ, что мы, и въ присутствіи и въ отсутствіи, всегда одинаковы. Каковы отсутствуя, въ словѣ и посланіяхъ, таковы и присутствуя, на дѣлѣ. Т.-е. не только угрожаемъ отсутствуя, но сильны и присутствуя въ дѣло привести то, чѣмъ угрожаемъ“ (Экум.). Мощное и отрезвляющее слово!

2).

Въ строгости уполномочиваетъ меня Апостольское мое званіе

10, 12—12, 18.

Въ этомъ большомъ отдѣленіи св. Павелъ защищаетъ свое Апостольское достоинство, и очищаетъ свою Апостольскую дѣятельность. Онъ говоритъ здѣсь а) объ отмѣреніи ему удѣла проповѣдническаго,—10, 12—18; б) о своемъ проповѣданіи туне, 11 1—21; в) о сопровождающихъ его проповѣдь скорбяхъ, лишеніяхъ и страданіяхъ, 11, 22—32; г) о восхищеніи до третьяго небесе, 12, 1—10; и д) о знаменіяхъ Апостольства въ Коринѳѣ, опять съ напоминаніемъ о дѣйствованіи безъ стужанія, 11—18. Доказательство Апостольства его изъ всего сказаннаго выходитъ такое: вотъ какъ я дѣйствую, и вотъ что со мною бываетъ! Такъ ли слѣдуетъ всему быть у того, кто есть истинный Апостолъ?—Если такъ, то удостовѣрьтесь, что я настоящій Апостолъ, полною Апостольскою властію вооруженный, которою потому и могу дѣйствовать, гдѣ и какъ окажется нужнымъ. — Во всемъ отдѣленіи Апостолъ говоритъ самъ о себѣ, и будто самъ себя хвалитъ. Какъ это могло показаться не совсѣмъ пріятнымъ, то онъ непрестанно оговаривается. *Потерпите безумію моему* (11, 1), *несмысленно глаголю* (—21), *быхъ несмысленъ хваляся, вы мя понудисте* (—12, 11), Вѣрно обстоятельства требовали такого образа представленія дѣла его Апостольства. Ибо онъ упоминаетъ не объ одномъ славномъ, но и о томъ, что относится къ смиренію его.

а).

Объ отмѣреніи Апостолу Павлу проповѣдническаго удѣла

10, 12—18.

Въ этомъ отдѣленьицѣ Апостолъ говоритъ, что ему Богъ отдѣлилъ мѣру—удѣлъ, что вслѣдствіе того онъ и до Коринѳа достигъ, и по утвержденіи ихъ дальше пойдетъ, не имѣя обычая втѣсняться въ чужую область. Всѣмъ этимъ, говоритъ, похвалиться намъ не будетъ ничего безмѣрнаго. Это тоже, что Богъ хвалитъ, по распоряженію Коего все сіе совершается.—Почему говоритъ это Апостолъ? Вѣрно его противники, пришедши въ Коринѳъ и успѣвши обратить на себя вниманіе нѣсколькихъ лицъ, стали думать и говорить, что они-то и суть здѣсь главные дѣятели, а св. Павелъ—ничто. Противъ этого и говоритъ онъ: я въ своемъ удѣлѣ, а они втѣснились въ мою область. Но выражаетъ эту мысль особымъ образомъ. Противниковъ же своихъ съ перваго слова поражаетъ ироніею. Имѣя во вниманіи ихъ самохвальныя рѣчи, уничижительныя для себя, онъ говоритъ какъ бы: гдѣ намъ за ними?!

Ст. 12. *Не смѣемъ бо судити, или прикладовати себе инымъ хвалящимъ себе самѣхъ: но сами въ себѣ себе измѣряюще, и прилагающе себе самимъ себѣ, не разумѣваютъ.*

Мѣсто это темновато, какъ замѣчаетъ и блаженный Ѳеодоритъ, говоря: „Весьма неясно написалъ мѣсто сіе Апостолъ, не желая явственно обличить виновныхъ. Разумѣетъ же слѣдующее: они, смотря на себя самихъ, предположили о себѣ, что они одни больше всѣхъ; а что касается до насъ, то да не будетъ того, чтобы мы подобно имъ стали оцѣнивать сами себя.“—Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ по-

казываетъ, что они и тщеславны и велерѣчивы, укоряетъ ихъ за то, что сами себя хвалятъ. А мы, говоритъ, не такъ поступаемъ. Но если дѣлаемъ что великое, то все приписываемъ Богу.—Онъ говоритъ: мы не смѣемъ сравнивать себя съ тѣми, которые другъ съ другомъ препираются, тщеславятся и между тѣмъ не разумѣютъ что дѣлаютъ; т.-е. не видятъ, какъ смѣшны они, когда такъ тщеславятся и превозносятся другъ передъ другомъ."

Апостолъ говоритъ, что не смѣетъ сравнивать себя съ этими хвалящими себя; а послѣ самъ себя хвалитъ. Но когда онъ говоритъ о себѣ похвальное, то дѣла показываетъ, которыя ему далъ Богъ совершить. Это тоже, что Богъ его хвалитъ, а онъ Бога, относя къ Нему все. Противники его на словахъ только себя хвалили, не имѣя дѣлъ. Какъ строилось такое самовосхваленіе?! Они сами въ себѣ себя измѣряли и сами себя къ себѣ прикладывали, и казались себѣ достойными похвалы. Нѣтъ ничего дивнаго, что они обладали и какими-либо совершенствами, могли дѣлать дѣла похвальныя, и желать и планы имѣть на то, чтобы дѣлать такія дѣла; но еще ничего не сдѣлали, а все то только въ головѣ у нихъ было. Вотъ они, мѣряя себя въ себѣ самихъ, своею призрачною мѣркою, и не выходя изъ круга мечтательнаго, построеннаго ихъ воображеніемъ, и видятъ себя великими, и величаются, и велерѣчатъ. Очевидно, что, поступая такъ, они не знаютъ что дѣлаютъ. Такова оцѣнка и всѣхъ тщеславныхъ. Тщеславные самохвалы не безъ совершенствъ бываютъ; только трудиться не охочи, а все планы одни строятъ. Планы свѣтлы. Почитая ихъ уже исполненными, самохвалъ величается; къ дѣлу же приступить день ото дня отлагаетъ, а нерѣдко и совсѣмъ не приступаетъ. Оттого всегда почти выходитъ, что онъ лишь

трубитъ про себя, на дѣлѣ же остается ни при чемъ. Таковы были противники св. Павла. Церковь Коринѳская была устроена трудами св. Павла. А они пришли, поговорили съ тѣмъ и съ другимъ, можетъ быть и впечатлѣніе какое произвели, и ну трубить: наша область, мы сдѣлали; между тѣмъ какъ ничего не сдѣлали, хотя бы и могли можетъ быть сдѣлать, и хотѣли и планы имѣли. Но пойти на свѣжее мѣсто и потрудиться—не доставало усердія. Оттого и ограничились тѣмъ, чтобъ *похвалятьсѧ чужимъ правиломъ, въ готовыхъ*. Противопоставляя имъ себя самого св. Павелъ говоритъ:

Ст. 13. *Мы же не въ безмѣрная похвалимсѧ, но по мѣрѣ правила, егоже раздѣли намъ Богъ мѣру, достизати даже и до васъ.*

И это мѣсто не совсѣмъ опредѣленно. Св. Павелъ имѣетъ, кажется, въ мысли свое свыше избраніе быть Апостоломъ языковъ; но не хвалится этимъ, а только тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать доселѣ. Вся вселенная мой удѣлъ; но я не хвалюсь безмѣрностію такою, а только тою мѣрою, до которой Богъ далъ мнѣ и давалъ достигнуть. Доселѣ это мнѣ пока Богъ отмѣрилъ. Этимъ и похвалиться могу. Противники же его вѣрно въ мечтательныхъ планахъ своихъ всю вселенную полагали обтечь и, будто ужъ всюду воспроповѣдавши, величались; между тѣмъ какъ ничего не сдѣлали еще, а только въ чужой трудъ вошли. Эту несообразность и выставляетъ Апостолъ. Онъ свыше назначенъ для всѣхъ языковъ, а хвалится только тѣмъ пока, что сдѣлалъ; тѣ же, мечтая самопроизвольно обтечь всю вселенную, величаются будто ужъ обтекли ее, ничего еще не сдѣлавши. Св. Златоустъ говоритъ: „Вѣроятно, что они въ похвалу себѣ говорили: мы обратимъ всю вселенную, мы дойдемъ до предѣловъ земли, и много подоб-

наго разглашали о себѣ. Но мы, говоритъ Апостолъ, не такъ, но *по мѣрѣ правила, егоже раздѣли намъ Богъ мѣру, достизати даже и до васъ*. И такимъ образомъ съ той и другой стороны открывается его смиренномудріе: ибо не говоритъ о себѣ больше, нежели сколько сдѣлалъ; и что сдѣлалъ, приписываетъ Богу. *Богъ раздѣлилъ мѣру*. Какъ земледѣльцамъ домовладыка раздѣляетъ виноградные сады, такъ каждому изъ насъ Богъ назначилъ свой удѣлъ. А посему мы и хвалимся не большимъ чѣмъ-либо, но тѣмъ, что дано намъ достигнуть."

Ст. 14. *Не яко бо не досяжуще до васъ паче простираемъ себе: даже бо и до васъ достигохомъ благовѣстіемъ Христовымъ.*

Простираемъ себе, сами въ себѣ себя расширяемъ въ мечтательномъ самовосхваленіи, ширимся въ похвалахъ себѣ. Судя по сему мысль текста будетъ такая: „никто не можетъ сказать, что мы, не достигши до васъ, ширимся говоря, что достигли до васъ, трубя про себя въ пустомъ велерѣчіи. Ибо мы въ самомъ дѣлѣ до васъ достигли, и достигли благовѣстіемъ Христовымъ, т.-е. не просто дошли до васъ, но возвѣстили вамъ и Евангеліе" (Экум.). „Не только были мы у васъ, но благовѣствовали, проповѣдывали, убѣждали, исправляли. Ибо вѣроятно, что порицавшіе Павла приходили только къ ученикамъ Апостольскимъ, и вслѣдствіе своего прихода весь успѣхъ дѣла приписывали себѣ. Но мы, говоритъ Апостолъ, не такъ поступали: никто не можетъ сказать намъ, что мы не могли придти къ вамъ, и что только на словахъ распространяемъ похвалу свою и до васъ; ибо мы и вамъ проповѣдали слово (вѣры)" (св. Злат.).

Но слова: *паче простираемъ себе*, υπερεκτεινομεν εαυτους, можетъ быть, лучше перевесть: простираемся далѣе и

далѣе, паче и паче, разумѣя расширеніе круга дѣятельности Апостольской. Апостолъ хочетъ сказать: мы, вѣдь, идемъ постепенно, отъ мѣста къ мѣсту простираясь. Теперь пока дошли только до васъ, и дальше не простираемся. Надо васъ прежде утвердить въ вѣрѣ, какъ слѣдуетъ; когда же утвердитесь, пойдемъ и далѣе, какъ говорится въ слѣдующемъ стихѣ. Не дошедши до васъ, простираться далѣе было бы непохвальное дѣло. Кто похвалитъ земледѣльца, который оставляетъ позади себя невоздѣланныя полосы? Мы и не дѣлаемъ такъ; но идемъ шагъ за шагомъ. Дошли до васъ съ благовѣстіемъ: и слава Богу! Это сдѣлано нами; это пока и говоримъ.

Ст. 15. 16. *Не въ безмѣрная хвалящеся въ чуждихъ трудѣхъ, упованіе же имуще, растущей вѣрѣ вашей, въ васъ величатися по правилу нашему изобильно, во еже и въ дальшихъ васъ (странахъ) благовѣстити, не чужимъ правиломъ въ готовыхъ похвалитися.*

Не такъ, говоритъ, какъ тѣ, лжеапостолы,—зашли въ чужіе труды и хвалятся безъ мѣры: своимъ хвалимся, и въ такой мѣрѣ, въ какой дано намъ сдѣлать дѣло. „Въ этихъ словахъ Апостолъ показываетъ важность вины ихъ, что они хвалились безъ мѣры, и хвалились чужимъ, и когда весь трудъ принадлежитъ Апостоламъ, они труды ихъ приписывали себѣ. Но мы, говоритъ, говоримъ то, о чемъ свидѣтельствуютъ самыя дѣла, что доказали дѣлами. И что я говорю: *до васъ достигохомъ?* Имѣю надежду, что *растущей вѣрѣ вашей*, — не прямо утверждаетъ, но, слѣдуя своему обыкновенію, говоритъ: надѣюсь, что, когда вы возрастете въ вѣрѣ, удѣлъ нашъ и далѣе распространится, и мы будемъ проповѣдывать Евангеліе дальнимъ. Ибо пойдемъ и далѣе, говоритъ, проповѣдывать и трудиться, а не тщеславиться тѣмъ, надъ чѣмъ трудились другіе. При-

лично назвалъ онъ трудъ свой правиломъ (удѣломъ) и мѣрою, какъ вступившій въ обладаніе вселенною, и получившій прекрасное наслѣдіе, показывая симъ, что все это есть дѣло Божіе. Итакъ, имѣя таковыя дѣла и надѣясь еще бо́льшихъ, мы не тщеславимся, подобно тѣмъ, которые ничего не имѣютъ, и ничего не приписываемъ себѣ, но все приписываемъ Богу“ (св. Злат.).

Ст. 17. *Хваляйся же, о Господѣ да хвалится.*

Когда, говоритъ, возрастетъ и утвердится вѣра среди васъ, тогда справедливо возвеличены будемъ и мы чрезъ васъ. И уповаемъ, что такъ будетъ. И не только это уповаемъ, но и что отъ васъ пройдемъ далѣе и тамъ утвердимъ вѣру, не въ чужой входя трудъ, а вновь насаждая вѣру, не на готовое приходя, а сами заготовляя души къ принятію новосажденія Евангелія. Не смотря впрочемъ на то, что я такъ говорю, не думайте, что я что нибудь себѣ приписываю. Я помню пророческую заповѣдь: *Хваляйся о Господѣ да хвалится* (Іерем. 9, 24). Не себя хвалю, а Божію силу и Божій даръ прославляю. Ибо и то, чтобы мнѣ ходить съ проповѣдью среди язычниковъ, есть Божіе опредѣленіе, и то, чтобы до васъ дойти, есть плодъ Его вседѣятельной силы, и то, если дальше васъ пройду, отъ Него же будетъ. „И то, чтобы хвалиться, говоритъ, дается намъ отъ Бога“ (св. Злат.). „Не сами собою величаемся, но хвалимся Божественными дарами“ (Ѳеод.).

Ст. 18. *Не хваляй бо себе сей искусенъ, но егоже Богъ восхваляетъ.*

Такая только похвала и есть настоящая похвала, прочная, неувядающая. Ибо кто есть хваляйся о Господѣ? Тотъ, кто говоритъ и чувствуетъ: Господь для меня все, ни на кого не надѣюсь, ни на что не опираюсь. Онъ одинъ моя надежда и мое утвержденіе. Потому, что ни дѣлаю, велико ли то или мало, вѣрую,

что Господь дѣлаетъ то чрезъ меня: Его тутъ мудрость, Его сила. Какъ вѣрую, такъ и исповѣдую и предъ всѣми то возвѣщаю. Если по поводу чего-либо, сдѣланнаго мною, тѣнь хвалы падаетъ и на меня; Господу такъ угодно, и это Его дѣло. Давая дѣлать мнѣ дѣла и помогая сдѣлать ихъ, Онъ меня выставляетъ предъ другими; и поелику чрезъ то подвигаетъ ихъ на похвалу мнѣ, то это тоже, что какъ бы Онъ Самъ меня хвалилъ. Богъ восхваляетъ, давая дѣлать похвальныя дѣла. Это и есть вѣчная неувядающая похвала. Только тотъ, кто въ такомъ порядкѣ живетъ и дѣйствуетъ, есть искусный дѣлатель, а не тотъ, кто самъ себя хвалитъ, по поводу ли сдѣланнаго, или по поводу только преднамѣреваемаго.

Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „Видишь ли, съ какимъ смиреніемъ говоритъ онъ? А ежели съ продолженіемъ рѣчи начинаетъ говорить о себѣ нѣсколько высоко, не удивляйся. Ибо и въ семъ видно благоразуміе Павлово. Если бы всегда сталъ говорить о себѣ со смиреніемъ, то такъ не устрашилъ бы ихъ (лжеапостоловъ), и не освободилъ бы учениковъ своихъ отъ заблужденія. Ибо кто не во время скроменъ, тотъ причиняетъ вредъ; и напротивъ, кто во время говоритъ о себѣ нѣчто удивительное, тотъ приноситъ пользу. Такъ поступалъ и Павелъ; ибо не малая была опасность, еслибы ученики повѣрили какому-нибудь дурному слуху о Павлѣ. Не потому, чтобъ Павелъ искалъ славы человѣческой,—ибо если бы искалъ сего, то о великихъ и дивныхъ событіяхъ, случившихся съ нимъ за четырнадцать лѣтъ, не сталъ бы молчать столь долгое время; если же и въ крайней нуждѣ медлитъ и не охотно говоритъ о семъ, то явно, что никогда бы не сказалъ сего, еслибы не былъ вынужденъ.“

б).

О проповѣдованіи Евангелія туне

2 Кор. 11, 1—20.

Гл. 11, ст. 1. *О да бысте мало потерпѣли безумію моему! Но и потерпите мя.*

„Святый Апостолъ Павелъ, намѣреваясь говорить въ похвалу себѣ, употребляетъ много оговорокъ. И не разъ или два оговаривается, хотя достаточно оправдывали его, какъ самая необходимость дѣла, такъ и то, что многократно говорилъ онъ прежде. Ибо и изъ того, что онъ поминалъ о своихъ грѣхахъ, которыхъ не помянулъ Богъ, и что называлъ себя за оные недостойнымъ наименованія Апостольскаго,—для самыхъ нечувствительныхъ ясно видно, что онъ не для прославленія своего будетъ говорить то, что намѣренъ теперь сказать. Ибо хотя и странно сказать, но всего болѣе повредило бы его славѣ говореніе о себѣ самомъ; притомъ сіе оскорбительно для многихъ. Однакоже онъ не посмотрѣлъ на все сіе, но имѣлъ въ виду одно только—спасеніе слушателей. Итакъ, чтобы выхваляя себя не соблазнить тѣмъ неразсудительныхъ, онъ часто употреблялъ множество сихъ оговорокъ, — и здѣсь говоритъ: *о да бысте мало потерпѣли безумію моему, но и потерпите мя.* Видишь ли благоразуміе его? Ибо изъявить желаніе, — *о да бысте,* — значитъ предоставить дѣло на ихъ волю; а сказать утвердительно *(потерпите),* свойственно твердо надѣющемуся на ихъ любовь, и показываетъ уже, что онъ любитъ ихъ, и ими взаимно любимъ. И не просто по обыкновенной какой-нибудь любви, но любви самой пламенной и неудержимой; говоритъ, что они должны потерпѣть даже и безумію его“ (св. Злат.).

Потерпите мя, — ἀνέχεσθέ μοῦ, — иные переводятъ такъ: но вы и терпите меня. Славянскій переводъ согласнѣе съ слѣдующими за симъ словами: *ревную бо по васъ.* Ради такой моей объ васъ заботы вы должны потерпѣть меня. И потерпите въ увѣренности, что это дѣлается не по чему другому, какъ по моей ревности о спасеніи вашемъ. Онъ обязываетъ ихъ, говоря какъ бы: хотите, не хотите—терпите; это для васъ же необходимо. Ѳеодоритъ пишетъ: „знаю, говоритъ Апостолъ, что тѣмъ, которые отличаются высокимъ умомъ, не надлежитъ распространяться въ собственныхъ своихъ похвалахъ; но я вынужденъ это сдѣлать. Посему потерпите мало этому безумію моему.“

Ст. 2. *Ревную бо по васъ Божіею ревностію: обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови.*

Какъ любящій ревнуетъ о любимой особѣ, чтобъ она никому другому не принадлежала, или чтобы другой никто не покушался привлечь ее къ себѣ, такъ я ревную, говоритъ, по васъ, и не могу допустить мысли, чтобы вы принадлежали кому-либо другому. Не о томъ однакожъ ревную, чтобъ, никому другому не принадлежа, вы принадлежали мнѣ; нѣтъ,—не мнѣ, а Богу чтобъ принадлежали: *ревную по васъ Божіею ревностію,*—тою, какою Богъ ревнуетъ по васъ, не хотя, чтобъ вы увлекались какимъ-либо суемудріемъ, а слѣдовали единой истинѣ, Имъ чрезъ насъ всюду возвѣщаемой.—Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: ибо люблю васъ, но употребилъ гораздо сильнѣйшее выраженіе. Ибо ревнивы души, сильно пламенѣющія къ любимымъ ими. И ревность не отъ чего другаго происходитъ, какъ отъ сильнаго дружества. Притомъ, чтобы не подумали, что онъ ищетъ дружества ихъ для власти, или чести, или денегъ, или чего подобнаго, присовокупилъ: *Божіею ревностію.* Ибо и Богу приписывается ревность не для

того, чтобы ты представлялъ въ Богѣ какую-нибудь страсть (ибо Богъ безстрастенъ), но чтобы всѣмъ внушить, что Богъ все дѣлаетъ не для другой какой цѣли, а для тѣхъ самыхъ, о комъ ревнуетъ; — не для того, чтобы получить самому какую-нибудь прибыль, но чтобы ихъ спасти. Не такова ревность человѣческая: она имѣетъ цѣлію собственное успокоеніе,—не то, чтобы не были оскорбляемы любимые, но чтобы любящіе не потерпѣли чего и не потеряли уваженія или не унизились въ глазахъ любимыхъ. А здѣсь иначе. Апостолъ говоритъ: я не о томъ забочусь, чтобы мнѣ не унизиться въ вашемъ мнѣніи, но о томъ, чтобъ не увидѣть васъ растлѣнными (отъ лжеучителей). Такова ревность Божія, такова и моя ревность,—она сильна и вмѣстѣ чиста. Затѣмъ слѣдуетъ и необходимая тому причина.“

Обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови. Обрученіе происходитъ, когда невѣста говоритъ жениху: отселѣ я тебѣ одному принадлежать буду; а женихъ, еще прежде возлюбившій ее, принимаетъ ее и себѣ присвояетъ. Христосъ Спаситель—всѣ души искупилъ, возлюбивъ ихъ прежде, и все для нихъ приготовилъ. Затѣмъ послалъ Апостоловъ—звать души къ брачному съ Собою союзу. Апостолы ходили по міру и всѣмъ благовѣстили сію радость. Которыя души вѣрили и оставя все предавались Господу, тѣхъ Апостолы обручали Ему чрезъ св. крещеніе и рукъ возложеніе (мѵропомазаніе). Всякая такая невѣста получала отъ Господа, въ силу обрученія, отпущеніе грѣховъ, обновленіе жизни и благодать Св. Духа, въ залогъ будущаго вѣчнаго блаженства со Христомъ Господомъ, если до конца пребудетъ вѣрною. Апостолъ все это сдѣлалъ для Коринѳянъ, и говоритъ теперь: вотъ въ какое отношеніе ко Христу Господу я васъ поставилъ,—и ревную, чтобы вы навсегда сохранили сіе положеніе, не

уклоняясь отъ союза, въ какой вступили вы съ Господомъ Іисусомъ Христомъ. „Споспѣшникомъ и посредникомъ былъ я вашего брачнаго союза; чрезъ меня получили вы дары отъ Жениха; посему-то я съ ревностію занимаюсь вами, боясь и трепеща, чтобы лукавство не препобѣдило вашей простоты. Всю Церковь именовалъ Апостолъ *дѣвою,* называя такъ чистоту вѣры; ибо не всѣ вѣрующіе даютъ обѣтъ дѣвства; но искренностію вѣры надлежитъ украшаться всѣмъ“ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „Какая новость! Въ мірѣ дѣвы обыкновенно бываютъ только до брака, а послѣ брака онѣ уже не дѣвы. А здѣсь не такъ. Хотя бы до брака и не были дѣвами, но послѣ брака дѣлаются дѣвами. Такимъ образомъ вся Церковь есть дѣва. Ибо Апостолъ говоритъ это ко всѣмъ, — къ мужчинамъ и женщинамъ, вступившимъ въ брачную жизнь.“

Ст. 3. *Боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ.*

Обручивъ васъ Христу, я сталъ за васъ поручителемъ, что вы вѣрны пребудете Ему. Между тѣмъ кругомъ искушенія: и мысли ваши могутъ повредиться, и чистота нрава христіанскаго попортиться. Боюсь, какъбы вы не уклонились отъ праваго пути. Врагъ, прельстившій Еву, не дремлетъ: тогда употребилъ онъ въ орудіе — змія, теперь дѣйствуетъ чрезъ лжеучителей, чрезъ прелести міра и власти похотныя. Долго ли вамъ увлечься?!—Еву обольстилъ онъ ложнымъ обѣщаніемъ чрезмѣрнаго величія и славы: тѣмъ же обольщаетъ онъ и нынѣ, обѣщая подобныя же чрезмѣрности, — чрезмѣрности вѣдѣнія, чрезмѣрности сластей, чрезмѣрности счастія,—и все это представляетъ въ такомъ привлекательномъ видѣ, такъ удободостижимымъ, что будто въ руки даетъ. Между тѣмъ все это призракъ и обманъ.

Не разобрала этой призрачности Ева, и увлеклась. Можете не разобрать и вы,—и подобно ей увлечься. Вотъ и боюсь—*боюсь, да не истлѣютъ разумы ваша*,—чтобъ не повредились вы въ здравомыслiи и не испортили какъ правильнаго воззрѣнія на дѣло спасенія, такъ и пониманія истиннаго образа слѣдованія путемъ его. *Отъ простоты*,—или по причинѣ простоты, которую стяжеваетъ душа во Христѣ Іисусѣ. Ибо видя все во Христѣ истиннымъ, она забываетъ объ обманѣ и прельщеніи,—и преисполняясь въ Немъ добротою, забываетъ о лукавствѣ и злохитрости, — и чрезъ то пріобщается нѣкоторымъ образомъ того невѣдѣнія зла, которое качествовало въ невинномъ состояніи. Этимъ вашимъ настроеніемъ, говоритъ, можетъ воспользоваться врагъ, и увлечь васъ чрезъ свои орудія.—Или—*отъ простоты, яже о Христѣ Іисусѣ*, такъ надо понимать: да не истлѣютъ разумы ваши, отклонившись отъ простоты, т.-е. безхитростной и чистой вѣры, съ какою недлежитъ вамъ пребывать во Христѣ Господѣ (Экум.).

„Смотри, какое благоразуміе, говоритъ св. Златоустъ. Они уже повредились, а онъ говоритъ: боюся, да не како повредитесь. Для чего такъ? — Чтобы не ввергнуть .ихъ въ ожесточеніе. Онъ такъ говоритъ, что и не осуждаетъ, и не умалчиваетъ. Ибо и явно сказать (о такой великой бѣдѣ) и совсѣмъ скрыть—равно не безопасно. Посему онъ соблюдаетъ средину, говоря: *да не како*. Ибо такъ обыкновенно говоритъ, кто ни слишкомъ осуждаетъ, ни слишкомъ довѣряетъ, но держится средины между тѣмъ и другимъ. Такъ онъ и успокоивалъ ихъ, и напоминаніемъ объ Евѣ приводилъ ихъ въ несказанный страхъ, и отнималъ у нихъ всякій поводъ къ извиненію. Ибо хотя змій былъ злобенъ (πανοῦργος), а Ева проста, впрочемъ это не спасло

ее отъ обвиненія. Итакъ, смотрите, говоритъ Апостолъ, не подвергнитесь и вы томуже; тогда ничто не защититъ васъ.“

Ст. 4. *Аще бо грядый инаго Іисуса проповѣдаетъ, егоже не проповѣдахомъ, или Духа инаго пріемлете, егоже не пріясте, или благовѣствованіе ино, еже не пріясте, добрѣ бысте потерпѣли.*

Мѣсто это трудно и для перевода и для пониманія. Послѣ предыдущаго: боюсь, какъ-бы не истлѣли разумы ваши отъ простоты,—ожидаться можетъ такая рѣчь: ибо къ вамъ кто ни приди, вы тотчасъ готовы принять его добрѣ,—хотя бы онъ, пришедши, проповѣдалъ инаго Іисуса, другаго Духа обѣщалъ, иное благовѣствованіе предлагалъ. И переводъ можно наладить такъ, что онъ будетъ выражать именно такую мысль. Но нельзя предположить, чтобы Апостолъ, который во всемъ посланіи такъ нѣжно относится къ чувствамъ Коринѳянъ, такое рѣзкое сдѣлалъ имъ представленіе. Потому надо предположить здѣсь другой оборотъ мыслей. Сказалъ Апостолъ: боюсь, какъ-бы не повредились умы ваши; но повредиться они какъ могутъ, если не придетъ кто и не станетъ сбивать съ толку? Потому въ томже словѣ Апостола сокрыто и желаніе его и увѣщаніе: не принимайте же никого, съ какимъ бы ученіемъ ни приходилъ кто къ вамъ. А въ настоящемъ текстѣ содержится причина, почему не должны они принимать и терпѣть никакого другаго учителя и вѣропроповѣдника,—именно такая: не для чего вамъ принимать: вы уже все имѣете и имѣете вполнѣ: Іисусъ проповѣданъ у васъ единый истинный,—Богъ Сынъ воплотившійся нашего ради спасенія; благодать Духа вамъ преподана истинная, и силу ея вы ощущаете къ себѣ и осязательно видите другъ въ другѣ; благовѣстіе вамъ возвѣщено полное съ предложеніемъ вамъ отпущенія грѣ-

ховъ, обновленія, всыновленія и наслѣдія царства небеснаго. Чего вамъ еще желать?! Еслибы кто пришедши предлагалъ вамъ то, что нами вамъ не сообщено и не даровано, а между тѣмъ было бы то и истинно, и существенно необходимо для спасенія; то конечно вы ничего худаго не сдѣлали бы, принявши такого учителя: *добрѣ бысте потерпѣли* его. Т.-е., если-бы кто, пришедши, и объ Іисусѣ сказалъ вамъ полнѣе и опредѣленнѣе, чего мы не сказали, такъ что Іисусъ созерцался бы вами яснѣе и казался вамъ будто новымъ, будто инымъ сравнительно съ проповѣданнымъ нами,— и Духа вамъ предлагалъ съ иными проявленіями Его дѣйствій, какихъ вы не испытали, пріявъ благодать отъ насъ,—и благовѣстіе возвѣстилъ вамъ съ болѣе щедрыми обѣтованіями, какихъ мы не открыли вамъ; то противъ пріема такого лица нечего было бы сказать,—*добрѣ бысте потерпѣли* его. Но удостовѣряю васъ, что такого обстоятельства быть не можетъ; никто не можетъ вамъ ни возвѣстить, ни даровать больше и полнѣе того, что вамъ возвѣщено и даровано нами. Вы все имѣете, и имѣете вполнѣ; не для чего вамъ и принимать кого-либо другаго, въ качествѣ учителя и вѣропроповѣдника.

Припомнимъ опять, что Апостолъ такой оборотъ рѣчи даетъ, что будто предостерегаетъ ихъ отъ будущаго; между тѣмъ извѣстно, что они уже принимали кого-то и изъ-за этого допустили между собою размолвки, хотя все попусту. Потому мысль у Апостола здѣсь такая: напрасно вы это сдѣлали: не слѣдовало вамъ принимать ихъ и слушать. „Апостолъ обратился теперь съ обвиненіемъ къ вдавшимся въ обманъ, и ясно показалъ нелѣпость обмана. Ибо говоритъ: чѣмъ же и какимъ образомъ вы увлеклись? Развѣ инаго Іисуса проповѣдали они вамъ? иные дары Духа преподали? иное предложили Евангеліе?“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „изъ сего видно, что растлившіе Коринѳянъ были не изъ среды Коринѳянъ, но что посторонніе обольстили ихъ. Конечно они хвалились, что Апостолы учатъ не совершенно, а они напротивъ приносятъ нѣчто большее. Ибо вѣроятно они, пустословя о многомъ, внесли въ догматы вѣры глуяпы мелочи. Итакъ, поелику они, пользуясь внѣшнею мудростію, какъ вѣроятно, говорили много пустаго; то Апостолъ и говоритъ: еслибы они сказали вамъ лишнее и проповѣдывали Христа другаго (полнѣе), а мы умолчали бы, *добрѣ бысте потерпѣли*. Ибо съ симъ намѣреніемъ присовокупилъ: *егоже не проповѣдахомъ*. А если у нихъ тѣже основанія вѣры, то какое преимущество? Сколько бы они ни говорили, не скажутъ больше того, что мы уже сказали. Если же они говорили, о чемъ не надлежало говорить, о чемъ потому и мы не сказали, то для чего и слушаете ихъ? Но скажешь: если они говорятъ тоже самое, для чего запрещаешь имъ говорить? Для того, что прикрываясь лицемѣріемъ, вводятъ они другое ученіе (между пусторѣчіемъ и лишнерѣчіемъ проскользнетъ незамѣтно и ложь). Но сего не говоритъ еще теперь Павелъ, а присовокупитъ послѣ, когда скажетъ, что они преобразуются во Апостоловъ Христовыхъ (—ст. 13). Между тѣмъ употребляетъ легчайшіе способы, чтобы ослабить въ ученикахъ уваженіе къ нимъ;—и сіе дѣлаетъ не по зависти къ нимъ, но для безопасности учениковъ. Иначе почему онъ не запрещаетъ Аполлосу, мужу краснорѣчивому и свѣдущему въ Писаніи, напротивъ еще самъ проситъ и самъ обѣщаетъ прислать его? Конечно потому, что Аполлосъ при учености сохранялъ и православіе догматовъ, а коринѳскіе учители напротивъ. Потому Апостолъ и вооружается противъ нихъ, и поставляетъ въ вину ученикамъ, что внимаютъ имъ, говоря:

если мы опустили что-нибудь, о чемъ бы надлежало сказать, и они это дополнили, то не препятствуемъ вамъ слушать ихъ. Если же все нами сдѣлано и ничего не опущено; что васъ влечетъ къ нимъ?“

Ст. 5. *Непщую бо ничимже лишитися преднихъ Апостолъ.*

Если продолжимъ рѣчь Апостола въ предыдущемъ тонѣ и духѣ, то получимъ: ужъ если вамъ желательно узнать что пополнѣе, или получить что пообильнѣе. вамъ слѣдуетъ желать, чтобъ къ вамъ пришли не какіе попало учители, а первоверховные; но и такое желаніе излишне, потому что и они не преподали бы вамъ ничего такого, что не преподано мною; ибо я ничѣмъ не меньше ихъ. А съ этими пришлецами я и сравнивать себя не стану; и вамъ этого не слѣдуетъ дѣлать. Итакъ на что они вамъ? „Сравнивая себя не съ коринѳскими учителями, но съ Петромъ и другими Апостолами, св. Павелъ говоритъ какъ-бы: если они больше меня знаютъ, то больше и высшихъ Апостоловъ; а это кто осмѣлится подумать? Смотри, какая и здѣсь скромность! Не говоритъ: Апостолы не больше сказали, чѣмъ я; но какъ? *Непщую,* т.-е. я такъ думаю, что я ни въ чемъ не отсталъ отъ высшихъ Апостоловъ. Поелику, какъ вѣроятно, въ униженіе Павлу обращали то, что предшествовавшіе ему по времени Апостолы имѣли предъ нимъ болѣе громкое имя и большую славу; и коринѳскіе лжеучители вздумали равнять себя съ ними, то св. Павелъ сравниваетъ себя съ Апостолами приличнымъ ему образомъ; посему отзывается о нихъ съ похвалою, не просто называя Апостолами, но *предними,* имѣя въ виду Петра, Іакова и Іоанна“ (св. Злат.).

Слова: *преднихъ Апостолъ,*—τῶν ὑπερλίαν ἀποστόλων,—чрезвычайныхъ, верховнѣйшихъ, самыхъ первыхъ Апо-

столовъ,—иные относятъ не къ первѣйшимъ Апостоламъ, а къ этимъ пришлецамъ коринѳскимъ, и переводятъ τῶν ὑπερλίαν—иронически: этихъ черезчуръ апостоловъ. Но съ ними себя Апостолу и сравнивать нечего было; и увлеченіе ими Коринѳянъ было совершенно случайное и мимоходное, такъ что достаточно было указать на нихъ, чтобы разсѣять ихъ вліяніе. Это и сдѣлало уже первое посланіе. Теперь Апостолъ только доканчиваетъ начатое исправленіе; и на лжеучителей мало обращаетъ вниманія, а болѣе занимается самими Коринѳянами. Для нихъ же важно было знать и утѣшительно было слышать, что ихъ просвѣтитель стоитъ наравнѣ съ верховными Апостолами.

Ст. 6. *Аще бо и невѣжда словомъ, но не разумомъ: но вездѣ явльшеся о всемъ въ васъ.*

Вѣрно лжеапостолы въ униженіе св. Павлу говорили, что онъ и поговорить-то не умѣетъ. Или иные Коринѳяне, увлекаясь краснословіемъ этихъ пришлецовъ, говорили: вотъ такъ учители, а у того что за языкъ?!—Св. Павелъ и говоритъ имъ: „у меня хотя языкъ не ученый, однако же умъ украшенъ Боговѣдѣніемъ“ (Ѳеод.). Не отрицаю, что я не искусенъ въ словѣ; но это нисколько не умаляетъ значенія Апостольства, ибо не въ словѣ дѣло, а въ разумѣніи истины. Богъ далъ намъ разумѣніе свыше, а слово оставилъ у насъ свое природное. Какъ кто умѣетъ, такъ и говоритъ, но говоритъ всегда истину, и истину Божественную, безъ примѣси своихъ мудрованій, чисто, какъ она внушена, и безъ окутыванія ея хитрословіемъ, больше затемняющимъ, чѣмъ уясняющимъ. Въ томъ, что мы неискусны въ словѣ, не униженіе Апостольства, а превосходство. Значитъ истина исходитъ изъ устъ нашихъ въ своей природной простотѣ, какъ внушается Духомъ. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику

развратители Коринѳянъ гордились предъ Апостоломъ тѣмъ, что онъ человѣкъ неученый, то Апостолъ упоминаетъ и о семъ, показывая, что онъ не только своей неучености не стыдится, но еще хвалится ею. Не сказалъ однако: если я невѣжда словомъ, то и другіе Апостолы также. Ибо сіе было бы клеветою на Апостоловъ, и похвалою лжеучителямъ. Напротивъ онъ унижаетъ самое преимущество, т.-е. внѣшнюю мудрость. Посему и въ первомъ посланіи сильно нападаетъ на нее, говоря, что она не только не содѣйствуетъ Евангельской проповѣди, но еще помрачаетъ славу Креста (Господня). Ибо говоритъ: *пріидохъ не по превосходному словеси, или премудрости, да не испразднится Крестъ Христовъ*, и многое другое сему подобное (1 Кор. гл. 1 и 2). Чѣмъ показываетъ, что лжеучители были невѣжды познаніемъ; а это есть крайняя степень невѣжества.“

Но вездѣ явльшеся о всемъ въ васъ, — подлинно: *но вполнѣ явлены есмы во всемъ вамъ*. Но мнѣ, говоритъ, нѣтъ нужды пространно говорить о томъ, что есть во мнѣ и чего нѣтъ. Вы и сами все то знаете. Я дѣйствовалъ среди васъ открыто, ни въ какомъ отношеніи не кроясь. Ни хитрымъ словомъ не прикрывалъ невѣдѣнія, какъ дѣлаютъ краснословцы, ни внѣшнимъ благообразнымъ поведеніемъ не скрывалъ недобрыхъ чувствъ и расположеній. Каковъ есмь, такимъ во всемъ и являлъ я себя, дѣйствуя всегда открыто. Вы это знаете, — и знаете всего меня. Св. Златоустъ говоритъ: „и здѣсь опять обличаетъ лжеапостоловъ, что они дѣйствуютъ лукаво. Но о себѣ и прежде говорилъ тоже, что онъ не лицемѣрилъ, безъ обмана и безкорыстно проповѣдывалъ слово Божіе. Лжеапостолы инаковы на самомъ дѣлѣ, и инаковыми показывали себя; но онъ не таковъ. Потому хвалится вездѣ, что ничего не дѣлаетъ для славы человѣческой, и не скрываетъ дѣлъ

своихъ. Такъ и здѣсь говоритъ: мы все открыто дѣлаемъ предъ вами. А такъ могъ говорить только человѣкъ, ни мало не опасающійся Коринѳянъ, и во всѣхъ словахъ соблюдающій правду. Почему и ссылается на нихъ, какъ на свидѣтелей—и теперь, когда говоритъ: *явлены есмы во всемъ вамъ*, и прежде, когда говорилъ: *не иная бо пишемъ къ вамъ, но яже чтете и разумѣете* (2 Кор. 1, 13).“

Ст. 7. *Или грѣхъ сотворихъ себе смиряя, да вы возвыситеся, яко туне Божіе благовѣствованіе благовѣстихъ вамъ?*

Все доселѣ сказанное было только какъ-бы предисловіе. Теперь Апостолъ коснулся уже главнаго предмета настоящаго отдѣленьица, въ которомъ выставляя на видъ безкорыстное проповѣданіе Евангелія и сильно намекая на противоположные пріемы своихъ противниковъ, имѣетъ цѣлію напечатлѣть въ умахъ, на какой сторонѣ истина.

Предъ этимъ сказалъ св. Павелъ: мы вамъ извѣстны со всѣхъ сторонъ, — давая этимъ разумѣть, что въ своемъ образѣ дѣйствованія онъ ничего не видитъ, по поводу чего Коринѳяне могли бы предпочесть ему кого-либо другаго. Но при этомъ, какъ-бы припомнивъ, въ какомъ смиренномъ видѣ онъ явился среди ихъ и пребывалъ во все время насажденія св. вѣры, по причинѣ вещественныхъ недостатковъ въ содержаніи, для устраненія которыхъ онъ не хотѣлъ брать ничего у Коринѳянъ,—припомнивъ это, онъ говоритъ: развѣ это, можетъ быть, поставите вы мнѣ въ вину? — Т.-е. „что весьма скромно велъ я себя у васъ, и проповѣдуя вамъ Евангеліе, не пользовался отъ васъ необходимымъ пропитаніемъ?“ (Ѳеод.). Но это я дѣлалъ для вашей пользы; я себя смирялъ, чтобъ вы возвысились, — я себя смирялъ въ вещественномъ, чтобъ вы возвысились

въ духовномъ. Это не можетъ служить къ умаленію моего Апостольскаго служенія, а къ возвышенію его. Св. Златоустъ влагаетъ въ уста Апостола такую рѣчь: „я жилъ у васъ въ крайней нищетѣ: ибо таковъ смыслъ словъ,—*себе смиряя*. Итакъ, сіе ставите мнѣ въ вину? Тѣмъ превозноситесь предо мною (другихъ превозносите предо мною), что я смирялъ себя у васъ, просилъ милостыню, терпѣлъ тѣсноту и голодъ, дабы васъ возвысить? — Какъ же они возвышались, когда Павелъ былъ въ крайности? Такъ, что они болѣе получали назиданія, а не повода къ соблазну. Онъ и прежде говорилъ, что его порицали, будто бы при личномъ свиданіи онъ уничижается, а въ отсутствіи смѣлъ. Теперь, защищая себя, опять поражаетъ ихъ, говоря: и сіе я дѣлалъ для васъ.“

Ст. 8. *Отъ иныхъ церквей уяхъ, пріимъ оброкъ къ вашему служенію: и пришедъ къ вамъ, и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому.*

Такъ необходимымъ считалъ св. Павелъ такой образъ дѣйствованія, что ничто не могло заставить его отступить отъ него. Другія церкви, говоритъ, обременялъ (ἐσύλησα—будто ограблялъ), самъ былъ отягченъ скудостію; а все не дозволилъ себѣ докучать кому-либо изъ васъ. Ничто такъ не дѣлаетъ свѣтлымъ лика проповѣдниковъ, какъ то, когда они являются совершенно отрѣшенными отъ всего земнаго. Ибо это прямо говоритъ, что они сами не по земному чину выступили на дѣло свое. Поэтому и св. Павелъ дорожилъ проявленіемъ сего свойства, особенно въ Коринѳѣ, внушеніемъ Духа удостовѣряясь, что это существенно необходимо для ихъ обращенія. Св. Златоустъ говоритъ: „прежде другихъ своихъ заслугъ вопервыхъ хвалится презрѣніемъ земныхъ благъ. Ибо сего наипаче требуютъ (отъ проповѣдниковъ истины) мірскіе люди (симъ

наипаче склоняются къ вѣрѣ). Посему св. Павелъ и начинаетъ слово свое не съ опасностей, не съ чудесъ, но съ презрѣнія земныхъ благъ. Достойно удивленія, что Апостолъ хотя могъ сказать, что онъ руками своими снискивалъ себѣ пропитаніе, не сказалъ сего, но говоритъ то, что особенно постыждало Коринѳянъ и даже не служило къ похвалѣ Апостола, именно, что онъ получалъ отъ другихъ. И не сказалъ: я получалъ, но: *уяхъ*, т.-е. бралъ послѣднее и доводилъ ихъ до бѣдности. И, что еще важнѣе, бралъ не для избытка, но для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Ибо подъ словомъ *оброкъ* (ὀψώνιον, паекъ солдатскій) разумѣется необходимое къ пропитанію. А что важнѣе и этого, Апостолъ говоритъ: *къ вашему служенію;* т.-е. мы вамъ проповѣдывали, и когда отъ васъ должно было получать мнѣ пропитаніе, я получалъ оное отъ другихъ. Двѣ или даже три вины на нихъ, когда онъ, находясь у нихъ, служа имъ, имѣя нужду въ необходимомъ содержаніи, получалъ оное отъ другихъ, которые потому имѣли предъ Коринѳянами великое преимущество. Ибо Коринѳяне оставались беззаботными, а тѣ заботились объ Апостолѣ; одни издали посылали ему, а другіе не могли пропитать его, когда онъ у нихъ находился. Но ощутивъ строгость такой укоризны, Апостолъ опять непримѣтно смягчаетъ оную, и говоритъ: *не стужихъ ни единому.* Не сказалъ: вы не давали мнѣ, но — я не бралъ. Ибо еще щадилъ ихъ. Но опять и при самомъ смягченіи рѣчи своей непримѣтно поражаетъ ихъ. Ибо слова: *пришедъ и въ скудости бывъ,* весьма выразительны. Чтобы они не сказали, что намъ было дѣлать, когда ты имѣлъ у себя? онъ присовокупилъ: въ скудости бывъ, не стужихъ вамъ.“

Ст. 9. *Скудость бо мою исполнища братія, пришедше*

отъ Македоніи; и во всемъ безъ стуженія вамъ себе соблюдохъ и соблюду.

Въ Коринѳъ къ Апостолу Македоняне приходили, вѣроятно, не разъ; и всякій разъ съ приносомъ. Такова натура Македонянъ (Славянъ)! Полюбили св. вѣру и благовѣстника ея, и были готовы всѣмъ жертвовать для него, забывая себя. Хотя и сами не богаты были, но зная, что у Апостола ничего нѣтъ, не могли терпѣть, чтобъ не дѣлиться съ нимъ чѣмъ могли, и даже больше, чѣмъ могли, и не съ нимъ только, но и со всѣми нуждающимися вѣрующими. Это неразсуждающая и о себѣ недумающая простота!

И во всемъ безъ стуженія вамъ себе соблюдохъ. — *Во всемъ*,—и въ пищѣ, и въ одеждѣ, и въ помѣщеніи: никого ничѣмъ не обременялъ; не допустилъ, чтобъ кто-нибудь изъ васъ жертвовалъ чѣмъ, или дѣлалъ что для меня. Въ такомъ отрѣшеніи держалъ себя Апостолъ отъ всѣхъ! И это не въ ту только пору, когда насаждалъ у нихъ вѣру, но такъ положилъ онъ держать себя среди ихъ навсегда. Соблюдохъ, говоритъ, *и соблюду* себе безъ стуженія вамъ. „Это присовокупилъ онъ для того, чтобъ не подумали, что онъ говоритъ имъ о прежнемъ нестужаніи съ намѣреніемъ получить что-либо отъ нихъ теперь“ (Ѳеод.).

Какъ многосторонне осматриваетъ это обстоятельство св. Златоустъ! „Смотри, какой чувствительный ударъ наноситъ имъ, представивъ тѣхъ, которые послужили ему. Сперва возбудилъ въ Коринѳянахъ желаніе узнать, кто такіе были они, сказавъ: *отъ иныхъ церквей уяхъ*,—потомъ уже и называетъ ихъ. О семъ писалъ онъ и къ самимъ Македонянамъ, говоря: *яко и единою и дващи въ требованіе мое посласте ми*, и притомъ въ началѣ благовѣствованія (Фил. 4, 15. 16). Сіе и послужило имъ въ величайшую похвалу, потому

что въ самомъ началѣ такъ отличились. Но замѣть, что Апостолъ вездѣ выставляетъ свою нужду, и нигдѣ не говоритъ объ изобиліи. Словами: *пришедъ къ вамъ и въ скудости бывъ*, онъ показалъ, что пропитаніе надлежало ему получать отъ Коринѳянъ, а словами: *скудость мою исполниша*, показываетъ, что онъ сего и не требовалъ, сказывая вмѣстѣ и причину тому, хотя не настоящую. Какую же? Ту, что отъ другихъ получилъ. *Скудость бо мою*, говоритъ, *исполниша пришедшіи отъ Македоніи*. Потому я и не докучалъ вамъ, а не потому, чтобъ не надѣялся на васъ. А въ самомъ дѣлѣ поступилъ по послѣдней причинѣ (т.-е. что не надѣялся, чтобъ они не соблазнялись, еслибъ отъ нихъ получалъ), что и показываетъ далѣе, хотя говоритъ о семъ не прямо, но прикровенно, предоставляя доразумѣвать сіе совѣсти слушателей и незамѣтно указывая на то слѣдующими словами: *и во всемъ безъ стуженія вамъ себе соблюдохъ и соблюду*. Не думайте, чтобъ я говорилъ сіе съ намѣреніемъ получить что-нибудь отъ васъ. Слово же *соблюду* сказано, еще сильнѣе показывая, что онъ не только теперь не ожидаетъ ничего отъ нихъ, но даже навсегда отказался брать что-либо у нихъ. А равно показываетъ и то, что они считали для себя тягостнымъ помогать ему; почему и сказалъ: *безъ стуженія себе соблюдохъ и соблюду*. Подобно говоритъ и въ первомъ посланіи: *не писахъ сія, да тако будетъ о мнѣ: добрѣе бо ми паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. 9, 15). И здѣсь опять: *безъ стуженія вамъ себе соблюдохъ и соблюду*.

Ст. 10. *Есть истина Христова во мнѣ, яко похваленіе сіе не заградится о мнѣ въ странахъ Ахайстѣхъ*.

Св. Павелъ жилъ только для Евангелія и св. Церкви, и ни за что не соглашался отступить отъ того, и

прямо исповѣдалъ, что для него лучше умереть, нежели измѣнить этотъ порядокъ.. И здѣсь тоже говоритъ, или еще сильнѣе, ибо слова: *есть истина Христова во мнѣ*, представляютъ клятвенное увѣреніе. Такъ удостовѣрялъ онъ и Римлянъ, говоря: *истину глаголю о Христѣ, не лгу* (—9, 1). Какъ неложна истина Христова, которою одною живу, такъ неложно слово мое. Это тоже, что: какъ истиненъ Христосъ, такъ истинно говорю, или Христомъ увѣряю. Сколь важнымъ считалъ это Апостолъ, что ставитъ наряду съ истиною Христовою! И это только въ отношеніи къ Ахаіи, а не ко всѣмъ. Нельзя не видѣть въ этомъ перста Божія. Этимъ же объясняется и то, съ какимъ расположеніемъ перетерпѣвалъ это Апостолъ. Трудиться, а между тѣмъ терпѣть во всемъ скудость, это не могло не отзываться скорбію въ сердцѣ. Но Апостолъ не только не скорбитъ, не только благодушествуетъ, но и хвалится тѣмъ. Это моя похвала, говоритъ. „Похвалою называетъ онъ поступокъ свой, дабы кто не подумалъ, что онъ о семъ печалится, или говоритъ въ гнѣвѣ, вмѣстѣ и для того, дабы не слишкомъ пристыдить ихъ словами своими, какъ будто они не доставляли ему пропитанія, хотя и просилъ. Противъ этого онъ говоритъ какъ бы: вы и готовы бы давать; но я не беру. Въ этомъ похваленіе мое. Слово: *не заградится*, употреблено въ переносномъ значеніи: оно взято съ прегражданемой рѣки, и означаетъ, что слава о немъ, что онъ не беретъ, разливается всюду, какъ рѣка. Вы не заградите подаяніемъ своимъ моей похвалы; не сказалъ однако: вы не заградите, что было бы тяжко для нихъ, но—*не заградится похваленіе сіе о мнѣ въ странахъ Ахайстѣхъ*“ (св. Злат.).

Ст. 11. *Почто? Зане не люблю ли васъ? Богъ вѣсть! А еже творю, и сотворю.*

Предыдущія слова: *не заградится похваленіе въ странахъ Ахайскихъ*, „могли поразить Коринѳянъ. Этого весьма достаточно было къ тому, чтобы привесть ихъ въ уныніе и оскорбить тѣмъ, что однихъ ихъ отвергаетъ. Ибо если онъ хвалится симъ, то вездѣ бы надлежало такъ дѣйствовать; а если у нихъ только однихъ, то этимъ явно обличалъ ихъ немощь. Итакъ, чтобы они отъ такой мысли не впали въ уныніе, замѣть, какъ поправляетъ сіе. *Почто?* говоритъ, *зане не люблю ли васъ? Богъ вѣсть.* Скорое и легкое далъ рѣшеніе“ (св. Злат.).

Богъ свидѣтель, говоритъ, что люблю васъ, какъ и выше удостовѣрялъ: *въ сердцахъ нашихъ есте, во еже умрети съ вами и сожити* (2 Кор. 7, 3). „Отъ великой любви его къ нимъ происходило то, что онъ ничего не бралъ у нихъ“ (Злат.). Не заключайте, говоритъ, къ нелюбленію васъ изъ того, что дѣйствую въ отношеніи къ вамъ иначе, нежели въ отношеніи къ другимъ. Любовь-то и заставляетъ меня такъ дѣйствовать: ибо иначе не могло бы быть такъ благоуспѣшно среди васъ Евангеліе спасенія. У васъ таково условіе его благоспѣянія, я такъ и дѣйствую; у другихъ другое, я и дѣйствую у нихъ иначе. „Такъ онъ по одной и той же любви дѣлалъ противоположныя дѣла, т.-е. принималъ по любви, и не принималъ по любви; и эта противоположность зависѣла отъ различнаго расположенія дающихъ“ (св. Злат.). Люблю васъ, говоритъ; Богъ вѣсть, что люблю. При всемъ томъ, что *творю, и сотворю*. И любовь моя къ вамъ неизмѣнна, и образъ дѣйствованія моего въ отношеніи къ вамъ неизмѣненъ. Эти двѣ неизмѣнности живутъ у меня вмѣстѣ; и одна другой не мѣшаетъ. Не толкуйте и вы моего поведенія въ ущербъ моей любви къ вамъ.

Ст. 12. *Да отсѣку вину хотящимъ вины, да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы.*

Апостолъ дѣйствовалъ такъ потому, что не могъ идти противъ внушеній Духа. Почему же такъ изволися Духу Святому, объ этомъ, если явно не открыто, и самому Апостолу предлежало гадать, какъ гадали Пророки, когда Духъ открывалъ имъ въ образахъ событія пришествія Сына Божія на землю. Онъ и гадаетъ, указывая причину тому въ соприкосновенностяхъ благовѣстія. *Да отсѣку вину хотящимъ вины.* Могъ бы онъ сказать, что иначе вы соблазнились бы и неохотно слушали слово мое, а это положило бы препону успѣхамъ Евангелія. Но это онъ сказалъ прежде: *не сотворихомъ по области сей, да не прекращеніе нѣкое дамы благовѣствованію Христову* (1 Кор. 9, 12). Теперь же выводитъ необходимость этого изъ предосторожностей, какія надо брать, въ виду лжеапостоловъ. Это ихъ онъ разумѣетъ подъ хотящими вины. *Вина* здѣсь ἀφορμὴ — поводъ, случай, предлогъ. Лжеапостолы всякимъ случаемъ пользовались, чтобъ представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ и самого св. Павла и проповѣдь его, и тѣмъ полагать препоны успѣхамъ Евангелія. Затѣмъ, говоритъ, я дѣлаю это, чтобъ противники мои, еслибъ я пользовался чѣмъ отъ васъ, не обратили этого въ поводъ причинять вредъ Евангелію Христову. „Для моихъ противниковъ дѣлаю это, пресѣкая имъ поводы злословить насъ“ (Ѳеод.). „Поелику лжеапостолы о томъ только заботились, чтобы найти какой нибудь предлогъ, то надлежало и оный отнять“ (св. Злат.).

Но какимъ образомъ противники св. Павла могли обратить въ орудіе противодѣйствія ему, еслибъ онъ пользовался чѣмъ отъ Коринѳянъ, объ этомъ св. Павелъ не говоритъ опредѣленно, а только намекъ дѣлаетъ въ словахъ: *да о немже хвалятся, обрящутся, якоже и мы.* Дается мысль, что лжеапостолы уже хва-

лятся своимъ безкорыстіемъ. Апостолъ говоритъ: провидя это, я ничего не бралъ у васъ, и тѣмъ пресѣкъ имъ случай похвалиться. Теперь ужъ нельзя имъ хвалиться, ибо ничего особеннаго предо мною не имѣютъ. А еслибъ бралъ, они могли бы смѣло говорить: мы ничего не беремъ, а онъ беретъ; насъ слушайте, а не его; онъ дѣйствуетъ изъ корыстныхъ видовъ. Но трудно предположить, чтобъ лжеапостолы дѣйствовать могли безкорыстно. Потому слово: *хвалятся*, не то означаетъ, что имѣютъ безкорыстіе, а то, что принимаютъ только видъ безкорыстныхъ, не будучи таковыми на дѣлѣ. Апостолъ говоритъ какъ бы: боялся я, какъ бы принявъ личину безкорыстныхъ, они не соблазнили васъ; теперь пусть, какъ хотятъ, прикрываются личиною; при всемъ ухищреніи они дойдутъ только до того, каковъ и я. Подразумѣвается: а въ другихъ отношеніяхъ они гораздо ниже меня. Слѣдовательно, я могу думать, что этимъ образомъ дѣйствованія я пресѣкъ имъ всякій успѣхъ среди васъ. Бл. Ѳеодоритъ не предполагаетъ только, но прямо утверждаетъ, что они личину только носили безкорыстныхъ. Апостолъ показалъ, что они величаются на словахъ, тайно же собираютъ деньги. Ибо это говоритъ вскорѣ за симъ: *пріемлете бо, аще кто васъ порабощаетъ, аще кто васъ поядаетъ, аще кто не въ лѣпоту проторитъ*“ (2 Кор. 11, 20).

Къ этому надо прибавить, что, такъ какъ Апостолъ сталъ такъ безкорыстно дѣйствовать, не зная еще, какъ будутъ ему противодѣйствовать враги истины, то слова: *да о немъ хвалятся*, можно принять въ такомъ смыслѣ: чтобъ на случай, еслибъ стали хвалиться своимъ безкорыстіемъ, или стали бы дѣйствовать безкорыстно, никакого бы не предъявили предо мною преимущества, а оказались только такими же, какъ и я.

Не излишне припомнить, что въ Коринѳѣ были и философскія секты. Философы многіе принимали личину отрѣшенныхъ отъ видимыхъ благъ, и тѣмъ вліяли на своихъ послѣдователей. Не это ли обстоятельство расположило Апостола явить въ себѣ лице, дѣйствительно отъ всего отрѣшенное, преподающее небесную философію, ради того одного, чтобъ ей слѣдовали и тѣмъ стяжевали себѣ существенное благо, не временное, но вѣчное.

Ст. 13. *Таковіи бо лживи апостоли дѣлатели льстивіи, преобразующеся во Апостолы Христовы.*

Не дивитесь, говоритъ какъ-бы Апостолъ, что я такъ рѣшился дѣйствовать, не видя еще, какъ будутъ дѣйствовать враги истины. Я напередъ зналъ, что они готовы принимать всякую личину: таково уже свойство лжи. Таковы и эти лживые апостолы. Какъ дѣлатели льстивые, которые не истиною берутъ, а призракомъ истины, они преобразуются въ Апостоловъ Христовыхъ и обманываютъ простецовъ. „Они все дѣлаютъ лицемѣрно для обмана. Поелику знаютъ, что иначе не нашли бы себѣ доступа, то, принявши на себя личину истины, скрываютъ подъ нею обманъ обольщенія. И денегъ, говоритъ Апостолъ, не берутъ для того, чтобы получить больше,—погубить душу. Но и въ томъ былъ болѣе обманъ. Они брали деньги, но тайно. Въ этомъ обличаетъ онъ ихъ, говоря: *преобразующеся;* имъ овчая кожа служитъ только личиною“ (св. Злат.).

Ст. 14. 15. *И не дивно: самъ бо сатана преобразуется во Ангела свѣтла. Не веліе убо, аще и служителіе его преобразуются яко служителіе правды: имже кончина будетъ по дѣломъ ихъ.*

„У діавола въ обычаѣ подражать Божественному,—какъ противъ Пророковъ выводить полчища лжепророковъ, такъ подражать по наружности Ангеламъ и

обольщать людей. Посему не удивительно, что они (слуги его, орудія его козней, изъ людей набранныя) присвояютъ себѣ личность именуемыхъ Апостолами и употребляютъ обманъ, споспѣшествующій къ обольщенію людей“ (Ѳеод.). „Итакъ, если должно удивляться, то сатанѣ должно удивляться, а не служителямъ его. Ибо когда учитель ихъ дерзаетъ на все, не удивительно, что и ученики въ томъ ему послѣдуютъ. Кого Апостолъ называетъ *Ангеломъ свѣта?* Ангела, имѣющаго дерзновеніе бесѣдовать съ Богомъ, и предстоящаго Богу. Но есть и ангелы тьмы, служители діавола темные и свирѣпые. И многихъ діаволъ обольстилъ такимъ образомъ, т.-е. преобразуясь въ Ангела свѣта, а не дѣлаясь Ангеломъ свѣта. Такъ точно и сіи носятъ на себѣ личину Апостоловъ, а не имѣютъ силы Апостольской; потому что ничего не могутъ сдѣлать (въ дѣйствительности, а только видъ принимаютъ). А это и есть самое діавольское дѣло—дѣлать все только для вида. Кто же такіе *служители правды?* Мы, говоритъ Апостолъ, проповѣдающіе вамъ Евангеліе, заключающее въ себѣ всю правду. Или сіе разумѣетъ онъ, или то, что лжеапостолы присвояютъ себѣ славу людей праведныхъ (вообще, не Апостоловъ только). Какъ же намъ узнать ихъ? Отъ дѣлъ ихъ, какъ сказалъ Христосъ Господь (Мѳ. 7, 20)“ (св. Злат.). Но не навсегда такъ могутъ они прикрываться. Придетъ срокъ, разоблачатся дѣла ихъ, „и они пожнутъ плоды своихъ предначинаній“ (Ѳеод.). „Васъ они могутъ обмануть, но не обманутъ недремлющаго ока Христова“ (Фотій у Экум.). „И не убѣгутъ они отъ своей участи; ибо по дѣламъ ихъ будетъ и конецъ ихъ, т.-е. злой. Конецъ всегда соотвѣтствуетъ дѣламъ“ (Ѳеоф.).

И для всякаго есть моментъ, когда всѣ, увлекающія его призрачности разлетаются. Увлекаются при-

зраками истины, которые построиваетъ для лжи находчивое суемудріе; увлекаются призраками добра, которые выставляетъ на мѣсто настоящаго добра изобрѣтательное житейское мудрованіе; увлекаются до безумія призраками счастія, которые въ такомъ разнообразіи представляетъ лукавый міръ. Все это зло и въ пагубу ведетъ; но никто изъ вплетшихся въ этотъ круговоротъ призраковъ не думаетъ, что идетъ въ пагубу. Такъ умѣетъ врагъ замаскировать свой обманъ. Но въ часъ смерти у всѣхъ открываются очи и призрачность, которою были они окутаны, исчезаетъ. Тоже дѣйствіе можетъ имѣть и память о часѣ смертномъ, если принять ее къ сердцу и подержать подольше, чтобъ она произвела все свое дѣйствіе.

Ст. 16. *Паки глаголю, да никтоже мнитъ мя безумна быти; аще ли ни, поне яко безумна пріимите мя, да и азъ мало что похвалюся.*

Сказалъ св. Павелъ о своемъ безкорыстіи, и снова дѣлаетъ оговорку, чтобъ не думали худо объ этомъ его дѣйствіи. Въ этихъ словахъ, стихи 16 — 20, онъ и заключеніе предыдущаго представляетъ, указывая между прочимъ на корыстность своихъ противниковъ, ст. 20, и дѣлаетъ переходъ къ послѣдующему,—указанію истины своего Апостольства изъ того, что перетерпѣлъ доселѣ.

Паки глаголю. Рѣчь вся показываетъ, какъ вынужденно говоритъ о себѣ похвальное св. Павелъ. Видимо, какъ это противно его нраву и сердцу; но нужда заставляетъ дѣйствовать наперекоръ себѣ. Началъ онъ „взаимно сравнивать свои собственныя заслуги, и худыя дѣла своихъ противниковъ, чтобы чрезъ такое сличеніе обнаружились незаконные учители“ (св. Злат.). Это было крайне необходимо для Коринѳянъ; ибо ничѣмъ лучше не могли они быть отвращены отъ лже-

учителей. Нѣчто въ этомъ родѣ сказалъ уже. „Теперь и еще намѣреваясь хвалить себя, опять прежде обличаетъ лжеапостоловъ, чтобы видѣли, по какой нуждѣ касается сего предмета, и чтобы никто не могъ укорять его, зачѣмъ говоритъ о самомъ себѣ. И прежде уже дѣлалъ онъ много оговорокъ, но не довольствуюсь, говоритъ, сказаннымъ прежде, я снова повторяю: *да никтоже мнитъ мя безумна быти.* (Не думайте, что я дѣлаю это безъ разумныхъ основаній). Ибо такъ дѣлали лжеапостолы, хвалились безъ всякой причины. Безразсудно, говоритъ, хвалиться; но я дѣлаю это не по безразсудности, а по нуждѣ. Потому, хотя бы вы и не повѣрили, но и видя необходимость, стали бы осуждать меня, я не отрекусь отъ своего дѣла. Видишь ли, какъ показалъ, что великая была нужда говорить? Ибо, если онъ и сего подозрѣнія не устрашился, то разсуди, съ какимъ насиліемъ себѣ намѣревался говорить, какъ мучился и принуждалъ себя, когда говорилъ“ (св. Злат.). „Бываетъ, что иной говоритъ слово неразумія, не будучи неразумнымъ и не совершая чрезъ то дѣла неразумнаго. Неразуменъ, кто велерѣчитъ о себѣ всуе, и попусту самохвальствуетъ, такой при неразуміи не слова только неразумія произноситъ, но и дѣло неразумнаго совершаетъ. Но кто говоритъ о себѣ, хотя и великое, но истинное и пользы ради душевной, тотъ слова кажется говоритъ неразумія по сходству произношенія реченій, но не бываетъ неразуменъ, а напротивъ весьма разуменъ и совершаетъ дѣло, свойственное наиразумнѣйшему человѣку, когда ради пользы и спасенія другихъ не смотритъ и на похуленіе за то въ неразуміи. Итакъ, говоритъ, *никтоже мнитъ мя безумна быти.* Не для себя, а для васъ говорю, что говорю, вынуждаясь тѣмъ, чтобы отклонить васъ отъ лжеапостоловъ“ (Кто-то у Экум.; м. б. Фотій).

Аще ли же ни,—если же не можете вы такъ смотрѣть на мое дѣло и слово, и не смотря на мое увѣреніе, все же считаете мое слово похвалы себѣ самому дѣломъ неразумнымъ, *поне яко безумна мя пріимите.* Оборотъ рѣчи и тонкій, и обличительный, и убѣдительный! Лжеапостолы пришли къ Коринѳянамъ, наговорили имъ про себя не знать что. И были приняты и почтены; и слово ихъ не было презрѣно и отвергнуто. Апостолъ, ставя себя въ рядъ ихъ въ качествѣ неразумнаго, и ихъ неразуміе обличаетъ и принявшихъ ихъ въ неразуміи укоряетъ, а тѣмъ и другимъ пролагаетъ дорогу слову своему, чтобъ не думали, что дѣйствуетъ по неразумію. Что точно онъ слагаетъ укоръ въ самовосхваленіи неразумномъ съ себя на лжеучителей, это видно изъ слѣдующихъ словъ: *яко да и азъ мало что похвалюся.*—*Яко да:* тѣ хвалятся, и вы слушаете; такъ позвольте же и мнѣ похвалиться.—*Мало что:* тѣ хвалятся много, безъ мѣры; дайте же и мнѣ хоть немного похвалиться.—*Похвалюся:* тѣ хвалились и много, и попусту, и пустяками; то же, что говорилъ о себѣ св. Павелъ, было и истинно, и многоцѣнно, и душеполезно. Все это было извѣстно и Коринѳянамъ; извѣстно также имъ было, что самохваленіе лжеучителей не соотвѣтствовало дѣйствительности. Принявъ это въ мысль, какое сильное видѣли они обличеніе сихъ послѣднихъ, какое впечатлительное вразумленіе себѣ и какое свѣтлое и утѣшительное оправданіе св. Павла въ его указаніи на свои похвальныя дѣла?! „Если же не повѣрите, и несмотря на необходимость говорить мнѣ такъ, все еще будете почитать меня не свободнымъ отъ неразумія, то примите меня, какъ неразумно говорящаго то, что говорю, чтобъ и мнѣ похвалиться, какъ хвалятся лжеапостолы. Ибо это они заставляютъ меня говорить такія рѣчи, тѣмъ, что хвалятся во вредъ вамъ“ (тотъже у Экум.).

Ст. 17. *А еже глаголю, не глаголю по Господѣ, но яко въ безуміи, въ сей части похвалы.*

А еже глаголю, т.-е. говорю похвальное о себѣ; не *по Господѣ* говорю. „Есть Владычній законъ, который учитъ: *егда сотворите вся повелѣнная, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10). Посему-то богомудрый Павелъ сказалъ: *еже глаголю, не глаголю по Господѣ,* т.-е. говорю это не по Его закону“ (Ѳеод.). Кажется, намѣреніе у св. Апостола въ сихъ словахъ то, чтобъ отклонить другихъ отъ подражанія себѣ въ семъ отношеніи, изъ опасенія, какъ-бы самохвальство не обратилось въ правило, подъ предлогомъ истины того, чѣмъ хвалятся, и пользы отъ того другимъ. Онъ говоритъ какъ-бы: но при всемъ томъ, что и нужда меня заставляетъ, и полезно это для васъ, и вижу, какое дѣйствіе хорошее произведетъ на васъ оборотъ рѣчи моей, при всемъ томъ скажу, что это дѣло не по Господѣ: и не думай никто подражать мнѣ въ этомъ. Признаю хваленіе себя и неразумнымъ дѣломъ и Господу неугоднымъ; и вынужденъ будучи къ такому дѣйствію, одно выговариваю, чтобъ вы, если станете считать меня неразумнымъ, ограничивали мое неразуміе этою частію похвалы, а не простирали его на всѣ мои дѣла и слова, или все мое ученіе, и всѣ мои распоряженія и учрежденія. „Чтобы не подумалъ кто, будто все свое ученіе называетъ онъ безуміемъ, по необходимости присовокупилъ: *въ сей части похвалы,* т.-е. въ этихъ словахъ называю себя безумнымъ“ (Ѳеод.). „Прибавилъ это, дабы ты не подумалъ, что онъ все дѣлаетъ, *яко въ безуміи*“ (св. Злат.).

Ст. 18. *Понеже мнози хвалятся по плоти, и азъ похвалюся.*

Объясняетъ, въ какой части похвалы, именно въ

той, что буду, говоритъ, хвалиться по плоти. Тутъ разумѣетъ онъ не то, о чемъ сказалъ уже, т.-е. что никому ничѣмъ не докучалъ, но то, что имѣетъ сказать ниже, въ ст. 22-мъ, т.-е. что и онъ Еврей, Израильтянинъ, и сѣмя Авраамово, что и самъ имѣетъ эти внѣшнія преимущества по плотскому своему происхожденію. Вѣрно лжеапостолы велерѣчиво выставляли это на видъ. Апостолъ говоритъ: они этимъ хвалятся, похвалюсь и я, хоть это и неразумно и не по Господѣ. „О Господѣ похвала есть кротость, воздержаніе, святость; а быть Евреемъ и Израильтяниномъ уже не по Господѣ есть. Ибо послушай, что говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ: *нѣсть іудей, ни еллинъ: во Христѣ Іисусѣ вси вы едино есте* (Гал. 3, 28)“ (Экум.). Св. Златоустъ говоритъ: „что значитъ: *по плоти?* Внѣшними преимуществами: благородствомъ, богатствомъ, мудростію, тѣмъ, что имѣютъ обрѣзаніе и прародителей Евреевъ, пользуются славою. И замѣть благоразуміе Павла! Указалъ на такія преимущества, которыя, по доказанному имъ, ничто, и потомъ уже называетъ похвалу свою безуміемъ. И дѣйствительно, если безумно хвалиться существенными благами, то тѣмъ безумнѣе хвалиться ничего незначащими. И сіе-то самое называетъ онъ *не по Господѣ*. Ибо быть Евреемъ и подобное тому не доставляетъ пользы. Итакъ не думайте, говоритъ, чтобъ я почиталъ сіе за добродѣтель. Но поелику они хвалятся, то я принужденъ и въ семъ сравнить себя съ ними. Такъ поступаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ: *аще кто инъ мнится надѣятися по плоти, азъ паче* (Фил. 3, 4). Еслибы кто, будучи знаменитаго рода, но избравшій для себя любомудрую жизнь (монашескую, въ скудости, лишеніяхъ, безвѣстности), увидѣлъ, что другіе гордятся благородствомъ, и захотѣлъ посрамить ихъ надменность, то онъ принужденъ бы былъ сказать

и о своей знаменитости, не въ похвалу себѣ, но въ ихъ униженіе, Такъ дѣлаетъ и Павелъ."

Ст. 19. *Любезно бо пріемлете безумныя, мудри суще.* Это прямо бы слѣдовало сказать послѣ словъ: *поне яко безумна мя пріимите.* Но нужно было вставить нѣкоторыя пояснительныя понятія, что сдѣлавъ, возвращается къ тому слову. Имъ онъ ставилъ себя въ рядъ лжеапостоловъ, хвалящихся безумно. Это безумное хваленіе есть хваленіе не по Господѣ, одними плотскими преимуществами. Лжеапостолы такъ хвалились; вы ихъ приняли любезно. Что вы такимъ образомъ любезно пріемлете безумныя, это даетъ и мнѣ смѣлость стать въ рядъ ихъ и надѣяться, что вы и меня примете. Сколько тутъ укора и обличенія, какъ лжеапостоламъ, такъ и Коринѳянамъ! Хорошо бы, еслибъ они безумныхъ приняли, какъ безумныхъ, изъ состраданія; а то они приняли ихъ, какъ первыхъ мудрецовъ, лучшихъ даже св. Павла. Онъ говоритъ какъ-бы: и этого-то вы не разобрали, а мудрецы! Слово: *мудри суще,* есть укорное. Еслибъ вы немудры были, было бы извинительно; но поелику вы мудры, то поступку вашему нѣтъ извиненія. Сильнѣе нельзя отталкивать отъ лжеапостоловъ. Недостанетъ у Коринѳянъ болѣе охоты принимать таковыхъ. Вотъ какъ премудрый учитель не защищая, а будто похваляя, налагаетъ запретъ принимать таковыхъ и самое сердце отвращаетъ отъ нихъ! Св. Златоустъ говоритъ: „надлежало бы запретить и сказать: не принимайте людей безумныхъ; онъ и дѣлаетъ сіе, но съ большимъ искусствомъ. Прямо сказавши такъ, онъ подалъ бы мысль, что запрещаетъ имъ, какъ-бы не имѣющій такихъ же преимуществъ. А теперь показавъ, что онъ по симъ преимуществамъ не ниже ихъ, и однакожъ почитаетъ сіе за ничто, тѣмъ гораздо болѣе исправляетъ ихъ" (Коринѳянъ).

Ст. 20. *Пріемлете бо, аще кто васъ порабощаетъ, аще кто поядаетъ, аще кто не въ лѣпоту проторитъ, аще кто по лицу біетъ вы, аще кто величается.*

Аще кто: хоть не указываетъ опредѣленно ни на кого; но очевидно, что Апостолъ разумѣетъ лжеапостоловъ, и изображаетъ, какъ они держали себя въ отношеніи къ Коринѳянамъ,—чтобъ яснѣе было видно, что они не настоящіе учители: ибо настоящіе учители такъ дѣйствовать не могутъ. Впереди сказалъ Апостолъ: примите меня, хотя какъ безумнаго, потому что вы любезно принимаете безумныхъ. И вслѣдъ за симъ говоритъ: принимаете такихъ и такихъ, разумѣя лжеучителей: слѣд. онъ очевидно ихъ порицаетъ; къ Коринѳянамъ же изъявляетъ жалость, хотя на словахъ и „порицаетъ ихъ за ихъ крайнее раболѣпство лжеапостоламъ, и за то, что до такой степени подчинились имъ“ (св. Злат.).

Пріемлете, аще кто васъ порабощаетъ. „Смотри, въ какомъ раболѣпствѣ укоряетъ Коринѳянъ, и какъ они сверхъ мѣры подчинились лжеапостоламъ!“ (Ѳеоф., Экум.). Καταδουλοι, въ рабовъ превращаетъ, вяжетъ васъ во всемъ, не даетъ ни въ чемъ свободы. „Вы, говоритъ, предали имъ и имущества свои, и плоть свою, и свободу. Стать господами не имѣній только вашихъ, но и васъ самихъ, значитъ уже гораздо болѣе, нежели брать. О семъ и прежде говорилъ онъ: *аще иніи власти вашея причащаются, не много ли паче мы* (1 Кор. 9, 12)?“ (св. Златоустъ).

Аще кто поядаетъ, аще кто не въ лѣпоту проторитъ. Поядаетъ, — κατεσθιει въ смыслѣ объядаетъ. — *Проторитъ,* λαμβανει, беретъ.—*Не въ лѣпоту* нѣтъ въ подлинникѣ. „Видишь ли, теперь показываетъ, что лжеапостолы берутъ, и не только берутъ, но до излишества: ибо то значитъ слово: *поядать*“ (св. Злат.).

Слѣд. „они напрасно величаются презрѣніемъ денегъ“ (Ѳеод.). „И что выше сказалъ Апостолъ: *да о немже хвалятся* (ст. 12), сказалъ объ ихъ похвальбѣ. Хвалились только, а истины не имѣли, лицемѣрствовали только, будто не берутъ“ (Ѳеофилактъ).

Аще кто величается, επαιρεται, высится, гордо поднимаетъ голову, свысока на васъ смотритъ, ни во что ставя васъ. Это послѣднее сильнѣе выражается метафорически: *аще кто по лицу біетъ вы*. „Сказалъ сіе Апостолъ не потому, что лжеапостолы въ самомъ дѣлѣ били ихъ по лицу, но что презирали ихъ и безчестили. Рабство ваше, говоритъ, не легко; у васъ не кроткіе повелители, но тяжкіе и нестерпимые. Вы страждете не меньше тѣхъ, которыхъ бьютъ по лицу. Видишь ли крайнюю степень тиранніи!“ (св. Златоустъ).

Этимъ заключаетъ Апостолъ свою рѣчь о благовѣствованіи туне. Послѣдніе стихи, 16—20, разнообразными оборотами ведутъ къ одному, чтобы представить, въ какой противоположности стоятъ лжеапостолы къ св. Павлу. Мы, говоритъ, и безкорыстны, и тихи, а тѣ и корыстны, и величавы, и властолюбивы. Судите теперь, на чьей сторонѣ должна быть истина?

Слѣдующій 21-й стихъ одною частію вяжется съ предыдущимъ, а другою съ послѣдующимъ указаніемъ Апостола своего истинно Апостольскаго достоинства въ томъ, что онъ перетерпѣлъ доселѣ.

в).

Что претерпѣлъ Апостолъ въ благовѣстіи?

гл. 11. Стт. 21—32.

Ст. 21. *По досажденію глаголю, зане аки мы изнемохомъ; о немже аще дерзаетъ кто, несмысленно глаголю, дерзаю и азъ.*

„Сказанное Апостоломъ не ясно“ (св. Златоустъ). Чтобъ прояснить это, возвратимся къ предыдущему. Представилъ Апостолъ, какъ раболѣпно приняты Коринѳянами лжеапостолы. Спросимъ себя, какъ это возможно было? И другаго отвѣта не найдемъ, кромѣ того, что вѣрно они заявили какія-либо совершенства, показныя, которыя произвели сильное впечатлѣніе на Коринѳянъ и расположили ихъ такъ подчиниться имъ. На эти преимущества указывалъ св. Павелъ въ словахъ: *многи хвалятся по плоти* (ст. 18). Это *по плоти* указываетъ онъ въ нижеслѣдующемъ 22 стихѣ, т.-е., что они Евреи, что Израильтяне, что сѣмя Авраамле. Какимъ-нибудь образомъ успѣли они эти титла представить очень цѣнными въ глазахъ Коринѳянъ: Коринѳяне такъ раболѣпно и отнеслись къ нимъ. Приводя это Коринѳянамъ на мысль, Апостолъ говоритъ: да, а мы-то чтожъ? Мы-то у васъ стали ужъ ничто, *изнемогохомъ*, представляемся вамъ немощными, никакого достоинства не имѣющими, ничтожными?! Нѣтъ, это несправедливо. Ибо если смѣетъ кто выставлять на видъ какое-либо плотское показное преимущество, смѣю это и я не меньше его. И за тѣмъ перечисляетъ, какія преимущества предъявляли лжеапостолы, прибавляя вмѣстѣ, что всѣ они и у него есть. Одного только у нихъ недостаетъ, — страданій за Христа Господа. Этими-то мелочами величаться, и за то быть въ почетѣ, и поядать достояніе другихъ они готовы; а коль скоро страдать нужно, то они прочь бѣгутъ, на это у нихъ недостаетъ смѣлости. Такимъ соображеніемъ рѣчь Апостола приводится въ строй и получаетъ соотвѣтственную ясность.

По досажденію глаголю, κατα ατιμιαν, по безчестію. Чье безчестіе разумѣется? Можно и Апостолово безчестіе разумѣть, и Коринѳянъ. Апостолово такъ: го-

ворю это по чувству безчестія, мнѣ такимъ вашимъ отношеніемъ къ лжеапостоламъ наносимаго. Будто у меня ничего такого нѣтъ, чѣмъ тѣ хвалятся, и за что вы имъ такъ поработились! —Коринѳянъ такъ: къ стыду вашему говорю это. Какъ вамъ было не видѣть, что все то, чѣмъ они хвалятся, есть и у меня; а между тѣмъ жертвъ они потребовали у васъ чрезмѣрныхъ, тогда какъ я ничего отъ васъ не требовалъ, а умолялъ только: примиритеся съ Богомъ, спаситеся. „Что можетъ быть хуже, и какое господство несноснѣе того, когда отнявшіе у васъ и имѣніе и свободу, и честь, даже послѣ сего не дѣлаются кроткими и не обходятся съ вами по крайней мѣрѣ какъ съ рабами, но поступаютъ презрительнѣе, чѣмъ съ послѣднимъ невольникомъ? Посему вы не заслуживаете никакого извиненія, когда тѣхъ, которые смиряются для васъ, чтобы васъ возвысить, презираете, а дивитесь тѣмъ, которые возвышаются надъ вами, чтобы васъ унизить“ (св. Златоустъ).

Ст. 22. *Евреи ли суть? и азъ. Израильте ли суть? и азъ. Сѣмя ли Авраамле суть? и азъ.*

Евреи отъ Евера; Израильтяне отъ Іакова, названнаго Израилемъ послѣ цѣлонощной борьбы съ неземнымъ нѣкіимъ лицемъ; сѣмя Авраамово — наслѣдники великихъ обѣтованій, данныхъ Аврааму. Вотъ чѣмъ величались лжеапостолы! Вотъ чѣмъ особенно повліяли на Коринѳянъ! Но все это, говоритъ, и у меня есть. Хотя церковь Коринѳская преимущественно состояла изъ язычниковъ; но сдѣлавшись христіанами, они вступили въ духовное родство со всѣмъ, бывшимъ въ ветхомъ завѣтѣ; потому могли цѣнить и это, не само по себѣ, а по тому отношенію, въ какомъ все то стояло къ христіанству. „Апостолъ привелъ это потому, что лжеучители такъ говорили о себѣ, и въ этомъ пока-

залъ свое съ ними равенство; а въ преспѣяніяхъ произвольныхъ показываетъ преимущество“ (Ѳеод.). Это все такія отличія, которыя доставались даромъ, по порядку естественнаго рожденія. Но посмотримъ, каковы-то они тамъ, гдѣ надобно показать терпѣніе и твердость вѣры?

Ст. 23. *Служителіе ли Христовы суть? не въ мудрости глаголю, паче азъ: въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи.*

Служители Христовы—не даетъ мысли, что то были настоящіе Апостолы, и вообще означаетъ лица, служащія дѣлу Христову, благовѣстію Евангелія, въ видахъ спасенія людей. Настоящіе Апостолы свыше на то избраны и вооружены чрезвычайными благодатными силами. Близко къ нимъ подходятъ помощники ихъ, ими самими избранные и дѣйствовавшіе по ихъ указанію и руководству. Но бывали тогда и такіе, которые сами по себѣ брали на себя дѣло благовѣстія, какъ показываетъ примѣръ Акилы и Прискиллы, Аполлоса и другихъ. Изъ этихъ одни шли прямою дорогой, желая только послужить дѣлу Христову, со смиреніемъ и самоотверженіемъ; другіе кривили, примѣшивая къ дѣлу Божію свои виды и свои мудрованія. Это настоящіе лжеапостолы; и объ нихъ-то рѣчь у Апостола. Ихъ служеніе Христу Господу онъ ставитъ въ вопросѣ; слѣдовательно не утверждаетъ, что они дѣйствительно служатъ Христу, а говоритъ какъ-бы такъ: если они говорятъ, что служители Христовы суть, то я паче ихъ таковъ. Мысль будетъ, что хотя они говорятъ такъ о себѣ, но не суть таковы: настоящій служитель Христовъ я. Св. Златоустъ говоритъ: „если они лжеапостолы, то ему надлежало не сравнивать свое преимущество съ ними, но опровергнуть то, что они служители (Христовы). Онъ уже и опровергъ сіе, сказавъ:

лживіи апостолы, дѣлатели льстивіи, преобразующеся во апостолы Христовы (—ст. 13). И здѣсь тоже самое дѣлаетъ, только иначе. Напередъ представляетъ мнѣнія противниковъ (какъ они о себѣ думаютъ), говоря: *служителіе ли Христовы суть?* А потомъ говоритъ: *паче азъ*, показывая, что настоящій характеръ Апостольства сохраняетъ онъ одинъ."

Не въ мудрости глаголю, παραφρονων, безумствуя; и въ предыдущемъ текстѣ говорилъ: *несмысленно глаголю*, ἐν αφροσυνη, въ безсмыслiи. „Не довольно было для него этого прежняго извиненія, но и здѣсь опять извиняется. И хотя имѣлъ ясное доказательство своего превосходства, однакоже говорить о томъ называетъ безуміемъ. Дерзостію и безуміемъ называетъ онъ говорить о себѣ что-либо великое и важное, даже когда настоитъ въ томъ нужда, а тѣмъ научаетъ насъ всѣми силами убѣгать сего. Ибо если сотворивши все, должно намъ называть себя непотребными (Лук. 17, 10), то безъ всякой побудительной причины превозносящійся и хвалящійся можетъ ли быть достоинъ какого извиненія? За сіе и фарисей понесъ осужденіе, и въ самой пристани потерпѣлъ кораблекрушеніе, приразившись къ скалѣ самохвальства. По сей-то причинѣ и св. Павелъ, видя тысячи нуждъ говорить о себѣ, отговаривается, и непрестанно повторяетъ, что это дѣло безумное; и не прежде осмѣливается, какъ представивъ въ свое защищеніе крайнюю необходимость" (св. Злат.).

Сказавши, что настоящій характеръ Апостольства сохраняетъ онъ одинъ, Апостолъ „доказываетъ это самыми дѣлами, и умалчивая о чудесахъ, начинаетъ съ искушеній" (св. Злат.); „выставляетъ на видъ не чудотворенія, не мертвецевъ воскрешенныхъ, не хромыхъ ходящихъ, не бѣгство демоновъ, не спасеніе

вселенной, но страданія свои за Евангеліе“ (Ѳеод.). Чего ради такъ? Ради того, что было бы нѣкоторымъ образомъ оскорбительно для самыхъ даровъ чрезвычайныхъ отсутствіемъ ихъ у лжеапостоловъ доказывать ихъ лжеапостольство и свое настоящее Апостольство. Для сего достаточно было дѣломъ показать, что они только себя блюдутъ и свои выгоды стараются изъ всего извлекать, нося личину служителей Христовыхъ; страдать же за Христа, что существенно необходимо для истинныхъ служителей Христовыхъ, они никогда не страдали, и ступить на эту дорогу не умѣютъ.

Въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи.

Въ трудѣхъ. „Очень большіе, говоритъ, подъемлю труды, переходя съ мѣста на мѣсто, уча день и ночь и дѣлая своими руками. Но, что еще больше, терплю при этомъ и *раны*“ (Ѳеоф.). „Ибо терпѣть побои и бичеванія выше перваго, т.-е. поднятія трудовъ“ (св. Злат.). „Мало этого: съ ранами и *въ темницѣ* сколько разъ бывалъ заключаемъ!“ (Ѳеоф.). Климентъ Римскій (къ Кор. 1, 5) говоритъ, что св. Павелъ семь разъ былъ заключаемъ въ темницу.—*Въ смертехъ многащи.* „*По вся дни*, говорилъ онъ, *умираю* (1 Кор. 15, 31); но здѣсь разумѣетъ смерть на самомъ дѣлѣ. Ибо жизнь его часто подвергалась опасностямъ“ (св. Злат.). „Не произволеніемъ только умиралъ, но самимъ дѣломъ вдаваясь въ опасности смертоносныя“ (Ѳеоф.).

Множае, преболѣ, излиха, многащи,—„не по сравненію съ лжеапостолами говорится,“ полагаетъ Экуменій. А Ѳеофилактъ говоритъ: „сравнительно съ лжеапостолами будто говорится, но предположительно, какъ бы такъ: пусть и они трудятся, но я тружусь множае и преболѣ. Другіе же полагаютъ, что это говорится не по сравненію, а просто для означенія

многочисленности и степени страданій.“ Послѣднее ближе къ дѣлу.

Ст. 24. *Отъ Іудеи пятькраты четыредесять развѣ единыя пріяхъ.*

Объясняетъ, какъ получалъ раны. Пять разъ, говоритъ, дано мнѣ по тридцати девяти ударовъ. Законъ говорилъ только, чтобъ не больше сорока ударовъ давать оказавшимся виновными (Втор. 25, 3). Одинъ ударъ отмѣнили послѣ старцы, чтобъ какъ-нибудь, обсчитавшись, не дать больше сорока и не оказаться нарушителями закона (Ѳеоф.). Когда св. Павелъ терпѣлъ эти удары, Дѣянія не указываютъ. Въ Филиппахъ били его, но не Іудеи, а гражданское языческое начальство. Значитъ книга Дѣяній далеко не всѣ труды св. Павла изображаетъ (Ѳеоф.). „Почему *развѣ единыя?* Древній былъ законъ у Іудеевъ, чтобы того, кто получалъ болѣе сорока ударовъ, считать безчестнымъ (Втор. 25, 3). Почему чтобы біющій въ запальчивости и жару не далъ лишняго числа ударовъ, и тѣмъ не обезчестилъ наказываемаго, положили давать сорокъ ударовъ безъ одного, чтобы біющій не превысилъ сорока, хотя бы и лишній разъ ударилъ; но всегда оставаясь въ предѣлахъ узаконеннаго числа, не могъ нанести безчестія наказуемому“ (св. Злат.).

Ст. 25. *Трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною: нощь и день во глубинѣ сотворихъ.*

Трищи палицами, то-есть палками біенъ былъ, ἐῤῥαβδίσθην. Объ одномъ такомъ случаѣ поминаютъ Дѣянія, именно въ Филиппахъ (—16, 22). Какъ это было отъ языческаго начальства, то вѣроятно и всѣ три случая біенія отъ язычниковъ же были. Для означенія сего и помѣчены особо отъ тѣхъ пяти кратъ; а вмѣстѣ и для того, что біенія отъ Іудеевъ вѣроятно были не палицами.

Единою каменіемъ наметанъ быхъ. Это было въ Листрѣ (Дѣян. 14, 19). Ελιθασθην значитъ: не наметанъ камнями, а побитъ камнями; какъ и въ Дѣяніяхъ пишется: *каменіемъ побивше Павла,* λιθασαντες, *извлекоша внѣ града, мняще его умерша* (—14, 19).

Трикраты корабль опровержеся со мною. „Какъ это относится къ Евангелію? Такъ, что онъ предпринималъ отдаленныя путешествія, и притомъ по морямъ“ (св. Злат.). Гдѣ возможны такіе случаи? Изъ Антіохіи въ Іерусалимъ и обратно можно переѣзжать моремъ; и тутъ не разъ уже переѣзжалъ Апостолъ доселѣ. Далѣе между Антіохіею и Кипромъ море; между Кипромъ и Памфиліею море; отъ Троады въ Филиппы море; отъ Беріи въ Аѳины море; изъ Коринѳа въ Ефесъ море; и теперь изъ Троады въ Македонію море.

Нощь и день во глубинѣ сотворихъ. Корабль опровержеся со мною, εναυαγησα, т.-е. три раза терпѣлъ кораблекрушеніе. Два раза легко избавлялся отъ бѣды, а одинъ разъ цѣлыя сутки носимъ былъ по морю, вѣроятно ухватившись за какой-нибудь корабельный отломокъ. Св. Златоустъ говоритъ: „одни объясняютъ сіе, что онъ цѣлыя сутки находился среди моря, а другіе, что (по разбитіи корабля) сутки плавалъ во глубинѣ морской; послѣднее согласнѣе съ истиною, а первое не заслуживаетъ удивленія, и Апостолъ не поставилъ бы сего выше кораблекрушенія.“ Ѳеодоритъ прямо такъ и разумѣетъ: „когда ладія была разбита, я тогда цѣлую ночь и цѣлый день туда и сюда носимъ былъ волнами.“

Ст. 26. *Въ путныхъ шествіихъ множицею; бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи.*

Въ путныхъ шествіихъ множицею, страдалъ и тер-

пѣлъ нужду; „потому что ради проповѣди предпринималъ труды путешествія“ (Ѳеод.). Нерѣдко отправляя своихъ сотрудниковъ моремъ, самъ переходилъ съ мѣста на мѣсто пѣшкомъ, въ чаяніи встрѣтить благопріятное для сѣянія благовѣстія поле (Дѣян. 20, 13).

Бѣды въ рѣкахъ. *Бѣды*, κινδυνοις;—подразумѣвается, я находился—въ бѣдахъ: *на рѣкахъ*; „ибо принужденъ былъ переплывать рѣки“ (св. Злат.). Мостовъ и до сихъ поръ тамъ нигдѣ почти нѣтъ; и рѣки небольшія. Переправляются въ бродъ. Опасности отъ быстрины теченія, а во время дождей и отъ полноводія.

Бѣды отъ разбойниковъ: бывалъ въ бѣдахъ отъ разбойниковъ, нападавшихъ въ пути. Палестина, Сирія, Малая Азія, Македонія, Греція, — всѣ эти страны, перехоженныя св. Павломъ, гористы. Ущелія—удобный притонъ недобрымъ людямъ. Такъ это и доселѣ.

Бѣды отъ сродниковъ, εκ γενους, отъ рода; т.-е. находился въ бѣдахъ отъ Іудеевъ, „родственныхъ мнѣ, и притомъ больше чѣмъ отъ другихъ; они до звѣрства раздражались противъ меня по своей неразумной ревности по вѣрѣ и завидованію успѣхамъ Евангелія“ (Ѳеоф.).

Бѣды отъ языкъ, εξ εθνων, бывалъ въ бѣдахъ отъ язычниковъ; Іудеи не вездѣ сами возставали на св. Павла; нерѣдко разжигали они противъ него язычниковъ. Эти и сами могли быть имъ недовольны, то по причинѣ запустѣнія храмовъ, то по причинѣ умаленія работы у мастеровъ, приготовлявшихъ предметы языческаго религіознаго чествованія, какъ было въ Ефесѣ.

„Можетъ быть, въ городахъ не бывалъ ли онъ безопасенъ? Нисколько“ (Ѳеоф.). Въ бѣдахъ находился онъ и *во градѣхъ*, εν πολει, въ городѣ. „Симъ означилъ бывшія противъ него возмущенія“ (Ѳеод.). „Не былъ ли онъ безопаснѣе въ пустыни? Ни даже въ ней“ (Ѳеоф.). *Бѣды въ пустыни*, и въ пустыни находился

въ бѣдахъ: „ибо многократно принужденъ былъ проходить пустынными мѣстами“ (Ѳеод.). Это не отъ разбойниковъ бѣды, а отъ звѣрей, змій, бурь песчанныхъ, и подобное. *Бѣды въ мори.* „И когда съ суши сходилъ, бѣды срѣтали его на морѣ“ (Ѳеоф.). Разумѣются бѣды не собственно отъ моря: ибо объ этомъ уже сказалъ, а отъ корабельниковъ и отъ тѣхъ, которые плыли вмѣстѣ съ нимъ. „Ибо долженъ былъ часто вдаваться и въ мореплаваніе, промышляя о томъ, чтобы острова и сушу наполнить благочестіемъ“ (Ѳеод.).

Бѣды всюду, „вездѣ предлежали мнѣ подвиги, въ различныхъ мѣстахъ, въ селеніяхъ, въ городахъ и въ пустыняхъ“ (св. Злат.). „Діаволъ всюду возбуждалъ противъ меня брани. Не было для меня безопаснаго мѣста: ни городъ, ни пустыня не укрывали меня отъ бѣдъ“ (Экум.).

Бѣды отъ лжебратіи. „Вотъ новый родъ ратованія! Не только враги, но и имѣвшіе личину братства вели брань съ Апостоломъ; и въ семъ случаѣ много требовалось великодушія, много благоразумія“ (св. Злат.). Разумѣются увѣровавшіе изъ Іудеевъ, которые однако не хотѣли разставаться съ закономъ: они всюду много непріятностей причиняли св. Павлу, разоряя созидаемое имъ. По ихъ зачину, немного спустя въ Іерусалимѣ произошло возстаніе на св. Павла, едва не стоившее ему жизни. „Этотъ родъ искушеній самый чувствительный и горькій. И Давидъ съ глубокою скорбію жалуется: *аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо. Ты же человѣче равнодушне* (Пс. 54, 13. 14). И опять: *человѣкъ мира моего... возвеличи на мя запинаніе* (Пс. 40, 10)“ (Ѳеоф.).

Ст. 27. *Въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ.*

Въ трудѣ и подвизѣ, εν κοπω και μοχθω.—Μοχθος тоже

трудъ, но усиленный, трудъ до утомленія. „Въ трудѣ ученія, и въ подвигѣ при рукодѣліи“ (Ѳеод.). Такъ у Апостола „за трудами бѣды, за бѣдами труды попеременно и постоянно слѣдовали, и не давали ему ни малѣйшаго покоя“ (св. Злат.). — *Во бдѣніихъ множицею*: „ибо и въ убѣжищахъ не предавался я сну, какъ свидѣтельствуетъ о семъ бывшее въ Филиппахъ“ (Ѳеод.). Тутъ онъ въ молитвахъ проводилъ ночь; а послѣ въ Троадѣ въ бесѣдѣ съ вѣрующими. Это примѣры того, какъ и повсюду и всегда дѣйствовалъ Апостолъ. „Не довольно было для него утѣсненій со стороны; но онъ еще и самъ себя преутруждалъ трудами и потами и ночными бдѣніями“ (Ѳеоф.).

Въ алчбѣ и жаждѣ: „это одинъ изъ непроизвольныхъ трудовъ“ (Ѳеод.). Ибо произвольныя лишенія сего рода заключаются въ слѣдующемъ словѣ. Претерпѣвать это могъ онъ, и когда бывалъ въ пути, и когда былъ заключаемъ въ темницу.

Въ пощеніихъ многащи: „это одинъ изъ произвольныхъ подвиговъ“ (Ѳеод.). Постъ пособникъ молитвѣ, лучшій приготовитель къ проповѣди съ силою слова. Нужда въ такомъ пособникѣ належала св. Павлу почти непрестанная.

Въ зимѣ и наготѣ. Т.-е. терпѣлъ холодъ, по причинѣ худой одежды, плохо согрѣвавшей. „Это было слѣдствіемъ скудости и крайней нищеты“ (Ѳеод.). „При всѣхъ сказанныхъ страданіяхъ, еще и необходимой пищи не имѣлъ, и одѣться не имѣлъ во что учитель вселенныя; но подвизался въ наготѣ, и боролся голодуя“ (Ѳеоф.).

Ст. 28. *Кромѣ внѣшнихъ, нападеніе еже по вся дни, и попеченіе всѣхъ церквей.*

Кромѣ внѣшнихъ, χωρις των παρεκτος, кромѣ прочаго: оставляю прочее. „Изъ многаго, говоритъ, принужденъ

я пересказать немногое“ (Ѳеод.). Онъ хочетъ сказать: „болѣе опущено, нежели сколько изложено. Даже и перечисленнаго невозможно описать подробно. Ибо Апостолъ не означилъ каждаго искушенія порознь, но воспомянулъ только о тѣхъ, которыхъ число было не велико и могло удержаться въ памяти, говоря: пять кратъ, трищи, единою; о прочихъ же искушеніяхъ и сего не сказалъ, потому что много разъ претерпѣвалъ оныя“ (св. Злат.).

Нападеніе, еже по вся дни. „Бунты, мятежи, утѣсненія отъ народа, и устремленіе цѣлыхъ городовъ. Ибо симъ наиболѣе обнаруживали вражду свою къ нему Іудеи; потому что ихъ болѣе всѣхъ посрамлялъ Апостолъ, а наибольшимъ обличеніемъ ихъ безумія было внезапное обращеніе его ко Христу. Великая брань воздвигалась противъ него отъ своихъ, отъ чужихъ, отъ лицемѣрствующихъ. Вездѣ для него были волны и стремнины, въ обитаемыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, на сушѣ и на морѣ, внѣ и внутри“ (св. Злат.).

Попеченіе всѣхъ церквей. „Это верхъ всего: при семъ и душа его терзалась, и сердце раздиралось. Еслибы не было внѣшнихъ скорбей, то многаго стоила внутренняя брань, волны попеченій, одна другую гонящія, тучи заботъ, борьба помысловъ. Ибо если пекущійся объ одномъ домѣ, хотя имѣетъ прислугу, приставниковъ и экономовъ, часто не знаетъ покоя отъ заботъ, когда никто его не безпокоитъ, то представь, что долженъ былъ терпѣть Павелъ, который имѣлъ попеченіе не объ одномъ домѣ, но о городахъ, о народахъ, племенахъ, о цѣлой вселенной, и въ дѣлахъ столько важныхъ, при такомъ множествѣ враговъ, которые старались вредить ему всюду и во всемъ, трудился одинъ, и былъ такъ чувствителенъ, такъ о всѣхъ заботился, какъ не заботится отецъ о дѣтяхъ“ (св. Злат.).

Ст. 29. *Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?*

„Чтобы ты не сказалъ: хотя Павелъ заботился, однакоже заботился слегка, онъ показалъ, сколь велика была его забота, говоря: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* Не сказалъ: я беру участіе въ скорби, но говоритъ: я такъ безпокоюсь и скорблю, какъ-бы самъ находился въ томъ же недугѣ, страдалъ тою же болѣзнію. *Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (горю, какъ въ огнѣ, ревнуя о спасеніи). Смотри опять, сколь велика скорбь его, что показываетъ слово: *разжженіе*. Воспламеняюсь, сгараю, говоритъ; и сія скорбь подлинно больше всѣхъ прочихъ. Другія скорби хотя были тяжки, но скоро проходили и приносили неувядаемое удовольствіе; а эта скорбь — терпѣть столько страданій за каждаго немощнаго, кто бы онъ ни былъ, угнетала, стѣсняла, уязвляла его сердце. Ибо не о высшихъ только такъ заботился, а низшихъ оставлялъ въ небреженіи, напротивъ и непотребнаго считалъ въ числѣ потребныхъ. Посему и сказалъ: *кто изнемогаетъ (кто соблазняется)*, показывая, что разумѣетъ всякаго, кто бы онъ ни былъ. Какъ бы въ одномъ себѣ заключая цѣлую вселенскую Церковь, болѣзновалъ Павелъ о каждомъ членѣ ея“ (св. Злат.).

Ст. 30. *Аще хвалитися ми подобаетъ, о немощи моей похвалюся.*

Это заключеніе всего предыдущаго. Онъ говоритъ какъ-бы: такъ-то, если ужъ необходимо мнѣ хвалиться, какъ вы понуждаете меня, то похвалюсь немощами моими, разумѣя все, что сказалъ предъ симъ о себѣ, т.-е. лишенія, скорби, гоненія. „Ибо все это обличаетъ немощь человѣческаго естества. О чудесахъ не поминаетъ, потому что они суть даръ Божій, а это все при Божіемъ мановеніи и покровѣ показываетъ и

его терпѣніе“ (Ѳеоф.). „Апостолъ далъ видѣть, что могъ бы указать и на то, что совершено имъ по благодати, но счелъ болѣе приличнымъ указать на подвиги терпѣнія“ (Ѳеод.). Почему же онъ такъ судилъ? Потому что „таковъ отличительный характеръ Апостольскій; симъ утверждается благовѣствованіе“ (св. Злат.). А ему и предлежало указать Коринѳянамъ пояснѣе, что онъ настоящій Апостолъ. Перечисливъ все претерпѣнное, онъ какъ-бы говоритъ имъ: не узнаете ли вы во мнѣ одного изъ тѣхъ, коихъ Господь послалъ какъ овецъ въ среду волковъ? Это печатлѣлось само собою, и слѣдов. доказывало то, что намѣренъ былъ доказать св. Павелъ: цѣль достигалась.

Ст. 31. *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа вѣстъ, сый благословенъ во вѣки, яко не лгу.*

Къ чему такое удостовѣреніе въ истинѣ словъ? Богомъ свидѣтельствуюсь, предъ Богомъ говорю, что не лгу. Что подтверждаетъ: истину сказаннаго уже, или того, что имѣетъ говорить еще? Но изъ сказаннаго многое Коринѳяне лично знали и видѣли своими глазами; а судя по этому не имѣли повода сомнѣваться и въ томъ, чего не видѣли. Слѣдов. это надо отнести къ послѣдующему. Къ чему же? Не къ тому, что было въ Дамаскѣ; ибо это обстоятельство не такъ важно и невѣроятно, чтобъ для удостовѣренія въ истинѣ событія нужно было свидѣтельствоваться Богомъ. Скорѣе слѣдуетъ это отнести къ сказанію о восхищеніи до третьяго небесе, какъ явленіи, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ. Сказаніе же о гоненіи св. Павла въ Дамаскѣ вставлено здѣсь не потому ли, что сіе событіе стояло въ какомъ-либо соприкосновеніи съ восхищеніемъ на небо св. Павла,—и потому стоитъ здѣсь, какъ введеніе?

Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа. И Богъ

и Отецъ Господа же. Но и Господь есть Божеское имя; потому симъ говорится тоже, что: Отецъ Бога; и слѣдов. Господь Іисусъ Христосъ есть Богъ отъ Бога.—*Сый благословенъ во вѣки.* Любящее и благоговѣйно чтущее Бога сердце, и всегда Его созерцающее благопопечительнымъ Отцемъ, не можетъ удержаться, чтобъ, въ своихъ возношеніяхъ къ Богу, не выразить такихъ расположеній какимъ-либо благоговѣйнымъ и любительнымъ словомъ. Такъ и дѣлаетъ св. Павелъ и здѣсь и во многихъ другихъ мѣстахъ.—*Вѣсть, яко не лгу.* Предъ Богомъ ходилъ, и всѣ мысли свои, и чувства, и расположенія, и дѣла велъ, какъ предъ лицемъ Бога. Сознаніе не указывало ему никакой въ себѣ кривости предъ Богомъ, ни въ какомъ отношеніи. Онъ съ дерзновеніемъ и свидѣтельствуется Богомъ, и въ томъ, что сказываемое имъ истинно, и въ томъ, что оно Самимъ Богомъ одобрялось, устроялось, вспомоществовалось.

Ст. 32. *Въ Дамаскѣ языческій князь Аревы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя; и оконцемъ въ кошницѣ свѣшенъ быхъ по стѣнѣ, и избѣгохъ изъ руку его.*

Апостолъ Павелъ, по возвращеніи изъ Аравіи въ Дамаскъ, проповѣдалъ Евангеліе здѣсь съ такою ревностію, что раздражилъ и Іудеевъ и язычниковъ. Тѣ и другіе совокупно возбудили противъ него языческаго князя (εθναρχης народоначальникъ, или градоначальникъ, а можетъ быть и областной правитель); и онъ распорядился стеречь всѣ входы и исходы Дамасскіе, чтобъ уловить св. Павла. Городъ былъ окруженъ стѣною; но дома городскіе, какъ и доселѣ, строились близко къ сей стѣнѣ и къ ней прилегали, поднимаясь иногда и выше стѣны. При такомъ порядкѣ возможно окно, смотрящее за городъ. Въ него и свѣшенъ былъ св. Павелъ въ корзинѣ, и избѣжалъ отъ рукъ народоправителя и враговъ своихъ. Послѣ этого онъ направился

въ Іерусалимъ соглядати Петра (Дѣян. 9, 23; Гал. I, 17. 18).

Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, какова брань, ежели князь ради его стерегъ городъ. Когда же говорю о брани, разумѣю ревность Павлову. Еслибы Павелъ не дышалъ такимъ огнемъ ревности, то не воспламенилъ бы такого неистовства въ областномъ правителѣ. Таково свойство души Апостольской, что столько терпѣть и никогда не колебаться, но все, что ни встрѣтится, переносить мужественно; однакоже не вдаваться безразсудно въ опасности и не бѣжать имъ на встрѣчу. Смотри, на какое средство согласился онъ, чтобы избѣтнуть осады. *Оконцемъ въ кошницѣ свѣшенъ бысть.* Хотя желалъ онъ переселиться изъ сей жизни, но вмѣстѣ искалъ и спасенія человѣческаго. Посему и неоднократно изобрѣталъ подобныя средства, чтобы сберечь себя для проповѣди. И не отказывался пользоваться человѣческими мѣрами, когда требовали того обстоятельства. Такъ онъ былъ остороженъ и бдителенъ. Гдѣ зло было неизбѣжно, тамъ прибѣгалъ къ одной благодати; а гдѣ искушеніе не превышало человѣческихъ силъ, тамъ много и отъ себя придумывалъ. Но и здѣсь опять все приписываетъ Богу. А какъ искра неугасимаго огня, упадшая въ море, хотя поглощается множествомъ волнъ, но потомъ опять выходитъ на поверхность столь же свѣтлою: такъ и блаженный Павелъ то какъ-бы въ бездну погружался, обуреваемый бѣдствіями, то освобождался и являлся блистательнѣйшимъ, оставаясь побѣдителемъ въ своихъ злостраданіяхъ. Вотъ славная побѣда, вотъ побѣдныя знаменія Церкви! Діаволъ много наводилъ напастей на св. Павла; но онъ во всемъ оставался побѣдителемъ. Подобно воину, который одинъ сражается противъ цѣлой вселенной, окруженъ рядами непріятельскими, и

никакого не терпитъ зла, и Павелъ, одинъ являяся у Еллиновъ, у варваровъ, повсюду—на сушѣ и на морѣ оставался непобѣдимымъ. И какъ искра, упадшая въ солому или сѣно, все сгараемое превращаетъ въ одно съ собою естество, такъ и онъ, къ кому ни приходилъ, всѣхъ приводилъ къ истинѣ, а проходилъ всюду на подобіе потока, разрушающаго преграды. Какъ борецъ какой-нибудь, который одинъ и борется, и преслѣдуетъ, и поражаетъ; или какъ воинъ, который и осаждаетъ стѣны, и сражается на морѣ и на сушѣ, такъ Павелъ вступалъ во всякій родъ брани, дышалъ огнемъ, для всѣхъ былъ неприступенъ, однимъ тѣломъ обнималъ цѣлую вселенную, однимъ языкомъ всѣхъ разсѣявалъ. Непрестанно являясь всюду, приходилъ къ однимъ, спѣшилъ къ другимъ, появлялся у тѣхъ, переносился къ этимъ, налеталъ скорѣе вѣтра. И управляя вселенною, какъ однимъ домомъ, или однимъ кораблемъ, то извлекалъ утопающихъ, то укрѣплялъ изнемогающихъ; то давалъ приказанія корабельщикамъ, то сидѣлъ на кормѣ; осматривалъ руль, натягивалъ канаты, управлялъ весломъ, снималъ паруса, смотрѣлъ на небо: одинъ былъ все—и корабельщикъ и кормчій, и парусъ и корабль, все терпѣлъ, чтобы только другихъ освободить отъ зла. И замѣть, онъ терпѣлъ кораблекрушеніе, чтобъ остановить кораблекрушеніе вселенной; ночь и день провелъ въ глубинѣ морской, дабы извлечь людей изъ глубины обольщенія; былъ въ трудахъ, чтобъ успокоить трудящихся, терпѣлъ язвы, чтобы уврачевать изъязвленныхъ діаволомъ; сидѣлъ въ темницахъ, чтобы сидящихъ въ узахъ и мракѣ извести на свѣтъ; многократно бывалъ при смерти, чтобы избавить другихъ отъ лютой (грѣховной) смерти. Пять разъ получалъ онъ по сорока ударовъ безъ одного, чтобы избавить отъ бичей діавольскихъ тѣхъ, которые его бичевали; былъ битъ палками,

чтобы другихъ привести подъ жезлъ и палицу Христову; наметанъ былъ камнями, чтобъ освободить отъ окаменѣлой безчувственности; былъ въ пустынѣ, чтобъ извлечь изъ опустошенія грѣховнаго; былъ въ путешествіяхъ, чтобъ остановить заблуждшихъ и открыть путь, ведущій къ небу; подвергался опасностямъ въ городахъ, чтобы указать горній градъ; терпѣлъ голодъ и жажду, чтобъ избавить отъ лютѣйшаго глада духовнаго; былъ въ наготѣ, чтобы безстудныхъ облечь въ одежду Христову; терпѣлъ нападенія отъ народа, чтобъ отвести отъ нападенія демонскаго; воспламенялся, чтобъ угасить раскаленныя стрѣлы лукаваго; былъ спущенъ въ корзинѣ въ окно по стѣнѣ, дабы поднять поверженныхъ долу. Будемъ ли еще говорить, когда не знаемъ всего, что перетерпѣлъ Павелъ?!“

г).

О восхищеніи Апостола до третьяго небесе

—12, 1—10.

Два предмета здѣсь: аа) самое восхищеніе на небо, 1—6, и бб) данный Апостолу пакостникъ плоти, для прикрытія великихъ его совершенствъ духовныхъ, да не превозносится, имѣя постоянно такого напоминателя о немощи нашего естества,—7—10.

аа).

Гл. 12, ст. 1. *Похвалитися же не пользуетъ ми; пріиду бо въ видѣнія и откровенія Господня.* Прежде сказалъ: если должно мнѣ хвалиться, немощами похвалюся. Теперь говоритъ: похвалиться же чѣмъ-либо блестящимъ, что само собою бросается въ глаза, не полезно для меня (Фотій у Экум.), или не пристало

мнѣ. Ибо хотя и бывали великія Божіи откровенія; но при этомъ есть постоянно при мнѣ пакостникъ, пакости мнѣ дѣющій, который больше меня смиряетъ, нежели сколько то возвышаетъ. Претерпѣть все сказанное св. Павломъ есть воистинну преславное дѣло. Это окружаетъ ликъ его славою возвышеннаго, не земнаго геройства. Но понять сію славу не всякій поймет сразу; надо ему ее растолковать и представить пояснѣе, какъ это сдѣлалъ св. Златоустъ въ концѣ предыдущей главы. Слава терпѣнія сама себя прикрывала смиренною наружностію или видимостію. Но блестящее что нибудь само собою бросается въ глаза и само трубитъ о славѣ своей. Почему св. Павелъ, имѣя нужду сказать о бывшихъ ему откровеніяхъ, предваряетъ слово оговоркою: не полезно мнѣ это, или не пристало мнѣ это. И потомъ, сказавши о томъ, заключаетъ: *да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ*. Какъ-бы такъ: вы изъ сказаннаго не дѣлайте на мой счетъ излишнихъ заключеній, и не думайте обо мнѣ паче, нежели сколько есмь.

Похвалитися не пользуетъ ми: пріиду бо въ видѣнія. Пріиду бо, — причину показываетъ, но на что? — На умолчанную мысль: говорю это потому, что перехожу къ сказанію о бывшихъ мнѣ откровеніяхъ. „Повѣствованіе объ этомъ для меня не полезно, но полезно для васъ. Почему, промышляя о вашей пользѣ, вынуждаюсь сказать и то, что не почитаю для себя полезнымъ“ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „Что это значитъ? Сказавши такъ много, говоритъ: *похвалитися не пользуетъ ми*. Въ томъ ли смыслѣ, что ничего еще не сказалъ? Нѣтъ. Но поелику намѣренъ перейти къ другому роду похвалы, которая, хотя ведетъ не къ такой же наградѣ, какъ и прежняя, но повидимому болѣе прославляетъ его въ глазахъ многихъ, неумѣющихъ вполнѣ

вникнуть въ дѣло; то и говоритъ: *похвалитися не пользуетъ ми.* Ибо велики и вышеисчисленные предлоги къ похвалѣ, т.-е. искушенія. Но онъ намѣренъ представить другаго рода предлоги, откровенія и неизглаголанныя тайны; почему и говоритъ такъ. Для чего же говоритъ: *не пользуетъ ми?* Для того, отвѣтствуетъ онъ, чтобы мнѣ не впасть въ высокоуміе. Что ты говоришь? Развѣ не знаешь о семъ, хотя бы и не сказалъ? Но не равно бываетъ наше превозношеніе, когда сами только знаемъ причину къ тому, и когда сообщаемъ ее другимъ. Ибо обыкновенно надмеваютъ насъ не заслуги сами по себѣ, но то, что многіе о нихъ свидѣтельствуютъ и знаютъ. Посему и говоритъ Апостолъ: *не пользуетъ ми;* а притомъ не хочетъ заставить и слушателей думать о немъ выше надлежащаго. Лжеапостолы разсказывали о себѣ и то, чего не бывало; а Павелъ и что было, скрываетъ, даже когда самая нужда требовала не скрывать. *Не пользуетъ ми,* говоритъ онъ, научая всѣхъ всячески избѣгать самохвальства. Ибо оно приноситъ не пользу, а вредъ, если не понуждаетъ къ похвалѣ какая-либо необходимая и полезная причина.“

Видѣніе и откровеніе здѣсь у Апостола одну мысль содержатъ: откровеніе посредствомъ видѣнія. Откровеніе обнимаетъ все, что Богу угодно бываетъ открыть намъ. Бываетъ оно умно, когда въ умъ влагается вѣдѣніе: бываетъ внѣшно, когда Богъ или Ангелъ является и сказываетъ нужное; но бываетъ и посредствомъ видѣній. Видѣніе или въ образахъ представляетъ духовное, каковы напримѣръ видѣнія Іезекіиля, Апокалипсиса, и требуетъ новаго откровенія въ умѣ, чтобъ уразумѣть его; или оно есть видѣніе духовнаго міра въ его существенности, когда духъ человѣка необыкновеннымъ образомъ вземлется и вводится въ созерцаніе его, не

въ образахъ, а какъ онъ есть. О такомъ видѣніи и разсказываетъ теперь св. Павелъ.

Ст. 2. *Вѣмъ человѣка о Христѣ, прежде лѣтъ четыренадесяти, аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть, восхищена бывша таковаго до третіяго небесе.*

Вѣмъ человѣка о Христѣ. Какъ будто о другомъ говоритъ, хотя очевидно говоритъ о себѣ, — это потому, что онъ при этомъ былъ не дѣйствующимъ, а дѣйствуемымъ. Сознавалъ себя опредѣленно и видѣлъ ясно все, что съ нимъ дѣлается; но какъ не самъ дѣйствовалъ, а былъ дѣйствуемъ высшею силою, то ставитъ себя только въ рядъ наблюдателя, а то, что совершалось въ немъ и съ нимъ, считаетъ предметомъ или лицемъ наблюдаемымъ, будто отличнымъ отъ себя. Слово Божіе отличаетъ въ человѣкѣ особаго нѣкоего человѣка, внутренняго или потаеннаго въ сердцѣ. Сей человѣкъ и былъ введенъ въ видѣніе, а обыкновенный человѣкъ только помнитъ то. При всемъ томъ ничто не препятствовало бы сказать: я восхищенъ былъ, вмѣсто того, какъ сказалъ: *вѣмъ человѣка восхищенна.* Если сказалъ такъ, вѣрно имѣлъ разумныя причины. Мы можемъ только гадать, что ходъ рѣчи расположилъ его къ тому: ибо во всемъ этомъ отдѣленіи Апостолъ и вынужденъ говорить о себѣ нѣчто необыкновенное, и хочетъ прикрыть себя. Такъ и здѣсь, — и говоритъ, и будто не говоритъ. Св. Златоустъ говоритъ: „скажетъ кто: если Павелъ хотѣлъ скрывать, то ему надлежало вовсе и намека не дѣлать, и не говорить чего-либо подобнаго. А если хотѣлъ сказать, надлежало говорить ясно. Итакъ, для чего же и ясно не сказалъ, и не умолчалъ? Для того, чтобы и симъ показать, какъ неохотно приступаетъ къ дѣлу.“

Слова: *о Христѣ* можно сочетавать различно: и

человѣка о Христѣ, и—*вѣмъ о Христѣ*, и—*о Христѣ восхищена*. Человѣкъ о Христѣ есть вѣрующій во Христа, облеченный во Христа, ставшій едино со Христомъ. Еслибъ не былъ таковъ восхищенный сей, то не былъ бы и восхищенъ.—*Вѣмъ о Христѣ*: ибо если Апостолъ о себѣ говоритъ: то *вѣмъ человѣка* будетъ тоже, что: я испыталъ вотъ что; испыталъ же не своими силами, или какими либо умовыми изворотами, но о Христѣ. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ—*вѣмъ о Христѣ* будетъ сливаться съ: *восхищена о Христѣ*. Будетъ: какъ сочетавшійся со Христомъ и ставшій едино съ Нимъ, я восхищенъ былъ силою Его, по благоволенію Его, во славу Его, въ поспѣшество дѣлу Его. Экуменій и Ѳеофилактъ пишутъ: „прибавилъ *о Христѣ*, чтобъ лжеапостолы, отъ дерзости которыхъ всего можно ожидать, не сказали, что онъ былъ взятъ демонами подобно Симону волхву.“

Прежде лѣтъ четыренадесяти. Если посланіе писано въ 58-мъ году, то видѣніе падаетъ на 44-й годъ голода, когда св. Павелъ съ Варнавою носили милостыню въ Іерусалимъ, а по возвращеніи оттуда Духомъ Божіимъ отдѣлены были на проповѣдь. Итакъ это видѣніе было или въ Іерусалимѣ, въ бытность св. Павла съ милостынею, или въ Антіохіи предъ отбытіемъ въ первый разъ на проповѣдь языкамъ. То восхищеніе, о коемъ говоритъ св. Павелъ въ рѣчи къ народу, когда схватили его въ Іерусалимѣ и хотѣли убить (Дѣян. 22, 17), не сходно съ этимъ по содержанію, и было раньше его двумя или тремя годами,—именно по возвращеніи св. Павла изъ Дамаска въ Іерусалимъ. — Чего ради помянулъ о времени Апостолъ, св. Златоустъ и всѣ наши объясняютъ такъ: „опредѣлилъ и время,—за четырнадцать лѣтъ; ибо не безъ причины упомянулъ о семъ, но желая показать, что молчавши

столько времени, и теперь не сказалъ бы, еслибы не было великой нужды. Напротивъ, умолчалъ бы, еслибы не видѣлъ погибающихъ братій. — А если Павелъ былъ таковъ, что въ самомъ началѣ, когда не имѣлъ еще такихъ заслугъ, удостоился великаго откровенія, то помысли, каковъ онъ сталъ чрезъ четырнадцать лѣтъ?“—Такое наведеніе и желательно было Апостолу возставить въ умахъ Коринѳянъ, какъ догадывается Экуменій: „Поелику же лжеапостолы казались чѣмъ-то великимъ и тѣмъ влекли къ себѣ всѣхъ, вынужденъ былъ и Апостолъ показать, что онъ гораздо больше ихъ, чтобъ убѣдить не имъ, а его словамъ внимать. Для того и внушаетъ: прежде четыренадесяти лѣтъ удостоившійся такихъ откровеній, каковъ есть теперь, послѣ столькихъ трудовъ, поднятыхъ Христа ради?“

Аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть.—Не могу сказать, говоритъ, душа ли одна была взята на небо, а тѣло оставалось на землѣ, или и тѣло туда же было вземлемо. Вниманіе было занято не этимъ; оно все было поглощено видѣннымъ и на себя не обращалось. Послѣ видѣнія вопросъ могъ родиться, и вѣроятно былъ; но прошло четырнадцать лѣтъ, и онъ остался нерѣшеннымъ. Если же и для самого св. Павла осталось это нерѣшеннымъ, то вѣрно это такого рода дѣло, что его рѣшить нельзя, или не слѣдуетъ рѣшать. Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, какъ и въ семъ самомъ скроменъ: объ одномъ говоритъ, а о другомъ сознается, что не знаетъ. Сказалъ, что былъ восхищенъ; а въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, того, говоритъ, не знаю. Довольно было бы сказать о восхищеніи, умолчавъ о прочемъ; но онъ по скромности и то присовокупляетъ. Итакъ что же? Умъ ли только и душа были восхищены, а тѣло оставалось

мертвымъ? Или и тѣло было восхищено? Сего нельзя опредѣлить. Ибо если не знаетъ самъ Павелъ, который былъ восхищенъ и удостоился столь многихъ и столь неизреченныхъ откровеній; то тѣмъ паче не можемъ знать мы. Что былъ онъ въ раю, это знаетъ; что былъ на третьемъ небѣ, и то ему не безъизвѣстно: но какъ былъ восхищенъ, того не знаетъ ясно."

Восхищена бывша таковаго до третіяго небесе. Чтобы это сказать, надлежало раздѣльно видѣть, какъ проходятся небеса—одни за другими—второе послѣ перваго, и третье послѣ втораго. Какъ все видѣніе было видѣніе того, чего не видитъ тѣлесный глазъ, то и небеса сіи нельзя опредѣлять по соотвѣтствію чему-либо видимому горѣ для тѣлеснаго глаза, простаго ли, или вооруженнаго. Небеса сіи сокровенны, хотя для способнаго видѣть различны одни отъ другихъ, разные содержатъ предметы и разное имѣютъ значеніе. Внутри, или во глубинѣ видимаго нами міра, сокрытъ другой міръ, столько же дѣйствительный, какъ и этотъ,— духовный или тонко вещественный, Богъ вѣсть; но то несомнѣнно, что въ немъ витаютъ Ангелы и Святые. По степени сихъ послѣднихъ, и степени небесъ. Какъ этихъ степеней много, то и небесъ вѣроятно много. Апостолъ былъ восхищенъ до третьяго неба; но не говоритъ, что оно послѣднее. Притомъ смыслъ его словъ такой, что онъ миновалъ два неба, и на третьемъ остановился; но возможно миновать не только два, а пропустить десятки, и остановиться на двадесятомъ.

Ст. 3. *И вѣмъ такова человѣка; аще въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть.*

Подтверждаетъ, что былъ дѣйствительно восхищенъ, и ясно это сознавалъ, и знаетъ, что это была дѣйствительность, а не мечтаніе какое призрачное. Не можетъ только сказать того, въ тѣлѣ ли онъ былъ вос-

хищенъ, или кромѣ тѣла. Это, говоритъ, одинъ Богъ знаетъ. Видно для насъ знаніе сего не нужно; вѣрно оно къ существу дѣла не относится. Нечего и пытать. Онъ говоритъ какъ-бы: изумительно это видѣніе не по предмету только своему, но и по самому способу видѣнія. „О предивномъ и вышеестественномъ возвѣщая дѣлѣ, съ настойчивостію подтверждаетъ, что не знаетъ способа, какъ оно совершилось“ (Экум.).

Ст. 4. *Яко восхищенъ бысть въ рай, и слыша неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати.*

Этотъ рай и есть третье небо,—или сначала восхищенъ былъ до третьяго неба, а съ третьяго неба въ рай? Если принять послѣднее, то пройденныя небеса будутъ не райскія обители Святыхъ и Ангеловъ, а какія-нибудь небесныя, но не райскія устроенія. Ѳеодоритъ пишетъ: „*до третьяго неба*, какъ утверждали нѣкоторые, сказалъ Апостолъ о третьей части разстоянiи между небомъ и землею, до которой онъ былъ восхищенъ, и слышалъ неизреченные глаголы.“ По Ѳеодориту выходитъ, что третье небо и есть рай. Экуменій и Ѳеофилактъ различаютъ рай отъ третьяго неба. Ѳеофилактъ тремъ небесамъ нѣчто соотвѣтственное находитъ и въ видимомъ мірѣ. Онъ говоритъ: „*третье небо* вотъ какъ понимай! Писаніе и воздухъ называетъ небомъ, когда говоритъ—птицы небесныя, роса небесная: вотъ одно небо! И твердь оно означаетъ именемъ неба: *нарече*, говоритъ, *Богъ твердь небо* (Быт. 1, 8): вотъ второе небо. Знаетъ оно и еще небо, въ началѣ сотворенное вмѣстѣ съ землею (Быт. 1, 1): вотъ третье небо. Отъ этого-то третьяго неба человѣкъ тотъ, говоритъ, восхищенъ былъ мгновенно въ рай.“ Такъ и Экуменій: „восхищенъ былъ до третьяго неба, и опять оттуда въ рай.“ Экуменій и двукратное повтореніе словъ: *аще въ тѣлѣ, аще ли*

кромѣ тѣла, не вѣмъ, объясняетъ этимъ же двукратнымъ какъ-бы дѣйствіемъ восхищенія. И до третьяго неба восхищенъ я былъ, не знаю, въ тѣлѣ или безъ тѣла,—и оттуда въ рай восхищенъ, тоже не знаю, въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла. „Не думай, что Апостолъ излишне дважды повторилъ эти слова; но въ первый разъ сказалъ о восхищеніи на небеса, а во второй—о восхищеніи оттуда въ рай.“ Большая впрочемъ опредѣленность въ этихъ подробностяхъ и не требуется, и ожидать нельзя, чтобы кто-либо сказалъ объ этомъ что-либо рѣшительно вѣрное, когда молчитъ самъ св. Павелъ.

Не излишнимъ однакожъ считаемъ привесть здѣсь слѣдующія мысли блаженнаго Ѳеофилакта: „По буквѣ выходитъ, что иное мѣсто есть третье небо, и иное рай; но по аналогіи (въ духовномъ смыслѣ, въ примѣненіи къ явленіямъ нравственно-религіозной жизни) выходитъ, то—что будто они одно и тоже, то—что не одно и тоже. Аналогически многое можно сказать объ этомъ; но скажемъ малое, — что болѣе удобопонятно. Первое небо есть область нравственная, когда кто благоустрояетъ нравъ свой. Второе небо—область вѣдѣнія тварей, когда кто стяжеваетъ вѣдѣніе о всякомъ естествѣ созданномъ, сколько это доступно для насъ. Третье небо — область вѣдѣнія богословскаго, когда кто, въ возможной для него мѣрѣ, достигаетъ вѣдѣнія вещей Божественныхъ и разумъ превосходящихъ посредствомъ созерцанія. Итакъ св. Павелъ былъ конечно восхищенъ въ мѣста, такъ сказать, близъ или около Св. Троицы находящіяся, т.-е. миновавъ и превыше ставъ всего сотвореннаго, не зная, въ тѣлѣ ли онъ, или внѣ тѣла. Чувствовать и сознать это невозможно было ему: ибо тутъ прекращается самодѣйствіе и самоопредѣленіе. Когда вводится человѣкъ въ область вещей Боже-

ственныхъ, самодѣятельность его и пониманіе образа совершенія того, что онъ видитъ, прекращается. Богъ восхищаетъ и вземлетъ человѣка: Имъ онъ бываетъ носимъ и воздѣйствуемъ. Поелику же и въ этихъ областяхъ есть свои степени и восхожденія на нихъ, то бываетъ, что иной вдругъ восхищается въ рай, т.-е. вводится въ созерцаніе сокровеннѣйшихъ таинствъ Божества, коихъ, яко недомыслимыхъ и неизреченныхъ, никто вмѣстить не можетъ, если напередъ не изыдетъ изъ человѣческой поврежденности."

И слыша неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати. Чьи глаголы? Господа Спасителя или Бога невидимаго, или Ангеловъ, или Святыхъ, Господомъ въ рай введенныхъ?! И видѣніе всего этого неизреченно, а тѣмъ паче невмѣстима для земнаго уха тамошняя рѣчь, чья бы она ни была. Святые славятъ Бога, Ангелы пѣснь Ему поютъ, Спаситель даетъ повелѣнія исполнителямъ Его благоволеній. Все тамъ въ блаженномъ движеніи; но все въ строѣ и гармоніи пренебесной, для описанія которой нѣтъ словъ на языкѣ нашемъ. Жалѣть ли, что не сказалъ, что слышалъ? Поелику Апостолы посланы были сказать людямъ всю волю Божію, все, что необходимо для ихъ спасенія, — а эти глаголы нельзя было сказать; то надо полагать, что они не относятся къ предметамъ, необходимымъ для спасенія. Если такъ, то и жалѣть нечего, что ихъ нельзя было сообщать намъ. Они, вѣрно, касались лично самого Апостола Павла, и нужны были только для него, понялъ ли онъ ихъ вполнѣ, или не понялъ. Ибо видѣнія бываютъ нужны не для обогащенія вѣдѣнія, а для исторженія духа изъ связности плотской и вещественной. Это паче всего нужно было св. Павлу при вступленіи въ подвигъ проповѣди Евангелія. Это и дано ему испытать

и вкусить. Бл. Ѳеодоритъ такъ пишетъ объ этихъ глаголахъ: „Апостолъ слышалъ неизреченные глаголы, какихъ *не льть есть человѣку*,—не сказалъ: слышать, но *глаголати*. Ибо еслибы не возможно было человѣку слышать, то какъ услышалъ бы онъ? Но Апостолъ слышалъ, пересказать же ихъ не осмѣлился. А иные говорятъ, что глаголы суть самыя вещи; потому что Апостолъ видѣлъ красоту рая, лики въ немъ Святыхъ и всесторонній гласъ пѣснословія. Все сіе въ точности знаетъ самъ видѣвшій это.“

Ст. 5. *О таковѣмъ похвалюся; о себѣ же не похвалюся, токмо о немощехъ моихъ.*

Св. Златоустъ говоритъ: „не то выражаетъ, чтобы восхищенный былъ другой кто; но даетъ такой оборотъ рѣчи, чтобы и сказать, что прилично и что можно, и вмѣстѣ избѣжать необходимости говорить открыто о себѣ. Иначе, какая была бы сообразность, разсуждая о самомъ себѣ, вводить другое лице? Для чего же такъ выразился? Для того, что не одно и тоже значитъ сказать: я былъ восхищенъ, и: знаю человѣка, который былъ восхищенъ; или: о себѣ похвалюся, и о таковомъ похвалюся. А если кто скажетъ, какъ возможно быть восхищену безъ тѣла? то и я спрошу: какъ возможно восхищену быть съ тѣломъ? Ибо послѣднее труднѣе перваго, если разсуждать по разуму, а не покориться вѣрѣ. А для чего восхищенъ Павелъ? Для того, какъ думаю, чтобы его не почитали меньшимъ другихъ Апостоловъ. Тѣ были вмѣстѣ со Христомъ, а онъ не былъ; посему Господь въ показаніе славы его, и его восхитилъ въ рай. Ибо слово: рай многозначительно и всѣмъ извѣстно. Такимъ образомъ явно, что слова: *о таковѣмъ похвалюся*, Апостолъ сказалъ о себѣ самомъ. А если присовокупилъ: *о себѣ же не похвалюся*, то сіе значитъ только, или что безъ

нужды, напрасно и легкомысленно не сказалъ бы ничего подобнаго,—или что онъ хотѣлъ, сколько можно, закрыть сказанное.“ Тоже говорятъ и другіе наши толковники. Такъ Экуменій пишетъ: „смотри, какая непритязательность! Какъ бы о другомъ комъ сказываетъ это. *О таковѣмъ*, говоритъ, *похвалюся*. Это дѣлаетъ онъ, желая оставить себя въ тѣни. *О себѣ же не похвалюся, токмо о немощехъ моихъ*, т.-е. о скорбяхъ, лишеніяхъ и гоненіяхъ.“

Можетъ быть и потому такъ сказалъ онъ, чтобъ все въ семъ видѣніи отнести къ Богу. Богу да воздастся слава! Тутъ я не былъ дѣйствующимъ. Все совершившееся Богомъ совершено. Ему и слава! Ко мнѣ это прикасается только потому, что во мнѣ происходило; но какъ безъ моего вѣдома и безъ напряженія моихъ силъ, то я и говорю объ этомъ, какъ о чемъ-то не своемъ. Хвалюсь, яко славнымъ, не присвояя однакожъ себѣ ничего. Мои только немощи, униженія, оскорбленія, презрѣнія, побои. И это все перенесть Богъ помогаетъ; но есть часть и моя; въ томъ же видѣніи ничего моего нѣтъ. Все Божіе.

Ст. 6. *Аще бо восхощу похвалитися, не буду безуменъ, истину бо реку; щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя, или слышитъ что отъ мене.*

Аще бо восхощу похвалитися, т.-е. сказанное будто о другомъ къ себѣ отнести, *не буду безуменъ*, т.-е. не безумное дѣло сдѣлаю, не ложь скажу, не введу въ обманъ; *истину бо реку*, ибо такъ воистину было. И прямо говоритъ наконецъ, а все еще прикрываетъ себя, и старается держать себя въ тѣни. Такъ не хотѣлось ему окружить главу свою такимъ ореоломъ славы!

Прежде говорилъ, что похвала безуміе; а теперь го-

воритъ, что похваляясь не буду безуменъ. „Сіе надобно разумѣть не въ отношеніи къ похвалѣ, но въ отношеніи къ справедливости того, чѣмъ хвалится. Въ семъ послѣднемъ отношеніи и говоритъ: *не буду безуменъ*. Почему присовокупляетъ: *истину бо реку*“ (св. Злат.). И въ томъ отношеніи не буду безуменъ, что дѣлаю это наперекоръ своему нраву, вынуждаемый пользою, какая отсюда проистекаетъ для васъ. „Ибо не безуменъ тотъ, кто ради спасенія и созиданія душъ, вынуждаемый необходимостію, возвѣщаетъ о благодати, отъ Бога ему ниспосланной. Напротивъ благоумному и человѣколюбивому свойственно для спасенія другихъ пренебрегать даже подозрѣніемъ въ самовозношеніи“ (Экум.).

Щажду же. Однакожъ, хоть и нужда належитъ и польза есть, все я скупъ на похвалы себѣ, боюсь выставлять себя такъ свѣтло. *Да не како вознепщуетъ кто о мнѣ паче.* „Не сказалъ: да не скажетъ кто паче, но: *да не вознепщуетъ*, даже да не подумаетъ о мнѣ больше, чѣмъ я достоинъ. Вотъ настоящая причина, почему онъ все умалчиваетъ о себѣ и скрываетъ свое; и даже когда нужда заставляетъ сказать что, говоритъ прикровенно, ставя себя въ тѣни! Боится, какъ бы не подумали объ немъ больше, нежели что онъ есть. Ибо уже было однажды, что знаменій ради сочли его и Варнаву за боговъ и собрались закалать въ честь ихъ воловъ. Что бы не придумали, еслибы онъ объявилъ всѣ свои откровенія и выставилъ на видъ все славное?“ (Экум.).

Паче, еже видитъ мя, или слышитъ что отъ мене. Стань все разсказывать, раздражится воображеніе, и станетъ представлять больше, нежели что говорятъ слова; а по причинѣ разгоряченія воображенія и глаза будутъ видѣть во мнѣ больше, нежели что есть. „По-

этому боюсь сказывать все, чтобы не составилъ кто о мнѣ бо́льшаго, нежели о человѣкѣ мнѣнія“ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ стихіи міра создалъ Богъ и немощными и блистательными, чтобъ онѣ чрезъ одно проповѣдали Его могущество, а чрезъ другое удерживали людей отъ заблужденія; такъ и Апостолы были вмѣстѣ и чудны и немощны, дабы самыми дѣлами могли научать невѣрныхъ. Ибо еслибы они, пребывая всегда чудными и не показывая въ себѣ примѣровъ немощи, стали однимъ словомъ убѣждать людей, чтобы не думали о нихъ больше надлежащаго: то не только не успѣли бы въ семъ, но еще произвели бы противное. Ибо однѣ словесныя отговорки скорѣе были бы причтены смиренію, и заставили бы еще больше имъ удивляться. Потому-то немощь нерѣдко дѣйствительно обнаруживалась и въ самыхъ дѣлахъ ихъ. Примѣры сему всякій можетъ видѣть и въ ветхозавѣтныхъ святыхъ мужахъ. Илія былъ человѣкъ чудный, но нѣкогда изобличилъ себя въ боязливости (3 Цар. 19). Великъ былъ и Моусей, но онъ по тойже самой немощи предался нѣкогда бѣгству (Исх. 2). А подвергались они сему, когда Богъ отступалъ отъ нихъ и попускалъ, чтобъ изобличалась въ нихъ немощь человѣческой природы. Когда Моусей вывелъ Израильтянъ изъ Египта, они говорили: гдѣ Моусей? Чего же бы не сказали они, когда бы онъ ввелъ ихъ въ землю обѣтованную? По сей же причинѣ и Павелъ говоритъ: *щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче.*“

бб).

Ст. 7. *И за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся.*

И за премногая откровенія, τῇ ὑπερβολῇ τῶν ἀποκαλύψεων,—преизбыткомъ откровеній *да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти,* σκόλοψ τῇ σαρκί, рожонъ въ плоть или для плоти, плоть поражающій и бодущій,—*да ми пакости дѣетъ* ἵνα με κολαφίζῃ, чтобъ по щекамъ билъ меня, давалъ мнѣ пощечины, унижая и посрамляя меня.

Обыкновенно думалось, что пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, есть нѣчто смущавшее и безпокоившее св. Павла со стороны плоти и находившееся въ самой плоти. Новые толковники признали, что св. Павелъ говоритъ здѣсь о движеніяхъ похоти плотской. Но похоть плотская что за особенность? Ее испытываютъ всѣ, и не только безбрачные, но и брачные. А св. Павелъ образомъ выраженія своего даетъ мысль, что ему дано нѣчто особенное, что не всѣмъ обще. Ктому же данный ему пакостникъ κολαφιζει, бьетъ по щекамъ, немилостиво, жестоко дѣйствуетъ; а похоть плотская есть самый льстивый и вкрадчивый врагъ. Потому эту мысль принять нельзя. Наши толковники полагаютъ, что св. Павелъ говоритъ здѣсь, также какъ и прежде, о внѣшнихъ бѣдствіяхъ и о непріязненности со стороны враговъ Евангелія, кои суть орудія сатаны. Такъ св. Златоустъ говоритъ: „что значатъ эти слова Апостола, опредѣлится само собою, когда откроемъ, кто пакостникъ и кто ангелъ сатанинъ. Нѣкоторые говорили, что сіе означало какую-то головную боль, производимую діаволомъ. Но сіе невозможно. Ибо тѣло Павлово не могло быть отдано въ руки діавола, потому что самъ діаволъ уступалъ Павлу, по одному его повелѣнію. Павелъ назначалъ ему законы и предѣлы, когда, напримѣръ, предавалъ ему блудника во изможденіе плоти; и діаволъ не смѣлъ преступать оныхъ. Итакъ что же значитъ сказанное? Сатана на еврей-

скомъ языкѣ значитъ противникъ. И Св. Писаніе въ третьей книгѣ Царствъ (гл. 5, 4) называетъ симъ именемъ противниковъ. Повѣствуя о Соломонѣ, говоритъ: не было сатаны во дни его, т.-е. соперника, который бы воевалъ съ нимъ, или безпокоилъ его. Посему слова Апостола имѣютъ такой смыслъ: Богъ не благоволилъ, чтобы проповѣдь наша распространялась безпрепятственно, желая смирить наше высокое о себѣ мнѣніе; но попустилъ противникамъ нападать на насъ. Ибо сего достаточно было къ низложенію гордыхъ помысловъ; а головная болѣзнь не могла сего произвесть. Такимъ образомъ подъ ангеломъ сатанинымъ разумѣетъ онъ Александра ковача, сообщниковъ Именея и Филита, и всѣхъ противниковъ слова, которые вступали съ нимъ въ состязанія и противоборствовали ему; ввергали его въ темницу, били и влачили. Ибо они дѣлали дѣла сатанинскія. Такъ Священное Писаніе и іудеевъ называетъ сынами діавола, потому что они ревновали дѣламъ его; такъ и ангеломъ сатаны называетъ всякаго соперника. Посему слова: *дадеся ми пакостникъ плоти, да ми пакости дѣетъ,* означаютъ не то, что Богъ Самъ вооружалъ противниковъ, или наказывалъ и обуздывалъ чрезъ нихъ Апостола, — да не будетъ сего!—а только, что онъ дозволялъ и попускалъ имъ на время.“ Ѳеофилактъ рѣшаетъ притомъ вопросъ: почему говорится: ангелъ сатанинъ, когда возстававшихъ было много? „Почему Апостолъ не сказалъ: ангелы сатаны, а—ангелъ? Потому что въ каждомъ мѣстѣ обычнѣе одинъ какой-либо возставалъ противъ Павла супостатъ и поднималъ противъ него народъ; по его началу возставали и прочіе. Или, что и гораздо лучше, Апостолъ назвалъ ангеломъ сатаны самое это дѣло, т.-е. сопротивленіе проповѣди и причиненіе бѣдъ проповѣдникамъ. („Ангеломъ сатаны назвалъ обиды, по-

руганія, народныя возстанія.“ Ѳеод.). А слова: *да не превозношуся*, нѣкоторые поняли въ смыслѣ: да не славимъ буду отъ людей. Но не это говоритъ здѣсь Павелъ, хотя выше и сказалъ такъ, но то именно, да не возтщеславлюсь, говоритъ: ибо и онъ былъ человѣкъ.“ Такъ Ѳеодоритъ, Экуменій, св. Дамаскинъ и Амвросіастъ, такъ и Фотій у Экуменія.

Ст. 8. *О семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене.*

Да отступитъ, т.-е. пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ. По смыслу, какой данъ св. отцами симъ словамъ, Апостолъ говоритъ: да угладится путь проповѣди, да сократятся нападки, да не встрѣчаю сопротивленія въ такой силѣ и непрерывности.—„Апостолъ показалъ въ сихъ словахъ немощь природы; ибо говоритъ: просилъ я избавленія отъ искушеній“ (Ѳеод.). „*Трикраты:* многократно. И это показываетъ великое смиреніе Апостола, когда не скрываетъ того, что онъ не выносилъ вражескихъ навѣтовъ, но изнемогалъ и молился объ освобожденіи отъ нихъ“ (св. Злат.).

Ст. 9. *И рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается. Сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова.*

Довлѣетъ ти благодать Моя; „т.-е. довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвыхъ, исцѣляешь слѣпыхъ, очищаешь прокаженныхъ и творишь другія чудеса. Не домогайся того, чтобы жить въ безопасности, безъ страха, и проповѣдывать безъ труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многіе коварствуютъ противъ тебя, терзаютъ тебя, гонятъ и бьютъ тебя бичами. Сіе самое и показываетъ Мою силу. *Сила бо Моя въ немощи совершается*, т.-е. когда вы гонимые одерживаете верхъ надъ гонителями, когда вы пре-

слѣдуемые побѣждаете своихъ преслѣдователей, когда вы связываемые обращаете въ бѣгство связывающихъ. Итакъ не желай излишняго. Замѣть же, что Апостолъ представляетъ одну причину, а Богъ другую. Онъ говоритъ: *да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти;* а Богъ сказалъ, что попускаетъ сіе для явленія силы Своей. Посему ты просишь не только излишняго, но даже помрачающаго славу Моего могущества. Ибо слова: *довлѣетъ ти,* показываютъ, что не нужно уже ничего прибавлять, но что все сдѣлано" (св. Злат.). „Изъ вашей немощи сила Моя является во всей полнотѣ и во всемъ совершенствѣ. Еслибы для проповѣди употреблены были какіе нибудь мудрецы и царственныя особы, то покореніе всѣхъ Евангелію могъ бы иной приписать силѣ послужившихъ проповѣди. Нынѣ же немощь служащихъ благовѣстію во всемъ свѣтѣ показываетъ силу Божію; она одна является здѣсь дѣйствующею; и все, что ни совершается, къ ней одной должно быть относимо" (Экум.).

„Услышавъ такой отвѣтъ, Павелъ говоритъ: *сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ моихъ.* Чтобы Коринѳяне не упали въ духѣ, видя, что Апостолы находятся въ гоненіи, Павелъ показываетъ, что чрезъ гоненія дѣлается онъ славнѣе, что въ семъ особенно обнаруживается сила Божія, и что совершающееся съ нимъ достойно того, чтобъ тѣмъ хвалиться. Посему и говоритъ: *сладцѣ убо похвалюся.* Не отъ скорби сердца сказалъ я исчисленное мною выше, или уповаемое теперь, т.-е. что *дадеся ми пакостникъ;* напротивъ я симъ украшаюсь, и еще бо́льшую силу привлекаю на себя отъ Бога. Почему и присовокупляетъ: *да вселится въ мя сила Христова.* Сими словами даетъ разумѣть и другое нѣчто, именно: въ какой мѣрѣ усиливались искушенія, въ такой мѣрѣ умножалась и пребывала въ немъ благодать" (св. Злат.).

Ст. 10. *Тѣмже благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ по Христѣ; егда бо немощствую, тогда силенъ есмь.*

„*Тѣмже благоволю.* Не сказалъ: терплю, но *благоволю*, т.-е. радуюсь, веселюсь, благодушно принимаю встрѣчающееся; потому что мнимая немощь доставляетъ мнѣ истинную силу“ (Ѳеод.).

Благоволю въ немощехъ: какія же это немощи? Досажденія, бѣды, изгнанія, тѣсноты ради Христа. Этимъ Апостолъ самъ опредѣляетъ, кто именно у него пакостникъ плоти и ангелъ сатанинъ. Молился онъ, да отступитъ отъ него сей пакостникъ. Господь сказалъ ему: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается*, т.-е. является въ тебѣ дѣйствующею при этомъ пакостникѣ и ангелѣ сатаны, обличающемъ твое безсиліе и твою немощь. Апостолъ соглашается на такой порядокъ, говоря: *сладцѣ убо похвалюся паче въ немощехъ*, т.-е. не хочу уже освобождаться отъ пакостника и ангела сатанина, остаюсь съ нимъ охотно, и въ похвалу себѣ вмѣняю, что онъ томитъ меня,— иначе, тѣмъ, что обложенъ немощами. Объяснивъ теперь, что такое немощи, именно, что это суть досажденія, бѣды, изгнанія, тѣсноты по Христѣ, онъ показалъ, что они-то и суть пакостникъ плоти и ангелъ сатанинъ. Такое наведеніе при сихъ словахъ дѣлаютъ всѣ наши толковники.

Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, какъ ясно открылъ теперь все? Ибо говоря о родѣ немощей, наименовалъ не горячку, или періодическую болѣзнь, или другую тѣлесную немощь, но обиды, гоненія и притѣсненія. Видишь ли, какая благопокорная душа? Апостолъ желалъ бы избавиться отъ бѣдствій; но когда услышалъ отъ Господа, что сему не должно быть: не только не упалъ въ духѣ, не получивъ просимаго, но

еще радовался тому. Посему и сказалъ: *благоволю*, радуюсь, желаю терпѣть обиды, гоненія и притѣсненія за Христа. Сказалъ же сіе, желая и лжеапостоловъ смирить, и Коринѳянъ ободрить, чтобъ они не стыдились Павловыхъ страданій. Ибо таковое терпѣніе скорбей можетъ сдѣлать насъ сильнѣе всѣхъ. Потомъ выставляетъ и другую причину: *егда бо немощствую, тогда силенъ есмь*. Чему дивиться (что есть немощи), если въ немощахъ нашихъ обнаруживается сила Божія, и я тогда бываю силенъ? Ибо тогда наипаче дѣйствуетъ благодать Божія. *Зане якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ утѣшеніе наше* (2 Кор. 1, 5). Гдѣ скорбь, тамъ и благодать; а гдѣ благодать, тамъ и утѣшеніе и сила къ подъятію скорби. Когда онъ ввержен былъ въ темницу, тогда сотворилъ чудеса. Когда терпѣлъ кораблекрушеніе и занесенъ былъ въ варварскую страну, тогда особенно прославился. Когда связанный взошелъ въ судилище, тогда побѣдилъ самого судію. Такъ было и въ Ветхомъ Завѣтѣ. Среди искушеній процвѣли праведники. Такъ три отрока, такъ Даніилъ, Моисей и Іосифъ — всѣ чрезъ искушенія сдѣлались славными и удостоились великихъ вѣнцовъ. Ибо тогда душа и очищается, когда терпитъ скорби ради Бога. Тогда она получаетъ бо́льшую помощь, потому что имѣетъ нужду въ большемъ содѣйствіи отъ Бога, и достойнѣе большей благодати; а дѣлаясь любомудрою, сокровиществуетъ себѣ великія блага, не говоря уже о тѣхъ наградахъ, какія отложены для нея у Бога. Ибо скорбь искореняетъ высокомѣріе, отсѣкаетъ всякое нерадѣніе, уготовляетъ къ терпѣнію, обнаруживаетъ ничтожность дѣлъ человѣческихъ, и въ жизнь вводитъ много любомудраго. Ей уступаютъ всѣ страсти: зависть, ревность, похоть, пристрастіе къ богатству, плотская любовь,

гордость, высокомѣріе, гнѣвъ и весь рой душевныхъ недуговъ. Если кто разсмотритъ и настоящія наши дѣла, увидитъ, какую пользу приносятъ скорби. Нынѣ наслаждаясь миромъ, мы ослабѣли, облѣнились и наполнили Церковь тысячами золъ. Когда же терпѣли гоненія, тогда были цѣломудреннѣе, благонравнѣе, ревностнѣе и усерднѣе какъ къ симъ собраніямъ (къ Церкви), такъ и къ слушанію (поученій). Что огонь для золота, то скорбь для души: она стираетъ съ нея скверну, дѣлаетъ ее чистою, свѣтлою и ясною. Скорбь вводитъ въ царство, а утѣшная жизнь въ геенну; посему къ царству тѣсный, а въ геенну пространный путь. Посему и Христосъ, какъ-бы предлагая намъ какое-либо великое благо, сказалъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. 16, 33).“

д).

О знаменіяхъ Апостольства Павлова въ Коринѳѣ съ напоминаніемъ и еще о безмездной у нихъ проповѣди

12, ст. 11—18.

Гл. 12. Ст. 11. *Быхъ несмысленъ хвалялся: вы мя понудисте. Азъ бо долженъ бѣхъ отъ васъ хвалимъ бывати: ничимже бо лишихся первѣйшихъ Апостолъ, аще и ничтоже есмь.*

Апостолъ говоритъ какъ-бы: но что я хвалюсь?! Вѣдь я же у васъ былъ и дѣйствовалъ; и среди васъ показалъ знаменія моего Апостольства не меньше, чѣмъ въ другихъ церквахъ, не меньше, чѣмъ показываютъ то первые Апостолы. Все это вы знаете. Вамъ бы самимъ слѣдовало защитить мое достоинство, когда лжеучители стали наводить тѣнь на него, а вы этого не сдѣлали. Когда бы вы это сдѣлали, не было бы мнѣ никакой нужды говорить о себѣ съ похвалою. Вы ви-

новаты сами въ томъ, что я такъ дѣлаю. Когда вы не защитили меня, нечего было дѣлать, надо было взяться самому себя защитить. И хоть вижу, что это несмысленно, дѣлаю; потому что это необходимо для васъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „окончивъ рѣчь о похвалахъ себѣ самому, Апостолъ не останавливается на немъ, но снова защищается и проситъ извиненія въ сказанномъ; потому что сказано по необходимости, а не по собственному произволенію. Впрочемъ, не смотря и на необходимость, называетъ себя несмысленнымъ. Ибо, достигнувъ своею рѣчью желаемаго, онъ уже смѣло и нещадно нападаетъ на сей недостатокъ, научая всѣхъ никакъ не хвалиться безъ нужды, когда и Павелъ, похвалившись по нуждѣ, назвалъ себя за то несмысленнымъ. Потомъ и всю вину сказаннаго слагаетъ не на лжеапостоловъ уже, но на учениковъ: *вы*, говоритъ, *мя понудисте*. Еслибы лжеапостолы хвалились, но тѣмъ не вводили васъ въ заблужденіе и погибель, то я не дошелъ бы до того, чтобы дозволить себѣ такія слова. Но поелику они растлили всю церковь, то, заботясь о пользѣ вашей, я принужденъ былъ сдѣлаться несмысленнымъ.“

Ничимже бо лишихся первѣйшихъ Апостолъ. Ничего такого не лишенъ я, говоритъ, что есть у первѣйшихъ Апостоловъ. Все то есть и во мнѣ, что есть у нихъ; или вообще что долженъ имѣть всякій Апостолъ, яко Апостолъ, все то имѣю я. Но мысль Апостола не та, чтобъ показать, что онъ есть самъ по себѣ, а та, чтобъ напомнить имъ, какимъ онъ явился среди ихъ. Причину представляетъ, почему они сами должны бы были защищать его предъ другими и предъ собою. Это должны были вы сдѣлать, говоритъ, потому что я среди васъ такимъ явился, какимъ могъ явиться и кто-нибудь изъ первыхъ Апостоловъ. Но

сказавши такъ, Апостолъ опять подумалъ, какъ-бы не стали считать его бо́льшимъ, нежели сколько онъ есть, и потому поспѣшилъ прибавить: *аще и ничтоже есмь.* „Все же не отступаетъ отъ умѣренности и отъ своего обычая; но какъ будто сказавшій нѣчто необычайное и высшее своего достоинства тѣмъ, что сопричислилъ себя къ первѣйшимъ Апостоламъ, опять употребилъ это скромное о себѣ выраженіе“ (св. Злат.). Онъ хочетъ, чтобъ они признали необычайности, въ немъ открывавшіяся, но вмѣстѣ научаетъ ихъ понимать ихъ такъ, чтобъ на немъ самомъ не останавливались они вниманіемъ, а отъ него восходили къ источнику такихъ проявленій и изъ сего извлекали выводы не въ его восхваленіе, а въ отданіе должной вѣры и чести дѣлу, которому онъ служитъ. Я ничѣмъ, говоритъ, не меньше другихъ; но все это не мое. Я тутъ ничто. Я служу дѣлу Божію и сила на то у меня есть—сила Божія.

Ст. 12. *Знаменія бо Апостолова содѣяшася въ васъ во всякомъ терпѣніи, въ знаменіихъ и чудесѣхъ и силахъ.* А это доказательство на то, что онъ ничѣмъ не меньше первыхъ Апостоловъ. Все, чѣмъ долженъ отличаться Апостолъ, сдѣлалось чрезъ меня въ васъ, среди васъ, на вашихъ глазахъ. Терпѣнія ли хотите? Сколько его было?! Знаменій ли силы надъ природою взыщете? Были и они. Чудесныхъ ли исцѣленій пожелаете? Не было недостатка и въ нихъ. Власти ли надъ бѣсами требуете? Явлена и эта сила среди васъ. Все, все, чего можете только ожидать отъ Апостола, какъ посланника Божія, и чѣмъ онъ долженъ являться, когда потребуетъ того дѣло благовѣстія, видѣли вы во мнѣ сами; и мнѣ вамъ о моемъ Апостольствѣ нечего бы и говорить. Хоть и ничто я, но Апостолъ, и, какъ Апостолъ, великими вооруженъ силами.

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: смотри, го-

воритъ, не на то, что я незначителенъ и малъ, но на то, получилъ ли ты отъ меня, что отъ Апостола получить надлежало. И не сказалъ: незначителенъ, но, что еще ниже, *ничтоже*. Ибо какая польза быть великимъ и никому не приносить пользы? Нѣтъ пользы отъ искуснаго врача, который не вылѣчилъ ни одного больнаго. Посему, говоритъ онъ, не разсуждай о томъ, что я ничего не значу, но смотри на то, что во всемъ служившемъ къ вашему благу я не отсталъ отъ другихъ, а напротивъ показалъ опытъ моего Апостольства. Посему мнѣ не нужно говорить самому о себѣ. Говорилъ же сіе не для того, чтобы дѣйствительно искалъ похвалы, но потому, что желалъ спасенія учениковъ. — *Знаменія Апостолова*. О, какую бездну заслугъ выразилъ онъ въ немногихъ словахъ! И смотри, что ставитъ на первомъ мѣстѣ! Терпѣніе. Ибо признакъ Апостола — все переносить великодушно. И о терпѣніи выразился кратко, однимъ словомъ; напротивъ, не одно слово употребилъ о знаменіяхъ, потому что они были произведены не его силою. Но представь себѣ, сколько узъ, сколько ударовъ, сколько опасностей, сколько навѣтовъ, какое множество искушеній разумѣлъ онъ здѣсь; сколько браней, внутреннихъ и внѣшнихъ, сколько печалей, сколько нападеній выразилъ однимъ словомъ: *терпѣніе!* А словомъ: *знаменія* не изобразилъ ли опять того, сколько имъ воскрешено мертвецовъ, сколько исцѣлено слѣпцовъ, сколько очищено прокаженныхъ, сколько изгнано бѣсовъ? Слыша сіе, научимся и мы, если даже поставлены будемъ въ необходимость говорить о своихъ заслугахъ, не распространяться о нихъ, подражая св. Павлу.“

Ст. 13. *Что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ церквей, развѣ точію, яко азъ самъ не стужихъ вамъ? Дадите ми неправду сію.*

Могли подумать: не отрицаемъ, что все это явлено среди насъ; но въ другихъ церквахъ, гдѣ дѣйствовали другіе Апостолы, явлено это въ бо́льшемъ количествѣ и въ бо́льшей степени. Апостолъ говоритъ: осмотрите всѣ церкви, и ни въ одной не найдете ничего такого, чего бы вы лишены были. Что у другихъ есть, то есть и у васъ. Будто жалобу слышитъ Апостолъ: пришелъ ты къ намъ, упредивъ другихъ, мы приняли тебя съ вѣрою, а ты намъ не далъ того, что другіе даютъ; лучше бы намъ тѣхъ дождаться. Апостолъ говоритъ: не безпокойтесь, обойдите всѣ церкви, и увидите, что вы не умалены ни предъ одною.—„Чтобы не сказалъ кто: хотя ты великъ и сдѣлалъ много; однакоже не столько, сколько Апостолы въ другихъ церквахъ, Павелъ присовокупилъ: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ церквей?* Т.-е. и вы въ сравненіи съ прочими церквами причастны не меньшей благодати“ (св. Злат.).

Есть одно, чѣмъ вы обдѣлены, то, что *азъ самъ не стужихъ вамъ*, не докучалъ вамъ содержаніемъ. Всѣ другія церкви, и мною основанныя, и другими Апостолами, не свободны отъ этого. Въ отношеніи къ вамъ однимъ я такъ дѣйствую. Но если вы считаете это несправедливостію съ моей стороны въ отношеніи къ вамъ, *дадите ми неправду сію,* χαρισασθε, подарите, милость и снисхожденіе въ семъ покажите мнѣ, или, сдѣлайте милость, простите. „Если, говоритъ, вы обвиняете меня въ семъ, то прошу извиненія, простите мнѣ сію вину. Замѣть, какое благоразуміе! Поелику напоминаніе о семъ могло казаться упрекомъ и будто наноситъ безчестіе, то онъ всякій разъ, какъ повторяетъ его, смягчаетъ пояснительными словами. Такъ выше сего сказалъ: *есть истина Христова во мнѣ, яко похваленіе сіе не заградится о мнѣ въ церквахъ Ахайскихъ* (—11, 10). И тотчасъ прибавилъ: *зане не люблю*

ли васъ? Богъ вѣсть: но да отсѣку вину хотящимъ вины (—11). И въ первомъ посланіи говоритъ: *кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе Христово* (—9, 18). И здѣсь опять говоритъ: *дадите ми неправду сію.* Ибо вездѣ старается не показать, что не беретъ по причинѣ ихъ немощи. Посему и здѣсь говоритъ: если ставите сіе мнѣ въ вину, то прошу прощенія“ (св. Злат.).

Ст. 14. *Се третіе готовъ есмь пріити къ вамъ, и не стужу вамъ: не ищу бо вашихъ, но васъ. Не должна бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадомъ.*

„Дабы не подумали, что Апостолъ часто обращается къ одному и тому же съ намѣреніемъ получить что-нибудь отъ нихъ, онъ отклоняетъ сіе подозрѣніе, сказавъ еще въ первомъ посланіи: *не писахъ же, да тако будетъ о мнѣ: добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (—9, 15); а здѣсь выражается пріятнѣе и благосклоннѣе. Какъ же именно? *Се третіе*, говоритъ, *готовъ пріити къ вамъ.* Я приходилъ уже въ другой разъ, и въ третій готовъ идти и опять не буду вамъ въ тягость. И причина тому уважительна. Ибо не сказалъ: не хочу быть вамъ въ тягость, потому что вы скупы, потому что вы симъ обременяетесь, потому что вы немощны. Но что говоритъ? *Не ищу бо вашихъ, но васъ.* Я ищу не вашего достоянія, но васъ. Ищу большаго: вмѣсто денегъ—душъ, вмѣсто золота—спасенія. Потомъ, поелику оставалось еще мѣсто подозрѣнію, что онъ огорченъ ими, то вводитъ свое разсужденіе. Ибо они могли сказать: развѣ нельзя искать и насъ и нашего? Посему оправдываетъ ихъ съ великою благосклонностію такъ: *не должна бо суть чада родителемъ снискати имѣнія, но родители чадомъ.* Вмѣсто наименованій: учители и ученики,

употребляетъ слова: родители и дѣти, и показываетъ, что обращаетъ для себя въ обязанность и то, къ чему не былъ обязанъ; ибо сего не повелѣлъ Христосъ; но Апостолъ изъ снисхожденія къ Коринѳянамъ говоритъ сіе. Посему присовокупилъ нѣчто еще бо́льшее. Ибо сказалъ не только то, что дѣти не должны снискивать для родителей имѣнія, но еще и то, что родители обязаны сіе дѣлать для дѣтей“ (св. Злат.).

Обязанности родителей къ дѣтямъ, въ вещественномъ отношеніи, неприложимы къ Апостоламъ въ ихъ отношеніи къ увѣровавшимъ. Но въ духовномъ отношеніи они болѣе, чѣмъ приложимы. Апостолъ хочетъ внушить Коринѳянамъ, что дѣлаетъ это по родительской къ нимъ любви, разумѣя попеченіе объ ихъ спасеніи. Но какъ онъ въ первый разъ, какъ началъ объ этомъ рѣчь, сказалъ: *да не прекращеніе нѣкое дамы благовѣствованію Христову* (1 Кор. 9, 12), такъ и всегда даетъ эту же причину доразумѣвать, какъ главную, хотя при этомъ приводитъ и другое нѣчто въ основаніе такого образа дѣйствованія. Почему именно въ Коринѳѣ успѣхъ благовѣстія этого требовалъ, для насъ это теперь не такъ ясно. Апостолъ видѣлъ то, и покорился необходимости. Сказать же прямо въ посланіи не могъ, потому что чрезъ это уничтожилъ бы то спасительное дѣйствіе, которое изъ того исходило.

Ст. 15. *Азъ же въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ; аще и излишше васъ люблю, меньше любимъ есмь.*

Вотъ почему такъ дѣйствовалъ! Не достояніе ихъ щадилъ, а души,—иждивалъ свое, не потому что жалѣлъ ихнее, а потому что этого требовало спасеніе душъ ихъ. Въ другихъ мѣстахъ приниманіе такихъ услугъ отъ обращаемыхъ и обращенныхъ не мѣшало ихъ спасенію, а въ Коринѳѣ мѣшало. Апостолъ видѣлъ

это, Духомъ Божіимъ руководимый; потому ни за что не соглашался что-нибудь брать отъ Коринѳянъ, иждивалъ свое; и иждивая то, не только не тяготился, но еще сладость въ томъ находилъ. Эту сладость производило въ немъ видѣніе блага для спасаемыхъ отъ такого образа дѣйствованія. Такую мысль выражаетъ Апостолъ словами: *въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ*. Не о прошедшемъ говоритъ,—его только подтверждаетъ,—а о будущемъ, что такъ у него рѣшено дѣйствовать, навсегда, какъ и прежде поминалъ не разъ. Притомъ усиливаетъ дѣло: ибо, тогда какъ *иждиву* можно ограничивать однимъ коштомъ, а *иждивенъ буду* подаетъ мысль, что иждивеніе не одного кошта касается, но и самаго лица Апостолова: онъ изъявляетъ готовность и самимъ собою жертвовать ради блага ихъ, себя самого иждивать, „себя самого отдавать за нихъ“ (Ѳеод.). „Родителямъ собирать имѣніе для дѣтей повелѣлъ законъ естественный; а я, говоритъ, не только сіе исполняю, но даже отдаю самого себя. Верхъ щедрости не только ничего не брать, но отдавать свое и отдавать не просто, но съ великимъ усердіемъ, даже при недостаткѣ; ибо сіе показываютъ слова: *иждивенъ буду*. Хотя бы нужно было изнурить самую плоть, не пощажу ее для вашего спасенія“ (св. Злат.).

Другая половина текста: *аще и излишше любя васъ, меньше любимъ есмь*, „выражаетъ и любовь и упрекъ. Я дѣлаю сіе, говоритъ Апостолъ, для тѣхъ, которыхъ я люблю и которые не любятъ меня въ той же мѣрѣ“ (св. Злат.). „Этимъ онъ и опечалилъ ихъ, обвинивъ въ скудости любви, и обрадовалъ, показавъ самую сильную свою къ нимъ любовь“ (Ѳеод.). Намекаетъ Апостолъ на то, что было прежде перваго посланія, когда нѣкоторые стали отклоняться отъ него расположеніемъ и предпочитать ему другихъ. Посланіе первое опять

къ нему обратило сердца всѣхъ, какъ самъ же св. Павелъ засвидѣтельствовалъ, говоря, съ какимъ жаромъ они поспѣшили приступить къ исправленію всего, указаннаго имъ. Зачѣмъ же говоритъ такъ теперь? Затѣмъ, чтобы сильнѣе раздражить ихъ любовь къ себѣ и напередъ предотвратить подобныя же съ ихъ стороны уклоненія. Ибо ничто такъ не раздражаетъ любви, какъ сказать любимому: я тебя крѣпко люблю, а ты меня меньше любишь; и ничто такъ не воодушевляетъ къ избѣжанію всякихъ случаевъ обнаруженія умаленія любви, какъ такое напоминаніе. Онъ зналъ, что этотъ упрекъ не уколомъ отзовется, а будетъ вѣтромъ, раздувающимъ пламя; потому такъ и сказалъ.

Св. Златоустъ заключаетъ слова св. Павла о самоиждивеніи такимъ наведеніемъ: „Разсмотри же наконецъ, сколько здѣсь степеней: надлежало брать, а онъ не бралъ, это первая заслуга; не бралъ, находясь въ бѣдности, это вторая; не бралъ, когда имъ проповѣдывалъ, это третья; самъ даетъ имъ, это четвертая; и не просто даетъ, но съ избыткомъ, это пятая; отдаетъ не имѣніе только, но и самого себя, это шестая; отдаетъ себя за тѣхъ, которые не очень его любятъ, это седьмая; и которыхъ онъ весьма любитъ, это осьмая. Будемъ же и мы соревновать ему.“

Ст. 16. *Буди же, азъ не отягчихъ васъ: но коваренъ сый, лестію васъ пріяхъ.*

Строитъ Апостолъ вѣроятныя предположенія со стороны своихъ недоброжелателей. Скажетъ кто про меня, что я лично дѣйствительно не обременялъ васъ ничѣмъ; но эта была одна хитрая уловка. При этой безкорыстной личинѣ, я, какъ хитрецъ, такъ ловко велъ дѣло, что и незамѣтно для васъ бралъ у васъ. *Васъ пріяхъ*, ὑμᾶς ἔλαβον, обиралъ васъ, или бралъ у васъ, или взялъ васъ въ руки, т.-е. овладѣлъ вашимъ достояніемъ,

тогда какъ вы того и не замѣчали и продолжали считать меня безмездно дѣйствующимъ.—Но когда лично не бралъ, а бралъ какъ-либо стороною, — все же сіе не невидимо какъ-либо совершаться могло, а видимо. Видимо же какъ? Не иначе, какъ чрезъ своихъ помощниковъ и сослужителей. Апостолъ и указываетъ вслѣдъ за симъ на это.

Ст. 17. *Еда коимъ отъ посланныхъ къ вамъ лихоимствовахъ васъ?*

Если самъ не бралъ, а бралъ стороною чрезъ своихъ посланныхъ; то скажите, кѣмъ изъ посланныхъ я обиралъ васъ, или покорыстовался чѣмъ вашимъ? Коринѳяне знали, что этого не было; потому достаточно было и этого напоминанія; но Апостолъ описываетъ и самыя къ нимъ посыланія.

Ст. 18. *Умолихъ Тита и съ нимъ послахъ брата: еда лихоимствова чимъ васъ Титъ? Не тѣмъ же ли духомъ ходихома? Не тѣми же ли стопами?*

Да и посылаемыхъ-то сколько было?! Кромѣ меня былъ у васъ отъ меня только Титъ съ нѣкіимъ братомъ. Покорыстовался ли чѣмъ у васъ Титъ? Нѣтъ. Это вы знаете. Такъ нечего и такія мысли принимать, или такія рѣчи слушать. Мы всѣ въ томъ же духѣ безкорыстія дѣйствуемъ, идемъ одною дорогою, ступаемъ по той же стезѣ.

Приводимъ слова св. Златоуста на всѣ эти заключительные въ семъ отдѣленіи тексты, 16—18. „Очень неясно сказаны сіи слова Павломъ, но не безъ цѣли, и не напрасно. Поелику рѣчь идетъ о деньгахъ, и Апостолъ защищается, что онъ ничего не беретъ, то и прилично ему было прикрыть свои слова. Что же значитъ сказанное? Прежде говорилъ, что онъ ничего не бралъ, даже готовъ отдать и издержать свое; и много разсуждалъ о томъ, какъ въ семъ, такъ и въ

первомъ посланіи. А теперь говоритъ нѣчто другое, какъ-бы вводитъ слова изъ сдѣланнаго ему возраженія, и предварительно оное разрѣшаетъ. Вотъ смыслъ сказаннаго: я не искалъ отъ васъ прибытковъ, но можетъ быть, скажетъ иной, что хотя самъ я и ничего не бралъ, однакоже, какъ человѣкъ хитрый, настроилъ посланныхъ мною отъ своего лица просить у васъ чего-либо и отъ нихъ я получалъ, а такимъ образомъ, получая чрезъ другихъ, отклонялъ отъ себя подозрѣніе, что беру самъ. Но и сего никто не можетъ сказать. Свидѣтели тому вы сами. И онъ ведетъ рѣчь вопросами, говоря: *умолихъ Тита, и съ нимъ послахъ брата: еда лихоимствова чимъ васъ Титъ?* Не такъ же ли онъ приходилъ къ вамъ, какъ и я? Т.-е. не такъ же ли и онъ ничего не бралъ? Видишь ли, съ какимъ тщаніемъ старался онъ не только себя сохранить чистымъ отъ корыстолюбія, но и посылаемыхъ имъ удерживалъ отъ онаго, чтобы не подать и малаго предлога ищущимъ предлога. Это гораздо выше того, что сдѣлалъ патріархъ Авраамъ (Быт. 14), возвращаясь съ побѣды. Тотъ, когда царь давалъ ему часть военной добычи, отказался взять больше того, что съѣли его домочадцы; а Павелъ, какъ самъ не пользовался, такъ и сотрудникамъ своимъ не позволялъ пользоваться даже необходимою пищею, дабы такимъ образомъ совершенно заградить уста безстыдныхъ. Посему не самъ отъ себя говоритъ, что они ничего не брали, но, что гораздо важнѣе, представляетъ въ этомъ свидѣтелями самихъ Коринѳянъ, чтобы свидѣтельство шло не отъ собственнаго его лица, но утверждалось на ихъ приговорѣ. Такъ обыкновенно поступаемъ, когда идетъ дѣло о чемъ-либо очевидномъ и не подлежащемъ никакому сомнѣнію. Скажите, говоритъ Апостолъ, кто изъ посланныхъ нами воспользовался чѣмъ отъ васъ? Не говоритъ: кто

взялъ что у васъ? но называетъ такое дѣло *лихоимствомъ*, укоряя ихъ тѣмъ, приводя въ стыдъ, и показывая, что брать у кого-либо противъ воли его, значитъ лихоимство. И не сказалъ: Титъ только, но и кто-нибудь; т.-е. вы не можете и того сказать, что хотя одинъ не бралъ, но бралъ другой. Напротивъ не бралъ ни одинъ изъ посланныхъ къ вамъ. — *Умолихъ Тита*, и сіе сказано не просто; ибо не говоритъ: я послалъ Тита, но *умолихъ*, показывая тѣмъ, что еслибы и взялъ что у нихъ, то взялъ бы по праву; однакоже при всемъ томъ остался чистымъ. Посему опять спрашиваетъ ихъ: *еда лихоимствова чимъ васъ Титъ? Не тѣмъ же ли духомъ ходихомъ?* Что значитъ: *тѣмъ же духомъ?* То, что онъ все приписываетъ благодати, и показываетъ, что все достойное похвалы произведено не нашими трудами, но есть дѣло духовнаго дара и благодати. Подлинно величайшая была благодать, когда имѣвшіе во всемъ недостатокъ и терпѣвшіе голодъ ничего не брали для назиданія наставляемыхъ. — *Не тѣмиже ли стопами?* Т.-е. они нисколько не отступали отъ принятой мною осторожности, но сохранили тоже правило.“

3.

Вооруженный такою властію, — приду, не пощажду

12, 19—13, 10.

Тутъ выводъ изъ всего сказаннаго въ сей третьей части посланія и какъ-бы заключеніе ея. Защитилъ свое достоинство и очистилъ отъ всѣхъ нареканій свою дѣятельность; теперь спрашиваетъ: что же? Все это я говорилъ только для того, чтобъ предъ вами оправдаться, и больше ни для чего? Нѣтъ. Я имѣю въ виду ваше назиданіе,—именно, чтобъ возстановивъ въ себѣ убѣжденіе въ Апостольской, присущей мнѣ власти,

поспѣшили вы исправиться прежде моего прихода, и избавили такимъ образомъ меня отъ необходимости явить въ васъ сію власть и поступить съ вами строго. Ибо если пришедши найду васъ неисправными, не пощажу. Одно это внушеніе въ разныхъ оборотахъ рѣчи господствуетъ во всемъ семъ небольшемъ отдѣленьицѣ, заключительномъ.

Ст. 19. *Паки ли мните, яко отвѣтъ вамъ творимъ Предъ Богомъ, о Христѣ глаголемъ; вся же, возлюбленніи, о вашемъ созиданіи (и утвержденіи).*

Отвѣтъ творимъ, απολογουμεθα, защищаемся, оправдываемся. Мысль Апостола та, что выражено предъ симъ: думаете, что мы только и имѣемъ въ виду, чтобъ оправдаться предъ вами? Нѣтъ, мы пишемъ все это къ вашему созиданію. Или такая: думаете, что, говоря такъ, мы только личность свою очищаемъ и внѣшній образъ своего дѣйствованія оправдываемъ, а на душѣ у насъ совсѣмъ другое? Нѣтъ; мы говоримъ предъ Богомъ, о Христѣ,—говоримъ о себѣ такъ, какъ мы есмы предъ всевидящимъ окомъ Божіимъ. Ни лести, ни лукавства не скрывается въ словахъ нашихъ. Можно ту и другую мысль совмѣстить, и одна будетъ соотвѣтствовать словамъ: *предъ Богомъ во Христѣ глаголемъ*, а другая—словамъ: *вся же къ вашему созиданію.* Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, какъ онъ вездѣ опасался, чтобы не показаться ласкателемъ?“ — „Не льстя вамъ и не оправдываясь только предъ вами говоримъ это, но какъ предъ лицемъ Бога всевидящаго, во Христѣ и чрезъ Христа говоримъ. Но возможно ли, чтобы тотъ, кто говоритъ предъ лицемъ Бога и во Христѣ, говорилъ съ ласкательствомъ ради прикрыванія только себя“ (Экум.).

Вся же, возлюбленніи, о вашемъ созиданіи. И *утвержденіи* нѣтъ въ подлинникѣ. *Созиданіе* — οικοδομη,

зданіе, устроеніе, упорядоченіе. Итакъ говоритъ: все къ тому у насъ направлено, чтобы привесть въ благообразный порядокъ и строй, что у васъ разстроилось и приняло превратное направленіе. Къ чему прибавлено и: *возлюбленніи,* чтобъ показать, что побуждала къ этому насъ искренняя, отеческая, къ вамъ любовь. Ею воодушевляясь, „мы унижаемъ ли себя, или говоримъ о себѣ возвышенно, обвиняемъ ли васъ или хвалимъ, все дѣлаемъ для вашей пользы“ (Ѳеод.).

Ст. 20. *Боюся же, еда како пришедъ, не яцъхъ же хощу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, яковаже не хощете: да не како (будутъ) рвенія, зависти, ярости, рети, клеветы, шептанія, киченія, нестроенія.*

Пишу все затѣмъ, чтобъ вы упорядочились и чтобы, когда упорядочитесь, я нашелъ васъ во всемъ исправными, какими мнѣ и желательно найти васъ, и чтобъ вы встрѣтили во мнѣ одну ласковость, одобреніе и похваленіе васъ. Боясь, чтобъ не случилось противнаго, напоминаю вамъ, чего бы не желалъ я встрѣтить среди васъ. „Это уже показываетъ не высокомѣріе, или учительскую власть, но отеческую попечительность, когда онъ страшится болѣе нежели сами согрѣшившіе, и съ трепетомъ приступаетъ къ исправленію ихъ. Но и въ такомъ случаѣ не нападаетъ на нихъ, и говоритъ не прямо, но въ видѣ сомнѣнія: *еда како пришедъ, не яцъхъ же хощу, обрящу васъ.* Не сказалъ: добродѣтельными, но: *яцъхъ же хощу,* вездѣ употребляя слова, выражающія дружелюбіе. И слово: *обрящу* выражаетъ нѣчто неожиданное имъ, равно какъ и *обрящуся вамъ:* то и другое, говоритъ, отъ самихъ васъ зависитъ“ (св. Злат.). „*Боюся,* говоритъ. Видишь отеческую заботу? Другіе согрѣшили, а Павелъ боится. *Еда како пришедъ:* не утверждаетъ, но будто ничего не знающій боится, какъ бы не встрѣтить чего неис-

правнаго у нихъ. *Не яцѣхъ же хощу обрящу васъ*, т.-е. разстроенными и повредившимися (въ нравѣ и мысляхъ), а вслѣдствіе того и самъ буду въ необходимости показаться вамъ такимъ, *якова же не хощете*, т.-е. строгимъ наказателемъ тѣхъ, которые окажутся неисцѣльно больными" (Экум.). „Онъ могъ бы сказать: каковымъ я самъ не хочу обрѣстись у васъ, и тѣмъ показать свою любовь; но не хочетъ, чтобы ослабѣвалъ слушатель; притомъ и рѣчь его въ такомъ случаѣ была бы гораздо строже. А теперь онъ и имъ сильнѣе далъ почувствовать, и себя явилъ болѣе кроткимъ. Ибо благоразумію свойственно дѣйствовать такъ, чтобы и рана была глубже, и ударъ легче" (св. Злат.).

Чего же именно не хотѣлъ бы онъ встрѣтить у нихъ? Разлада и дѣлъ похотныхъ. О разладѣ говоритъ въ этомъ стихѣ, о похотныхъ дѣлахъ въ слѣдующемъ.

Да не како (будутъ) рвенія, ἔριϛ, споры, рвенія поставить на своемъ, усилія переговорить всѣхъ, подъ чѣмъ всегда кроется презорство не только къ мнѣніямъ другихъ, но и къ нимъ самимъ: знать никого не хочу;— *зависти*, ζῆλοι, завистваніе, извращенное соревнованіе,—первая дщерь самомнѣнія и гордости, когда не имѣя силъ стать наравнѣ или перевысить другихъ, резсѣдаются отъ досады, зачѣмъ тѣ таковы и такъ у нихъ все идетъ успѣшно; *ярости*, θυμοι, серчанія, вспышки гнѣва и раздраженія, при столкновеніяхъ съ другими не въ свою пользу, находящія и отходящія, потому что случайное разгоряченіе самолюбія преобѣждается симпатическимъ строемъ сердца; но есть опасность, что частыя серчанія могутъ превратиться въ постоянное, которое есть злая ненависть; — *рети*, ἐριθειαι, ретивости, „когда кто вызываетъ другаго на состязаніе въ какомъ-либо дѣлѣ" (Ѳеоф.), или изъ всѣхъ силъ напрягается перегнать другихъ, и оста-

вить ихъ позади себя, причемъ конечно не дѣлается строгаго разбора въ средствахъ и мало обращается вниманіе на то, будетъ ли отъ этого какое благо ссбѣ, или другимъ:—*клеветы,* καταλαλιαι, оглаголанія; не осужденіе только, которое тайно въ сердцѣ строится, но и разглашеніе языкомъ худа про другихъ, безъ увѣренности въ истинѣ того, а по одной догадкѣ, нерѣдко же и по злонамѣренной лжи; *шептанія,* ψιθυρισμοι, робкая клевета, которая, не смѣя говорить открыто, нашептываетъ худое о другихъ на ухо людямъ болѣе вліятельнымъ, которые могутъ, если повѣрятъ, сдѣлать что-либо непріятное тому, о комъ рѣчь: тутъ умѣстнѣе ложная клевета (Ѳеоф.); *киченія,* φυσιωσεις, — надутость, спѣсивость, высокосердость, когда не разбирая, есть ли какія достоинства, высятся надъ другими и презорливо къ нимъ относятся, не скрывая даже того: это мыльный пузырь; — *нестроенія,* ακαταστασιαι, неустройства, разстройства, когда все не на своемъ мѣстѣ, — прямое слѣдствіе всего предыдущаго. Св. Златоустъ всѣ эти недобрыя дѣянія производитъ изъ одной зависти, говоря: „все сіе: клеветы, обвиненія, разногласія, порождено было завистію; зависть, какъ вредный корень, произращала раздраженіе, осужденіе, высокоуміе, а чрезъ нихъ и сама возрастала.“

Въ первомъ посланіи, начиная обличеніе Коринѳянъ. Апостолъ говоритъ: *рвенія въ васъ суть* (1, 11). Изъ-за какихъ-то пустыхъ соображеній начали они раздѣляться на партіи, становясь подъ знамена немногихъ выдававшихся среди ихъ личностей: отсюда пошли распри, противодѣйствія и нестроенія (1, 10). Вразумивъ ихъ, какъ слѣдуетъ, въ первомъ посланіи и узнавъ отъ Тита, что его вразумленіе не осталось безъ вліянія, предполагая однакожъ, что можетъ быть и еще есть остатки того нестроенія, снова убѣждаетъ, чтобъ подобнаго

ничего даже и слѣдовъ не осталось среди ихъ, пригрозивъ напередъ, что онъ не будетъ смотрѣть на это снисходительно.

Ст. 21. *Да не паки пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ и не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи и студоложствіи, яже содѣяша.*

Второй предметъ, въ которомъ св. Павелъ обличалъ въ прежнемъ посланіи Коринѳянъ, было блуженіе, котораго не встрѣтишь и среди язычниковъ. Писалъ онъ особенно объ этомъ студодѣяніи; но какъ онъ и послѣ дважды повторялъ уроки о воздержаніи отъ блудныхъ дѣлъ и пространно излагалъ правила жизни для брачныхъ и безбрачныхъ, то можно предполагать, что среди Коринѳянъ Апостолъ зналъ не одного того грѣшника, въ этомъ родѣ грѣшности виновнаго, но многихъ, и что, пиша строгій приговоръ противъ одного, онъ имѣлъ въ виду отрезвить и всѣхъ прочихъ. Дѣйствіе отрезвленія началось, надо предполагать, и было замѣчено св. Титомъ и возвѣщено св. Павлу. Но какъ въ отношеніи къ раздѣленіямъ, такъ и здѣсь, Апостолъ не безъ основанія могъ думать, что остаются еще неисправившіеся, съ которыми придется возиться ему самому, чтобъ поставить ихъ въ должный чинъ,—что не можетъ обходиться безъ непріятностей для него и для нихъ. Желая избѣжать этой скорбной необходимости, онъ побуждаетъ неисправныхъ, чтобъ исправились сами до его прихода, и обставляетъ это внушеніе самыми трогательными представленіями, говоря: *да не смиритъ меня Богъ у васъ.* Чѣмъ? Тѣмъ, если буду имѣть необходимость оплакивать согрѣшившихъ нечистотою, блуженіемъ и студоложствіемъ, и непокаявшихся. Онъ говоритъ какъ-бы: что согрѣшили, ужъ что дѣлать? Не воротишь; но то горько, если я найду согрѣшившихъ

не покаявшимися и упорно остающимися въ нераскаяніи. Съ таковыми что дѣлать? Хоть и жаль, а придется отсѣкать отъ тѣла церкви: ибо въ церкви нетерпимы упорные грѣшники. Вотъ и плакать буду. И плакать буду, а все же отсѣчь ихъ необходимо будетъ, если не покаются. Этимъ-то смиритъ меня Богъ у васъ. Срамно мнѣ будетъ и предъ собою, и предъ Богомъ, и предъ людьми, что хвалился вами предъ ними и въ себѣ, а между тѣмъ буду вынужденъ такъ поступить съ вами. Чтобъ не быть мнѣ въ такомъ посрамленіи и въ такой горести, и пишу вамъ все, съ желаніемъ, чтобъ у васъ все пришло въ должный порядокъ, и всѣ стали въ свой чинъ, и я, пришедши къ вамъ, только радовался и веселился о вашемъ благообразіи и благоуспѣяніи.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Видишь-ли, какъ онъ выказываетъ и негодованіе, и отеческое сердоболіе? Что же значитъ слово: *смиритъ?* Обвинять, наказывать, требовать отчета, представлять лицо судіи составляетъ повидимому славу; а онъ называетъ сіе смиреніемъ. Онъ не только не стыдился того, что пришествіе тѣла его было немощно и слово уничиженно, но даже желалъ всегда быть таковымъ и просилъ, чтобы не дойти до противнаго состоянія. О семъ яснѣе говоритъ въ продолженіи рѣчи. И дойти до необходимости наказывать другихъ почитаетъ для себя наибольшимъ униженіемъ. Почему же не сказалъ: да не пришедъ смирюся, но—*да не пришедша смиритъ мя Богъ мой?* Еслибы сіе было не для Бога, говоритъ онъ, я не обратилъ бы на то вниманія, не позаботился бы о томъ. Ибо не самовластно и не самовольно налагаю наказаніе, но по Божію повелѣнію. Выше онъ то же самое выразилъ, сказавъ: *обрящуся, яковаже не хощете,* а здѣсь ослабляетъ рѣчь и говоритъ съ большею сни-

сходительностію и кротостію: и *восплачуся многихъ согрѣшшихъ,* не просто согрѣшившихъ, но—*не покаявшихся.* И не сказалъ: всѣхъ, но *многихъ;* даже не объявляетъ имена сихъ многихъ, доставляя тѣмъ удобство придти имъ въ раскаяніе; давая знать, что покаяніе можетъ исправить ихъ преступленія, оплакиваетъ только нераскаявающихся, неисцѣльно больныхъ, остающихся въ язвахъ. Итакъ, представь себѣ, какова добродѣтель Апостола? Не зная за собою ничего худаго, онъ плачетъ о чужихъ грѣхахъ, и смиряется преступленіями другихъ. Ибо въ томъ особенно состоитъ долгъ учителя, чтобы соболѣзновать о несчастіяхъ учениковъ, чтобы оплакивать и рыдать о язвахъ людей, ему подначальныхъ."

Гл. 13, ст. 1. *Третицею се гряду къ вамъ: при устѣхъ двою или трiехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Втор. 17, 6).

Свидѣтелями называетъ свои личныя увѣщанія и письменныя внушенія. Какой же глаголъ станетъ при сихъ свидѣтеляхъ? Слово угрозы противъ васъ: оно станетъ наконецъ, будетъ непремѣнно приведено въ исполненіе. Такъ св. Златоустъ, и другіе. Экуменій подъ тремя свидѣтелями разумѣетъ три личныя увѣщанія, и три не личныя. Будто такъ: былъ дважды, въ третій разъ иду. Это будутъ три свидѣтеля. Также—писалъ въ первомъ посланіи, напоминалъ чрезъ Тита, и вотъ еще напоминаю въ этомъ второмъ посланіи. Это еще три свидѣтеля. Сходясь по-парно, они усиливаютъ значеніе свидѣтельствъ. — *Третицею гряду,* какъ и въ предыдущей главѣ: *се третiе готовъ есмь пріити* (—ст. 14). Наши толковники не опредѣляютъ, какъ этотъ счетъ выйдетъ, не указываютъ, т.-е. когда было второе посѣщеніе св. Павломъ Коринѳа. Оставимъ это и себѣ безъ опредѣленія: ибо та догадка, что во второй разъ

былъ Апостолъ въ Коринѳѣ прямо изъ Ефеса, какъ полагаютъ иные, очень неудобна и возмущаетъ весь порядокъ событій. Удобнѣе предположить, что Апостолъ въ теченіе полутора года отлучался изъ Коринѳа, и опять къ нимъ возвратился, что можетъ быть почтено вторичнымъ пришествіемъ къ нимъ. Нельзя не замѣтить, что въ настоящемъ мѣстѣ—*третицею гряду*, по ходу рѣчи, имѣетъ большое различіе отъ—*се третіе готовъ есмь пріити* предыдущей главы. Тамъ говорится, что въ третій разъ идетъ и не будетъ стужать имъ: чего нельзя не относить къ личному его присутствію. А здѣсь говорится о троекратномъ свидѣтельствѣ и затѣмъ только поминается: *се третицею гряду*. По ходу рѣчи предметъ этихъ случаевъ одинъ—угрозы за неисправность. Слѣдовательно къ первому посѣщенію это не идетъ. Угрозы начались съ перваго посланія, напомянуты были Титомъ и вотъ напоминаются теперь въ третій разъ. Не это ли и значитъ въ настоящемъ мѣстѣ: *третицею гряду*..., т.-е. въ третій разъ идетъ къ вамъ угроза.—Затѣмъ прибавляетъ: *аще пріиду паки*. Если послѣ этого приду, и найду васъ неисправными,—не просите милости, *не пощажду*. Если это предположеніе принять, то нельзя ли и то положить, что второе пребываніе было не что иное, какъ первое посланіе, въ которомъ онъ писалъ, что при объявленіи приговора о кровосмѣсникѣ, онъ будетъ у нихъ духомъ такъ-же дѣйствительно, какъ-бы былъ тѣломъ (—5, 3)? Тогда счетъ опредѣлился бы проще, и не было бы необходимости строить предположенія, которыхъ негдѣ помѣстить.

Ст. 2. *Прежде рѣхъ и предглаголю, яко у васъ бывъ второе, и отсутствуя нынѣ пишу прежде согрѣшившимъ и прочимъ всѣмъ, яко аще пріиду паки, не пощажду.*

Св. Златоустъ говоритъ на оба эти стиха слѣдую-

щее: „любомудріе Апостола Павла и его отеческое сердоболіе можно видѣть изъ многаго другаго, а преимущественно изъ того, что онъ въ угрозахъ обиленъ и строгъ, а въ наказаніяхъ тихъ и медлителенъ. Ибо не тотчасъ наказывалъ согрѣшившихъ, но двукратно увѣщавалъ ихъ; даже и преслушавшихъ его увѣщанія не наказываетъ, но опять увѣщаваетъ, говоря: *се третицею гряду къ вамъ*, а до пришествія пишу еще посланіе. А чтобы медленность не произвела безпечности, смотри, какъ и сіе предотвращаетъ, непрестанно угрожая, напрягая ударъ и говоря: *аще прiиду паки, не пощажду*. Такъ поступаетъ онъ и говоритъ, подражая въ семъ Господу всѣхъ. Ибо и Богъ, хотя непрестанно угрожаетъ, и многократно увѣщаваетъ, но не часто наказываетъ. Такъ поступаетъ и Апостолъ. *Третицею*, говоритъ, *се гряду къ вамъ: при устѣхъ двою или трiехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ*. Вмѣсто свидѣтелей представляетъ онъ свое неоднократное присутствіе въ Коринѳѣ и свои увѣщанія. Слова его имѣютъ такое значеніе: разъ и другой говорилъ я вамъ, приходивши къ вамъ, а теперь говорю на письмѣ. И если вы послушаете меня, то исполнено мое желаніе; если же не послушаете, то надобно уже будетъ исполнить сказанное мною и наложить наказаніе. Ибо ежели *при устѣхъ двою или трiехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ;* а я уже два раза былъ у васъ и говорилъ вамъ, теперь же говорю на письмѣ, то мнѣ надобно будетъ сдержать свое слово. Не думайте, чтобы посланіе мое къ вамъ было маловажнѣе личнаго моего у васъ присутствія. Какъ бывъ у васъ я говорилъ, такъ и находясь въ отсутствіи пишу. Видишь ли отеческую попечительность Апостола? Видишь ли, каково его ученіе, и какая подобающая учителю благопромыслительность? Онъ и не смолчалъ, и не наказалъ; нѣсколько разъ уже предва-

ряетъ, и не перестаетъ грозить, но наказаніе откладываетъ. Если же и послѣ сего не исправятся, тогда уже угрожаетъ дѣйствительнымъ наказаніемъ. Что же ты прежде говорилъ, бывъ въ Коринѳѣ, и что пишешь теперь, находясь въ отсутствіи?—*Яко аще паки пріиду, не пощажду.* Сперва сказалъ, что не можетъ сего сдѣлать, если не будетъ къ тому принужденъ; и необходимость наказывать назвалъ плачемъ и смиреніемъ для себя; даже оправдывался предъ ними, что уже разъ, и два и три предварялъ ихъ, что все дѣлаетъ и придумываетъ, какъ бы обойтись безъ наказанія и исправить ихъ словесными только угрозами; наконецъ уже произноситъ сіи грозныя слова, и говоритъ: *аще паки пріиду, не пощажду.* Не сказалъ: отмщу, накажу, предамъ истязанію, но и о самомъ наказаніи выражается отечески, показывая свою любовь и сострадательность къ нимъ, по которымъ, щадя ихъ, доселѣ отлагалъ наказаніе. И только вынужденъ будучи, говоритъ: *не пощажду;* т.-е. не отложу уже наказанія, ежели,—чего не дай Богъ,—найду васъ неисправившимися, но непремѣнно накажу, и исполню что сказалъ. Это прибавилъ онъ наконецъ, чтобъ и теперь не подумали, что наказаніе опять будетъ отложено и угрозы только на словахъ."

Ст. 3. *Понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа, Иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ.*

Приводитъ причину, почему *не пощадитъ*, и показываетъ, что сами они заставляютъ его такъ, а не иначе поступить. Онъ говоритъ какъ-бы имъ: такъ сами вы поставили вопросъ, что мнѣ, если не исправитесь, неизбѣжно не пощадить васъ, а явить на васъ данную мнѣ Апостольскую власть и силу Христову во мнѣ дѣйствующую. У васъ начали говорить о мнѣ: немощенъ онъ тѣломъ и слово его не сильно, наводя такимъ образомъ и на самое ученіе, мною преподаваемое,

будто и оно не Христово. Итакъ, поелику такъ у васъ поговариваютъ о мнѣ, то не яви я у васъ строгости Апостольской, вы въ самомъ дѣлѣ утвердитесь въ такихъ мысляхъ, а это крайне повредитъ дѣлу Евангелія и вашему спасенію. Итакъ одно изъ двухъ: или исправляйтесь, или я долженъ буду не пощадить васъ, властно только отсѣкая непокоривыхъ отъ Церкви или поражая ихъ и прямою какою карою, какъ поразилъ слѣпотою волхва Елиму въ Кипрѣ.—И увидите вы тогда осязательно, что во мнѣ и говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ Господь.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „поелику вы хотите испытать, обитаетъ ли во мнѣ Христосъ, требуете отъ меня доказательствъ, и потому смѣетесь надо мною, какъ надъ человѣкомъ низкимъ и презрѣннымъ, не имѣющимъ въ себѣ силы Христовой, то узнаете, что я не лишенъ оной, если подадите къ тому случай, чего впрочемъ не желаю. Говоритъ такъ, выражая свое негодованіе и желая дать почувствовать сіе тѣмъ, которые его презирали. Я не хочу, говоритъ онъ, показать надъ вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай и захотите вызвать меня на то, то узнаете сіе на самомъ дѣлѣ.“

Иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ. Тамъ сказалъ: я долженъ буду показать надъ вами силу и власть Христову; потому что вы желаете видѣть опытное удостовѣреніе, что Онъ во мнѣ говоритъ и дѣйствуетъ. Итакъ вы увидите во мнѣ силу Христа,—*Иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ*, который не немощенъ есть въ васъ,—*οὐκ ἀσθενεῖ*, но мощенъ есть,—*ἀλλὰ δυναται*. Указываетъ на испытанную Коринѳянами силу Христову, и притомъ, что она продолжаетъ еще явною быть среди ихъ. Цѣль же, для чего это прибавилъ Апостолъ, или та, чтобы усилить у нихъ страхъ, какъбы говоря: а какъ Христосъ мощенъ, вы это знаете,

испытали и испытываете. Потому, подразумѣвается, поостерегитесь раздражать силу Его на кару себѣ. Или та, чтобы пристыдить ихъ, внушая, что имъ и не слѣдовало подвергать его такому опыту; потому что если Христосъ мощенъ есть въ нихъ, то не по чьему посредству, какъ самого св. Павла. Если Христосъ мощенъ въ васъ, говоритъ какъ-бы онъ, то не стыдно ли вамъ искушать глаголющаго и дѣйствующаго во мнѣ Христа, когда вы познали Христа и вступили съ Нимъ въ общеніе чрезъ меня?

Вотъ мнѣнія объ этомъ нашихъ толковниковъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ переноситъ здѣсь рѣчь отъ себя ко Христу, дабы угрозы сдѣлать болѣе страшными. Слова его имѣютъ такой смыслъ: если и сдѣлаю, что накажу согрѣшающихъ, то развѣ я буду наказывать ихъ? Накажетъ Христосъ, Который во мнѣ живетъ. Христову же силу вы знаете. Онъ не *изнемогаетъ, но можетъ въ васъ*. Для чего Апостолъ прибавилъ—*въ васъ*, когда Христосъ вездѣ силенъ? Захочетъ ли наказать невѣрныхъ или кого другаго, Онъ все можетъ. Что же значитъ сіе прибавленіе? — Апостолъ или хочетъ сильнѣе пристыдить ихъ тѣмъ, что они сами уже испытали, или выражаетъ то, что Христосъ и теперь показываетъ силу въ нихъ.“ Фотій у Экуменія пишетъ: „Искусить хотите, Христосъ ли говоритъ во мнѣ, смотря на меня, какъ на такого, который пустъ отъ Христа, хотите искусить глаголющаго во мнѣ Христа, между тѣмъ какъ явно знаете силу Его во мнѣ. Самое это покушеніе—искусить во мнѣ силу Христову—есть грѣхъ. Ибо искушать это, особенно послѣ такихъ (проявленій ея), есть дѣло неблагодарныхъ, невѣрныхъ и непостоянныхъ. Такимъ образомъ очевидно, что эти слова суть слова грозящаго, — угрожательныя.“ Ѳеофилактъ говоритъ: „конечно, они прежде испытали

силу Христову. Итакъ Апостолъ говоритъ имъ, изъ того, какіе имѣли вы опыты (благодатные), знаете конечно, что Христосъ въ васъ не немощенъ, а силенъ.“— Какихъ же еще, дополнимъ сію рѣчь, вамъ опытовъ силы Его?

Ст. 4. *Ибо аще и распятъ бысть отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божія; ибо и мы немощствуемъ въ Немъ, но живи будемъ съ Нимъ отъ силы Божія въ васъ.*

Сказавъ, что Христосъ мощствуетъ въ Коринѳянахъ, напоминаетъ: а вѣдь Онъ былъ въ немощи, когда распятъ былъ; и это обстоятельство беретъ въ объясненіе того, о чемъ у него рѣчь къ нимъ. Онъ какъ-бы говоритъ: съ нами или въ насъ Апостолахъ тоже дѣйствуется, что во Христѣ Іисусѣ. Когда Онъ страдалъ и распинаемъ былъ, всѣ сочли Его не имѣющимъ никакой силы; между тѣмъ какъ смертію на крестѣ Онъ уничтожилъ силу смерти, и когда полагали Его во гробъ, разрушалъ адъ и изводилъ изъ него всѣхъ отъ вѣка содержимыхъ въ немъ; потомъ воскресъ и продолжаетъ съ силою дѣйствовать въ душахъ вѣрующихъ и въ устроеніи Церкви Своей на землѣ; и въ васъ Онъ мощствуетъ. Подобно сему и мы всѣмъ кажемся немощными, и гонятъ насъ, и раны намъ налагаютъ, и ни во что насъ ставятъ; но между тѣмъ сила Божія дѣйствуетъ чрезъ насъ всюду; она и въ васъ проявлена, и еще проявится, какъ не чаете. Мы будто замерли для васъ: оживемъ Христомъ, и вы испытаете эту живую Христову Божескую силу въ насъ. Разумѣетъ, когда пришедши къ нимъ и нашедши ихъ неисправными, вынужденъ будетъ дѣйствовать среди ихъ съ Апостольскою властію, которая есть сила Христова, въ немъ живущая.

Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ: *аще и распятъ бысть отъ немощи?* То, что хотя Христосъ благо-

изволилъ пострадать, что имѣло видъ немощи, но сіе не уменьшаетъ Его силы. Сила Его пребываетъ непобѣдимою, и имѣющее видъ немощи ни мало не повредило ей; но оно-то наиболѣе и показало Его крѣпость въ томъ, что и страданіе претерпѣлъ Онъ, и сила Его чрезъ то не сократилась. Итакъ, да не смущаетъ тебя слово *немощь*. Ибо и въ другомъ мѣстѣ Апостолъ говоритъ: *буее Божіе премудрье человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (1 Кор. 1, 25); хотя въ Богѣ нѣтъ ничего буіяго, ничего немощнаго, однакоже такъ нарекъ крестъ, изображая мнѣніе о немъ невѣрныхъ. Послушай, какъ самъ Апостолъ толкуетъ слова свои: *слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть* (1 Кор. 1, 18). Смотри, какъ вездѣ излагаетъ онъ мнѣніе невѣрныхъ, почитающихъ крестъ юродствомъ и немощію. Такъ и здѣсь говоритъ не о дѣйствительной немощи, но о воображаемой невѣрующими. Итакъ Апостолъ не то говоритъ, что Христосъ распятъ по немощи; да не будетъ сего! Ибо Онъ во всемъ показалъ, что могъ быть и не распятъ; показалъ: то повергнувъ ницъ на землю пришедшихъ съ Іудою (Ін. 18, 6), то помрачивъ солнце, то изсушивъ смоковницу, то ослѣпивъ очи хотѣвшихъ взять Его, и сотворивъ другія безчисленныя чудеса. Итакъ, выраженіе: *отъ немощи*, такъ понимай, что хотя Христосъ и былъ распятъ, претерпѣвъ бѣдствіе и навѣты, однако Онъ не понесъ никакого вреда. И все сіе Апостолъ сказалъ для того, чтобы примѣнить къ самому себѣ. Поелику Апостолы были гонимы, преслѣдуемы, презираемы, и Богъ не отмщалъ за нихъ, и сами они не вступались за себя; то вразумляя, что терпятъ все сіе не по немощи, и не потому, чтобы не могли отмстить за себя, указываетъ напримѣръ Господа. Ибо и Самъ Господь былъ распятъ, связанъ,

терпѣлъ безчисленныя мученія, но не мстилъ за Себя; напротивъ понесъ все, что казалось немощію, и въ этой немощи явилъ силу Свою; потому что не потерпѣлъ никакого вреда, хотя и не мстилъ и не вступался за Себя. Крестъ не пресѣкъ жизни Его, не воспрепятствовалъ воскресенію; напротивъ, Христосъ воскресъ и живетъ. А когда слышишь о крестѣ и о жизни, разумѣй сіе о домостроительствѣ спасенія; ибо о немъ идетъ сія рѣчь. Такъ, когда Апостолъ говоритъ: *отъ силы Божія*, то не разумѣетъ, что Христосъ не могъ Самъ оживотворить плоти Своей, а показываетъ только, что нѣтъ различія, сказать ли: силою Отца, или силою Сына. И потому сказавъ: отъ силы Божія, тоже сказалъ, что и своею силою. А что Христосъ дѣйствительно Самъ воздвигъ и воскресилъ плоть Свою, послушай какъ Онъ Самъ говоритъ о томъ: *разорите церковь сію, и тремя денми воздвигну ю* (Ін. 2, 19). Если же принадлежащее Ему называетъ принадлежащимъ Отцу; не приходи отъ сего въ смущеніе. *Вся бо*, говоритъ Онъ, *елика имать Отецъ, Моя суть* (Ін. 16, 15). И въ другомъ мѣстѣ: и *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (Ін. 17, 10). Посему, говоритъ Апостолъ, какъ Христосъ, бывъ распятъ, не потерпѣлъ никакого вреда, такъ и мы, когда насъ гонятъ и вооружаются на насъ, не терпимъ вреда. Потому и присовокупилъ: *ибо и мы немощствуемъ въ Немъ, но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божія*. Что значитъ: *немощствуемъ?* Подвергаемся гоненіямъ, притѣсненіямъ и терпимъ крайнія бѣдствія. А что значитъ: *въ Немъ?* То, что терпимъ за проповѣдь и за вѣру въ Него. Если же терпимъ за Него все скорбное и тягостное, то очевидно получимъ и радостное. Почему Апостолъ и говоритъ далѣе: *но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божія.*“

Послѣднія слова пополнѣе разъясняютъ Фотій у Экуменія и Ѳеофилактъ. Первый говоритъ: „*Живи будемъ съ Нимъ... въ васъ*. То-есть покажемся въ васъ живыми, не просто, но съ Самимъ Христомъ, имѣя жизнь отъ силы Его, коею и Онъ, поправъ смерть и разрушивъ адъ, воскресъ и живетъ. Жизнь же сія и сила есть наказательная для тѣхъ, которые дѣлаютъ дѣла лукаваго, какъ спасительная для тѣхъ, которые по грѣхамъ прибѣгаютъ къ покаянію. Сего-то ради, говоритъ, не презирайте насъ, видя насъ гонимыми и терпящими безчисленныя скорби. Такъ и Христосъ презрѣнъ былъ распинаемый, но воскресши сдѣлалъ все что хотѣлъ. И мы что терпимъ, ради Его терпимъ. Почему, хоть терпимъ, но какъ Онъ живъ и мощствуетъ, такъ и мы съ Нимъ, по Его благоволенію, и живы есмы и мощны сдѣлать въ васъ что хотимъ, и особенно въ васъ, потому что по причинѣ оказаннаго среди васъ непокорства имѣемъ многія праведныя причины противъ васъ.“ — Второй пишетъ: „Гонятъ насъ и преслѣдуютъ за Христа и проповѣдь о Немъ; но какъ Онъ не потерпѣлъ вреда, будучи навѣтуемъ, такъ и мы живы будемъ съ Нимъ, т.-е. окажемся непобѣжденными въ васъ, т.-е. ради вашей пользы. Но можетъ быть онъ и еще устрашаетъ ихъ, говоря какъ-бы: хотя и кажется вамъ, что мы немощны, но мы живы для васъ, т.-е. чтобы наказать васъ, если не исправитесь.“

Ст. 5. *Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Іисусъ Христосъ въ васъ есть? Развѣ точію чимъ неискусни есте.*

Апостолъ говоритъ какъ-бы: но что я доказываю вамъ, что во мнѣ Христосъ? Онъ и въ васъ есть. Итакъ, вмѣсто того, чтобы меня искушать, себя искушайте, въ вѣрѣ ли вы. Если вы въ вѣрѣ, то Христосъ въ васъ; если же Онъ въ васъ, тѣмъ паче во мнѣ.

Вотъ вамъ и удостовѣреніе, что во мнѣ говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ. Или не знаете, что Христосъ въ васъ? Въ васъ Онъ: *развѣ точію чимъ неискусни есте.* — *Неискусни, ἀδόκιμοι,* не выдерживаете пробы. Проба христіанъ — вѣра любовію споспѣшествуемая. Не выдерживаетъ пробы, кто или въ вѣрѣ храмлетъ, или въ жизни по вѣрѣ слабъ и скуденъ. Апостолъ говоритъ какъ-бы: если вы не выдерживаете такой пробы, то конечно въ васъ и Христа нѣтъ. Отсюда такое наведеніе: осмотритеся, не потому ли и во мнѣ искушаете глаголющаго Христа, что сами Его потеряли. Еслибъ имѣли Его, не смогли бы сомнѣваться, что Онъ и во мнѣ: ибо вы чрезъ меня Его познали. Такимъ образомъ слова: *себе искушайте,* вели и къ тому, чтобы, нашедши въ себѣ Христа, удостовѣриться, что Онъ и во св. Павлѣ, и къ тому, чтобъ, не нашедши Его, возскорбѣть о томъ и озаботиться снисканіемъ Его, что опять привело бы къ томуже, т.-е. чтобъ удостовѣриться, что Онъ есть, говоритъ и дѣйствуетъ и въ св. Павлѣ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Что мнѣ говорить о себѣ, учителѣ, который имѣю столько попеченій, которому ввѣрена цѣлая вселенная, который сотворилъ столько чудесъ? И вы сами, находящіеся въ числѣ учениковъ, если захотите испытать самихъ себя, усмотрите, что Іисусъ Христосъ обитаетъ и въ васъ. Если же въ васъ, то тѣмъ паче въ учителѣ. Ибо если имѣете вѣру, то Христосъ въ васъ. Мнѣ кажется, что Апостолъ говоритъ здѣсь о вѣрѣ чудодѣйствующей; потому что вѣрующіе въ то время чудодѣйствовали. Если вы имѣете, говоритъ онъ, такую вѣру, то Христосъ въ васъ, развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть. Здѣсь, кажется, Апостолъ указываетъ Коринѳянамъ и на жизнь. Поелику одна вѣра недостаточна къ полученію духовной

силы, а онъ сказалъ, что если вы пребываете въ вѣрѣ, то имѣете въ себѣ Христа, между тѣмъ какъ многіе, имѣя вѣру, не имѣли силы чудодѣйственной, то разрѣшая недоумѣніе, говоритъ: *развѣ точію чимъ неискусни есте*, т.-е. развѣ порочна жизнь ваша. Но не говоритъ такъ прямо, чтобъ не оскорбить ихъ, а слегка намекаетъ на сіе; не говоритъ утвердительно: вы неискусны, а представляетъ будто не совсѣмъ возможный у нихъ случай: *развѣ точію.*“

Блаженный Фотій у Экуменія другіе оттѣнки мыслей находитъ въ этихъ словахъ Апостола: „Не подвергаете ли вы чрезъ то пробѣ свою собственную вѣру? Не заставляете ли искать подтвержденія, въ вѣрѣ ли вы? Ибо искать искушенія глаголющаго во мнѣ Христа и не быть твердо убѣждену, что въ учителѣ говоритъ Христосъ — что другое значитъ, какъ не искушать и себя самихъ, вѣрные ли вы, какъ не сомнѣваться въ себѣ самихъ? Это значитъ даже болѣе, — не знать совсѣмъ, что въ васъ Христосъ. Ибо если въ учителѣ нѣтъ Христа, то тѣмъ болѣе въ ученикахъ. Но какъ же, говоритъ, вы не знаете, что Христосъ въ васъ, когда Онъ обогатилъ васъ разными дарами благодатными? Или представивъ себя неискусными въ дѣлахъ (худо живя), вы и ихъ потеряли? Этимъ онъ хочетъ еще сказать: если вы приняли и имѣете благодатную силу на духовъ нечистыхъ (если только, сдѣлавшись непотребными, не лишились ея), не тѣмъ ли паче я имѣю власть на тѣхъ, которые исполняютъ волю нечистыхъ демоновъ, если такіе имѣются среди васъ? Или такъ: во мнѣ искушенія ищете? Себя искушайте, потщательнѣе испытайте, въ вѣрѣ ли вы. Ужъ не отпали ли вы отъ нея; ибо иначе вѣроятно не стали бы искушать меня. Потомъ какъ-бы смягчая сильный укоръ, говоритъ: *или не знаете себе, яко Іисусъ Христосъ въ*

васъ есть. Какъ бы такъ: я такъ васъ понимаю, что въ васъ есть Христосъ. Если вы сами этого не знаете, ваша въ томъ вина. Смотрите, не стали-ль вы тѣмъ, чѣмъ не должно вамъ быть? Вмѣстѣ и пристыжаетъ онъ ихъ: если я признаю, что въ васъ Христосъ, развѣ точію неискусни есте; то какъ вы еще ищете искушенія Его во мнѣ пребыванія? Но какъ могли они знать, что Христосъ въ нихъ? Изъ знаменій, какія творили, если еще творили ихъ. Слова: *развѣ точію чимъ неискусни есте,* намекаютъ на худую жизнь. Если вы, говоритъ, и въ вѣрѣ находитесь, но не имѣете соотвѣтственной ей жизни, то вы неискусны и Христа въ васъ нѣтъ, и не показываетъ уже Онъ присутствія Своего среди васъ чрезъ знаменія.“

Ст. 6. *Уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмы неискусни.*

Рѣчь будто такъ течетъ: еслибъ вы не стали неискусными, то знали бы, что Христосъ въ васъ, а отъ себя и о насъ заключили бы, что и въ насъ Христосъ. Но поелику, какъ видится, такъ объ васъ судить нельзя, то приходится мнѣ инымъ образомъ доказывать, что во мнѣ Христосъ, что я не сталъ неискусенъ, какъ вы, и не лишился присутствія во мнѣ силы Христовой. Уповаю, что это вы узнаете дѣломъ, когда т.-е. я приду и карательно отнесусь къ виновнымъ. „И здѣсь опять великая угроза, большой страхъ. Поелику хотите, чтобы я доказалъ вамъ сіе, наказавъ васъ, то мы въ состояніи дать вамъ такое доказательство. Впрочемъ онъ не такъ говоритъ, но съ большею строгостію и угрозою: *уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмы неискусни.* Вамъ и безъ сего, говоритъ онъ, надлежало знать нашу силу и то, что въ насъ говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ. Но поелику хотите испытать сіе на самомъ дѣлѣ, то узнаете, *что мы*

нѣсмы неискусни“ (св. Злат.). „*Нѣсмы неискусни,* не лишились мы дара знаменій, и силы благодатной, или не растлили мы жизни своей, чтобъ Христосъ выселился изъ насъ, но Онъ въ насъ при благоискусной жизни нашей, и покараетъ не слушающихъ насъ“ (Ѳеоф.).

Ст. 7. *Молимся же Богу, не сотворити вамъ ни единаго зла: не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будемъ.*

Слова: *нѣсмы неискусни*, однозначительны со словами: мы можемъ явить дѣйствующую въ насъ силу Христову карательнымъ судомъ надъ согрѣшившими и не покаявшимися. Но, говоритъ Апостолъ, въ такомъ проявленіи власти и силы или искусства нашего мы не находимъ удовольствія; оно не составляетъ предмета нашихъ желаній. Напротивъ, мы молимъ Бога, чтобъ не быть намъ въ необходимости произвесть въ васъ какую-либо кару, наложить на васъ какое-либо наказаніе, непріятное для васъ; желаемъ лучше, чтобы вы, покаявшись и исправившись, добро чрезъ то сотворили и тѣмъ отняли у насъ поводъ являть себя сильными силою Христовою или искусными. Пусть лучше мы останемся неискусными, нежели вамъ потерпѣть что отъ насъ, хоть и по справедливости.

Св. Златоустъ говоритъ: „поелику угрозу простеръ далеко, наказаніе такъ сказать поставилъ у самыхъ дверей, привелъ Коринѳянъ въ трепетъ и заставилъ ожидать казни, то смотри, какою сладостію опять растворяетъ слово свое, какъ умѣряетъ ихъ страхъ, сколько открываетъ въ себѣ невзыскательности, попечительности объ ученикахъ, любомудрія, высоты и нетщеславія. Все же сіе открываетъ въ слѣдующихъ словахъ: *молимся же къ Богу, не сотворити вамъ ни единаго же зла*, и проч. Гдѣ можно найти душу, подобную Павловой? Его презирали, уничижали, осмѣи-

вали, надъ нимъ издѣвались, какъ надъ человѣкомъ низкимъ, ничего незначащимъ, хвастливымъ, который величается только на словахъ, а на дѣлѣ нисколько не можетъ показать силы своей; а онъ не только медлитъ и не хочетъ наказывать, но еще молитъ Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. Прошу и молю Бога, говоритъ онъ, чтобы мнѣ не найти никого неисправившимся и нераскаяннымъ. И не только о семъ молю, но и о томъ преимущественно, чтобы вы не начинали грѣшить,—*не сотворити вамъ*, говоритъ, *ни единаго зла* (чтобъ вы никакого зла не дѣлали); а если согрѣшите, то чтобы вы спѣшили покаяться, предварили меня исправленіемъ и предотвратили гнѣвъ. Я забочусь не о томъ, чтобъ явиться предъ вами искуснымъ, но совершенно напротивъ, о томъ, чтобы не быть въ необходимости показать это искусство на самомъ дѣлѣ. Ибо, говоритъ, если вы пребываете во грѣхахъ нераскаянными, то необходимо нужно наказать васъ, подвергнуть истязанію ваши тѣла, какъ поступлено было съ волхвомъ (Дѣян. 13, 11), надъ которымъ мы явили опытъ силы своей. Но не о семъ молимся, а напротивъ, чтобы намъ не показывать себя искусными въ такомъ дѣлѣ, т.-е. чтобы не дѣлать опыта силы, какая въ насъ, наказывая васъ и истязуя согрѣшившихъ и болящихъ неисцѣльно. Но о чемъ же молимся? *Да вы доброе сотворите;* молимся, чтобы вы всегда пребывали въ добродѣтели, всегда были исправны; *мы же, яко неискусни будемъ*, не обнаруживая въ себѣ карающей силы (Христовой). И не сказалъ: мы неискусни будемъ; ибо не сталъ бы неискусенъ, хотя бы и не наказывалъ: напротивъ, чрезъ сіе и показалъ бы себя искуснымъ. Но хотя нѣкоторые, говоритъ, и почитаютъ насъ презрѣнными и недостойными уваженія, потому что не показываемъ силы своей; однако я ни

мало о томъ не забочусь. Лучше намъ навлечь на себя отъ нихъ такое мнѣніе, нежели данную намъ отъ Бога силу являть въ наказаніи людей, ожесточенныхъ сердцемъ."

Ст. 8. *Ничтоже бо можемъ на истину, но по истинѣ.*

„Ибо если идете путемъ, какимъ и слѣдовало (истиннымъ), то какъ можемъ показать карательную силу?" (Ѳеод.). „Чтобъ не показаться дѣлающимъ сіе (т.-е. вышеизложенную молитву и уступку) изъ угожденія, что чуждо для духа, не знающаго тщеславія, — а напротивъ, показать, что дѣлаетъ то, чего требуетъ самое свойство дѣла, Апостолъ сказалъ: *ничтоже бо можемъ на истину.* Если найдемъ васъ благоустроенными, сложившими съ себя грѣхи чрезъ покаяніе и имѣющими дерзновеніе къ Богу, то намъ, хотя бы и захотѣли, нельзя будетъ наказывать васъ; напротивъ, еслибы рѣшились на то, Богъ не будетъ намъ содѣйствовать. Ибо Онъ для того далъ намъ силу, чтобы мы произносили приговоръ вѣрно, праведно, а не вопреки истинѣ. Видишь ли, какъ вездѣ смягчаетъ слово свое и умѣряетъ тяжесть угрозы?" (св. Злат.).

Ст. 9. *Радуемся бо, егда мы немощствуемъ, вы же сильни бываете: о семъ же и молимся, о вашемъ совершеніи.*

„Тому особенно радуемся, когда не имѣемъ нужды наказывать васъ, видя, какъ вы благоугождаете Богу; когда не находимъ, чтобы вы подавали намъ причину показать силу нашу въ наказаніи васъ. И хотя и чрезъ то явились бы мы славными, искусными и сильными; но желаемъ противнаго, т.-е. чтобы вы были искусны и непорочны, а мы изъ того не пріобрѣли себѣ славы. Потому и говоритъ: *радуемся, егда мы немоществуемъ.* Что значитъ: *егда немоществуемъ?* Когда насъ почитаютъ немощными, не когда мы немощны, но когда почитаемся

немощными. А таковыми почитали Апостоловъ враги за то, что не являли карающей силы своей. Впрочемъ радуемся, говоритъ Апостолъ, когда вы такъ живете, что не подаете намъ повода наказывать васъ. И для насъ пріятно, что почитаютъ насъ въ семъ немощными, только бы вы были неукоризненны. Потому и прибавляетъ: *вы же сильни будете*, т.-е. искусны и тверды въ добродѣтели. И мы не только желаемъ, но и молимся о томъ, чтобы вы были непорочны, совершенны и не подавали намъ никакого повода (наказывать васъ). Подлинно отеческая любовь, спасеніе учениковъ предпочитать личной своей славѣ!“ (св. Злат.).

Ст. 10. *Сего ради не сый у васъ сія пишу, да не пришедъ безщадно сотворю по власти, юже Господь далъ ми есть въ созданіе, а не на разореніе.*

Вотъ цѣль, къ которой направлено было все, что говорилось въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи, 12, 19—13, 10. Если, говорилъ онъ, пришедши, найду неисправныхъ неисправившимися, *не пощажду*. Теперь же говоритъ: пишу же объ этомъ для того, чтобъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ не поступить у васъ *нещадно*. Никакого желанія нѣтъ у меня поступить такъ съ вами. „Желаю, чтобы строгость моя была только на словахъ, а не на дѣлѣ; желаю, чтобы посланія были строги; чтобы угрозы продолжались, но не приходили въ исполненіе“ (св. Злат.). Но чтобы такое желаніе мое исполнилось, надобно, чтобы вы во всемъ исправились и явились совершенными. Ибо не на поблажку вамъ говорю, что не хочу поступить съ вами нещадно, а чтобъ побудить васъ самихъ, самоохотно исправиться, а не отъ мѣръ карательныхъ. Вѣдайте, что *власть, юже даде ми Господь*, всегда присуща мнѣ. Она дана мнѣ *на созданіе, а не на разореніе*. Если я найду васъ неисправными, надобно будетъ исправлять васъ властно, и чрезъ то

созидать: ибо оставивъ васъ неисправными, я сдѣлаю послабленіе вамъ не на созиданіе, а на разореніе. Вы еще болѣе разстроитесь. Итакъ одно изъ двухъ: или исправьтесь, или ждите нещаднаго каранія васъ. Но все же вѣдайте, что я не желаю этого; но сдѣлаю такъ потому, что того требуетъ существо данной мнѣ власти. „Все оставилъ имъ самимъ на размышленіе“ (св. Злат.).

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

13, 11—13.

Ст. 11. *Прочее же, братіе, радуйтеся, совершайтеся, утѣшайтеся, тожде мудрствуйте, миръ имѣйте: и Богъ любве и мира будетъ съ вами.*

„Что значитъ *прочее же, братіе, радуйтеся?* Ты опечалилъ, устрашилъ, повергъ въ скорбь, заставилъ трепетать: какъ же велишь радоваться? Посему самому, говоритъ онъ, и повелѣваю радоваться. Ибо если вы съ своей стороны будете соотвѣтствовать тому, что я обязанъ сдѣлать съ своей стороны, то не будетъ препятствія къ радости. А съ моей стороны все сдѣлано: я долго терпѣлъ, медлилъ, не отлучалъ васъ, убѣждалъ, увѣщавалъ, устрашалъ, угрожалъ, чтобы какъ-нибудь произвести въ васъ плоды покаянія. Теперь вамъ должно сдѣлать свое дѣло; и радость ваша не помрачится“ (св. Злат.). Если исправятся, значитъ вступятъ на путь добродѣтели; „преуспѣвающимъ же въ добродѣтели свойственно духовное веселіе“ (Ѳеод.), независимо отъ внѣшняго благосостоянія. Можетъ быть и потому говоритъ: *радуйтеся,* что не всѣ были неисправны, и потому не всѣхъ страшила угроза. Ко всѣмъ же исправнымъ очень идетъ: *радуйтеся.* Радуйтеся, что вы христіане, увѣровали въ Господа, полу-

чили отпущеніе грѣховъ, благодать Духа приняли, освящающую васъ и на всякое добро укрѣпляющую, и имѣете несомнѣнную надежду, что, пребывъ вѣрными Господу, наслѣдуете вѣчноблаженное царство небесное. Какъ не радоваться, принявъ все сіе къ сердцу?!

Совершайтеся, „Будьте совершенны, и восполните, чего не достаетъ“ (св. Злат.). Се цѣль жизни! Вступившему во дворъ Христовъ, въ стадо Его, нельзя не радоваться, смотря на то, что получаетъ и что имѣетъ надежду еще получить. Но вступивши въ такой чинъ жизни, нельзя спать. Много дано, большее несравненно дастся. Но первое есть безусловный даръ; второе подусловный. Надо привнесть трудъ, обращая его на то, чтобъ отрѣзать несовершенное, и прилагать одно къ другому совершенное. Это и есть совершенствованіе себя самого.

Утѣшайтеся. „Такъ какъ искушеній много и опасности велики, то ищите утѣшенія другъ въ другѣ и въ насъ, и въ собственномъ исправленіи. Ибо если радость ваша отъ чистой совѣсти, и если вы совершенны, то ничего не достаетъ къ вашему благодушію и утѣшенію; ибо ничто не доставляетъ столько утѣшенія, какъ чистая совѣсть, хотя бы вы окружены были безчисленными искушеніями“ (св. Злат.).

Тожде мудрствуйте: „тѣснѣе связуйтесь единомыслiемъ, держитесь всѣ одного образа мыслей“ (Ѳеод.). „О семъ просилъ онъ и въ началѣ перваго посланія“ (св. Злат.). Можетъ быть это главное въ послѣднихъ краткихъ наставленіяхъ. Ибо они изъ пустаго увлеченія какими-то личностями начали-было расходиться между собою и группироваться въ партіи. Первое посланіе отрезвило ихъ. Они рѣшились исправиться. Надо было запечатлѣть это рѣшеніе, что и дѣлаетъ здѣсь Апостолъ.

Миръ имѣйте. „Случается, что люди тоже мудрствуютъ, однакоже не имѣютъ мира; напримѣръ, когда въ догматахъ вѣры согласны, но другъ противъ друга враждуютъ. Напротивъ Апостолъ Павелъ требуетъ здѣсь и единомыслія и согласія“ (св. Злат.). — *Миръ имѣйте.* Εἰρηνεύετε, мирствуйте, можетъ имѣть и всеобъемлющее значеніе, т.-е. и въ себѣ мирствовать, и съ Богомъ, а не только съ другими. Ѳеодоритъ такъ и пишетъ: „*миръ имѣйте* и съ нами, и другъ съ другомъ, а прежде всего со спасшимъ васъ Богомъ.“

И Богъ любве и мира будетъ съ вами. „Ибо видя сіи преспѣянія, Богъ сподобитъ васъ всякаго промышленія; потому что Онъ законоположникъ всего“ (Ѳеод.). „Не только увѣщаваетъ и совѣтуетъ имѣть миръ, но и молитъ о томъ Бога. Ибо онъ или молитъ здѣсь (т.-е. да будетъ съ вами Богъ мира), или предсказываетъ будущее (т.-е. что будетъ съ вами за показанныя доброты); а вѣрнѣе то и другое вмѣстѣ. Если, говоритъ, будете такъ поступать, т.-е. тожде мудрствовать и миръ имѣть между собою, то и Богъ будетъ съ вами. Потому что Богъ есть Богъ любви и мира. Сему Онъ радуется (т.-е. любви и миру), и о семъ веселится. Отсюда—отъ любви Его и въ васъ будетъ миръ. Отсюда избавленіе отъ всѣхъ золъ. Сія любовь спасла вселенную; она прекратила застарѣлую на землѣ вражду, она соединила землю съ небомъ, она содѣлала людей ангелами. Возлюбимъ же ее и мы: ибо любовь есть матерь безчисленныхъ благъ. Ею мы спасены, чрезъ нея получили неизглаголанныя блага“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ. Цѣлуютъ вы святіи вси.*

„*Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ;* то-есть, нельстиво, цѣломудренно, какъ члены другъ друга и тѣло Христово“ (Ѳеод.). „Что значитъ: *святымъ?* Не

притворнымъ и льстивымъ, какимъ Іуда лобызалъ Христа. Ибо на то и лобзаніе, чтобы возбуждало любовь, чтобы воспламеняло искреннее расположеніе, чтобы мы такъ любили другъ друга, какъ братья братьевъ, какъ чада отцевъ, и отцы чадъ, или еще и больше: ибо сія любовь есть естественная, а наша духовная. Чрезъ лобзаніе соединяются между собою души. Посему-то, возвращаясь изъ путешествій, цѣлуемъ другъ друга, когда души наши приходятъ во взаимное общеніе. Ибо уста особенно выражаютъ расположеніе души. Можно и еще нѣчто сказать о семъ лобзаніи святомъ. Что же такое? Мы храмъ Христовъ. Уста дверь сего храма, коею входилъ и входитъ къ намъ Христосъ, когда мы причащаемся. Причастники таинствъ! Вы понимаете, что говорю? Не простой чести сподобляются уста ваши, пріемлющія Тѣло Господне. Потому наипаче въ сіе время лобызаемъ другъ друга. Да слышатъ сіе срамно лобызающіеся, и да ужасаются при мысли, какъ они сквернятъ уста свои!“ (св. Злат.).

Цѣлуютъ вы святіи вси. „Въ одинъ съ ними составъ совокупилъ и всѣхъ вѣровавшихъ во вселенной“ (Ѳеод.). „Видишь ли, какъ онъ соединяетъ между собою всѣхъ дальнихъ и близкихъ, первыхъ посредствомъ Писанія, а послѣднихъ посредствомъ лобзанія?“ (св. Злат.).

Ст. 13. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и общеніе Святаго Духа со всѣми вами. Аминь.*

Спасеніе всѣхъ и каждаго совершается дѣйствомъ Пресвятыя Троицы нераздѣльнымъ. Разныя дѣйствія въ производствѣ нашего спасенія Слово Божіе именуетъ разными именами, и относитъ ихъ когда къ одному, когда къ другому, когда къ третьему Лицу Пресвятыя Троицы, чѣмъ показываетъ, что не распредѣляетъ ихъ по Лицамъ такъ, чтобы одно принадле-

жало исключительно одному, другое другому. Такъ и здѣсь „не въ означеніе раздѣльности выразился такъ Апостолъ, и не иное удѣлилъ Христу Господу, иное Отцу, иное же Духу; ибо неоднократно любовь приписывалъ онъ Духу, общеніе Сыну, благодать Богу Отцу. Такъ въ первомъ посланіи, приписавъ дѣйство Отцу (1 Кор. 12, 6), чрезъ нѣсколько словъ приписываетъ оное Духу (–11). Въ иномъ же порядкѣ поставилъ лица, не извращая порядокъ, указанный Господомъ (Мѳ. 28, 19), но научая, что иной порядокъ именъ не означаетъ инаковости естества, или силы, или разности достоинствъ“ (Ѳеод.). „Такъ все, принадлежащее Троицѣ нераздѣльно! И гдѣ общеніе Духа, тамъ и общеніе Сына, и гдѣ благодать Сына, тамъ благодать Отца и Св. Духа. Говорю сіе, не какъ смѣшивающій Ѵпостаси; нимало: напротивъ, знаю какъ то, чѣмъ онѣ различаются и раздѣляются, такъ и единство ихъ сущности“ (св. Злат.).

„Будемъ и мы и догматы сіи содержать со всею точностію, и привлекать къ себѣ любовь Божію. Ибо Онъ прежде возлюбилъ насъ, когда мы еще ненавидѣли Его; и примирилъ съ Собою, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочетъ любить насъ, уже любящихъ Его; будемъ же постоянно любить Его, чтобы и Онъ любилъ насъ. И если пользуясь любовію сильныхъ людей, для всѣхъ бываемъ страшны, то тѣмъ паче, когда будемъ въ любви у Бога. Если изъ любви къ Нему нужно будетъ отдать имущество, тѣло свое, даже самую душу; не пощадимъ сего. Ибо недостаточно свидѣтельствовать любовь свою къ Нему только на словахъ; нужно показать ее и дѣлами. Ибо Онъ Самъ явилъ Свою любовь къ намъ не словами только, но и дѣлами. Покажи и ты сіе на самомъ дѣлѣ и твори угодное Ему. Въ такомъ случаѣ самъ же ты опять получишь пользу; потому что Онъ ни въ чемъ нашемъ

не нуждается. То и служитъ особеннымъ доказательствомъ искренней любви Его къ намъ, что не нуждаясь въ нашей любви, все дѣлаетъ для того, чтобы мы Его любили. Посему и Моисей сказалъ: *что бо ищетъ Господь Богъ у васъ, точію еже любити Его, и готову быти еже ходити во слѣдъ Его* (Втор. 10, 12). Посему когда повелѣваетъ тебѣ любить Его, тогда наипаче показываетъ, что любитъ тебя. Ибо никогда не бываетъ столько надежно наше спасеніе, какъ когда любимъ Его“ (св. Злат.).

„Будемъ молиться и мы, чтобы сподобиться Апостольскаго благословенія и улучить обѣтованныя блага по благодати и человѣколюбію Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Съ Нимъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава и велелѣпіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь“ (Ѳеод.).

Изданія Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

Наши отношенія къ храмамъ. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1893 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 20 коп.

Небесный надъ нами покровъ святыхъ и уроки отъ лица ихъ во дни празднственнаго чествованія ихъ. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1893 г. Цѣна 25 к., съ пересылкой 30 коп.

О православіи, съ предостереженіями отъ погрѣшеній противъ него. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1893 г. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

Внутренняя жизнь. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1893 года. Цѣна 25 к., съ пересылкой. 30 к.

Богоугодная жизнь вообще. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1893 года. Цѣна 20 коп., съ пересылкой 25 коп.

На разные случаи. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1893 года. Цѣна 12 к., съ пересылкой 15 коп.

Девять словъ по случаю пожаровъ въ Тамбовѣ и губерніи Тамбовской. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1894 года. Цѣна 10 коп., съ пересылкой 14 коп.

Напоминаніе всечестнымъ инокинямъ о томъ, чего требуетъ отъ нихъ иночество. Слова Епископа Ѳеофана. Москва. 1892 года. Цѣна 25 к., съ пересылкой 35 коп.

Семь словъ въ недѣли приготовительныя къ посту и на первую недѣлю поста. Взято изъ писемъ о христіанской жизни. Епископа Ѳеофана. Москва. 1893 г. Цѣна 7 коп., съ пересылкой 10 коп.

Пять поученій о пути ко спасенію. Епископа Ѳеофана. Изданіе 3-е. Москва. 1894 г. Цѣна 5 коп., съ пересылкой 7 коп.

Четыре слова о молитвѣ. Епископа Ѳеофана. Изданіе 3-е. Москва. 1891 года. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

Слова на Господскіе, Богородичные и торжественные дни Егоже. Москва. 1883 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 р.

О покаяніи, причащеніи св. Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни. Слова егоже въ св. Четыредесятницу и приготовительныя къ ней недѣли. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

О совершенномъ обращеніи къ Богу отъ прелестей міра и грѣха. (Изъ словъ Епископа Ѳефана). Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 коп.

Четыре бесѣды по руководству книги «Пастырь» св. Ермы. Епископа Ѳеофана. Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

Всѣ вышеозначенныя книги и брошюры составляютъ **полное собраніе словъ и рѣчей** покойнаго преосвященнаго Епископа Ѳеофана.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе.

1) Поводъ къ написанію 3
2) Содержаніе посланія 8
3) Раздѣленіе 9
4) Время и мѣсто написанія 10

Предисловіе.

1) Надпись и привѣтствіе, 1, 1—2 13
2) Начало посланія, 1, 3—11 16

Часть первая—теоретическая, 1, 12—7, 16, Гдѣ 34

1) Апостолъ указываетъ причину перемѣны плана своего путешествія, 1, 12—2, 11 35
2) Бесѣдуетъ о высотѣ христіанскаго откровенія и всего домостроительства спасенія, 2, 12—7, 1. Именно. . . . 73
   а) О свойствахъ и дѣйствіяхъ христіанскаго откровенія, или Евангельской истины, 2, 14—4, 6. . . 77
   б) О томъ, что не смотря на высоту сего откровенія, носители сего являются смиренными и уничиженными, 4, 7—5, 10. 142
   в) И о томъ, какъ оно водворяется на землѣ и у Коринѳянъ, 5, 11—7, 1. 181
3) Изъявляетъ радости и утѣшенія, доставленныя ему возвращеніемъ Тита, и всѣмъ что сей видѣлъ въ Коринѳѣ, 7, 2—16 216

Часть вторая—практическая. О собраніи милостыни для бѣдныхъ Іерусалимскихъ братій, гл. 8 и 9 268

1) Сначала ревность къ сему дѣлу возбуждаетъ, 8, 1—15. 269
2) Сказываетъ потомъ, что по сему дѣлу посылаетъ къ нимъ св. Тита, и еще двухъ братій, 8, 16—9, 5 . . . 293
3) Наконецъ воодушевляетъ къ нескудному и охотному собранію милостыни, 9, 6—15 308

Стр.

Часть третья—защитительная. Распускали слухи, что св. Павелъ въ посланіи строгъ, а лицемъ къ лицу смиренъ. Противъ этого и пишетъ онъ 322

1) Я и въ лице бываю строгъ, какъ и въ посланіи, 10, 1—11. 324

2) Къ этому уполномочиваетъ меня мое Апостольское званіе,—которое и описываетъ, 10, 12—12, 18 показывая. 341

а) Какой отмѣренъ удѣлъ для его проповѣди, 10, 12—18. 342

б) Какъ въ Ахаіи проповѣдуетъ онъ туне, 11, 1—20. 349

в) Какими скорбями и лишеніями сопровождается его проповѣдь, 11, 21—32. 378

г) Какъ восхищенъ былъ до третьяго неба, 12, 1—10. 395

д) Какъ явны знаменія его Апостольства въ Коринѳѣ, 12, 11—18. 415

3) Вооруженный такою властію, приду, не пощажду, 12, 19—13, 10. 426

Послѣсловіе—13, 11—13 450

скаго Епископа Петра. (Большой томъ, около 700 стран.). Изд. 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. Переводъ Епископа Ѳеофана съ новогреческаго языка. Выпускъ первый. Изд. 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. Переводъ Епископа Ѳеофана съ новогреческаго языка. Выпускъ второй. Изданіе 2-е. Москва. 1890 г. Цѣна 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 20 к.

Преподобнаго отца нашего Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, поученіе душеполезное и спасительное о трезвеніи и молитвѣ, заключающее въ себѣ 202 главы. Изд. 6-е. Москва. 1890 г.; ц. 12 коп., съ пересылкой 16 коп.

Преподобный и Богоносный отецъ нашъ Нилъ, подвижникъ Сорскій, и уставъ его о скитской жизни, изложенный ректоромъ Костромской духовной семинаріи архимандритомъ (нынѣ Епископомъ) Іустиномъ. Изданіе 3-е. Москва. 1892 г. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

Востани спяй. Собраніе святоотеческихъ писаній, направленныхъ къ пробужденію человѣка отъ сна грѣховнаго для бодрствованія о Христѣ. Изданіе 4-е. Одесса. 1890 г. Цѣна 30 к., съ пересылкой 40 к.

Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи, или вниманіи въ сердцѣ къ Богу и истолкованіе молитвы Господней словами св. Отцевъ. Соч. Епископа Ѳеофана; изданіе 2-е. Москва. 1889 г.; цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкой 2 р.

Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима святогорца. Переводъ съ греческаго Епископа Ѳеофана. Изд. 2-е. Москва. 1892 г.; цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

Слова на Господскіе, Богородичные и торжественные дни. Еписк. Ѳеофана. Москва. 1883 г.; цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

О покаяніи, причащеніи св. Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни. Слова Епископа Ѳеофана въ св. Четыредесятницу и приготовительныя къ ней недѣли. Изданіе 3-е. Москва. 1890 г.; цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

Мысли на каждый день года, по церковнымъ чтеніямъ изъ Слова Божія. Сочиненіе Еписк. Ѳеофана. Изд. 2-е. Москва. 1890 г.; цѣна 80 к., съ пересылкой 1 р.

Что есть духовная жизнь, и какъ на нее настроиться. Письма Еп. Ѳеофана. Изданіе 3-е. Одесса. 1891 г.; ц. 75 к., съ пересылкой 1 р.

Письма о духовной жизни. Епископа *Ѳеофана*. Изд. 2-е. Москва. 1892 г.; цѣна 60 коп., съ пересылкой 80 коп.

Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни. Еп. Ѳеофана. Изданіе 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 80 коп.

Письма о христіанской жизни. (Выпуски первый и второй,—безъ приложенія втораго выпуска, которое издается особою книжкою). Епископа Ѳеофана. Москва. 1891 года. Цѣна 60 к., съ пересылкой 80 к.

Сборникъ аскетическихъ писаній, извлеченныхъ изъ патериковъ обители св. Саввы Освященнаго, что близъ Іерусалима, (взятъ изъ втораго выпуска писемъ о христ. жизни, гдѣ онъ составляетъ прибавленіе къ нимъ). Епископа Ѳеофана. Изд. 2-е. Москва. 1891 г. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

Начертаніе христіанскаго нравоученія. Епископа Ѳеофана. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1891 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Путь ко спасенію (краткій очеркъ аскетики). Третья часть начертанія христіанскаго нравоученія. Сочиненіе Епископа Ѳеофана. Въ 3-хъ отдѣлахъ. Изд. 7-е. Москва. 1894 г. Цѣна 75 к., съ пересылкой 1 р.

Псаломъ сто осмнадцатый, истолкованный Епископомъ Ѳеофаномъ. Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е. Москва. 1891 г. Цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкой 2 р.

Тридцать третій псаломъ, истолкованный имъ же. Изд. 2-е Москва. 1889 г. Цѣна 25 к., съ пересылкой 35 к.

Прологъ въ поученіяхъ. Поученія составлены примѣнительно къ житіямъ святыхъ, и словамъ св. Отцевъ и расположены по порядку мѣсяцевъ церковнаго года, отъ сентября на весь годъ; свящ. В. Гурьева. Изданіе второе дополненное. Москва. 1894 г. Цѣна 1 р. 70 к., съ пересылкой 2 р.

Епископа Ѳеофана. Толкованія посланій св. Апостола Павла:

къ Коринѳянамъ 1-е посл. Москва. Изд. 2-е. 1893 г. Ц. 1 р 80 к., съ перес. 2 р. 10 к.

къ Коринѳянамъ 2-е посл. Москва. Изд. 2-е. 1894 г. Ц. 1 р 40 к., съ перес. 1 р. 65 к.

къ Титу и Тимоѳею (пастырскія посланія). М. 1894 г. Ц. 1 р. 90 к., съ пер. 2 р. 40 к.

къ Ефесеямъ. Изд. 2-е. Москва. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

къ Галатамъ. Изд. 2-е. Москва. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 коп.

къ Солунянамъ 1 и 2 посл. и Филиппійцамъ. М. 1883 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

къ Колоссянамъ и Филимону. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

къ Римлянамъ, въ 2-хъ книгахъ. Изд. 2-е. М. 1890 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 60 к.

Цвѣтникъ духовный. Назидательныя мысли и добрые совѣты, выбранные изъ твореній мужей мудрыхъ и святыхъ. Въ 2-хъ частяхъ (около 500 стр.). Изданіе 3-е. Москва. 1889 г.; цѣна 1 р. 30 коп., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Черты дѣятельнаго благочестія по ученію святыхъ Отцевъ православной церкви. Изданіе 4-е. Одесса. 1890 г. Цѣна 50 к., съ пересылкой 70 коп.

Маргаритъ, или избранныя святоотеческія изреченія, руководящія къ вѣчному блаженству. (Преимущественно для монашествующихъ женскаго пола). Изданіе 4-е. Москва. 1893 г.; цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

Путеводитель по святому граду Іерусалиму и окрестностямъ его. Сочиненіе *почившаго іером. Арсенія*. При описаніи мѣстъ, запечатлѣнныхъ страданіями Спасителя міра, изложено въ возможной полнотѣ описаніе и самыхъ священныхъ событій, совершившихся на мѣстахъ этихъ, съ 23 рисунками и 22 политипажами. Изданіе 4-е. Москва. 1885 г.; ц. 75 к., съ пересылкой 1 р.

Вышній покровъ надъ Аѳономъ, или сказанія о чудотворныхъ, на Аѳонѣ прославившихся, иконахъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Съ 41 изображеніями чудотворныхъ иконъ. Описаніе иконъ этихъ и бывшихъ отъ нихъ благодатныхъ знаменій являетъ милосердіе Пресвятой Богородицы къ земному Ея удѣлу, св. Аѳонской Горѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ читателя съ замѣчательными событіями, совершившимися на св. Аѳонѣ отъ прославленныхъ чудотвореніями иконъ. Изд. 8-е, дополненное. Москва. 1892 г.; цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Аѳонскій патерикъ, или жизнеописанія святыхъ, на св. Аѳонской горѣ просіявшихъ, съ литографированнымъ изображеніемъ ихъ. Въ 2-хъ частяхъ. Изданіе 6-е. Москва. 1890 г. Цѣна 3 р. 20 к., съ пересылкой 3 р. 80 к. Книга эта вполнѣ знакомитъ съ Аѳонскими подвижниками древнихъ и среднихъ вѣковъ; въ ней описаны житія около ста св. угодниковъ Божіихъ.

Письма святогорца о святой горѣ Аѳонской, съ портретомъ автора и видомъ келліи его, съ приложеніемъ его біографіи и стихотвореній. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Москва. 1883 г., ц. за 4 части 3 р., съ перес. 3 р. 60 к.; за 3 части 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к., а за однѣ стихотвор. 75 к., съ перес. 1 р.

Путеводитель по св. Аѳонской горѣ и указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей, съ 29 видами монастырей и скитовъ и картою Аѳона. Изданіе 6-е. Москва. 1891 г.; ц. 75 к., съ пересылкой 1 руб.

Первое посѣщеніе св. Аѳонской горы Василіемъ Григоровичемъ—Барскимъ, имъ самимъ описанное. С. П. Б. 1884 г. Цѣна 30 к., съ пересылкой 40 к.

Второе посѣщеніе св. Аѳонской горы Василіемъ Григоровичемъ—Барскимъ, имъ самимъ описанное, болѣе подробное, съ 32-мя собственноручными его рисунками и картою Аѳонской горы. С. П. Б. 1887 г. Цѣна 5 р. съ пересылкою.

Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасенія. Еп. Ѳеофана. Изд. 2-е. Москва. 1889 г. Цѣна 20 к., съ перес. 25 коп.

Три слова о несеніи креста. Епископа Ѳеофана. Изданіе 3-е. Москва. 1893 г. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

Четыре бесѣды по руководству книги „Пастырь“ св. Ермы. Епископа Ѳеофана. Изд. 2-е. Москва. 1892 г. Цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

Пять поученій о пути ко спасенію. Епископа Ѳеофана. Изданіе 3-е. Москва. 1894 г. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

Кромѣ означенныхъ здѣсь книгъ издано Аѳонскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ еще много разныхъ мелкихъ книжекъ, брошюръ и листковъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ, особо отпечатанномъ.

Примѣчаніе: Пересылка книгъ по означеннымъ въ каталогѣ цѣнамъ возможна только на разстояніи не далѣе 2000 верстъ (слѣдовательно во всѣ губерніи *кромѣ Кавказа и Сибири*), а далѣе просимъ прибавлять на каждый *рубль* и за каждую 1000 верстъ еще по 10 копѣекъ.

Книги эти продаются:

Въ *С.-Петербургѣ:* на Ново-Аѳонскомъ подворьѣ, на углу Забалканскаго проспекта и 2-й роты Измайловскаго полка.

С.-Петербургскаго православнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, въ Александро-Невской Лаврѣ.

Въ Синодальной книжной лавкѣ, въ зданіи Св. Синода, на Петровской площади.

Въ книжномъ магазинѣ *И. Л. Тузова*. Садовая улица, Гостинный дворъ, №45.

Въ Москвѣ: Въ складѣ отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, на Петровкѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ.

А также въ магазинѣ Алексѣя Дмитріевича Ступина на Никольской улицѣ.

СКЛАДЪ изданія при Аѳонской часовнѣ св. великомученика Пантелеимона, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у Владимірскихъ воротъ.

Желающіе выписывать книги, или св. иконы и изображенія на бумагѣ съ св. Аѳонской горы, Пантелеимонова монастыря, благоволятъ адресовать такъ:

Въ г. *Одессу*, на Аѳонское подворье, довѣренному Русскаго Пантелеимонова монастыря, для пересылки на Аѳонъ, Настоятелю онаго монастыря, Архимандриту Андрею съ братіею.

Цѣна 1 р. 40 к., съ пересылкой 1 р. 65 к.

ССІХ

7/19